

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC - THEORETICAL JOURNAL

2025

ТOM 11

№ 2

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

25042 >

Print ISSN 2587-6953
Online ISSN 2782-5868

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2025. Том 11. № 2

Сквозной номер выпуска – 42

NEOPHILOLOGY

2025, volume 11, no. 2

16+

Политика журнала

Научно-теоретический журнал «Неофилология» – один из немногих в мире периодических изданий, предназначенных для обсуждения теоретических и практических проблем в области современной гуманитаристики. Отличительной особенностью журнала является разнообразная тематика статей, направленных на обсуждение актуальных вопросов в области традиционной и когнитивной лингвистики, теории текста и дискурса, речевой деятельности общества, межкультурной коммуникации, интернет-дискурса и языковой личности, что отражает «моментальный снимок» развития гуманитарной парадигмы XXI века – взгляд на язык, познание, культуру и сферы жизни общества как базовый гештальт образа современной неофилологической мысли. В своей издательской части концепция журнала опирается на русский язык, что обосновано ролью русского языка в сотрудничестве и взаимопонимании при освоении и присвоении человеческой культуры на межнациональном и глобальном уровнях. Русский язык укрепляет российское государство и одновременно является неотъемлемой и важнейшей частью национальной культуры, отражающей историю русского народа и его духовные искания.

Цели и задачи

Цели журнала – широкое освещение новых направлений развития филологической науки, научных достижений гуманитарной направленности в современном многополярном мире; содействие сохранению и развитию русского языка в отечественных и зарубежных СМИ и в сети Интернет.

Важнейшими задачами являются не только распространение результатов научных исследований в области современного гуманитарного знания, но и создание платформы для научного диалога и дискуссий, которые ведутся вокруг языка и когниции, языковой картины мира и динамики её фрагментов, а также развития интереса российских и зарубежных учёных к этим проблемам в связи с практикой применения результатов исследований в осмыслении проблем взаимоотношения вербального и невербального в языке и когниции.

К публикации принимаются оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках.

Авторами являются учёные из российских научных и образовательных организаций, а также из стран СНГ, БРИКС, ближнего и дальнего зарубежья.

Все статьи проходят проверку в программе «**Антиплагиат**» и **двойное слепое рецензирование** членами редколлегии и внешними экспертами, отобранными редакцией.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

Индексирование, представлен в каталогах DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ, ResearchBib, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка».

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **5.9.1** – Русская литература и литературы народов Российской Федерации; **5.9.3** – Теория литературы; **5.9.5** – Русский язык. Языки народов России; **5.9.6** – Языки народов зарубежных стран (германские языки); **5.9.9** – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки); **5.10.1** – Теория и история культуры, искусства (культурология).

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Издаётся с марта 2015. **Периодичность:** 4 раза в год.

Государственная регистрация: Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70137 от 16 июня 2017 г.

DOI: 10.20310/2587-6953

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции: 8(4752)72-34-34 доб. 0440

Электронная почта редакции: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru

Веб-сайт: <https://neophilology.elpub.ru>

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Щербак Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; профессор кафедры русского языка и общего языкознания, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, ant_scherbak@mail.ru

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР: Мызников Сергей Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики, Институт Славяноведения РАН, г. Москва; заведующий отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН; профессор, РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, myznikovs@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Ильина Ирина Валерьевна, ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, irina.ilyina@list.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агманова Атиркуль Егембердиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Республика Казахстан, agmanova@mail.ru

Акматалиев Абдылдажан Амантурович, действительный член Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор филологических наук, профессор, директор Института языка и литературы им. Ч. Айтматова, Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика, melis.a.-50@mail.ru

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научного центра «Русская литература и христианская традиция», Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Российская Федерация, Lanfra87@mail.ru

Бабакулов Исмаил Туркманович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания языков, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, Ургутский филиал, г. Ургут, Самаркандская область, Республика Узбекистан, ismailbabakulov@mail.ru

Бирюков Сергей Евгеньевич, доктор культурологии, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительного литературоведения и креативных практик, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, sibirjukov@gmail.com

Гегелова Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, mikhail0001@mail.ru

Григорьева Елена Ивановна, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой управления и экономики культуры, Московский государственный институт культуры, г. Москва, Российская Федерация, grigorev_tmb@list.ru

Зверева Екатерина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, katya9_2001@mail.ru

Ильченко Сергей Николаевич, доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, s.ilchenko@spbu.ru

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ivaleon@mail.ru

Накано Юкио, доктор филологических наук, ассистентный профессор факультета глобальных и региональных исследований, Университет Досея, г. Киото, Япония, yunakano@mail.doshisha.ac.jp

Новикова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Российская Федерация, novikova58@bk.ru

Осмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация, osmukhina@inbox.ru

Пронина Людмила Алексеевна, доктор философских наук, профессор, директор, Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина, г. Тамбов, Российская Федерация, Pronina.Luda2014@yandex.ru

Прохоров Андрей Васильевич, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, proh_and@rambler.ru

Рацибурская Лариса Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, racib@yandex.ru

Розенберг Наталья Владимировна, доктор философских наук, доцент. Пензенский государственный университет (г. Пенза, Российская Федерация), заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций, Elya@sura.ru

Смеюха Виктория Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, г. Симферополь, Российская Федерация, smeyha@yandex.ru

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, suprun@vspu.ru

Сысоев Павел Викторович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры иноязычного образования Института международного образования, Московский педагогический государственный университет, г. Москва; руководитель Тамбовского Научного центра Российской академии образования, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, psysoyev@yandex.ru

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы гуманитарных наук, Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, г. Павлодар, Республика Казахстан, zifakakbaevna@mail.ru

Трофимова Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, gnt@mail.ru

Урюпин Игорь Сергеевич, доктор филологических наук, доцент. Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, isuryupin78@mail.ru

Фурс Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, liudmila.furs@gmail.com

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, xworowa.mila@yandex.ru

Черникова Наталия Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская область, Российская Федерация, chernikvanat@mail.ru

Чжан Цзе, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика, z-jie1016@hotmail.com

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, sharandin@list.ru

Шемчук Юлия Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, shemchuk.j@mail.ru

Шестерина Алла Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заместитель декана по научной работе Высшей школы (факультета) телевидения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, shesterina8@gmail.com

The mission of the journal

The scientific-theoretical journal “Neophilology” is one of the world’s few periodicals designed to discuss theoretical and practical problems in the field of modern humanities. The distinctive feature of the journal “Neophilology” is its diverse subject matter of articles aimed at the discussion of relevant problems in the field of traditional and cognitive linguistics, text and discourse theory, society’s speech activity, intercultural communication, Internet discourse and linguistic personality, which represents the “snapshot” of the development of the humanitarian paradigm of the XXI century – a view on language, cognition, culture, and spheres of social life as the basic gestalt of the image of modern neophilological thought. In its publishing part, the journal’s concept is based on the Russian language, which is substantiated by the role of the Russian language in cooperation and mutual understanding during exploration and appropriation of human culture on international and global levels. The Russian language strengthens the Russian state, and at the same time it is an integral and most important part of national culture that reflects the history of Russian people and their spiritual quest.

Aim and Scope

The goals of the journal are to broadly cover new directions of the development of philological science, including those of an interdisciplinary nature, new scientific accomplishments of the humanities direction in the modern multipolar world; to assist the preservation and development of the Russian language in domestic and foreign media and on the Internet.

The most important tasks of the journal are not only to disseminate the results of scientific research in the area of modern humanitarian knowledge but also to create a platform for scientific dialogue and debates that take place around language and cognition, linguistic worldview and the dynamics of its fragments, as well as the development of interest of Russian and foreign scientists to these problems in connection with the practice of applying the results of research in understanding the problems of the relationship between the verbal and non-verbal in language and cognition.

Original articles by Russian and foreign authors in Russian and English are accepted for publication.

The authors are scientists from Russian scientific and educational organizations, as well as from the CIS countries, BRICS countries, near and far abroad.

All articles are **double-blind peer-reviewed** by members of the editorial board and external experts selected by editorial.

Business model: journal’s financing is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

Indexed by the DOAJ, Ulrich’s Periodicals Directory, RSCI, ResearchBib, Scientific Electronic Library “eLIBRARY.RU”, Electronic Library “CyberLeninka”.

Themes of the journal. Three main types of works are published: review scientific articles, original articles, reviews of monographs.

The main **headings** of the journal are:

Paradigms of Languages and Modern Linguistics

Literature Map in Persons, Facts, Events

Modern Media Text and Internet Discourse

Intercultural Communication: National Identity

Ideas of Young Scientists

Reviews

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Derzhavin Tambov State University” (33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Published since March 2015. **Issued** 4 times a year.

State Registration: Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). The mass media registration certificate ПИ no. ФС77-70137 of June 16, 2017

DOI: 10.20310/2587-6953

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 add 0440

E-mail: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru

Web-site: <https://neophilology.elpub.ru>

EDITOR-IN-CHIEF: Antonina S. Shcherbak, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Professor of Russian Language and General Linguistics, Samarkand State University named after Sharof Rashidov, Samarkand, Republic of Uzbekistan, ant_scherbak@mail.ru

SCIENTIFIC EDITOR: Sergey A. Myznikov, Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Philology), Chief Research Scholar of Center for Areal Linguistics, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Head of Dialect Lexicography and Linguogeography of Russian Language Department, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; Professor, Herzen University, St. Petersburg, Russian Federation, myznikovs@rambler.ru

EXECUTIVE EDITOR: Irina V. Ilyina, Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, irina.ilyina@list.ru

EDITORIAL BOARD

Valeria G. Andreyeva, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Leading Research Scholar of Scientific Center "Russian Literature and Christian Tradition", A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Science (IWL RAS), Moscow, Russian Federation, Lanfra87@mail.ru

Sergey E. Biryukov, Dr. Sci. (Cultural Studies), Cand. Sci. (Philology), Leading Research Scholar of the Scientific Laboratory of Comparative Literary Behavior and Creative Practices, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, sibirjukov@gmail.com

Natalia V. Chernikova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov region, Russian Federation, chernikvanat@mail.ru

Lyudmila A. Furs, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, liudmila.furs@gmail.com

Natalia S. Gegelova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Mass Communications Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, mikhail0001@mail.ru

Elena I. Grigoreva, Dr. Sci. (Cultural Studies), Professor, Head of Management and Economics of Culture Department, Moscow State Institute of Culture. Moscow, Russian Federation, grigorev_tmb@list.ru

Sergey N. Ilchenko, Dr. Sci. (Philology), Candidate of Art History, Associate Professor, Professor of "Higher School of Journalism and Mass Communications" Institute, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, s.ilchenko@spbu.ru

Zhang Jie, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language and Literature Department, Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China, z-jie1016@hotmail.com

Liudmila E. Khvorova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, xworowa.mila@yandex.ru

Ivan V. Leonov, Dr. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of Culture Department, Saint-Petersburg State University of Culture, St. Petersburg, Russian Federation, ivaleon@mail.ru

Olga N. Novikova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Foreign Languages Department, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russian Federation, novikova58@bk.ru

Olga Yu. Osmukhina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Russian and Foreign Literature Department, National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, osmukhina@inbox.ru

Andrey V. Prokhorov, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, proh_and@rambler.ru

Lyudmila A. Pronina, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Director, Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin, Tambov, Russian Federation, Pronina.Luda2014@yandex.ru

Larisa V. Ratsiburskaya, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Modern Russian Language and General Linguistics Department, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, racib@yandex.ru

Natalya V. Rozenberg, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Head of Philosophy and Social Communication Department, Penza State University, Penza, Russian Federation, Elya@sura.ru

Anatoliy L. Sharandin, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, sharandin@list.ru

Yuliya M. Shemchuk, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Linguistics and Professional Communication in the Humanities and Applied Sciences Department, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, shemchuk.j@mail.ru

Alla M. Shesterina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Deputy Dean for Research of the Higher School (Faculty) of Television Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, shesterina8@gmail.com

Viktoriya V. Smeyukha, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Journalism Department, Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russian Federation, smeyha@yandex.ru

Vasiliy I. Suprun, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language and Methods of Teaching Russian Language Department, Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, suprun@vspu.ru

Pavel V. Sysoyev, Dr. Sci. (Education), Professor, Professor of the Department of Foreign Language Education, Institute of International Education, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation; Head of the Tambov Scientific Center of the Russian Academy of Education, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, psysoyev@yandex.ru

Zifa K. Temirgazina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Higher School of Humanities, Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Pavlodar, Republic of Kazakhstan, zifakakbaevna@mail.ru

Galina N. Trofimova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Mass Communications Department, Peoples Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, gnt@mail.ru

Igor S. Uryupin, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Russian Literature of the 20th – 21st centuries Department, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, isuryupin78@mail.ru

Nakano Yukio, Dr. Sci. (Philology), Assistant Professor of Faculty of Global and Regional Studies, Doshisha University, Kyoto, Japan, yunakano@mail.doshisha.ac.jp

Ekaterina A. Zvereva, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, katya9_2001@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS	230
----------	-----

ПАРАДИГМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

Черникова Н.В. Стилистические функции односоставных глагольных предложений в газетном дискурсе	232
Кузнецова Е.В., Бортникова Т.Г. Семантические и этимологические характеристики английских глаголов, описывающих чувственную и эмоциональную деятельность человека	242
Петешова О.В. Сравнительный анализ мемориальных ойконимов и урбанонимов Калининградской области в историко-лингвистическом аспекте	249
Кузнецова Е.В. Основа <i>кундюб</i> - в русских говорах: семантика и версии этимологии	259
Сергеева А.М., Моисеева Л.С. Языковые особенности молодёжной интернет-коммуникации	273

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА В ЛИЦАХ, ФАКТАХ, СОБЫТИЯХ

Козлов И.В. Поэтическое творчество Ф.Ф. Филимонова в контексте формирующейся уральской поэтической культуры рубежа XIX–XX вв.	283
Овчаренко А.Ю., Конькова С.А. Синестезия в ранней лирике В.В. Набокова. Постановка проблемы	296
Шатовкина А.А. Осмысление литературной среды Берлина и Праги в стихотворении М.И. Цветаевой «Луна – лунатику»: субъектно-образный план	307
Гончаров П.А. «Мягкая плоть трудовой земли»: жанровая специфика «Оды русскому огороду» В. Астафьева	320
Куряев И.Р. Эсхатологический сюжет в творчестве И. Масодова	335
Дементьева М.А. Специфика авторского осмысления Великой Отечественной войны в прозе П.Ф. Алёшкина	346

СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАТЕКСТ И ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС

Розенберг Н.В., Питерова А.Ю. Методы анализа целевой аудитории в digital-маркетинге: от сегментации до CJM	360
Меркушина Е.А. Механизмы взаимодействия с аудиторией в новых медиа	373
Лаптиева Д.К. Сетевое интервью в прямом эфире: форматы и особенности коммуникации	389
Музыкант В.Л., Янь Яогуан. Противостояние фейкам на китайских социальных платформах: коммуникационные особенности Weibo и Wechat	400
Харитонов С.В. Детская газета в цифровой медиасреде: особенности и стратегии продвижения контента	418

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

- Феодосий (Сергей Иванович Васнев), митрополит Тамбовский и Рассказовский.**
Почитание преподобной Марфы (Апариной) в Тамбовской митрополии 428

ИДЕИ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

- Тамазян В.А.** Функционирование местоимений в объективации языковой личности
М. Полознева (на материале повести А.П. Чехова «Моя жизнь») 440
- Сыцзя Шао.** Рецепция творчества В.М. Шукшина в Китае: проблемы изучения и влияния 452
- Чаурова В.А.** Добро, Зло и человек: трансформация мистических мотивов в малой прозе
Ю. Мамлеева 465
- Лю Итун, Ван Синь.** Интерпретация научно-фантастического романа В. Пелевина
«Transhumanism Inc.» с точки зрения «природы-текста» 477
- Ваккер П.А.** Теоретические особенности интеграции медиацентров в условия развития
современных школ 492

РЕЦЕНЗИИ

- Дубова М.А.** Рецензия на монографию: Темиршина О.Р. Егор Летов: язык и мир. Опыт
психолингвистического подхода к поэзии. Санкт-Петербург: Издательско-Торговый Дом
«Скифия», 2024. 608 с. 503
- Агманова А.Е.** Рецензия на учебник: Сулейменова Э., Алтынбекова О., Екшембеева Л.,
Сабитова З. Морфология современного русского языка. Алматы: Қазақ университеті, 2024. 378 с. 511

CONTENTS

PARADIGMS OF LANGUAGES AND MODERN LINGUISTICS

Chernikova N.V. Stylistic functions of one-member verb sentences in newspaper discourse	232
Kuznetsova E.V., Bortnikova T.G. Some semantic and etymological characteristics of English verbs describing sensual and emotional activity of a person	242
Peteshova O.V. Comparative analysis of memorial oconyms and urbanonyms of the Kaliningrad region in historical and linguistic context	249
Kuznetsova E.V. Kundyub- basis in Russian dialects: semantics and versions of etymology	259
Sergeeva A.M., Moiseeva L.S. Linguistic features of youth internet communication	273

LITERATURE MAP IN PERSONS, FACTS, EVENTS

Kozlov I.V. Poetic creativity of F.F. Filimonov in the context of the emerging Ural poetic culture of the turn of the 19th–20th centuries	283
Ovtcharenko A.Yu., Konkova S.A. Synesthesia in the early lyrics of V.V. Nabokov. Problem statement	296
Shatovkina A.A. Comprehension of the literary environment of Berlin and Prague in M.I. Tsvetaeva's poem "The Moon to a Sleepwalker": subject-image plan	307
Goncharov P.A. "The soft flesh of the labor land": Genre specificity of "Ode to the Russian vegetable garden" V. Astafyev	320
Kuryaev I.R. Eschatological plot in the work of I. Masodov	335
Dementieva M.A. Specificity of author's comprehension of the Great Patriotic War in the prose of P.F. Aleshkin	346

MODERN MEDIA TEXT AND INTERNET DISCOURSE

Rosenberg N.V., Piterova, A.Yu. Methods of target audience analysis in digital marketing: from segmentation to CJM	360
Merkushina E.A. Mechanisms of interaction with the audience in new media	373
Laptieva D.K. Live online interview: formats and features of communication	389
Muzykant V.L., Yan Yaoguang. Countering Fake News on Chinese Social Platforms: Communication Features of Weibo and WeChat	400
Kharytonova S.V. Children's newspaper in the digital media environment: features and strategies for promoting content	418

INTERCULTURAL COMMUNICATION: NATIONAL IDENTITY

Theodosius (Sergey Ivanovich Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo. Veneration of St. Marfa (Aparina) in the Tambov Archdiocese	428
---	-----

IDEAS OF YOUNG SCIENTISTS

Tamazyan V.A. Pronouns functioning in the objectification of the linguistic personality of M. Poloznev (based on the story by A.P. Chekhov “My Life”)	440
Sijia Shao. Reception of V.M. Shukshin’s creative work in China: problems of study and influence	452
Chaurova V.A. Good, Evil, and man: transformation of mystical motifs in Yu. Mamleev’s prose	465
Liu Yitong, Wang Xin. Interpretation of the science fiction novel by V. Pelevin “Transhumanism Inc.” in terms of “nature-text”	477
Vakker P.A. Theoretical features of the integration of media centers in the conditions of modern schools development	492

REVIEWS

Dubova M.A. Monograph review: Temirshina O.R. Egor Letov: Language and World. An Experience of a Psycholinguistic Approach to Poetry. St. Petersburg, Publishing and Trading House “Skifiya”, 2024, 608 p.	503
Agmanova A.E. Review of the textbook: Suleimenova E., Altynbekova O., Ekshembееva L., Sabitova Z. Morphology of the modern Russian language. Almaty, Kazakh University, 2024, 378 p.	511

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81-119

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-232-241>

Шифр научной специальности 5.9.5

Стилистические функции односоставных глагольных предложений в газетном дискурсе

Наталья Владимировна Черникова

ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»

393760, Российская Федерация, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

 chernikovanat@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения языковых средств газетного дискурса, являющегося неотъемлемой частью современного медиа-информационного пространства. Цель работы – выявить типы односоставных глагольных предложений, употребляющихся в языке газеты, определить частотность разных типов и проанализировать их стилистические функции в газетных текстах. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материал исследования – публикации газеты «Аргументы и факты». Используются метод сплошной выборки, статистический метод, методы структурно-семантического и функционально-стилистического анализа языковых единиц, контекстуальный анализ. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлено 455 односоставных глагольных предложений; определена частотность их типов. Установлено, что в газетных публикациях в наибольшем количестве представлены безличные конструкции, за ними следуют определённо-личные и неопределённо-личные, частотность которых в языке газеты примерно одинаковая. Четвёртое место занимают инфинитивные предложения. Минимальным количеством представлены обобщённо-личные конструкции. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Определённо-личные предложения активны в языке газеты как источник лаконизма, динамичности, выразительности. Неопределённо-личные предложения придают газетным текстам живость и лёгкость, акцентируют внимание читателя на действии без упоминания субъекта. Обобщённо-личные конструкции используются с целью вовлечения читателя в описываемые события, «обобщения» автора с аудиторией. Безличные предложения прежде всего характерны для жанра интервью, который передаёт особенности устной речи. Инфинитивные предложения используются с целью передачи речи собеседника в диалоге и суждений автора публикации; для воспроизведения афористического высказывания; для привлечения внимания читателей к содержанию статьи в составе подзаголовка; для привлечения внимания потенциальных потребителей в рекламных текстах.

Ключевые слова: газетный дискурс, стилистические функции, определённо-личные предложения, неопределённо-личные предложения, обобщённо-личные предложения, безличные предложения, инфинитивные предложения

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Н.В. Черникова – дизайн и организация исследования, сбор эмпирических данных, анализ результатов эмпирического исследования, написание черновика рукописи, оформление рукописи статьи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Н.В. Черникова является членом редакционной коллегии журнала «Неофилология», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования: Черникова Н.В. Стилистические функции односоставных глагольных предложений в газетном дискурсе // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 232-241. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-232-241>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-232-241>

OECD 6.02; ASJC 1203

Stylistic functions of one-member verb sentences in newspaper discourse

Natalia V. Chernikova

Michurinsk State Agrarian University

101 Internationalnaya St., Michurinsk, 393760, Tambov region, Russian Federation

 chernikovanat@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The relevance of the study is substantiated by the necessity of studying the means of newspaper discourse which is an integral part of the modern media and informational space. The purpose of the study is to identify the types of one-member verb sentences used in the newspaper language, determine the frequency of different types and analyze their stylistic functions in newspaper texts. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is the publications of the newspaper “Arguments and Facts”. The methods used are the method of solid sampling, statistical method, methods of structural-semantic and functional-stylistic analysis of linguistic units, contextual analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** 455 one-member verb sentences are identified; the frequency of their types is determined. It is found that in newspaper publications impersonal constructions are presented in the greatest number, followed by definite-personal and indefinite-personal, the frequency of which in the newspaper language is approximately the same. The fourth place is occupied by infinitive sentences. The minimum number of generalized-personal constructions is represented. **CONCLUSION.** Definite-personal sentences are active in the newspaper language as a source of brevity, dynamism, expressiveness. Indefinite-personal sentences make newspaper texts lively and light, emphasize the reader's attention to the action without mentioning the subject. Generalized-personal constructions are used to involve the reader in the described events, “generalization” of the author with the audience. Impersonal sentences are primarily characteristic of the interview genre, which conveys the features of oral speech. Infinitive sentences are used to convey the speech of the interlocutor in a dialog and the judgments of the author of the publication; to reproduce an aphoristic statement; to attract the readers' attention to the content of the article as part of the subheading; to attract the attention of potential consumers in advertising texts.

Keywords: newspaper discourse, stylistic functions, definite-personal sentences, indefinite-personal sentences, generalized-personal sentences, impersonal sentences, infinitive sentences

Funding. This research received no external funding.

Conflict of Interests. N.V. Chernikova is a member of the journal's editorial board of the journal “Neophilology”, but has nothing with decision to publish this article. The article passed the journal's peer review procedure. The author declares no other conflicts of interests.

Author's Contribution: N.V. Chernikova – research design and organisation, empirical data collection, empirical study results analysis, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

For citation: Chernikova, N.V. Stylistic functions of one-member verb sentences in newspaper discourse. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):232-241. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-232-241>

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной грамматике вопрос о сущности односоставных, в том числе глагольных, предложений, о признании их отдельным структурно-семантическим типом решается по-разному. Так, представители логического направления (А.Х. Востоков¹, Ф.И. Буслаев²) и сторонники теории «принципиальной двусоставности русского предложения» (Г.А. Золотова, Н.К. О니пенко, М.Ю. Сидорова³ и др.) отрицают само явление «односоставности» в русском языке. Однако большинство современных исследователей, чьё мнение мы разделяем, признают односоставные конструкции⁴ самостоятельным структурно-семантическим типом простых предложений [1; 2]. Вместе с тем вопрос о выделении различных типов односоставных, в том числе глагольных, предложений⁵ был и остаётся дискуссионным [2; 3]. И.Б. Авдеева справедливо отмечает: «...до сих пор нет единого мнения относительно структуры и лексического наполнения довольно распространённых односоставных предложений, к которым причисляются номинативные, инфинитивные, безличные, неопределённо-личные и т. п.» [4, с. 314].

Несмотря на отсутствие единства взглядов, в традиционной отечественной грамматике выделяется пять типов односоставных глагольных предложений: определённо-личные, неопределённо-личные, обобщённо-личные, безличные, инфинитивные⁶, семан-

тические и грамматические особенности которых до сих пор вызывают оправданный интерес исследователей⁷, причём нередко в сопоставлении с их наличием/отсутствием в других языках [2; 5–7]. Такая классификация, которую мы также поддерживаем, представлена в вузовских и школьных учебниках, за исключением инфинитивных предложений, которые в школьном курсе синтаксиса рассматриваются как разновидность безличных. В последние годы школьные учебники русского языка «отказались» ещё от одного типа односоставных глагольных предложений – обобщённо-личных, включив их в состав определённо-личных конструкций, что, на наш взгляд, делать нецелесообразно, с чем согласны многие учителя-словесники [8–11].

Односоставные глагольные предложения имеют богатые стилистические возможности и широко используются в разных дискурсах и текстах всех функциональных стилей. Для каждого типа односоставного предложения характерна определённая функционально-стилистическая и/или экспрессивно-стилистическая значимость, а также прикреплённость к той или иной речевой сфере, в которой каждый тип выполняет разнообразные функции [12, с. 195]. Весьма частотны односоставные глагольные конструкции в медиаинформационном пространстве, в частности в газетном дискурсе, основная задача которого «воздействовать на читателей, убедить в своей позиции, оценке того или иного вопроса в различных сферах современного общества» [13, с. 42]. Выполняя различные функции – дискурсивные (информирующая, комментирующая, воздействующая, рекламная) и коммуникативные (эмотивная, экспрессивная, конативная, фатическая и др.) [14, с. 10], газетный дискурс использует разнообразные языковые средства, в том числе разные типы синтаксических конструкций, которые привлекают внимание аудитории, заставляют её активно реагировать на получаемую информацию.

¹ Востоков А. Русская грамматика Александра Востокова: По начертанию его же сокращённой грамматики полнее изложенная. Москва: Книга по Требованию, 2019. 428 с.

² Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: в 2 ч. Москва: Юрайт, 2025. Ч. 2. 335 с.

³ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: Наука, 2004. 544 с.

⁴ Гофман О.В. Односоставные предложения в русском, английском и немецком языках в сопоставительном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 26 с.

⁵ Там же.

⁶ См. об этом, напр.: Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учеб. пособие для студ. филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. Москва: Высш. шк., 1974. 160 с.; Валгина Н.С.

Современный русский язык: Синтаксис. Москва: Высш. шк., 2003. 416 с.

⁷ Гофман О.В. Односоставные предложения в русском, английском и немецком языках в сопоставительном аспекте.

Цель исследования – выявить типы односоставных глагольных предложений, употребляющихся в газетном дискурсе, определить частотность разных типов односоставных глагольных конструкций и проанализировать их стилистические функции в газетных текстах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материал исследования – публикации одного номера газеты «Аргументы и факты» за 2024 г., включающего 24 страницы. В ходе анализа языкового материала используются метод сплошной выборки, статистический метод, методы структурно-семантического и функционально-стилистического анализа языковых единиц, контекстуальный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методом сплошной выборки выявлено 455 односоставных глагольных предложений. Частотность всех типов односоставных глагольных конструкций (в порядке убывания их количества) представлена в табл. 1.

Данные табл. 1 показывают, что в газетных публикациях в наибольшем количестве представлены безличные конструкции, за ними следуют определённо-личные и неопределённо-личные предложения, частотность которых в языке газеты примерно одинаковая. Четвёртое место в количественном отношении занимают инфинитивные предложения. Минимальным количеством представлены обобщённо-личные предложения.

Выявленная частотность употребления всех типов односоставных глагольных конструкций в языке газеты объясняется их неоднозначным стилистическим потенциалом и разными функциями, которые они выполняют в газетных текстах. Многие односоставные предложения «обладают выраженными экспрессивными качествами, динамичностью, способностью приблизить печатный текст к разговорному, подчиняясь закону экономии речевых средств, свойственному устной речи» [15]. Газетный дискурс допускает использование наибольшего количества

такого рода конструкций. Проанализируем их стилистические функции.

Определённо-личные предложения (111 употреблений) активно используются в языке газеты как источник лаконизма, выразительности, экспрессивности. Главный член (предикат) в подобных конструкциях условно допускает к себе «предопределённый» контекстом субъект действия, что и позволяет не включать его в текст. В языке газеты определённо-личные предложения используются в следующих случаях.

1. В кратких репликах с глаголом в форме 1-го или 2-го лица, единственного или множественного числа: [журналист В. Полупанов:] **Не могу понять** одного (с. 3)⁸; [командир роты подразделения «Сомали»:] **В сторону не вздумайте отступить** (с. 5).

2. В первой части сложноподчинённых или бессоюзных сложных предложений (при этом определённо-личные конструкции, как правило, ничем не распространены): [доцент базовой кафедры финансового контроля,

Таблица 1. Односоставные глагольные предложения в языке газеты

Table 1. One-sentence verb sentences in the language of a newspaper

№ п/п	Тип предложения	Количество
1	Безличные предложения	175
2	Определённо-личные предложения	111
3	Неопределённо-личные предложения	97
4	Инфинитивные предложения	69
5	Обобщённо-личные предложения	3
Всего		455

Источник: посчитано и составлено автором по текстам: Аргументы и факты. 2024. № 6.

Source: calculated and compiled by the author based on texts of: Arguments and Facts, 2024, no. 6.

⁸ Здесь и далее цитируются публикации: Аргументы и факты. 2024. № 6. В скобках указывается цитируемая страница.

анализа и аудита ГКУ Москвы РЭУ им. Плеханова Ю. Коваленко:] *Допускаю, что сектору ЖКХ необходимы и госсубсидии, например для компенсации расходов по статье «текущее содержание многоквартирных домов»* (с. 6); [член комитета по ЖКХ К. Крохин:] *Повторю, у нас статистика, в которой чёрт ногу сломит* (с. 6); [депутат Майминского районного совета депутатов (Республика Алтай) В. Лавинишникова:] *Напомню: у нас бюджет-то дотационный* (с. 8). Назначение таких синтаксических структур – «апелляция к ранее изложенным (или известным читателю) фактам либо отражение авторской (или иной) точки зрения, т. е. приближение изложения к разговорной речи» [15].

3. В простых распространённых предложениях с целью отражения авторского суждения, оценки: [скрипач В. Репин:] *Люблю посмотреть на красивую игру футболистов, теннисистов* (с. 21).

4. В простых осложнённых предложениях, стилизующих повествование под разговорную речь: [журналист Д. Григорьев:] *Загоняем машину под крышу ангара и дальше идём пешком* (с. 5).

5. В газетных заголовках, придавая им особую экспрессию. «Подразумеваемый» субъект «определяется лексическим значением предиката, имплицитно содержащим указания на него» [16]: *Ждём хороших новостей от Артёма* (с. 20).

Особенно частотны определённо-личные предложения в рекламных текстах газеты: *Не откладывайте заботу о своём здоровье на потом; Не доводите свой недуг до операции или инвалидности; Позвольте себе наслаждаться каждым моментом жизни без болей и ограничений* (с. 11, реклама медицинского физиотерапевтического аппарата «Надежда»); *Нарежьте идеальными кусочками картофель-фри или другие овощи: морковь, лук, тыкву, огурец* (с. 4, реклама картофеля-фри); *Приготовьте идеальные пельменки, вареники, мини-чебуреки* (с. 4, реклама пельменницы).

Определённо-личные конструкции «придают тексту большую энергичность, динамичность и делают его более лаконичным»

[17, с. 57]. Эти качества отвечают требованиям рекламного текста, что объясняет частотность употребления именно данного типа односоставных предложений в рекламе. В рекламных текстах предикат определённо-личной конструкции может быть выражен:

– глаголом (с модальным словом или без него) в форме 1-го или 2-го лица, единственного или множественного числа, настоящего или будущего времени: *Кладёте в формы тесто, начинку и нажимаете на кнопку* (с. 4, реклама пельменницы); *С пилой сможете распилить дрова, обновить деревья или кусты в саду* (с. 4, реклама цепной пилы);

– глаголом в форме 2-го лица, множественного числа, повелительного наклонения: *Тренируйте мышцы ног и рук в любом месте!* (с. 4, реклама мини-велотренажёра); *Прочитайте самый мелкий шрифт на этикетке!* (с. 4, реклама очков);

– глаголом в форме 1-го лица, множественного числа: *Если аппарат не поможет – вернём деньги!* (с. 11, реклама медицинского физиотерапевтического аппарата «Надежда»); *В феврале дарим скидку 11 % – на второй товар, и на последующие товары!* (с. 4, реклама разных товаров).

Неопределённо-личные предложения (97 употреблений) характеризуются «подчёркнутой глагольностью», которая определяет их основную функцию – «придание публицистическому тексту живости и лёгкости, постановка логического акцента на действие без упоминания субъекта» [15]. Такие конструкции в языке газеты используются в следующих случаях.

1. В качестве простого неосложнённого предложения: [президент РФ:] *Нам предрекли крах* (с. 2); [член комитета по ЖКХ К. Крохин:] *Но цифру [сумма долга за услуги ЖКХ] выпячивают на протяжении многих лет* (с. 6).

2. В качестве простого осложнённого предложения: [журналист Г. Иванов:] *Андрею Данилко, выступающему под псевдонимом Верка Сердючка, запретили въезд в Объединённые Арабские Эмираты* (с. 10).

3. В составе сложноподчинённого предложения, в котором неопределённо-личная часть является:

а) либо главной: [журналисты С. Леонов и Г. Иванов:] *Награждать* им [орденом «За доблестный труд»] *будут* как отдельных передовиков, так и целые коллективы за заслуги в трудовой деятельности, которая направлена на укрепление и развитие экономики и обороны страны (с. 2);

б) либо придаточной: [журналист В. Полупанов:] *Пробу, в которой нашли препарат триметазидин, фигуристка* [Камила Валиева] *сдала ещё в декабре 2021-го* (с. 3).

4. В составе сложного предложения, состоящего из нескольких неопределённо-личных конструкций: [тренер А. Жулин:] *Над ней* [Камилой Валиевой] *ведь ещё во время Олимпиады стали издеваться, таскали её на какие-то непонятные заседания* (с. 3); [журналист Г. Иванов:] *Голубя заподозрили в шпионаже в пользу КНР, отправили в спецпитомник, а полиция приступила к поиску «сообщников»* (с. 10).

5. В качестве заголовков газетных статей: *Где ещё платят за доносы?* (с. 8).

«Большинство неопределённо-личных предложений используется в фактуальных новостных заголовках. Кроме того, такая синтаксическая структура в наибольшей степени соответствует нормам разговорного стиля, который сейчас активно внедряется в публицистику, поскольку сближает автора текста и читателя. Благодаря этому новостной текст становится более живым...» [18, с. 140]. «Семантический центр в подобных заголовках приходится на комплексное описание события, представленное в заголовке предикатом» [16].

Обобщённо-личные предложения в проанализированных газетных публикациях представлены в минимальном количестве (3 употребления). Обладая большим экспрессивным потенциалом и выражая афористические суждения, они широко используются в разговорном стиле и художественной речи, хотя для них открыт и публицистический, в частности газетный, дискурс.

Употребление обобщённо-личных конструкций «как бы вовлекает читателя в описываемые события, автор «обобщает» себя с аудиторией» [15]: [скрипач В. Репин:] *Чем больше знаешь, тем больше хочется* (с. 21).

Такие структуры передают речь героя публикации, который, обобщая собственные суждения, словно «говорит за всех»: [скрипач В. Репин:] *Взгляды, шорохи, особенно когда играешь очень интимное сочинение... С годами стараешься докопаться до других уровней* (с. 21). Обобщение в таких конструкциях придаёт суждениям большую объективность.

Активность **безличных предложений** (175 употреблений) обусловлена большими стилистическими возможностями, разнообразными экспрессивными оттенками, заключёнными в них. Прежде всего безличные предложения характерны для жанра интервью, который передаёт особенности устной речи: [тренер А. Жулин:] *Вопросы надо задавать ВАДА (Всемирное антидопинговое агентство. – Ред.) и другим крючкомтворам от спорта... Но, повторюсь, нам надо на международном уровне себя так поставить, чтобы с нами считались* (с. 3).

Активно употребляются малоинформативные безличные конструкции, которые нередко входят в состав сложноподчинённых предложений в качестве главной части: *Неудивительно, что в поисках идеи наши учёные обратились именно к архивам кафедры [физиотерапии при университете им. И.И. Мечникова], и не зря* (с. 11); [журналист А. Перкова:] *Отдельно стоит упомянуть, что нижегородцы с мая по декабрь сообщили о более чем 600 пьяных нарушениях* (с. 8).

В проанализированных газетных текстах выявлены следующие значения безличных конструкций, многие из которых носят разговорный характер:

– безличные конструкции со значением возможности/невозможности какого-либо действия: [журналист Г. Иванов:] *За нарушение закона об общественной порядочности легко можно оказаться в руках арабского правосудия* (с. 10); [журналист С. Куликов:] *Обвинить народ в наплевательском отношении к обязанности вовремя оплачивать «коммуналку», пожалуй, не получится* (с. 6);

– безличные конструкции со значением необходимости или вынужденности: [командир роты подразделения «Сомали»:] *Позиции*

оборудовать пришлось под плотным огнём противника... (с. 5); [тренер А. Жулин:] *Но если говорить глобально, надо пытаться играть на опережение, как это делают западные страны, их СМИ, ВАДА и т. д.* (с. 3);

– безличных конструкции со значением отрицания: [журналист В. Полупанов:] *Но нельзя же просто молчать* (с. 3); *Не нужно махать рукой на себя и отчаиваться!* (с. 5, реклама лечебного крема);

– сложноподчинённые конструкции, в которых одна из предикативных частей отрицательная, а другая – утвердительная: [член комитета по ЖКХ К. Крохин:] *...Смысл их [долги] тянуть за собой, если вернуть деньги нельзя, поскольку львиная часть задолженностей приходится на компании, ставшие банкротами* (с. 6); *Больше Вам не нужно беспокоиться о высокой стоимости лечения, потому что «Надежда» делает его бесплатным для Вас!* (с. 11, реклама медицинского физиотерапевтического аппарата «Надежда»).

Инфинитивные предложения (69 употреблений) обладают большой экспрессивностью и эмоциональностью. Они составляют фонд разговорного синтаксиса, поэтому употребляются в газетных текстах, которые воспроизводят устную речь говорящего: [депутат Майминского районного совета депутатов (Республика Алтай) В. Лавинишникова:] *Вот, по-хорошему, деньги девать некуда, что ли?!* (с. 8).

Исследование показало, что в газетных публикациях инфинитивные предложения используются в следующих целях:

– для передачи речи собеседника в диалоге (интервью): [тренер А. Жулин:] *Как это сделать, не знаю* (с. 3); [депутат Майминского районного совета депутатов (Республика Алтай) В. Лавинишникова:] *...И как только тот за порог – сразу звонить в органы, сообщать, премию зарабатывать...* (с. 8);

– для передачи рассуждений автора публикации: [журналист В. Костиков:] *Запрещать или нет?* (с. 7);

– для воспроизведения афористического высказывания: [журналист С. Куликов:] *Понять и простить?* (с. 6);

– для привлечения внимания читателей к содержанию статьи в составе подзаголовка, содержащего постановку вопроса: [журналист В. Кутузова:] *Кому положены бесплатные лекарства и куда жаловаться, если вы их не можете получить* (с. 13);

– для привлечения внимания читателей, потенциальных потребителей, в рекламных текстах: *Что же делать?.. Как избавиться от большинства болезней?* (с. 11, реклама медицинского физиотерапевтического аппарата «Надежда»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ эмпирического материала, извлечённого из публикаций газеты «Аргументы и факты», показал, что глагольные односоставные предложения являются неотъемлемой частью современного газетного дискурса. Для каждого типа таких конструкций характерна определённая функционально-стилистическая и/или экспрессивно-стилистическая значимость, а также прикреплённость к той или иной речевой сфере, в которой каждый тип выполняет разнообразные функции.

Определённо-личные предложения чрезвычайно активны в языке газеты как источник лаконизма, динамичности, выразительности и экспрессивности. В частности, они употребляются в кратких репликах с глаголом-предикатом; в простых распространённых и осложнённых предложениях, нередко с целью отражения авторской позиции, суждения или оценки; в первой части сложноподчинённых и бессоюзных сложных предложений; в газетных заголовках, придавая им экспрессию. Особая частотность таких конструкций в рекламных текстах объясняется их основной задачей – привлечь внимание потенциального потребителя и воздействовать на него. Неопределённо-личные конструкции придают газетным текстам живость и лёгкость, акцентируют внимание читателя на действии без упоминания субъекта. Обобщённо-личные предложения используются с целью вовлечения читателя в описываемые события, «обобщения» автора с аудиторией; для передачи речи героя публикации, кото-

рый как будто ослабляет личностную составляющую высказывания. Безличные предложения в газетных текстах чрезвычайно активны. Это обусловлено большими стилистическими возможностями, разнообразными экспрессивными оттенками, заключёнными в них. Прежде всего они характерны для жанра интервью, который передаёт особенности устной речи. Такая активность безличных конструкций «соответствует трендам эволюции русского синтаксиса, включающим всё более широкое употребление типов безличных предложений по сравнению с другими европейскими языками, в которых происходят изменения, протекающие в противоположном направлении» [4, с. 315]. В проанализированных газетных публикациях нами выявлены следующие значения безличных конструкций, многие из которых носят разговорный характер: возможность/невозмо-

жность, необходимость или вынужденность какого-либо действия/состояния; значение отрицания. Инфинитивные предложения в газетных публикациях используются для передачи речи собеседника в диалоге (интервью); для передачи суждений автора публикации; для воспроизведения афористического высказывания; для привлечения внимания читателей к содержанию статьи в составе подзаголовка; для привлечения внимания потенциальных потребителей в рекламных текстах.

Итак, односоставные глагольные предложения обладают богатыми стилистическими возможностями, поэтому широко используются в газетном дискурсе. Функции глагольных односоставных конструкций в языке газеты обусловлены стилистическим потенциалом конкретного типа односоставного предложения.

Список источников

1. Космарская И.В., Цветаева Е.Н. Ещё раз об односоставных предложениях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 9 (801). С. 48-57. <https://elibrary.ru/vtquqn>
2. Юсуфова Л.О. Место односоставных предложений в системе типов простого предложения // Вестник Социально-педагогического института. 2020. № 3 (35). С. 27-31. <https://elibrary.ru/dxdrsb>
3. Саидов Д.И., Салимов Р.Д. К вопросу об односоставности обобщённо-личных предложений в русском языке // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2021. № 3-4 (75). С. 215-223. <https://elibrary.ru/utmbhs>
4. Авдеева И.Б. Двосоставные и односоставные предложения: традиционные, социальные и временные тенденции в русском языке // Преподаватель XXI век. 2023. № 1-2. С. 313-322. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2023-1-313-32>, <https://elibrary.ru/lrhqjp>
5. Суси М., Ангграени Д., Нани И. Безличные предложения в русском языке и их переводы на индонезийский язык // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. № 42-4. Р. 48-52. <https://elibrary.ru/gfirgf>
6. Корнева В.В. Инфинитивные предложения в русском и испанском языках // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 51-60. <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2730>, <https://elibrary.ru/cjqzlg>
7. Тумгоева Ф.З. К вопросу о грамматической основе односоставных предложений в русском и ингушском языках // Litera. 2023. № 2. С. 94-107. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.2.39845>, <https://elibrary.ru/decsxj>
8. Бибилова Р.П., Мисикова Б.Г. Изучение обобщённо-личных односоставных предложений русского языка как средство развития речи учащихся в полилингвальной аудитории (на материале книги Т.Дз. Мамсурова «Построй свою башню») // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2013. № 4 (25). С. 102-106. <https://elibrary.ru/sedlcx>
9. Гайнанова Л.М. Специфика изучения глагольных односоставных предложений на занятиях русского языка как иностранного // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 10. С. 355-358. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.75>, <https://elibrary.ru/vavaod>
10. Сулейманова С.Р. Односоставные конструкции в структуре сложных предложений // Новые горизонты русистики. 2020. № 10. С. 29-33. <https://elibrary.ru/pgsyie>

11. Конькова М.Ю. Лингвистическая и коммуникативная специфика односоставных предложений // Актуальные исследования. 2022. № 17 (96). С. 47-51. <https://elibrary.ru/nitwdl>
12. Анастасян Ж. Стилистическая функция односоставных предложений // Учёные записки Арцахского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 194-199. <https://artsakhlib.am/ru/2018/11/>
13. Изюмская С.С., Меликова О.С. Современный газетный дискурс и англицизмы: коммуникативно-функциональный статус // Научное обозрение. Педагогические науки. 2023. № 1. С. 42-46. <https://doi.org/10.17513/srps.2469>, <https://elibrary.ru/hrhufo>
14. Первухина С.В., Рудь Е.Е. Коммуникативно-ситуативный подход в изучении газетного дискурса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10. № 3. С. 10-20. <https://elibrary.ru/cswaxl>
15. Подкина Ю.В. Функции односоставных предложений в текстах периодической печати // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 3-2. С. 68-71. <https://elibrary.ru/scjlop>
16. Данилова Е.А. Глагольные односоставные предложения в функции газетного заголовка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. С. 139-142. <https://elibrary.ru/xbeltv>
17. Данилова Е.А. Специфика функционирования глагольных односоставных предложений в рекламном слогане // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2017. № 1 (93). С. 55-60. <https://elibrary.ru/ygslov>
18. Федотова Н.Л., Го Ц. Семантический аспект функционирования неопределённо-личных предложений в заголовках интернет-новостей // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 10-3 (112). С. 139-142. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.094>, <https://elibrary.ru/wkrebz>

References

1. Kosmarskaya I.V., Tsvetaeva E.N. More on one-member sentences. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, no. 9 (801), pp. 48-57. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vtquqn>
2. Yusufova L.O. Place of single-part sentences in the type system of a simple sentence. *Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo institute = Bulletin of the Socio-Pedagogical Institute*, 2020, no. 3 (35), pp. 27-31. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dxdrsb>
3. Saidov D.I., Salimov R.D. To the question of mononuclear indefinite-personal sentences in the Russian language. *Vestnik universiteta (Rossiisko-Tadzhikskii (Slavyanskii) universitet) = University Bulletin (Russian-Tajik (Slavonic) University)*, 2021, no. 3-4 (75), pp. 215-223. (In Russ.) <https://elibrary.ru/utmbhs>
4. Avdeeva I.B. Two-member and one-member sentences: traditional, social and time trends in the Russian language. *Prepodavatel' 21 vek = Educator in the 21st Century*, 2023, no. 1-2, pp. 313-322. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2023-1-313-322>, <https://elibrary.ru/lrhqjp>
5. Susi M., Anggraeni D., Nani I. Russian impersonal sentences and their translation into Indonesia language. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2020, no. 42-4, pp. 48-52. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gfgrf>
6. Korneva V.V. Infinitive sentences in the Russian and Spanish languages. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, no. 1, pp. 51-60. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2730>, <https://elibrary.ru/cjqzlg>
7. Tumgoeva F.Z. On the grammatical basis of single-compound sentences in the Russian and Ingush languages. *Litera*, 2023, no. 2, pp. 94-107. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.2.39845>, <https://elibrary.ru/decsxj>
8. Bibilova R.P., Misikova B.G. Study of generalized-personal one-joint sentences of the Russian language as a means of developing students' speech in a multilingual audience (on the material of T.Dz. Mamsurov's book "Build your tower"). *Izvestiya DGPU. Psikhologo-pedagogicheskie nauki = Dagestan State Pedagogical University. Journal. Psychological and Pedagogical Sciences*, 2013, no. 4 (25), pp. 102-106. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sedlev>
9. Gainanova L.M. Specificity of studying verbal one-member sentences at the lessons of Russian as a foreign language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2019, vol. 12, no. 10, pp. 355-358. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.75>, <https://elibrary.ru/vavaod>
10. Suleimanova S.R. The mononuclear constructions in the structure of complex sentences. *Novye gorizonty rusistiki = New Horizons of Russian Studies*, 2020, no. 10, pp. 29-33. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pgsyie>

11. Konkova M.Yu. Linguistic and communicative specifics of one-part sentences. *Aktual'nye issledovaniya*, 2022, no. 17 (96), pp. 47-51. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nitwdl>
12. Anastasyan Zh. Stylistic function of one-joint sentences. *Uchenye zapiski Artsakhskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2015, no. 1, pp. 194-199. (In Russ.) <https://artsakhlib.am/ru/2018/11/>
13. Izyumskaya S.S., Melikova O.S. Modern newspaper discourse and anglicisms: communicative and functional. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki = Scientific Review. Pedagogical Science*, 2023, no. 1, pp. 42-46. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/srps.2469>, <https://elibrary.ru/hrhufo>
14. Pervukhina S.V., Rud E.E. Communicative-situational approach to the study of the newspaper discourse. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 10-20. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cswaxl>
15. Podkina Yu.V. Functions of one-joint sentences in the texts of periodicals. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2014, no. 3-2, pp. 68-71. (In Russ.) <https://elibrary.ru/scjlop>
16. Danilova E.A. Mononuclear verbal sentences as a newspaper headline. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2016, no. 1, pp. 139-142. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xbeltv>
17. Danilova E.A. Features of functioning of verbal one-member sentences in advertising slogan. *Vestnik CHGPU im. I.YA. Yakovleva = I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2017, no. 1 (93), pp. 55-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ygslv>
18. Fedotova N.L., Go Ts. Semantic aspect of functioning of indefinite-personal sentences in online news headlines. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2021, no. 10-3 (112), pp. 139-142. (In Russ.) <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.112.10.094>, <https://elibrary.ru/wkrcbz>

Информация об авторе

ЧЕРНИКОВА Наталья Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>, chernikovanat@mail.ru

Поступила в редакцию 11.01.2025

Поступила после рецензирования 21.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Natalia V. Chernikova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>, chernikovanat@mail.ru

Received 11.01.2025

Revised 21.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-242-248>

OECD 6.02; ASJC 3310

Some semantic and etymological characteristics of English verbs describing sensual and emotional activity of a person

Elena V. Kuznetsova , Tatiana G. Bortnikova

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 Lexsperiencer@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The study discusses some semantic and etymological characteristics of English verbs describing the sensuous-emotional activity of a person. The way people interpret their emotions depends on the “lexical grid of coordinates” given to them by their native language. And in this vein, the linguistic picture of the world appears as knowledge fixed in the content of linguistic forms, as a kind of system of belonging to the world and a form of its categorization. The need to correlate the prototypical approach in categorization with the conceptualization of historical models [etymological]. **RESEARCH METHODS.** Within the framework of the development of this topic, the main research methods that made it possible to identify some semantic and etymological features of English verbs describing the sensual and emotional activity of a person are: the descriptive method, the method of component analysis, the method of formalization. **RESULTS AND DISCUSSION.** The actualization of the problems of language – consciousness – emotion in linguistics has affected the development of topics and concepts related to the emotional world of a person “as one of the microcosms”. And in this regard, it is interesting that the history of the origin of verbs of emotions and the periods of their emergence lift the veil on how speakers are accustomed to “conceptualize” emotional states. The study of the conceptual structure of the word (in the study – verbs of emotions) according to the etymological analysis can provide important data for further study of the conceptual sphere describing the sensual and emotional activity of a person. **CONCLUSION.** When studying the emotional world of a person, his feelings, it is necessary to understand that each language imposes its own interpretive grid of coordinates. Studying the semantic space of the English language, in particular, the microcosm of sensual and emotional activity of a person, in the form presented at the present stage of language development, we obtain certain knowledge about this conceptual sphere of English speakers, objectified by the signs of the language and reflected in its semantic space.

Keywords: to interpret, emotions, conceptsphere, the origin of emotion verbs, conceptualization, emotional states, semantic space

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: E.V. Kuznetsova – research concept development, working with dictionaries, semantic and etymological analysis of English emotion verbs, writing – original draft preparation, manuscript revision. T.G. Bortnikova – supervision, scientific literature collection and analysis, manuscript editing, manuscript final version approval.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Kuznetsova, E.V., & Bortnikova, T.G. Some semantic and etymological characteristics of English verbs describing sensual and emotional activity of a person. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):242-248. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-242-248>

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-242-248>

Шифр научной специальности 5.9.6

Семантические и этимологические характеристики английских глаголов, описывающих чувственную и эмоциональную деятельность человека

Елена Владимировна Кузнецова , Татьяна Геннадиевна Бортникова

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Lexsperencer@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Рассмотрены некоторые семантические и этимологические характеристики английских глаголов, описывающих чувственно-эмоциональную деятельность человека. То, как люди интерпретируют свои эмоции, зависит от «лексической сетки координат», которую даёт им родной язык. И в этом ключе языковая картина мира предстаёт как знание, зафиксированное в содержании языковых форм, как своеобразная система принадлежности к миру и форма его категоризации. Возникает необходимость соотнесения прототипического подхода в категоризации с концептуализацией исторических моделей [этимологических]. **МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Основными методами исследования, позволившими выявить некоторые семантические и этимологические особенности английских глаголов, описывающих чувственную и эмоциональную деятельность человека, являются: описательный метод, метод компонентного анализа, метод формализации. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Актуализация проблем языка – сознания – эмоции в лингвистике повлияла на развитие тем и понятий, связанных с эмоциональным миром человека «как одним из микрокосмов». И в этой связи интересно, что история происхождения глаголов эмоций и периоды их возникновения приоткрывают завесу над тем, как носители привыкли «концептуализировать» эмоциональные состояния. Изучение концептуальной структуры слова (в исследовании – глаголов эмоций) по данным этимологического анализа может дать важные данные для дальнейшего изучения понятийной сферы, описывающей чувственную и эмоциональную деятельность человека. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Изучая эмоциональный мир человека, его чувства, необходимо понимать, что каждый язык накладывает свою интерпретативную сетку координат. Изучая семантическое пространство английского языка, в частности, микрокосм чувственной и эмоциональной активности человека, в том виде, в котором он представлен на современном этапе развития языка, мы получаем определённые знания об этой понятийной сфере носителей английского языка, объективируемые знаками языка и отражённые в его семантическом пространстве.

Ключевые слова: интерпретировать, эмоции, концептосфера, происхождение глаголов эмоций, концептуализация, эмоциональные состояния, семантическое пространство

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: Е.В. Кузнецова – разработка концепции исследования, работа со словарями, семантический и этимологический анализ английских глаголов эмоций, написание черновика рукописи, доработка рукописи. Т.Г. Бортникова – научное консультирование, анализ научной литературы, редактирование рукописи, утверждение окончательного варианта рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кузнецова Е.В., Бортникова Т.Г. Семантические и этимологические характеристики английских глаголов, описывающих чувственную и эмоциональную деятельность человека // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 242-248. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-242-248>

INTRODUCTION

The actualization of the language-consciousness-emotion problem in linguistics has affected the development of topics and concepts related to the human emotional world “as one of the microcosms”. The way people interpret their own emotions depends on the “lexical grid of coordinates” that their native language gives them coordinates [1, p. 57]. In the global linguistic picture of the world, the study of the lexical-semantic system of a language helps to cognize the linguistic models of more private micro-worlds, each of which is characterized by its linguistic originality [2, p. 360].

In this key, the linguistic picture of the world appears as knowledge fixed in the content of linguistic forms, as a peculiar system of world membership, and a form of its categorization. When studying the emotional world of man, his feelings, it is necessary to understand that each language imposes its own interpretive grid of coordinates.

In this regard, it is the history of the origin of emotion verbs and the periods of their emergence that lift the veil over how speakers used to “conceptualize” emotional states. One of the most famous researchers of prototypical categorization writes about the need to correlate the prototypical approach in categorization with historical (etymological) conceptualization. This research aims to consider some semantic and etymological features of English verbs describing human sensual-emotional activity.

RESEARCH METHODS

In connection with the actualization of the language-consciousness-emotion problematic, concepts related to the human emotional world “as one of the microcosms” are being developed in linguistics.

The main research methods, which helped to reveal some semantic-etymological features of English verbs describing human sensual-emotional activity, were: descriptive method, method of component analysis, method of formalization [3, p. 236].

In the modern view, the world picture is correlated with the content of consciousness and

is described as a system of human perceptions of the surrounding reality, a kind of “conceptual framework embedded in consciousness, including both non-verbal and verbalized models [4, p. 76]. The linguistic picture of the world is understood as a subsystem of the conceptual picture of the world, including those of its components to which language signs are correlated [5, p. 17]. The linguistic picture of the world in this understanding appears as knowledge fixed in the content of linguistic forms, as a peculiar system of world membership and a form of its categorization.

In the complex global linguistic picture of the world there are many more private pictures, each of which is characterized by linguistic originality. The principle of defining the “semantics of possible worlds” is based on this circumstance: “the real initial set of worlds sets the semantics of language, within the boundaries of language a set of worlds is reflected, fixed, including “worlds” as “all possible situations” known to man, i.e. some “micro-worlds”, fragments of a single world” [6, p. 44].

For example, the feelings described by the Russian words joy, sadness, longing are significant for Russian culture and Russian language. In English there are no exact equivalents for sadness and longing, but there are such words as sadness, melancholy, nostalgia, which characterize feelings that are somewhat related to sadness and longing, but still not identical to them.

This does not mean, as A. Vezhbetskaya notes, that a native speaker of Anglo-Saxon culture is not capable of feeling sadness or longing, but the corresponding feelings are not specifically identified in a given culture. “By using words denoting emotions in a particular language to describe the universal world of human feelings, we inevitably adopt the conceptualization of the world given by that particular language, so that our description becomes inadequate” [5, p. 344].

A. Vezhbetskaya refers to W. James: “...on this largely vague world of feelings each language imposes its own interpretive grid of coordinates. The number of emotions will be limited by the internal vocabulary of whoever attempts to name each individual emotion, since each na-

tion has found names for shades of feeling that are not distinguished by other nations" [5, p. 236].

The interesting fact is mentioned by T.V. Ahutina: "The way people interpret their own emotions depends on the "lexical grid of coordinates" that their native language gives them" [7, p. 14].

Whether two internal states are interpreted as manifestations of "the same emotion" or as "two different emotions" depends on the prism through which language these emotions are interpreted. "The consciousness of an individual as a representative of a certain linguocultural community perceives and comprehends the surrounding world in accordance with the established norms, rules and attitudes that "filter" his mental world and his psyche from alien elements" [8, p. 20].

RESULTS AND DISCUSSION

In some famous researchers of prototypical categorization we can read about the necessity to correlate the prototypical approach in categorization with historical [etymological] conceptualization.

Speaking about the importance of historical conceptualization, Y.S. Stepanov notes, the internal form of the concept "love", i.e. the words expressing it – to love, love, is far from being as clear and slender as one can expect from its content. He points out that the verb to love by its origin and form is causative, i.e. meaning "to cause in someone or something a corresponding action, to make someone or something do it" and compares it with the pairs: to drink when to drink and to wake when to wake [9, p. 21]. According to the etymological dictionary the verb "to love", as well as its English equivalent love, corresponds with the ancient Indian lobhayati "to excite desire, to make love, to fall in love". However, as Y.S. Stepanov notes, the second form is lost in Slavic languages. It does not exist in modern English either, which has only love with formally non-causative meaning. The morphological distinctions between the basic forms of noun and verb that existed in the ancient period were erased due to the reduction of non-accentual endings. By the XIV–XV centuries, the process of coincidence of the common case

form of the noun and the infinitive of the verb [love from lufian] became apparent. Formally, the existence of causative and non-causative meanings of the verb love is not expressed, but the conceptual system of English speakers [conceptual picture of the world according to E.S. Kubryakova] continues to preserve these two meanings.

Let us cite the substantiation of Y.S. Stepanov. He writes: "...the concept "Love" developed according to ... the semantic model of 'mutual relations between two persons'... In other words, in the mirror of language "Love" appears as a result of "alternate initiative", "a circle of communication" of "self" with "other", of agent A with agent B. ... The verb "to love", causative, originally meant that someone, agent A, "himself" arouses a desire, a feeling of love in the "other", in agent B, after which there comes a "state of love" in agent A as well" [9, p. 24]. The author also emphasizes the element of mutual likening of two persons in the concept "Love". Thus, historical conceptualization, as O.E. Filimonova says, is the formation and study of the conceptual structure of a word according to the data of etymological analysis can provide important data [10].

Let us consider the meaning of the verb "love": 1) "to have a strong feeling of caring for and liking someone"¹ is common to a number of verbs of emotions, such as to affect; to attach, to cherish, to care for, to fancy, to adore, to dote; 2) to like something very much or enjoy doing something very much"² is common to such verbs as: sympathize, attract, warm. The verb "love" can express an unaccountable or conscious feeling, manifested or not manifested outwardly, directed at a being or thing, action or property: to love a child, to love one's motherland, to love music³.

The verb "to affect" denotes a less deep but more tender feeling of heartfelt sympathy, mani-

¹ Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, Oxford University Press Publ., 1982, vol. 1, 1428 p.

² Ibid.

³ Апресян Y.D. English-Russian synonymic dictionary. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1979, 543 p.

fested in external signs of attention: "I like my teacher, but I can't say that she affects me"⁴.

The verb "to attach" expresses a feeling based not so much on deep heartfelt affection as on habit: to attach to one's friend⁵. With regard to the verb hate, the etymological dictionary data shows the following: hate (vb.) – OE hatian = OS (Old Saxon) haton; OHG. hazzōn, Goth hatan (hate), i.e. it is a primordial verb conceptualizing the basic emotion "to hate".

The modern meaning of the verb "to hate" is: 1) "to dislike someone very much"⁶ is common to a number of verbs such as: antipathize, detest, despise, anathematize, disgust, repel, dislike; 2) "to feel a deep intense emotion of anger, animosity and hostility"⁷ is common to verbs such as: loathe, detest, abominate, abhor, curse, damn, sicken, reject, revolve. The verb "hate" in relation to a person expresses a stable feeling of hatred, associated with enmity, open or hidden malice, the desire to harm or destroy the hated person, and in relation to things, phenomena of reality – a deep inner disgust: "The prisoners hated the cruel warden"; "She now hated her husband who had forsaken her and the children"; "I hate the smell of garlic"; "I hate him for his pettiness and cowardice"; "I hate subterfuge"⁸. The verb "hate" can also express a feeling directed at oneself, and in this case denotes extreme dissatisfaction with oneself: "I moved cautiously across the dark and hated myself all the way"⁹.

The verb "to loathe" expresses the feeling of hatred associated with enmity, anger, but differs from the verb hate in that it often characterizes not only the feeling itself and its object, but also the subject of the feeling, emphasizing its intolerance and intransigence: "I loathe them because they are coarse and brutal"¹⁰.

The verb "to detest" is "to hate very much", verb abominate – "to abhor"; "to hate very

much"¹¹. These verbs express a feeling of extreme dislike with elements of indignation, contempt, connected with violations of moral foundations or norms of behaviour; accompanied by an evaluative judgment: "to abhor a liar"¹².

The verb "to joy" – XIII oral. rejoice [re-joyce, amuse]; XIV oral. enjoy [to rejoice, be glad] – OF joīr [mod. Jouir]: – Rom. * gaudire, for L. gaudēre – rejoice. The modern meaning of the verb "to enjoy": 1) "to get pleasure"¹³ is common to such verbs as: excite, gladden delight, enliven; 2) "to make someone pleased"¹⁴ is common to a number of verbs: exult, relish, rejoice, elate, luxuriate. This conclusion is drawn on the basis of the conducted component analysis. The verb "to enjoy" has the broadest meaning, describing always an actual state accompanied by a general rise of feelings: "The fact that a stranger was read to listen enjoyed her".

The verb to delight – "to make someone pleased and joy"¹⁵ expresses a joyful feeling caused by the influence of factors on a person's emotional system: "He delights in music", "He is a naughty boy and delights in teasing his little sister".

The verb to rejoice is "to get and show great joy"¹⁶. This verb expresses a deeper and more intense feeling of joy or happiness, which is manifested in laughter, songs, festive cheer: "to rejoice at the good news"; "to rejoice at the success". The name of an object or action, property, phenomenon acts as a reason for such a state: "He delights in her", "She rejoiced at the chance"¹⁷.

Thus, the lexical-semantic system reflects the essential properties of the reality around us and helps to cognize the linguistic model of the world. D.R. Dowty says that verbs with emotional meaning nominate manifestations in the psycho-emotional sphere of a person. We call such verbs "verbs that express human emotions" or "verbs of emotions". In linguistics, this group of verbs is called "psychological predicates"

⁴ Apresyan Y.D. English-Russian synonymic dictionary.

⁵ Ibid.

⁶ Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.

⁷ Ibid.

⁸ Apresyan Y.D. English-Russian synonymic dictionary.

⁹ Ibid.

¹⁰ Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990, 685 p.

¹¹ Ibid.

¹² Apresyan Y.D. English-Russian synonymic dictionary.

¹³ Active Study Dictionary of English. London, Longman Group Limited Publ., 1983, 710 p.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Active Study Dictionary of English.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

[11, p. 619]. They are included in the multitude of words of the different parts of speech that cover one area of human experience called “Emotions”.

CONCLUSION

In recent years, the problem of emotions has received great attention within the framework of cognitive research. R. Jackendoff notes that the main difficulty in working out issues related to the understanding of affect, cognition and their relationship is the distinction between what is meant by emotion and cognition [12, p. 129]. In the author’s opinion, the fundamental difference in the definitions of cognition and emotion lies in the degree of attention to the type of information processed in each case: if cognition is usually understood as a series of internal processes involved in mastering, storing, transforming and searching for information (the type of information is not taken into account), then in the defini-

tions of emotion, on the contrary, the type of stimulus or information that produces the emotion is usually mentioned.

We should conclude that the inner emotional world of a person, including a variety of emotional linguistic representations, is only a fragment of a single global picture of the world. Culture has a great influence on the formation of the linguistic picture of the world and, in particular, on the world of human emotions.

Thus, the history of the origin of emotion verbs and the periods of their occurrence lift the veil over how speakers “conceptualized” emotional states in ancient times.

Studying the semantic space of the English language, in particular, the microcosm of human sensual-emotional activity, as it is presented at the present stage of language development, we get certain knowledge about this conceptsphere of native speakers of English, objectified by language signs and reflected in its semantic space.

Dictionaries

1. Apresyan Y.D. *English-Russian Synonymic Dictionary*. Moscow, Russky yazyk Publ., 1979, 543 p. <https://dic.academic.ru/book.nsf/56942853/Англо-русский+синонимический+словарь>
2. Yartseva V.N. (ed.-in-chief). *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1990, 685 p. <https://tapemark.narod.ru/les/>
3. Hornby A.S. *Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English*. London, Oxford University Press, 1982, vol. 1, 1428 p. https://vk.com/wall-203337936_1246
4. *Active Study Dictionary of English*. London, Longman Group Limited, 1983, 710 p. https://vk.com/wall476139321_60184

References

1. Chuprikova N.I. *Time of Human Reactions. Physiological Mechanisms, Verbal-Semantic Regulation, Connection with Intelligence*. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2019, 432 p. (In Russ.)
2. Cenky A. Semantics in cognitive linguistics. *Fundamental Directions of Modern American Linguistics*. Moscow, MSU Publ., 1997, pp. 340-369. <https://elibrary.ru/nrgzka>
3. Kibrick A.A., Koshelev A.D. *Language and Thought. Modern Cognitive Linguistics*. Moscow, 2015, 848 p. (In Russ.)
4. Kubryakova E.S. (ed.-in-chief). *The Human Factor in Language. Language and Speech Production*. Moscow, Nauka Publishers, 1991, pp. 72-90. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wyzkzx>
5. Vezhbtskaya A. *Language. Culture. Cognition*. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, 413 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pjsrrn>
6. Chuprikova N.I. *Mental Activity of the Brain. Language and Reasoning (In Search of Psychic Reality and the Subject of Psychology)*. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2021, 208 p. (In Russ.)
7. Ahutina T.V. *Neurolinguistic Analysis of Lexicon, Semantics, and Pragmatics*. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2014, 424 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vrrzdb>
8. Zabotkina V.I. (ed.). *Representation of Events: an Integrated Approach from the Positions of Cognitive Sciences*. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2017, 360 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yqtsmc>

9. Stepanov Y.S. *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2001, 990 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qofiul>
10. Filimonova O.E. *Language of Emotions in English Text (Cognitive and communicative aspects)*. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2001, 259 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tkyszx>
11. Dowty D.R. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*, 1991, vol. 67, no. 3, pp. 547-619. <https://doi.org/10.1353/LAN.1991.0021>
12. Jackendoff R. Conceptual semantics and cognitive linguistics. *Cognitive Linguistics*, 1996, vol. 7, no. 1, pp. 93-129. <https://elibrary.ru/owcbmd>

Information about the authors

Elena V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0006-1418-0155>, Lexsperiencer@yandex.ru

Tatiana G. Bortnikova, Dr. Sci. (Cultural Studies), Professor, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2947-9409>, tatyana_bort@mail.ru

Corresponding author:

Elena V. Kuznetsova
e-mail: Lexsperiencer@yandex.ru

Received 24.10.2024

Revised 10.12.2024

Accepted 06.03.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация об авторах

КУЗНЕЦОВА Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0006-1418-0155>, Lexsperiencer@yandex.ru

БОРТНИКОВА Татьяна Геннадиевна, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-2947-9409>, tatyana_bort@mail.ru

Для контактов:

Кузнецова Елена Владимировна
e-mail: Lexsperiencer@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.10.2024

Поступила после рецензирования 10.12.2024

Принята к публикации 06.03.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1'373.2.

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-249-258>

Шифр научной специальности 5.9.5

Сравнительный анализ мемориальных ойконимов и урбанонимов Калининградской области в историко-лингвистическом аспекте

Ольга Викторовна Петешова

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта»
236041, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14

 Opeteshova@kantiana.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Целью исследования является сопоставление кампаний по переименованию тех населённых пунктов и улиц бывшей Северо-Восточной Пруссии, вошедших в состав Калининградской области, которые или на исходных немецких картах, или на новых советских картах носят имена выдающихся деятелей двух задействованных культур. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** В ходе рассмотрения 2497 актов реноминации населённых пунктов и 1000 актов переименования улиц в этих населённых пунктах выделены 642 мемориальных ойконима и 674 мемориальных урбанонима, которые были подвергнуты сравнительному семантическому анализу. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Показано, что после переименования число мемориальных ойконимов заметно увеличивается, а количество мемориальных урбанонимов практически не меняется. После переименования с карт исчезают посвящения предпринимателям, и растёт доля топонимов, производных от фамилий военнослужащих. Для обеих сравниваемых сфер характерно стремление к увековечиванию советских людей на фоне присутствия определённой доли номинаций, образованных от фамилий деятелей русской и даже зарубежной культуры. Если в исходном топонимическом материале доминируют урбанонимы в честь местных знаменитостей, то в новом, напротив, с культурой региона чаще связываются ойконимы. Повторяемость фамилий в основе ойконимов свойственна обоим изученным временным срезам и обоим классам топонимов. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Сделан вывод о преобладании сходств над различиями во всех аспектах сравнения.

Ключевые слова: топоним, ойконим, урбаноним, переименование, реноминация, Северо-Восточная Пруссия, Калининградская область

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: О.В. Петешова – разработка концепции исследования, анализ научной литературы, работа с архивными документами и материалами, составление таблиц, написание черновика рукописи, доработка рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Петешова О.В. Сравнительный анализ мемориальных ойконимов и урбанонимов Калининградской области в историко-лингвистическом аспекте // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 249-258. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-249-258>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-249-258>

OECD 6.02; ASJC 1203

Comparative analysis of memorial oeconyms and urbanonyms of the Kaliningrad region in historical and linguistic context

Olga V. Peteshova

Immanuel Kant Baltic Federal University

14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russian Federation

 Opeteshova@kantiana.ru

Abstract

INTRODUCTION. The purpose of the research is to compare renaming campaigns of the settlements and streets in the former northern part of East Prussia that formed the Kaliningrad region. The focus is on those that either on the original German maps or on the new Soviet maps carry the names of prominent figures from the two respective cultures under consideration. **MATERIALS AND METHODS.** While examining 2497 decrees on renaming settlements and 1000 decrees on renaming streets in these settlements, 642 memorial oeconyms and 674 memorial urbanonyms have been identified and consequently subjected to a comparative semantic analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is presented that after the renaming the number of memorial oeconym has significantly increased, while the number of memorial urbanonyms remained essentially unchanged. As a result of the renaming dedications to entrepreneurs disappear from the maps, while the number of toponyms derived from the names of military personnel increases. Both spheres compared are characterized by the tendency to immortalize Soviet people on the background of a certain part of nominations formed from surnames of Russian and even Foreign cultural figures. While the original toponymic material is dominated by urbanonyms in honor of local celebrities, the new one, on the contrary, more often associates oikononyms with the culture of the region. The repetition of surnames in the base of onyms is peculiar to both studied time periods and both classes of toponyms. **CONCLUSION.** It is concluded that similarities prevail over differences in all points of comparison.

Keywords: toponym, oekonym, urbanonym, renaming, renomination, North-Eastern Prussia, Kaliningrad region

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: O.V. Peteshova – research concept development, scientific literature analysis, working with archival papers and materials, tables compiling, writing – original draft preparation, manuscript revision.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Peteshova, O.V. Comparative analysis of memorial oeconyms and urbanonyms of the Kaliningrad region in historical and linguistic context. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):249-258. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-249-258>

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, мемориальная культура включает в себя совокупность инструментов, которые позволяют воспринимать, обрабатывать и хранить социальные смыслы, передаваемые из прошлого в настоящее для последующей трансляции в будущее. Основными жанрами мемориальной культуры являются архитектурно-скульптурные монументы, храмы и часовни, надгробия и мемориальные комплексы¹. Лингвисты, наряду с этими объектами, причисляют к элементам мемориальной культуры так называемые мемориальные топонимы, представляющие собой названия-посвящения, увековечивающие память о значимых для общества людях, событиях истории и организациях [1, с. 212].

Предпочтение мемориальных топонимов, как правило, обусловлено желанием использующего их сообщества подтвердить чувство своего единства, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям или к их репрезентации². Однако отмечается, что само сознательное увековечивание памяти не является изначальной чертой географических названий, которые долгое время формировались стихийно, а со второй половины XIX века всё чаще становились результатом официального присвоения номинаций городским объектам, правда, сначала в соответствии с нейтральным географическим принципом.

Топонимические «признания заслуг» приобрели массовый характер только после революции 1917 г., когда в связи с коренной ломкой социально-экономических отношений новая власть начинает избавляться от топонимов, восходящих к именам членов царской семьи, вводя на их место посвящения новым вождям [2, с. 583]. Не менее массовыми были замены старых топонимов на новые мемориальные сразу после Великой Отечественной войны, когда использование

подобных единиц способствовало символическому подкреплению консолидации общества после присоединения к СССР новых территорий [3, с. 88].

За этот период, отличившийся ускоренными трансформациями топонимов при изменении статуса увековечиваемых деятелей [4] и получивший в истории отечественных топонимических реноминаций наименование «этапа культовой топонимики» [5, с. 221], было осуществлено больше половины всех переименований, состоявшихся в нашей стране в XX веке [6, с. 92]. Социологи считают, что подобные интенсивные изменения мемориальных топонимов предполагают сложное взаимодействие политики памяти с политикой забывания [7, с. 82] и сопряжены с расстройством исторической идентичности при переходе от исторического самосознания к социальному сознанию [8, с. 18].

Кроме того, именно с указанного периода в обществе сложилась модель восприятия топонимов как средства сакрализации личности, фамилия которой закрепляется в соответствующей номинации. Данная модель не претерпела существенных изменений до сих пор [9, с. 201-205].

Мемориальные топонимы, появившиеся на картах в эпоху существования Советского Союза, в лингвистике принято называть советонимами, подразумевая, что они всегда несут ярко выраженную идеологическую окраску [10, с. 59]. За счёт широкого внедрения подобных советонимов около 35 % русских топонимов следует рассматривать как мемориальные, причём 25 % считаются посвящениями людям, а оставшиеся 10 % – посвящениями культурно релевантным событиям [11, с. 28]. В большинстве современных лингвистических работ соответствующие лексические единицы оцениваются негативно, как свидетельство «политической незрелости общества» [12, с. 27].

Ранее проведённые исследования показали, что в массиве мемориальных топонимов преобладают названия городских объектов [13, с. 94], то есть урбанонимы, хотя прочие классы топонимов, в частности, ойконимы, также могут способствовать сакрализации увековечиваемых личностей. Ориенти-

¹ *Святославский А.В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Москва: Моск. пед. гос. ун-т, 2011. С. 10-14.

² *Мегилл А.* Историческая эпистемология. Москва: Канон, 2009. С. 116.

руясь на этот тезис, мы поставили своей целью провести сравнительный семантический анализ кампаний по массовому переименованию населённых пунктов и улиц Калининградской области, последовавшему за включением территорий бывшей Северо-Восточной Пруссии в состав СССР и зачастую описываемому в научных источниках как процесс, при котором авторы новых названий учитывали местные географические и культурные особенности в гораздо меньшей степени, чем советские идеологические установки [14, с. 158].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

При сравнительном семантическом анализе мы сфокусировали внимание на задействованных в кампаниях мемориальных ойконимах и урбанонимах – как исходных восточно-пруссских, так и новых советских.

Были изучены 2497 актов переименования региональных населённых пунктов³ и 1000 выборочных актов переименования улиц в этих населённых пунктах, зафиксированных в целой серии источников⁴. С долями мемориальных топонимов в обеих выборках можно ознакомиться в табл. 1.

Мы видим, что, несмотря на очевидное преобладание мемориальных единиц в урбанонимии региона, мемориальные ойконимы представлены в материале исследования также достаточно широко, причём их число весьма заметно возросло после проведения кампании по переименованию местных городов и посёлков. При исследовании естественным образом бросается в глаза тот факт, что количество мемориальных урбанонимов совершенно не изменилось после их реноминации в 40-х гг. XX века.

³ Указы Президиума Верховного Совета СССР // Материалы ГАКО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 102а.

⁴ См., например, следующие архивные документы: Материалы о переименовании улиц, площадей и парков города Калининграда // Материалы ГАКО. Ф. 310. Оп. 7. Д. 1. Л. 1-32; Приказ Управления по гражданским делам Советского района № 152 от 12.12.1946 г. // Материалы ГАКО. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 2; Приказ Управления по гражданским делам Хайнрихсвальдского района № 2 от 30.07.1946 // ГАКО. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 2.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При анализе рода деятельности выдающихся личностей, увековеченных в топонимии Северо-Восточной Пруссии и Калининградской области соответственно, который во многом опирается на данные из работы Х.М. Мюльпфорда⁵, были выделены по четыре лидирующие группы исходных и новых мемориальных ойконимов и урбанонимов (в случае с исходными ойконимами – только три, поскольку все наличные единицы чётко распределились именно по этим группам). Для удобства также представим их в табличной форме (табл. 2) с оговоркой, что под деятелями культуры мы понимаем учёных, писателей, композиторов и художников.

Сопоставление табличных данных демонстрирует, что в изучаемом отношении между мемориальными ойконимами и урбанонимами имеется больше сходств, чем различий. Перечислим основные из них.

1. Среди исходных топонимов обоих классов первую позицию по частотности занимают названия в честь политиков. Например, посёлок *Luisenhof* носит имя королевы Луизы, жены короля Фридриха Вильгельма III, которая ещё при жизни стала объектом почти культового почитания, а урбаноним *Auguste-Viktoria-Allee* представляет собой посвящение ещё одной прусской королеве – Августе-Виктории. После переименования географические названия в честь политиков остаются в четвёрке наиболее частотных, однако в количественном плане существенно уступают более распространённым урбанонимам, принадлежащим к другим группам.

2. И в ойконимии, и в урбанонимии номинации, образованные от фамилий деятелей культуры, оказываются более значимыми в советском топонимическом пространстве, чем в исходном восточно-пруссском. Особенно много отсылок среди русскоязычных названий имеется к сакрализированным писателям (примеры населённых пунктов такого рода – пос. *Лермонтово*, пос. *Гоголево*, пос. *Чехово*) и композиторам (примеры подобных

⁵ Мюльпфорд Х.М. Кёнигсберг от А до ЗЕТ // Балтийский альманах. 2015. № 14. С. 83-188.

Таблица 1. Место мемориальных топонимов в системе переименованных топонимов Калининградской области

Table 1. Memorial toponyms placement in the system of Kaliningrad region renamed toponyms

Показатели	Ойконимы		Урбанонимы	
	исходные	новые	исходные	новые
Количество	76	566	337	337
Доля, %	3	22,7	33,7	33,7

Источник: рассчитано и составлено автором по всем архивным документам, упомянутым в исследовании.
Source: calculated and compiled by the author based on all archival papers mentioned in the study.

Таблица 2. Род деятельности людей, от фамилий которых образованы мемориальные топонимы Калининградской области

Table 2. Occupation of people from whose surnames memorial toponyms of Kaliningrad region are developed

Ойконимы		Урбанонимы	
исходные	новые	исходные	новые
1. Политики (56): <i>Groß Albrechtshof,</i> <i>Wilhelmshöhe,</i> <i>Friedrichsthal</i>	1. Военные (303): <i>пос. Матросово,</i> <i>пос. Покрышкино,</i> <i>пос. Багратионово</i>	1. Политики (142): <i>Heidemannstraße,</i> <i>Kaiser-Wilhelm-Platz,</i> <i>Otto-Rosencrantz-Straße</i>	1. Деятели культуры (107): <i>ул. Чайковского,</i> <i>ул. Лермонтова,</i> <i>ул. Тимирязева</i>
2. Военные (15): <i>Gneisenau,</i> <i>Hindenburg,</i> <i>Trenkensruh</i>	2. Деятели культуры (160): <i>пос. Грибоедово,</i> <i>пос. Алябьево,</i> <i>пос. Менделеево</i>	2. Деятели культуры (90): <i>Simon-Dach-Straße,</i> <i>Bachstraße,</i> <i>Karl-Peters-Straße</i>	2. Военные (106): <i>ул. Малахова,</i> <i>ул. Нестерова,</i> <i>ул. Осипенко</i>
3. Деятели культуры (5): <i>Schaudinnen,</i> <i>Struwe,</i> <i>Wernsdorf</i>	3. Политики (56): <i>пос. Куйбышевское,</i> <i>пос. Ульяново,</i> <i>г. Калининград</i>	3. Военные (50): <i>Meyer-Waldeck-Straße,</i> <i>Schindekopstraße,</i> <i>Boelckestraße</i>	3. События (38): <i>ул. 1 Мая,</i> <i>ул. 1812 года,</i> <i>площадь Победы</i>
	4. События (26): <i>пос. Победино,</i> <i>пос. Первомайское,</i> <i>пос. Октябрьское</i>	4. Предприниматели (19): <i>Pulverstraße, Beeck-</i> <i>straße,</i> <i>Steenke-Straße</i>	4. Политики (33): <i>ул. Куйбышева,</i> <i>ул. Кирова,</i> <i>ул. Дзержинского</i>

Источник: рассчитано и составлено автором по всем архивным документам, упомянутым в исследовании.
Source: calculated and compiled by the author based on all archival papers mentioned in the study.

улиц – ул. Доргомыжского, ул. Чайковского, ул. Мусоргского).

3. В исходной лингвокультуре практически отсутствуют топонимы, закрепляющие исторически значимые события, которые произошли на том или ином этапе развития страны, в то время как в новой лингвокультуре фигурируют как событийные ойконимы

(в частности, название посёлка *Февральское* в Краснознаменском районе напоминает о перевороте 1917 г., завершившемся свержением российской монархии), так и событийные урбанонимы (например, ул. *9 января*, номинация которой, судя по всему, связана с Кровавым воскресеньем 1905 г.).

С другой стороны, мемориальные ойконимы и урбанонимы рассматриваемых территорий обладают двумя заметными отличиями.

1. В исходном топонимическом пространстве представлены улицы, названные в честь местных предпринимателей. Так, урбаноним *Schifferdeckerstraße* посвящён основателю кёнигсбергской пивоварни. Кроме того, в столице Восточной Пруссии жил Генрих Людвиг Веллер, открывший в городе лавку бакалейных товаров и тем самым давший название улице *Wellerstraße*. Тем не менее вклад предпринимателей не считался достаточным для образования от их фамилий обозначений населённых пунктов Северо-Восточной Пруссии. Кстати, отсутствие каких-либо топонимических посвящений предпринимателям на картах советской Калининградской области легко объясняется негативным общественным отношением к соответствующему роду деятельности в Советском Союзе.

2. Значимость ойконимов, восходящих к фамилиям военнослужащих, возрастает после переименования примерно в 20 раз, в то время как в сфере урбанонимии регистрируется более слабый рост данного количества – всего в 2 раза. Основную массу таких топонимов обоих классов в советской выборке составляют названия по фамилиям участников Великой Отечественной войны, причём как солдат (ул. *Матросова*, ул. *Утегенова* и др.), так и офицеров высшего командного состава (ул. *Черняховского*, ул. *Ватутина* и др.). В топонимическом пространстве Восточной Пруссии, напротив, для потомков сохранены преимущественно фами-

лии генералов (*General-Wever-Straße*, *General-Litzmann-Straße*) и фельдмаршалов (*Blücherstraße*, *Gneisenaustraße*).

Перейдём к характеристике гражданства лиц, увековеченных в исходных и новых топонимах Калининградской области. Для наглядности по-прежнему будем пользоваться табличным представлением количественных данных (табл. 3).

По результатам сопоставления также было отмечено больше сходств, чем различий между мемориальными ойконимами и урбанонимами. Перечислим эти сходства.

1. Как ойконимы, так и урбанонимы на исходных картах почти без исключения закрепляют имена выдающихся немцев. Кстати, из шести иностранцев, к фамилиям которых всё-таки восходят малочисленные восточно-пруссские урбанонимы, четверо являются австрийцами, а значит, носителями немецкого языка (например, речь идёт об улицах *Mozartstraße* и *Schubertstraße*).

2. Среди новых мемориальных ойконимов и урбанонимов с огромным отрывом лидируют однозначные советонимы (например, пос. *Ульяновка*, пос. *Фурмановка*, ул. *Гагарина*, ул. *Свердлова*), а названия, фиксирующие элементы досоветской русской культуры, всегда занимают второе место. В выборке ойконимов подобные названия встречаются в 2 раза реже, чем советонимы (примеры – пос. *Пугачёво*, пос. *Добролюбово*, пос. *Кутузово*), а в выборке урбанонимов – уже в 3 раза реже (примеры – ул. *Пушкина*, ул. *Ломоносова*, ул. *Льва Толстого*).

Таблица 3. Гражданство людей, фамилии которых положены в основу региональных топонимов

Table 3. Citizenship of people whose surnames are the basis for regional toponyms

Ойконимы		Урбанонимы	
исходные	новые	исходные	новые
76 – немцы	380 – советские 180 – русские 6 – иностранцы	331 – немцы 6 – иностранцы	225 – советские 75 – русские 37 – иностранцы

Источник: рассчитано и составлено автором по всем архивным документам, упомянутым в исследовании.
Source: calculated and compiled by the author based on all archival papers mentioned in the study.

Таблица 4. Связь личностей с поселениями и улицами Калининградской области, получившими свои названия от их фамилий**Table 4.** The connection of persons with settlements and streets of Kaliningrad region which received their names from their surnames

Показатели	Ойконимы		Урбанонимы	
	исходные	новые	исходные	новые
Количество	30	56	168	15
Доля, %	39,5	9,9	49,9	4,4

Источник: рассчитано и составлено автором по всем архивным документам, упомянутым в исследовании.
Source: calculated and compiled by the author based on all archival papers mentioned in the study.

Что касается отличий, то следует отметить заметное увеличение доли иностранцев среди сакрализованных личностей после переименования бывших кёнигсбергских улиц. Правда, большинство из этих иностранцев являются либо деятелями культуры мирового уровня (поэтому изначально на картах Калининградской области существовали ул. *Гёте*, ул. *Канта*, ул. *Бетховена*), либо мыслителями и политиками, деятельность которых выстраивалась в идеологически приемлемом для советских властей русле (ул. *Тельмана*, ул. *Карла Маркса*, ул. *Энгельса*).

Последняя таблица, которая была составлена в ходе проведённого сравнительного анализа (табл. 4), посвящена исследованию связи жизни и деятельности людей, увековеченных в местных топонимах, с теми географическими объектами, которые носят их имена.

Отличия, которые легко фиксируются при рассмотрении табл. 4, легко объясняются историческими факторами: среди исходных топонимов обоих классов доля единиц, образованных от фамилий выдающихся местных жителей, является значительно более высокой, чем среди новых топонимов, поскольку затронутые территории долгое время были именно немецкими, а их заселение русскоговорящими гражданами началось незадолго до присвоения новых названий. Тем удивительнее мы считаем тот факт, что некоторые посёлки (пос. *Горбатовка*, пос. *Волостново*) и отдельные улицы (ул. *Шевчука*, ул. *Полицкого*) получили, например, имена советских военных, участвовавших в восточно-прусской наступательной операции.

Помимо этого, важно подчеркнуть, что в исходном топонимическом пространстве более частотными являются именно урбанонимы, а не ойконимы в честь местных знаменитостей, видимо, по той причине, что более мелкие географические объекты вполне можно было назвать в честь проживающих поблизости врачей (*Höftmannstraße*) или юристов (*Brandtallee*), а при выборе названий для населённых пунктов более предпочтительными считались, судя по всему, имена личностей большего масштаба, например, королей и королев Пруссии (*Charlottenburg*, *Wilhelmsberg*).

На этом фоне совершенно неожиданным представляется проявление обратной тенденции при переименовании географических объектов советскими властями: доля урбанонимов, образованных от фамилий людей, имеющих отношение к региону, почти в два раза ниже, чем доля соответствующих ойконимов.

Последней задачей исследования стало выявление случаев повторяемости тех имён и фамилий, к которым восходят мемориальные ойконимы и урбанонимы рассматриваемых земель. В итоге мы констатировали, что этот феномен приблизительно в равной мере свойственен обоим классам мемориальных топонимов и обоим временным срезам их существования. При этом в исходной топонимии самым распространённым антропонимом, от которого образуются как ойконимы, так и урбанонимы, является имя императора Фридриха. В массиве ойконимов этот антропоним 13 раз употребляется в качестве первого компонента сложных географиче-

ских названий, сочетаясь с различными вторыми компонентами (примеры – *Friedrichsfelde*, *Friedrichsdorf*, *Friedrichswalde*); урбанонимы-посвящения Фридриху являются менее разнообразными (имеются в виду 6 названий *Friedrichstraße*).

В выборке наиболее часто повторяющихся русских топонимов изучаемых классов преобладают мемориальные номинации, восходящие к различным фамилиям. Среди ойконимов особой частотностью отличаются названия в честь Н.А. Некрасова (10 названий, например, *пос. Некрасово*, *пос. Некрасовка*), А.С. Пушкина (5 случаев) и В.И. Ульянова (также 5 случаев). Ситуацию с урбанонимами иллюстрируют, как минимум, 6 но-

минаций по фамилии Карла Маркса и 6 номинаций по фамилии Эрнста Тельмана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, независимо от того аспекта, в котором производилось историко-лингвистическое сравнение мемориальных ойконимов и урбанонимов Калининградской области, нам удалось зафиксировать больше сходств, чем различий между этими классами топонимических единиц. Одновременно в ходе исследования был подтверждён тезис ономастологов, согласно которому в целом названия улиц чаще носят мемориальный характер, чем названия населённых пунктов того или иного региона.

Список источников

1. Разумов Р.В. Посвящения политическим деятелям в урбанонимии Российской Федерации // Ономастика Поволжья: материалы 21 Междунар. науч. конф. Рязань: Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2023. С. 212-216. <https://elibrary.ru/gepomt>
2. Котельникова К.В. Влияние социальных факторов на развитие топонимов в немецком языке // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 2. С. 582-586. <https://elibrary.ru/smtexd>
3. Русия Т.Н. Персоналистские образы в политике идентичности на локальном уровне // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 1. С. 81-95. <https://doi.org/10.31429/26190567-23-1-81-95>, <https://elibrary.ru/gqykzd>
4. Ворошилин С.И. Топонимические войны – насильственная смена топонимов вследствие войн и революций (часть 2) // Вопросы всеобщей истории. 2012. № 14. С. 145-164. <https://elibrary.ru/tqkvmy>
5. Демьянов К.В. Процессы переименований городов и улиц в СССР: к вопросу о периодизации и локальной специфике // Молодёжь третьего тысячелетия. Омск: Изд-во ОГУ им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 219-223. <https://elibrary.ru/bicilt>
6. Шульгина О.В. Историко-географический подход в изучении топонимики российских регионов // Вестник МГПУ. Серия «Естественные науки». 2016. № 2 (22). С. 84-93. <https://elibrary.ru/vzsfel>
7. Терентьев Е.А. Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014. № 3. С. 73-86. <https://elibrary.ru/skhfaj>
8. Тхакахов В.Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // Социологические исследования. 2017. № 5 (397). С. 17-25. <https://elibrary.ru/yqrhcn>
9. Рыжков А.Б. Сакрализация мемориальной топонимии в общественном сознании // Вопросы географии. 2018. № 146. С. 200-208. <https://elibrary.ru/xtlfzj>
10. Попов С.А. Экстралингвистическое воздействие на процессы топонимической номинации // Ономастика Поволжья: материалы 19 Междунар. науч. конф. Оренбург: Оренб. кн., 2021. С. 57-63. <https://elibrary.ru/zltool>
11. Иванова И.Г., Загайнова Е.И. Национально-культурные особенности мемориальных топонимических названий во французском и русском языках // Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе. 2015. № 2. С. 18-28. <https://elibrary.ru/uosmrd>
12. Беляева И.В., Кулумбегова Л.В. Ономастика как маркер ценностного конфликта // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2023. № 63. С. 24-36. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-24-36>, <https://elibrary.ru/lbjxyi>
13. Сударь А.М. Социокультурный аспект изучения мемориальных топонимов Аргентины // Вопросы иберо-романистики. 2013. № 13. С. 94-103. <https://elibrary.ru/vjuxsd>

14. Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 4 (16). С. 153-160. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160>, <https://elibrary.ru/urjiti>

References

1. Razumov R.V. Dedications to political figures in the urbanonymy of the Russian Federation. *Materialy XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Onomastika Povolzh'ya» = Proceedings of the 21st International Scientific Conference "Volga Region Onomastics"*. Ryazan, RSU named for S. Yesenin Publ., 2023, pp. 212-216. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gepomt>
2. Kotelnikova K.V. The influence of social factors on the evolvement of toponyms in German. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 2014, vol. 19, no. 2, pp. 582-586. (In Russ.) <https://elibrary.ru/smtexd>
3. Rusiya T.N. Personalist images in identity politics at the local level. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk = South Russian Journal of Social Sciences*, 2022, vol. 23, no. 1, pp. 81-95. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/26190567-23-1-81-95>, <https://elibrary.ru/gqykzd>
4. Voroshilin S.I. Toponymic wars – violent change of toponyms owing to wars and revolutions (Part 2). *Voprosy Vseobshchei Istorii*, 2012, no. 14, pp. 145-164. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tqkvmv>
5. Demyanov K.V. The process of renaming of cities and streets in the soviet union: the question of periodization and the local specific. *Youth of the Third Millennium*. Omsk, Omsk F. M. Dostoevsky State University Publ., 2019, pp. 219-223. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bicilt>
6. Shulgina O.V. Historical and geographical approach in study of place names in Russian regions. *Vestnik MGPU. Seriya «Estestvennye nauki» = MCU Journal of Natural Sciences*, 2016, no. 2 (22), pp. 84-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vzsfel>
7. Terentev E.A. Place-(re) naming practices as an object of sociological study: an analytical overview. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2014, no. 3, pp. 73-86. (In Russ.) <https://elibrary.ru/skhfaj>
8. Tkhakakhov V.Kh. Map of the city: the symbolic transformation in the north Caucasian space. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2017, no. 5 (397), pp. 17-25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yqrhen>
9. Ryzhkov A.B. The sacralization of memorial place-names in social consciousness. *Voprosy geografii = Problems of Geography*, 2018, no. 146, pp. 200-208. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xtlfzj>
10. Popov S.A. Extra-linguistic influence on toponymic nomination processes. *Materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Onomastika Povolzh'ya» = Proceedings of the 19th International Scientific Conference "Volga Region Onomastics"*. Orenburg, Orenburg Book Publishing House, 2021, pp. 57-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zltool>
11. Ivanova I.G., Zagainova E.I. National and cultural features of commemorative toponymic names in French and Russian. *Aktual'nye Problemy Romano-Germanskoi Filologii i Prepodavaniya Evropeiskikh Yazykov v Shkole i Vuze*, 2015, no. 2, pp. 18-28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uosmrd>
12. Belyaeva I.V., Kulumbegova L.V. Onyms as markers of value conflicts. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova = Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 2023, no. 63, pp. 24-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-24-36>, <https://elibrary.ru/lbjxyi>
13. Sudar A.M. Sociocultural aspect of the study of memorial toponyms in Argentina. *Voprosy Ibero-Romanistiki*, 2013, no. 13, pp. 94-103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vjuxsd>
14. Demyanov K.V., Ryzhenko V.G. Ideology, toponymy, policy of memory: about city's renaming in the USSR. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» = Herald of Omsk University. Series Historical Studies*, 2017, no. 4 (16), pp. 153-160. (In Russ.) <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160>, <https://elibrary.ru/urjiti>

Информация об авторе

ПЕТЕШОВА Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент института образования и гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, г. Калининград, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-2902-5135>, opeteshova@kantiana.ru

Поступила в редакцию 28.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки 17.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Olga V. Peteshova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2902-5135>, opeteshova@kantiana.ru

Received 28.12.2024

Approved after reviewing and revision 17.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.282.2

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-259-272>

Шифр научной специальности 5.9.5

Основа *кундюб*- в русских говорах: семантика и версии этимологии

Елена Валентиновна Кузнецова

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

40005, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Ленина, 27

 kev7-78@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. В донских говорах Волгоградской области зафиксирована лексема *кундюбенский* со значением 'некрасивый (о человеке)'. Внутренняя форма слова затемнена для современного носителя языка, что определяет цель исследования: проследить формирование и развитие семантики основы *кундюб*- (основой *кундюб*- мы для удобства обозначили все встретившиеся её фонетические варианты: *кундюб*-, *кундуб*-, *кундюм*-, *кундум*-) в русских говорах и в литературном языке, выявить этимологию слов этой основы. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Анализ лексикографических источников различных направлений (диалектные словари, словари современных тюркских и монгольских языков, этимологические словари) позволил выявить диалектные и общерусские лексемы с основой *кундюб*-, существенно различающиеся по семантике и предположительно восходящие к одной или двум родственным древним основам. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Рассмотрено варьирование семантики лексем с основой *кундюб*- в русском языке (преимущественно в говорах южного наречия), установлены связи анализируемых единиц в тюркских и монгольских современных языках, поднимается вопрос о составе лексем в рамках древней основы с учётом структуры и семантики единиц. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Даны версии этимологии слов основы *кундюб*- с опорой на лексикографические источники, предложены варианты формирования и развития семантики основы в диахронии, обозначены проблемные и спорные моменты рассматриваемого вопроса и намечены дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: диалектная лексика, диалектизм, ностратическая основа, праязык, семантика, семантическое варьирование, этимология

Финансирование. Работа выполнена в рамках внутривузовского научного гранта в области гуманитарных, общественных и естественных наук в 2025 г. «Разработка и внедрение методики совместных сетевых лингвогеографических исследований на базе электронного «Лексического атласа Волгоградской области».

Вклад автора: Е.В. Кузнецова – постановка проблемы исследования, сбор и обработка материала, формулировка выводов и результатов исследования, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кузнецова Е.В. Основа *кундюб*- в русских говорах: семантика и версии этимологии // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 259-272. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-259-272>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-259-272>

OECD 6.02; ASJC 1203

Kundyub- basis in Russian dialects: semantics and versions of etymology

Elena V. Kuznetsova

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin Ave., Volgograd, 40005, Russian Federation

 kev7-78@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. In the Don dialects of Volgograd Oblast, the lexeme *kundyubenkiy* with the meaning 'ugly (about a person)' is recorded. The internal form of the word is obscured for a modern native speaker, which determines the purpose of this study: to trace the formation and development of the semantics of the base *kundyub-* (for convenience we denoted by the base *kundyub-* all its phonetic variants: *kundyub-*, *kundub-*, *kundum-*, *kundum-*) in Russian dialects and in the literary language, to reveal the etymology of words of this base. **MATERIALS AND METHODS.** The analysis of lexicographic sources of different directions (dialect dictionaries, dictionaries of modern Turkic and Mongolian languages, etymological dictionaries) allowed us to identify dialectal and all-Russian lexemes with the *kundyub-* base, which differ significantly in semantics and presumably go back to one or two related ancient bases. **RESULTS AND DISCUSSION.** The variation of the semantics of lexemes with the *kundyub-* base in Russian (mainly in the southern dialects) is considered, the links of the analyzed units in Turkic and Mongolian modern languages are established, the question of the composition of lexemes within the ancient base is raised, taking into account the structure and semantics of the units. **CONCLUSION.** The versions of the etymology of the words of the *kundyub-* base with reference to lexicographic sources are given, variants of the formation and development of the semantics of the basis in diachrony are proposed, problematic and controversial points of the issue under consideration are outlined and further prospects of the study are outlined.

Keywords: dialectal lexicon, dialectism, nostratic basis, protolanguage, semantics, semantic variation, etymology.

Author's Contribution: E.V. Kuznetsova – research problem statement, data collection and curation, final conclusions formulating, writing – original draft preparation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Kuznetsova, E.V. Kundyub- basis in Russian dialects: semantics and versions of etymology. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):259-272. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-259-272>

ВВЕДЕНИЕ

Отправной точкой этого исследования стало прилагательное *кундюбенький* (основой кундюб- мы для удобства обозначили все встретившиеся её фонетические варианты: *кундюб-*, *кундуб-*, *кундюм-*, *кундум-*), зафиксированное на карте № 2005 «Некрасивый, невзрачный (о человеке)» электронного «Лексического атласа Волгоградской области», содержащего диалектный материал, собранный по программе «Лексического атласа русских народных говоров»¹. Значение «некрасивый (о человеке)» в диалектах номинируется лексемами, гораздо более детально, чем в литературном языке. Эти слова могут не только описывать внешний вид человека, но и затрагивать его социальный статус и функциональные способности тела, тем самым выражая отношение народа к той или иной черте или грани некрасивости. Поскольку внутренняя форма прилагательного *кундюбенький* затемнена для современного носителя русского языка, у нас возник закономерный вопрос о причинах попадания этого слова в легенду карты.

При первом взгляде на слово обращает на себя внимание уменьшительно-ласкательный суффикс -еньк- в составе лексемы. Ранее мы писали о прилагательных с этим суффиксом (*поганенький*, *дурненький*, *плюгавенький*) зафиксированных на карте № 2005 «Лексического атласа Волгоградской области» [1]. Уменьшительно-ласкательный суффикс здесь смягчает отрицательную оценку качества внешности человека, делающего его некрасивым в представлении окружающих. Наличие суффикса -еньк- указывает на возможное существование пары этого прилагательного без суффикса (ср.: *поганенький* – *поганий*, *дурненький* – *дурной*, *плюгавенький* – *плюгавый*). В материалах Волгоградской области лексема *кундюбый* не зафиксирована, однако мы её находим в материалах диалектных словарей разных регионов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В рамках исследования мы провели анализ лексикографических источников различных направлений. Во-первых, лексемы, предположительно имеющие рассматриваемую основу, выбирались из всех доступных диалектных словарей; во-вторых, привлекались современные словари тюркских и монгольских языков, в-третьих, этимологические словари. В результате выборки были выявлены следующие лексемы, которые мы условно разделили на несколько групп.

1. *Кундюбый*, *кундюбный*, *кундюбенький*, *кундюбух* «искривлённый, деформированный (об овощах или человеке)».
2. *Кундюбенький* «маленький, курносый».
3. *Кундюбочка* «ласковое шутливое обращение к женщине».
4. *Кундюбы* «лакомства, изысканная еда, разносолы».
5. *Кундюбы* «шуточные пустые разговоры».
6. *Кундюбы* (*кундюбки*), *кундюмы* (*кундумы*, *кундумцы*) «блюдо из теста» (общерусские), *кундак*, *кундук* «пирог», *кундыш* «маленький пирожок, булочка» (диалектные).
7. *Кундюба*, *кундюбиться* «медлительный человек, медленно что-либо делать».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первую группу вошли ближайшие по значению и форме лексемы с основой *кундюб-*, связанные с внешним видом человека (и предмета), зафиксированные в следующих источниках.

«Донской словарь» А.В. Миртова фиксирует слово *кундюбый* со значениями «кривой, закорюченный. Относится большею частью к огурцам» (*Он у нас такой танцура, а сам куднюбенький*); и «изуродованный от природы»². Как видим, несмотря на отсыл к овощам, А.В. Миртов приводит речение, связанное с внешностью человека, при этом

¹ Лексический атлас Волгоградской области. URL: <http://dialekt.vspu.ru/?q=node/2> (дата обращения: 08.01.2025).

² Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков // Труды Северокавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. Ростов-на-Дону, 1929. № 58. С. 160.

употребляя в нём форму прилагательного с уменьшительно-ласкательным суффиксом, а в заголовке словарной статьи – без суффикса. Основываясь на этих значениях, понимаем, что *кундюбенький* человек некрасив из-за скрюченного, изуродованного тела. В основе характеристики человека лежит метафорический перенос, сравнение со скрюченным овощем.

«Словарь русских народных говоров» (СРНГ), ссылаясь на словарь А.В. Миртова, даёт лексемы *кундюбенький* ‘кривенький’ (Нижне-Дон., *Ону нас такой танцура, а сам кундюбенький*. Дон.) и *кундюбый* ‘кривой, скрюченный’ (Дон. [с примеч. «относится большею частью к огурцам»] Нижне-Дон.), ‘изуродованный от природы’ (Дон., Миртов, 1929)³.

«Словарь русских донских говоров» (СРДГ) содержит прилагательные *кундюбный* ‘кривой, закорюченный’ и *кундюбый* ‘неудачный, мелкий (об овощах)’ (*Кундюбыи выросли пацсолники. Кундюбава многа луку*) и перен. ‘невзрачный (о человеке)’ (*Он кундюбый паринь. Ни то, што мой атец. Тот красивый*)⁴.

«Большой толковый словарь донского казачества» (БТСДК), изданный уже в XXI веке, наследующий и расширяющий материал предыдущего словаря, также отражающий донские говоры Волгоградской и Ростовской областей, снова даёт лексему *кундюбый* ‘кривой, мелкий (об овощах)’ (*Кундюбыи вырали пацсолники*), перен. ‘невзрачный (о человеке)’ (*Он кундюбыи паринь. Ни то што мои атец. Тот красивый*). Кроме того, этот словарь указывает на функционирование слова *кундюбенький* со значением ‘курносый’ (*Он у нас кундюбинький, у вас гаварять – курносый*)⁵.

Изданный в 1971 г. «Донской казачий словарь» А.К. Ленинова также содержит

прилагательное *кундюбенький* со значением ‘маленький, невзрачный, неприметный’⁶.

«Толковый казачий словарь» В.Н. Ремчукова, содержащий материалы говоров казачков верхнего Дона, даёт оба указанных выше варианта значения слова *кундюбенький*: ‘маленький, курносый’, ‘мелкий, кривобокий (о плодах)’ [2, с. 72].

Важно заметить, что и на территории Волгоградской области прилагательное *кундюбенький* зафиксировано в Новониколаевском районе, который располагается как раз в западной части региона, на территории бытования донских говоров (бывшая территория Области Войска Донского до 1918 г.). Исследователи современных донских говоров также отмечают функционирование этих прилагательных в речи диалектоносителей [3, с. 99; 4, с. 462].

Источники, отражающие диалекты Кубани, также фиксируют значения, связанные с особенностями овощей и с внешностью человека.

Словник В.И. Степанченко «Говорим, гутарим, балакаем и применяем!» приводит лексему *кундюбенький* со значением ‘маленький, невзрачный’ [5, с. 112]. Интересное образование с суффиксом -ух- (как в *пастух*, *катух* и др.) от рассматриваемой основы даёт П.И. Ткаченко в авторском словаре «Кубанский говор»: *кундюбух* ‘толстый, скрюченный огурец’ [6, с. 154].

Анализируя семантические преобразования основы *кундюб-*, предполагаем, что первичными в этой группе являются значения ‘повреждённый, кривой, изогнутый. деформированный’ (об овощах и о человеке), далее развиваются оттенки ‘неудачный, мелкий, кривобокий, маленький’ (об овощах и о человеке) и далее – ‘курносый (с маленьким носом)’.

Именно сема ‘маленький’ по одной из наших версий является основой семантического переноса и доминирует в значении слова *кундюбочка*, называющего женщину и/или являющегося ласковым и ироничным обращением к женщине. Актуализируется

³ Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. Москва: Наука, 1980. Вып. 16. С. 91-92.

⁴ Словарь русских донских говоров. Т. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1976. С. 99-100.

⁵ Большой толковый словарь донского казачества: 18000 слов и устойчив. словосочетаний / Редкол.: В.И. Дегтярев и др. Москва: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. С. 251.

⁶ Ленинов А.К. Донской казачий словарь-лексикон: исторические исследования. Мюнхен: Издание автора, 1971. С. 86.

эта сема также при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-очк-* в составе лексем. Поскольку это ироничное и ласковое обращение, здесь, конечно же, не актуальны семы 'кривой' или 'неудачный'. Это существительное также, как и предыдущие, фиксируется в донских говорах Ростовской и Волгоградской областей и на Кубани. Приведём данные словарей.

Донские говоры. Словарь А.В. Миртова: *кундюбочка* – см.: *кундюбий*. Ласк. слово. *Дажидайся миня ты, кундюбачка мая, я к тебе приеду, я к тебе приеду*⁷.

СРНГ (со ссылкой на Миртова): *кундюбочка* – 'милочка'⁸.

БТСДК (со ссылкой на Миртова): *кундюбочка* – ирон. – ласк. обращение⁹.

А.К. Ленинов актуализирует сему 'маленький': *кундюбочка* 'маленькая женщина'¹⁰.

«Словарь кубанских говоров» фиксирует существительное *кундюбочка* как 'ласковое название девочки, девушки, женщины' (*Да моя ж ты кундюбочка, иди ко мне*)¹¹.

Следовательно, обращение *моя кундюбочка* – это значит «моя маленькая».

Далее рассмотрим значения основы *кундюб-*, связанные с едой, угощениями и разговорами.

Словарь А.В. Миртова: *кундюбы* 'шуточные разговоры' (*Что ты там кундюбы разводишь*)¹².

СРНГ: *кундюбы*, 1. 'лакомства, сласти, кушанья' Дон. Тул. (*Какие тут особые такие кундюбы?*), 2. 'шутливые разговоры, шутки' (со ссылкой на Миртова)¹³.

СРДГ: *кундюбы* (со ссылкой на Миртова) 'шуточные разговоры'¹⁴.

⁷ Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. С. 160.

⁸ Словарь русских народных говоров. С. 91-92.

⁹ Большой толковый словарь донского казачества. С. 251.

¹⁰ Ленинов А.К. Донской казачий словарь-лексикон: исторические исследования. С. 86.

¹¹ Словарь кубанских говоров / В.М. Пелих, В.И. Андриященко, Р.Я. Иванова, Т.Г. Иванова; отв. ред. В.М. Пелих. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. С. 120.

¹² Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. С. 160.

¹³ Словарь русских народных говоров. С. 91-92.

¹⁴ Словарь русских донских говоров. С. 99-100.

БТСДК: *кундюбы* 1. 'разносолы' (*Ня буду кундюбау вам гатовить*) 2. (со ссылкой на Миртова) 'шуточные разговоры'¹⁵.

«Словарь донских говоров Волгоградской области» (СДГВО) (включает материал донских говоров Волгоградской области): *кундюб* 'праздничная еда'; *кундюбы* 'шуточные или пустые разговоры' [7, с. 284].

География значения, связанного с едой, как видим по данным словарей, шире территории донского диалекта, но также остаётся в рамках южного наречия. Это подтверждают и «Материалы к словарю тульских говоров», где также зафиксирована лексема *кундюбы* со значением 'лакомства, сласти // изысканные кушанья' (*Никаких кундюбов в нашей семье не ели: всё было простое, но сытное*) [8, с. 162].

Мы считаем, что значение 'шуточные пустые разговоры' образовалось от значения 'разносолы, лакомства' путём метонимического переноса. Праздничное застолье всегда сопровождается разговорами и шутками. Следовательно, ласковое обращение *кундюбочка* можно связать и со значением 'сладости, лакомства', и тогда обращение к женщине *моя кундюбочка* будет обозначать «моя сладкая, лакомая».

Далее возникает закономерный вопрос: *кундюбы* – что это за блюдо? Почему этим словом называют не повседневную пищу, а праздничную и изысканную. Современные (в широком смысле) толковые словари русского литературного языка и словарь В.И. Даля не содержат информации об этом слове.

В «Кулинарном словаре» В.В. Похлебкина видим названия *кундюмы* (*кундумы*, *кундюбки*)¹⁶. В источнике указано: «*Кундюмы* (*кундумы*, *кундюбки*) – вид пельменей, но наполненных не мясом, а грибами и отличающихся технологией изготовления. Кундюмы не отваривают после лепки, а обжаривают до образования лёгкой корочки, а за-

¹⁵ Большой толковый словарь донского казачества. С. 251.

¹⁶ Перед нами в названии блюда т. н. «механическое» чередование губных звуков [б]/[м], представленное во многих языках и диалектах, разных семей и групп, в том числе и русском (*бекать-мекать*, *блин-мли* и т. д.).

тем, сложив в глиняный горшок и залив грибным густым отваром и сметаной, тушат в закрытом виде в печи или в духовке 20–25 минут. Бывают кундюмы с яичной или растительной начинкой (щавель, рубленые крутые яйца, рис). Могут после жарения вместо тушения просто отвариваться в растительных и грибных бульонах». Автор говорит о появлении этого блюда в монашеской трапезе в XVI–XVII веков [9].

Историк русской кухни Павел Сюткин выражает сомнения как по поводу времени появления *кундюмов* (говорит о том, что они появились на Руси гораздо раньше), так и по поводу церковной роли в этом процессе. Конечно, «в какой-то момент это блюдо могло показаться очень удобным для монашеского рациона. Только к возникновению этого кушанья данное «открытие» отношения не имело». Со слов исследователя, поминания в письменных источниках можно отнести к концу XVI века. Слово *кундумы* (*кундумцы*) можно встретить ещё в «Домострое» (1550-е гг.), где *«гостя употчивают без убытка, а которой ествы похочет постной и то делает <...> и кундумцы и варенои, и соковые ествы пироги з блинцы <...> и с чим Бог послал»*. Это же название встречается в царском указе Федора Иоанновича о трапезе в Тихвинской лавре (1590 г): *«во вторник вторыи недели по Пасхе корм за упокой по всех православных христианех <...> кундюмы с яйцы во ухи...»*. «Словарь русского языка XI–XVII вв.», опираясь на текст указа Федора Иоанновича, даёт формы *кундюмы*, *кундумы*, *кундумцы* со значением «название мучного кушанья, корм за упокой»¹⁷.

Ссылаясь на историка И.Е. Забелина, Павел Сюткин говорит о том, что и блюдо, и слово пришли к нам «совсем уж в незапамятные времена». Подобные блюда могли прийти к нам с Востока, что «обнаруживается в именах таких кушаний, как *котлома*, *юрма*, *таврanchук*, *кундумы*, *сычуг* и т. п.». Появились они, по мнению Забелина, в русском поваренном искусстве в очень древнее время раньше татар и половцев, чуть не от

скифов и сарматов. Следует отметить, что расцвет скифского царства в Приднепровье большинством специалистов относится к IV веку до н. э. Существовало оно до второй половины III века до н. э., значительно сократившись под натиском сарматов, пришедших с Дона, а затем было уничтожено готами. То есть И.Е. Забелин предполагает наличие культурного обмена славянских племён с Причерноморьем за 400 лет до н. э. [10]¹⁸. В части, описывающей царский стол, И.Е. Забелин в книге «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» не раз упоминает среди списка блюд, подаваемых царям, «ставец кундумов» [10].

Судя по всему, это блюдо не было связано исключительно с обрядом поминовения, было традиционным, подавалось к царскому столу до времён Екатерины II, разнообразным благодаря разным начинкам, замысловатым в приготовлении. Всё это могло сформировать отношение к нему как к праздничному угощению. И далее значение развивалось по пути расширения с сохранением сем «изысканное блюдо», «лакомство»: от наименования конкретного блюда – к наименованию праздничного блюда, изысканной еды, сложных в приготовлении блюд. Далее, как мы отметили выше, значение развивалось к наименованию шуточных, праздных разговоров.

Говоря о кулинарной семантике рассматриваемой основы *кундюб-*, нельзя не отметить представленные в СРНГ, близкие по значению, но не точно совпадающие по форме лексемы среднерусских и северных говоров *кундак*, *кундяк* «пирог» (Влад.), *кундыш* «маленький пирожок, булочка» (Арх., Волог.)¹⁹.

Помимо указанных выше значений основы *кундюб-* в южном наречии на территории Курской области зафиксированы существительное *кундюба* «неторопливый, медлительный человек» (*Ни таропиць кундюбъ, ажидай иё. Час праждалъ кундюбу, дак явилси*

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. Москва: Наука, 1981. С. 121.

¹⁸ Сюткин П. Пельмени с севера и юга // LiveJournal. 29.11.2023. URL: https://p-syutkin.livejournal.com/49019.html#_ftn4 (дата обращения: 08.01.2025).

¹⁹ Словарь русских народных говоров. С. 91–92.

нъвисиле) и глагол *кундюбиться* ‘мешкать, медлить’ (*Ни спишыть, кундюбиць*)²⁰. Можно с большим сомнением предположить разные варианты появления этой семантики основы: медлительный, потому что искалеченный, с физическими изъянами (если значение развивалось от прилагательного *кундюбий* ‘кривой, скрюченный’) или медлительный, потому что действие требует большого старания и затрат времени, как приготовление изысканного блюда (если значение развивалось от существительного *кундюбы* ‘разносолы’).

Также с большим сомнением можно отнести как близкое к указанным зафиксированное в говорах Кубани существительное *кундя* ‘неаккуратный человек, неряха’ (*Ну что ты за кундя – поубирай везде!*), ‘ленивый человек’²¹. Скорее всего, последнее родственно группе слов, восходящих к зафиксированному в СРНГ бранному слову *кунда* (Гребен. Терск., 1902) и его экспрессивным производным *кундюритъ* ‘сильно расти’ (Челяб.)²², *кундюк* ‘дурак’ – в Вологодской области,²³ *подкундюра* ‘подхалим, доносчик’ и *подкундюровать* ‘подхалимничать, заискивать’, зафиксированных в Сибири и Забайкалье²⁴ [11, с. 298].

Итак, перед нами определённое количество слов (см. выделенные выше группы), предположительно восходящих к одной или родственным основам, функционирующих преимущественно в территориальных диалектах (в южном наречии) и существенно различающиеся по значениям. Ранее мы рассматривали возможности семантического варьирования в собственно диалектном словообразовательном гнезде [12].

Историк Забелин, как мы упомянули выше, предположил «восточное» происхождение слова *кундумы*. Действительно, внеш-

няя форма исследуемых лексем говорит об их тюркском происхождении, логичным является в этом смысле их бытование в южном наречии, которое характеризуется большим количеством тюркизмов по сравнению с другими говорами.

Наиболее близкое по форме и значению слово *кунду* есть в якутском языке. Оно имеет значения: 1) дорогой, драгоценный || драгоценность; 2) дорогой, милый, любимый; 3) редкостный || редкость; 4) изысканное угощение, изысканный приём. Нас интересует последнее значение. Якут. *кундү-мааны* ‘обильное угощение, роскошный приём’, *кундүлээ* – ‘угощать, потчевать’. Кроме того, как и во многих тюркских языках, в якутском слово *кун* имеет значения ‘солнце’, ‘день’, ‘время’, ‘люди’, ‘мир’; *кундээр* ‘ярко сиять, сверкать’; *кундүл* ‘светлый’ [13, с. 197].

В алтайском языке видим следующее: *күн* 1) солнце; 2) день; 3) погода; *күндү* 1) солнечный; 2) угощение, уважение, почесть, почитание, *күндү-күрее* большое застолье. *Күндүле* ‘угощать, почитать, чествовать, чтить, заботливо относиться’; *күндүк* ‘дневной, подённый, повседневный, обычный’²⁵.

Бликие по форме и семантике единицы есть не только в тюркской, но и монгольской группе алтайской семьи. Важно заметить, что в этих языках разграничиваются омонимы, например, в бурятском языке *хүндэ* I ‘тяжёлый’ и *хүндэ* II 1) честь, достоинство, почёт, уважение; 2) угощение²⁶.

В калмыцком языке: *күнд* I [кунде] 1) тяжёлый; грузный, увесистый, имеющий большой вес; 2) тяжёлый, трудный, требующий большого труда; обременительный; 3) *перен.* тяжёлый, серьёзный, опасный; 4) *перен.* тяжёлый, безрадостный, печальный; 5) *перен.* тяжёлый, тяжкий, суровый; 6) *перен.* флегматичный; медлительный (о чело-

²⁰ Словарь курских говоров. Вып. 5: Каба – Кычка / сост. Л.И. Ларина. Курск: Курск. гос. ун-т, 2014. С. 123.

²¹ Словарь кубанских говоров. С. 120.

²² Словарь русских народных говоров. С. 91-92.

²³ Словарь диалектных слов Усть-Кубинского района Вологодской области / сост. З.А. Морозкова. Устье, 2017. С. 26.

²⁴ Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. Москва: Наука, 1980. С. 307.

²⁵ Балакина О.Н., Дедеева В.С. Алтайско-русский словарь. 1-е изд. Горно-Алтайск: РОО «Лепта», 2015. С. 82.

²⁶ Бурят-монгольско-русский словарь: ок. 25000 слов. С приложением краткого грамматического справочника по бурят-монгольскому языку / сост.: К.М. Черемисов; под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. С. 611.

веке). *Күнд* II [кунде] – ‘честь, достоинство, почёт, уважение’²⁷ [14, с. 325]. Здесь мы видим, что курские лексемы *кундюба* ‘неторопливый, медлительный человек’ и *кундюбиться* ‘мешкать, медлить’ имеют семантический эквивалент в калмыцком языке, могут восходить к *күнд* I *перен.* ‘флегматичный, медлительный (о человеке)’. Также возможно, что значение ‘неторопливый, медлительный человек’ вошло в русский язык параллельно, без посредства значений ‘кривой, скрюченный’ и ‘изысканное угощение’.

Обращает на себя внимание тот факт, что территории распространения якутского, бурятского, алтайского языков значительно удалены от территории русского южного наречия, а именно говоров Дона и Кубани. В.И. Супрун и Е.В. Брыкина в статье «Языковая ситуация в Волгоградской области» говорят о том, что с междуречьем Волги и Дона связано своей судьбой значительное число народов, в той или иной степени повлиявших на ход мировой истории. Древние индоевропейцы, насыпавшие здесь свои курганы, многочисленные кочевники, говорившие на формирующихся языках алтайской языковой семьи, спорадически появлявшиеся представители уральской языковой общности, забредавшие сюда носители афразийских и сино-кавказских языков – чуть ли не половина доисторического мира в той или иной степени коснулась в своём становлении и развитии Нижней Волги и Среднего Дона [15, с. 154].

Поскольку мы находим перечисленные выше слова и в тюркских, и в монгольских современных языках, они более ли менее структурно близки к рассматриваемой нами основе и семантически пересекаются с ней и друг с другом в значениях ‘почёт, уважение, угощение’, то можем предположить, что они сохранились там с древних времён, с периода общеалтайского языкового единства, и часть этих лексем могла быть перенята индоевропейцами вместе с элементами быта. Или же слова этой основы были переняты жителями

южных территорий в более поздний период (но не позднее XVI века) в процессе языковых контактов.

Первую версию можно частично проверить, обратившись к этимологическим словарям тюркских и монгольских языков. «Этимологический словарь тюркских языков» приводит синонимичные основы *күн* и *гүн*, отмечая вторую как более позднюю. В языках-источниках словаря эти основы имеют значения ‘день’, ‘солнце’, ‘погода’, ‘жизнь (судьба)’²⁸. Среди значений древних тюркских основ не указано ничего, связанного с угощением, застольем, почётом, уважением.

«Древнетюркский словарь» (содержит лексику, зафиксированную в памятниках древнетюркской письменности VII–XIII веков), приводит омонимы *kün* I 1) солнце; 2) день; 3) с каждым днём; *kün* II ‘родственный’; *kün* III ‘народ, люди’ и производные от них *kündäm* ‘солнечный’; *kündin* (*küntin*), *kündün* (*küntün*), *kündünki* (*küntünki*) – ‘южный’ [16, с. 347, 349]. Здесь также не видим значений, связанных с кулинарией и застольем, уважением. Следовательно, предполагаем, что в тюркских языках значения ‘изысканное угощение, изысканный приём, большое застолье, уважение’ появились в более поздний период, возможно, при взаимодействии с языками монгольской группы, где эти значения, по данным словарей, более древние.

Так «Этимологический словарь монгольских языков» объединяет в одной прамонгольской основе **kündü*, значения слова, которые в словарях современных монгольских языков обозначены как омонимы, то есть генетически возводит их к одной основе: *kündü* халх. *хүнд*, бур. *хүндэ*, калм. *күнд*, орд. *күндү*, бао. *кунтэ*, даг. *кунду* (*хунду*), мнгр. *кунду* – ‘тяжёлый; трудный’; (перен.) ‘почёт, уважение’; бур. ‘угощение’ [17, с. 148]. Здесь ви-

²⁷ Солнце и день в монгольских языках называются разными лексемами, не связанными с рассматриваемой нами основой.

²⁸ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «в», «г», «д». Москва: Наука, 1980. С. 100-103; Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «к» и «қ». Выпуск первый / отв. ред. Г.Ф. Благова. Москва: Языки русской культуры, 1997. С. 88, 142.

дим, что значение ‘угощение, застолье’ ставится в один генетический ряд со значениями ‘тяжёлый, трудный’ и ‘уважение, почёт’. Предполагаемый путь развития: ‘тяжёлый, трудный’ – метафорический перенос – ‘уважение, почёт’ – метонимический перенос – ‘угощение, застолье’. Приведённые лингвистические материалы дают нам одну из версий возникновения значений слов основы *кундюб-*, связанных с застольем и угощением, и развившихся от них значения ‘шуточные пустые разговоры’. Но по сути мы видим только предполагаемую последнюю ступень семантического процесса.

Всё ещё остаётся открытым вопрос о возникновении у слов с рассматриваемой основой значений ‘кривой, скрюченный’. Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратились к источникам, описывающим ещё более древний гипотетически восстанавливаемый период развития языков: ностратический и протоностратический.

Советский учёный-компаративист В.М. Иллич-Свитыч в труде «Опыт сравнения ностратических языков» приводит следующие близкие нашей теме протоностратические основы. *Kūjpa* ‘сгибаться в суставах, костный сгиб’, к которой восходят в том числе среди других и.-е. *genu* / *gneu* ‘колено’ и дравидийское *kūp* ‘горб, изгиб, горбун’²⁹. Вторая основа *gūra* ‘гнуть’, к которой восходят и.-е. *gheub-* ‘сгибаться, кривой’ (в том числе славянское **gъnŭti* ‘гнуть’), алтайское *gübä* ‘изогнутый, выпуклый’ (в том числе корейское *kub-* ‘быть кривым, изогнутым’)³⁰.

Американский лингвист А. Бомхард («Всестороннее введение в ностратическое сравнительное языкознание: со специальными ссылками на индоевропейские языки») сводит две основы, две группы значений, выделенных В.М. Илличем-Свитычем, к одному протоностратическому корню **k'un-* (~ **k'on-*): **k'un-* ‘сгибать; сгибать или складывать вместе; связывать или переплетать

вместе’; **k'un-*а ‘то, что согнуто, сложено, скрючено, изогнутое, крючковатое: сгиб, складка, изгиб, кривизна, угол, морщина’. К этому корню восходят, по мнению автора, среди других следующие основы:

– праиндоевропейская **k'en-/k'on-/k'n-* ‘сгибать, скручивать, выворачивать или связывать вместе’ с её последующей реализацией в том числе среди других, например, в древнеанглийском *snyttan* ‘связывать с узлом’, или средне немецкий *Knuten* ‘завязывать’ (из этой же основы, напомним, вышло славянское **gъnŭti* ‘гнуть’);

– дравидийские *kuin* ‘изгиб, кривизна, горб на спине, горбатый, улитка’ (тамилский), *kunī* ‘изгибаться, становиться кривым, наклоняться, становиться горбатым’, *kiunuka* ‘сутулиться, быть горбатым’ (малаялам), *kun* ‘сгибаться, сутулиться, приседать, сжиматься, съеживаться’ (каннада), *kin* ‘горбун’ (кодагу), *giinu* ‘горб, кривая спина’ (тулу, телугу);

– протоалтайская **kunu-* ‘складывать, скручивать’, далее протомонгольская **kuni-* и письменные монгольские *qguni* ‘складывать, заплетать’, *quniya* – ‘делать косички или складки’ и схожие в других монгольских языках, из этой же основы прототюркская **kun-da-* ‘пеленать, одежда для пеленания’ и генетические производные тюркские названия одежды для пеленания и постели новорождённого, например, киргизское и казахское *кундак* и др.³¹

Приведённые Бомхардом данные снова возвращают нас к кулинарным значениям рассматриваемой основы.

Во-первых, вспомним упомянутые выше лексемы среднерусских и северных говоров *кундак*, *кундук* ‘пирог’, *кундыш* ‘маленький пирожок, булочка’. Сравним с киргизским *кундак* ‘временное ложе из овечьей или верблюжьей шерсти или скрученное жгутом одеяло, на котором лежит новорождённый до того, как его кладут в колыбель’³². С учётом

²⁹ Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b-K). Москва: Наука, 1971. С. 304.

³⁰ Там же. С. 236.

³¹ Bomhard Allan R. A Comprehensive Introduction to Nostratic Comparative Linguistics: With Special Reference to Indo-European. Vol. 1. Fifth revised, corrected, and expanded edition. Florence, 2023. P. 611, 809.

³² Киргизско-русский словарь: в 2 кн. Кн. 1. А-К / сост. К.К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. С. 445.

сказанного выше можно предположить появление у этих слов кулинарных значений путём метафорического переноса: начинка в пирогах «зепёленана», завернута в тесто.

Во-вторых, подтверждается существующая в кулинарных кругах Интернета³³ версия о родстве блюд и названий *кундюбы* и *кнели*, *кнедлики* (*кнедли*). Этимологический словарь Н.М. Шанского указывает, что слово *кнель* заимствовано из франц. яз. в первой четверти XX века. Франц. *quenelle* ‘клецка, фрикаделька’ – адаптация нем. *Knodel* – уменьшит.-ласкат. от *Knode* ‘узел’. *Кнель* буквально – ‘узелок’³⁴. Этимологический словарь немецкого языка указывает *Knödel* ‘клёцка’, от средневерхненемецкого *knödel*, ‘зародыш, клецка’; уменьшительное от средневерхненемецкого *knode*, ‘узел’³⁵. Следовательно, и *кундак* (*кундяк*), и *кундюбы*, и *кнели* названы так, потому что по сути представляют собой свёрнутое, загнутое тесто с начинкой или без.

Все лексемы рассматриваемой основы, называющие изделия из теста, таким образом, восходят к древней праностратической основе со значением ‘сгибать’, реализовавшейся в праиндоевропейском *k'ep-/k'on- – ‘сгибать, скручивать, выворачивать или связывать вместе’, протоалтайском *kupu- ‘складывать, скручивать’, *kun-da- ‘пеленать, одежда для пеленания’ и др. (современные *кнели*, *кнедли*, *кнедлики*, *кундюбы*, *кундюмы*).

К этой же древнейшей основе восходят и значения, связанные с внешним видом человека и свойствами овощей ‘кривой, скрюченный’ – сравним дравидийские *kuin* ‘изгиб, кривизна, горб на спине, горбатый, улитка’, *kūn* ‘горб, изгиб, горбун’ и др., и.-е. *genu* / *gneu* ‘колено’ и др. (современные *кундюбий*, *кундюбный*, *кундюбенький*, *кундюбух*).

Заметим, что в сети Интернет среди людей, интересующихся лингвистикой, выдвигается версия происхождения прилагательно-

го *кундюбий* из санскрита (Андрей Коваленко. <https://vk.com/id744785012>). Всё сказанное в нашем исследовании выше, конечно, опровергает версию происхождения основы *кундюб-* напрямую из санскрита, однако не исключает возможности аналогий рассматриваемой основы в санскрите, появившихся в нём таким же образом из более древних ностратических праязыковых основ, как и в других ветвях языкового древа.

Напомним, что выше говорилось о ближайших по форме и значению к исследуемой основе *кундюб-* лексемах якутского языка (*кундү* ‘изысканное угощение, изысканный приём’). Исследователи якутского языка³⁶ говорят о наличии в нём большого пласта древнейшей лексики, общей с санскритом, проводят множество санскритско-якутских лексических параллелей, которые доказывают взаимодействие индоевропейских и алтайских языков не в период существования письменного санскрита, а в более ранний период на уровне праязыков [18].

Санскритско-русский словарь В.А. Коцергиной, санскритско-английский словарь Т.А. Бенфея, «Практический санскритско-английский словарь» указывают следующие единицы, предположительно восходящие к упомянутым Илличем-Свитычем и Бомхардом праностратическим основам. *Kut* ‘сгибать гнуть’, ‘покорять’, ‘разделять раздроблять’, ‘сжечь’, ‘калечить’³⁷ [19, с. 162]; *kunt* ‘калечить’, *kund* ‘калечить’, ‘нагревать’, ‘сохранять’³⁸. Вероятно, родственными являются лексемы *kundala* ‘кольцо’, ‘круг’, ‘серьга’, *kundalin* ‘носящий серьги, украшенный серьгами’, ‘круглый, спиралевидный’, ‘извивающийся (как змея)’, ‘змея’³⁹ [19, с. 162]. Санскрит как язык письменности и культуры сохранил эти лексемы во всем богатстве их семантики, позволяющем видеть искомые нами

³³ Происхождение названий разных видов пельменей: svetorusie // LiveJournal. 13.12.2019. URL: <https://svetorusie.livejournal.com/249265.html> (дата обращения: 08.01.2025).

³⁴ Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Вып. 8. К / под ред. Н.М. Шанского. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 171.

³⁵ An etymological Dictionary of the German Language. London, 1981. P. 183.

³⁶ Сидоров Е.С. Санскритско-якутские лексические параллели: (пособие по языкознанию в помощь изучающим компаративистику). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1992. 31 с.

³⁷ Benfey T.A. Sanskrit-English Dictionary. London, 1866. P. 190; The practical sanskrit-english dictionary. Delhi, 1985. P. 361.

³⁸ Benfey T.A. Sanskrit-English Dictionary. P. 192.

³⁹ Benfey T.A. Sanskrit-English Dictionary. P. 193; The practical sanskrit-english dictionary. P. 361.

аналогии и по возможности реконструировать семантическое развитие лексем, восходящих к древним основам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытожим все сказанное выше и постараемся выстроить схему развития значений основы *кундюб*-. Если придерживаться мнения, что все рассматриваемые лексемы восходят к одной протоностратической основе и первичным было значение ‘сгибаться’, то первой ступенью семантических изменений будем считать значение ‘кривой, скрюченный’, далее из него развились значения ‘маленький’ и ‘курносый’ и далее значение ‘ласковое обращение к женщине или девочке’. Параллельно (ни в коем случае не берёмся утверждать, что одновременно) из значения ‘сгибать’ развилась кулинарная семантика основы, то есть значения ‘пирог, пирожок, блюдо из теста с начинкой’ и пр., то есть «согнутый» пирог. Далее из последнего, возможно, сформировалось значение ‘лакомства, сладости, изысканное угощение’ и далее – ‘шуточные пустые разговоры’.

Такая версия развития семантики была бы бесспорной, если бы мы не учитывали современные и исторические материалы тюркских и монгольских языков, а именно указанную в этимологических словарях связь значения ‘застолье, угощение’ со значениями ‘солнце, день’ (в тюркских языках) и ‘тяжёлый, трудный, уважение, почёт’ (в монгольских языках).

В поисках ответа на этот вопрос можно предположить одно из следующих допущений.

1. Якутское *күндү* ‘изысканное угощение, изысканный приём’, алтайское *күндү* ‘застолье, угощение’, бурятское *хүндэ* ‘угощение’ никак не связаны со словами рассматриваемой нами основы, имеющими значения ‘кривой, скрюченный’, ‘пирог, пирожок, блюдо из теста с начинкой’, и восходят к другим древним основам, нашедшим свою реализацию в значениях ‘солнце, день’ или ‘тяжёлый, трудный, уважение, почёт’. При

этом мы должны не принимать во внимание явную семантическую и структурную общность функционирующих в современных живых языках лексем. В этой ситуации также не связанными с нашей основой оказываются слова со значениями ‘медлительный, медлить’, поскольку они явно родственны калмыцкому *күнд* [кунде] *перен.* ‘флегматичный; медлительный (о человеке)’.

2. Указанные тюркские и монгольские слова все же родственны рассматриваемым нами диалектным словам с основой *кундюб*-, то есть восходят к той же протоностратической основе, но тогда придётся поставить под сомнение данные тюркских и монгольских словарей, генетически объединяющих лексемы *күндү*, *күндү*, *хүндэ* со значением ‘угощение’ и слова *күн* со значениями ‘солнце, день’ (в тюркских языках) и *күнд* [кунде], *хүндэ* ‘тяжёлый, трудный, уважение, почёт’ (в монгольских языках).

3. Лексемы, восходящие к протоностратической основе со значением ‘сгибать’ и тюркские и монгольские со значениями ‘солнце, день’ и ‘тяжёлый, трудный, уважение, почёт’, всё же связаны генетически, но нам не удалось найти связующие звенья исторической цепи. Возможно, некоторые «зацепки» в поиске таких звеньев можно найти в санскрите, где слово *kut* наряду со значением ‘сгибать гнуть’, имеет также значение ‘сжечь’. Учитывая тот факт, что тюркизм *күн* ‘солнце’ восходит к глаголу *көй* ‘гореть, жечь’ и далее к древней пратюркской глагольной основе **kōn* /**kōj* /**kūn* ‘гореть’⁴⁰, можно гипотетически предположить наличие связи этих древнейших основ, косвенно закреплённой в лексике санскрита. Таким образом, вопрос о словах *күндү*, *күндү*, *хүндэ* остаётся открытым и его предстоит решать в дальнейших исследованиях.

⁴⁰ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «в», «г», «д». С. 100-103; Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «к» и «қ». С. 88, 142.

Список источников

1. Кузнецова Е.В., Тишина Е.В. Прилагательные со значением 'некрасивый' в говорах Волгоградской области // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2024. № 1. С. 73-80. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10987985>, <https://elibrary.ru/odojmx>
2. Ремчуков В.Н. Толковый казачий словарь. Волгоград: Станица-2, 2011. 207 с. <https://elibrary.ru/qwoaij>
3. Флягина М.В. Внешний облик человека в донской диалектной картине мира // Научная мысль Кавказа. 2023. № 3 (115). С. 98-103. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2023-115-98-103>, <https://elibrary.ru/jzrnzs>
4. Флягина М.В. Имена прилагательные тематической группы «Природа» в донских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016 / отв. ред. С.А. Мызников. Санкт-Петербург: ООО «Нестор-История», 2016. С. 461-469. <https://elibrary.ru/xxeqkn>
5. Степанченко В.И. Говорим, гутарим, балакаем и применяем!: в 2 ч. Санкт-Петербург: Медиа Групп, 2009. Ч. 1. 171 с. <https://elibrary.ru/qvbfxd>
6. Ткаченко П.И. Кубанский говор: балачка: опыт авторского словаря. Краснодар: Традиция, 2011. 397 с. <https://elibrary.ru/qwepox>
7. Словарь донских говоров Волгоградской области: около 17000 слов / авт.-сост.: Р.И. Кудряшова, Е.В. Брыкина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011. 703 с. <https://elibrary.ru/qwpxdz>
8. Романов Д.А., Красовская Н.А. Материалы к словарю тульских говоров: По итогам диалектологических экспедиций 2008 года. Тула: Тульский полиграфист, 2008. 380 с. <https://elibrary.ru/qqetf>
9. Похлёбкин В.В. Кулинарный словарь. Москва: Центрполиграф, 2009. 502 с. <https://elibrary.ru/qnhznp>
10. Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: в 2 т. Т. 2. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Москва: Языки русской культуры, 2001. 792 с. <https://elibrary.ru/raziyz>
11. Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск: Новосиб. отд-е изд-ва «Наука», 2002. Т. 3. 488 с. <https://elibrary.ru/vumcfp>
12. Кузнецова Е.В. Семантическое варьирование в словообразовательном гнезде: лингвогеографический аспект // Неофилология. 2020. Т. 6. № 22. С. 250-261. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-250-261>, <https://elibrary.ru/jnuuij>
13. Якутско-русский словарь: 25300 слов / под ред. П.А. Слепцова. Москва: Сов. энциклопедия, 1972. 605 с. <https://www.elibrary.ru/yhntab>
14. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. Москва: Калмыц. ин-т гум. исследований РАН, 1977. 768 с. <https://elibrary.ru/siscfn>
15. Супрун В.И., Брыкина Е.В. Языковая ситуация в Волгоградской области // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (98). С. 154-160. <https://elibrary.ru/tsceor>
16. Древнетюркский словарь / Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин и др. Ленинград: С.-Петерб. изд.-книготорг. фирма «Наука», 1969. 676 с. <https://elibrary.ru/sfhrmz>
17. Орловская М.Н., Санжеев Г.Д., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Москва: Ин-т востоковедения РАН, 2016. Т. 2. 232 с. <https://elibrary.ru/wncgvp>
18. Гоголев А.И. Индоевропейские связи в формировании древнетюркской культуры (на этнокультурном языковом материале тюркоязычных народов Сибири) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2015. Т. 12. № 1. С. 64-74. <https://elibrary.ru/tmksjl>
19. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь: около 30000 слов с приложением «Грамматического очерка санскрита» А.А. Зализняка / под ред. В.И. Кальянова. Москва: Академ. проект, 2005. 943 с. <https://elibrary.ru/qrrjjv>

References

1. Kuznetsova E.V., Tishina E.V. Adjectives with meaning ‘ugly’ in dialects of volgograd region. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya = Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*, 2024, no. 1, pp. 73-80. (In Russ.) <https://doi.org/10.5281/zenodo.10987985>, <https://elibrary.ru/odojmx>
2. Remchukov V.N. *Explanatory Cossack Dictionary*. Volgograd, Stanitsa-2 Publ., 2011, 207 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwoaij>
3. Flyagina M.V. The external appearance of a person in the don dialect picture of the world. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*, 2023, no. 3 (115), pp. 98-103. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2023-115-98-103>, <https://elibrary.ru/jzrnzs>
4. Flyagina M.V. Adjectives of the thematic group “Nature” in Don dialects. *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2016*. St. Petersburg, LLC «Nestor-Istoriya» Publ., 2016, pp. 461-469. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xxeqkn>
5. Stepanchenko V.I. *Speak, Chatter, Babble and Apply! in 2 pt.* St. Petersburg, Media Group Publ., 2009, pt. 1, 171 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qvbfxd>
6. Tkachenko P.I. *Kuban Accent: Balachka: Experience of Author's Dictionary*. Krasnodar, Traditsiya Publ., 2011, 397 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwepox>
7. Kudryashov R.I. (comp.) *Dictionary of Don Dialects of the Volgograd Region: about 17000 Words*. Volgograd, Izdatel' Publ., 2011, 703 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwpxdz>
8. Romanov D.A., Krasovskaya N.A. *Materials for the Dictionary of Tula Dialects: Based on the Results of Dialectological Expeditions in 2008*. Tula, Tul'skii poligrafist Publ., 2008, 380 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qyqetf>
9. Pokhlebkina V.V. *Culinary Dictionary*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2009, 502 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qnhznp>
10. Zabelin I.E. *Domestic Life of the Russian People in the 16th and 17th Centuries: in 2 vols. Vol. 2. Domestic Life of Russian Tsars in 16th and 17th Centuries*. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 2001, 792 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/raziyz>
11. Fedorov A.I. (ed.) *Dictionary of Russian Dialects of Siberia: in 5 vol.* Novosibirsk, Novosibirsk branch of the “Nauka” Publ., 2002, vol. 3, 488 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vumcfp>
12. Kuznetsova E.V. Semantic variation in the word-building nest: linguo-geographical aspect. *Neofilologiya = Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 250-261. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-250-261>, (In Russ.) <https://elibrary.ru/jnuuij>
13. Sleptsov P.A. (ed.) *Yakut-Russian Dictionary: 25300 Words*. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1972, 605 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/yhntab>
14. Muniev B.D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow, Kalmyk Institute of Humanities Research of the Russian Academy of Sciences Publ., 1977, 768 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/siscfn>
15. Suprun V.I., Brysina E.V. Language situation in the Volgograd region. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2015, no. 3 (98), pp. 154-160. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tsceor>
16. *Ancient Turkic Dictionary*. Leningrad: Saint-Petersburg publishing and book-trading firm “Nauka”, 1969, 676 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sfhrmz>
17. Orlovskaya M.N., Sanzheev G.D., Shevernina Z.V. *Etymological Dictionary of Mongol Languages: in 3 Vols.* Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, vol. 2, 232 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wncgvp>
18. Gogolev A.I. Indo-European origins in the formation of the ancient Turkic culture. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova = Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov*, 2015, vol. 12, no. 1, pp. 64-74. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tmksjl>
19. Kochergina V.A. *Sanskrit-Russian Dictionary: about 30000 Words with an Appendix of “Grammatical Sketch of Sanskrit” by A.A. Zaliznyak*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2005, 943 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qrrjjv>

Информация об авторе

КУЗНЕЦОВА Елена Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-7669-4147>, kev7-78@mail.ru

Поступила в редакцию 27.01.2025

Поступила после рецензирования 06.05.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Elena V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Teaching Methodology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0006-1418-0155>, kev7-78@mail.ru

Received 27.01.2025

Revised 06.05.2025

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-273-282>

Шифр научной специальности 5.9.5

Языковые особенности молодёжной интернет-коммуникации

Анастасия Михайловна Сергеева¹ , Лариса Сергеевна Моисеева²

¹МБУ «Централизованная библиотечная система» г. Рассказово

393250, Российская Федерация, Тамбовская обл., г. Рассказово, ул. Пушкина, 12

²ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 SergeevaAnastasia3256@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время интернет-коммуникация является уникальной средой, в которой отражаются языковые особенности молодёжного общения, отличающиеся от традиционного способа общения. Целью исследования является анализ языковых средств, используемых в молодёжной интернет-коммуникации. Изменения в языковых особенностях интернет-коммуникации в настоящее время сопряжены не только с использованием молодёжного жаргона и сленга, аббревиатур и сокращений, но и различных графических изображений, отражающих эмоциональный настрой высказываний. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили тексты переписки молодых коммуникантов в сети Интернет, в мессенджерах «Телеграм», «ВКонтакте». Исследование эмпирического материала проведено на основе описательного и сравнительного методов, использовался метод сплошной выборки текстовых единиц и метод лингвистического анализа, направленный на выявление системы языковых средств для определения словесных конструкций и языковых единиц. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлены специфические лексические средства (лексемы молодёжного компьютерного сленга), сокращения, эмодзи и эмотикон, служащие для передачи эмоционального содержания сообщений в молодёжной интернет-коммуникации. Доказано, что любые изменения в молодёжной интернет-коммуникации необходимо фиксировать, чтобы ориентировать молодых людей на кодифицированное использование русского языка. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Установлено, что молодёжное общение в интернет-среде, отличающееся от традиционной формы коммуникации, проявляется в грамматике и орфографии русского языка, в развитии явлений парцелляции и сокращения, в проникновении интернет-сленга в живое повседневное общение. Результаты могут быть использованы в рамках филологического и лингвистического анализа текста, при изучении языка Интернета и интернет-стиля.

Ключевые слова: Интернет, интернет-коммуникации, мессенджеры, языковые особенности, молодёжный сленг, эмодзи, эмотиконы

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: А.М. Сергеева – разработка концепции исследования, анализ результатов эмпирического исследования, написание черновика рукописи. Л.С. Моисеева – сбор и анализ научной литературы, проведение исследования, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сергеева А.М., Моисеева Л.С. Языковые особенности молодёжной интернет-коммуникации // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 273-282. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-273-282>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-273-282>

OECD 6.02; ASJC 1203

Linguistic features of youth internet communication

Anastasia M. Sergeeva¹ , Larisa S. Moiseeva²

¹“Centralized Library System” of Rasskazovo

12 Pushkina St., Rasskazovo, 393250, Tambov Region, Russian Federation

²Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 SergeevaAnastasia3256@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. Currently, Internet communication is a unique environment that reflects the linguistic features of youth communication, which differ from the traditional way of communication. The purpose of the study is to analyze the language means used in youth Internet communication. Changes in the linguistic features of Internet communication are currently associated not only with the use of youth jargon and slang, abbreviations and contractions, but also various graphic images reflecting the emotional mood of statements. **MATERIALS AND METHODS.** The materials for the research are the texts of correspondence of young communicators on the Internet in messengers such as “Telegram” and “VKontakte”. The study of empirical material has been conducted based on descriptive and comparative methods, the method of continuous sampling of text units and the method of linguistic analysis aimed at identifying the system of linguistic means for determining verbal constructions and language units are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** Specific lexical means (lexemes of youth computer slang), abbreviations, emoji and emoticon are identified, serving to convey the emotional content of messages in youth Internet communication. It is proved that any changes in youth Internet communication must be recorded in order to orient young people to the codified use of the Russian language. **CONCLUSION.** It has been established that youth communication in the Internet environment, which differs from the traditional form of communication, is manifested in the grammar and spelling of the Russian language, in the development of the phenomena of parcellation and abbreviation, in the penetration of Internet slang into live everyday communication. The results can be used in the framework of philological and linguistic text analysis, when studying the language of the Internet and Internet style.

Keywords: Internet, Internet communications, messengers, language features, youth slang, emoji, emoticons.

Funding. This research received no external funding.

Authors’ Contribution: A.M. Sergeeva – research concept development, empirical research results analysis, writing - original draft preparation. L.S. Moiseeva – scientific literature collection and analysis, research investigation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Sergeeva, A.M., & Moiseeva, L.S. Linguistic features of youth internet communication. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):273-282. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-273-282>

ВВЕДЕНИЕ

В современном информационном обществе интернет-коммуникация занимает центральное место в повседневной жизни. Виртуальные платформы предоставляют уникальные возможности для общения и обмена информацией, преодолевая географические, языковые и культурные барьеры. Актуальность исследования языка Интернета определяется влиянием «виртуального пространства на сознание и образ жизни современной молодёжи» [1, с. 51]. Цель данного исследования – анализ языковых средств, используемых в интернет-коммуникации молодёжи.

Научные исследования по данной проблеме довольно широки и включают в себя работы как отечественных, так и зарубежных авторов. Проблемы развития интернет-коммуникации рассматривались в различных аспектах, например, как средства речевого воздействия [2], анализировались стилистические [3], вербальные и невербальные особенности функционирования в Интернете [4]. Обращают на себя внимание работы, в которых указывается влияние данного вида общения на развитие русского языка и на формирование культуры речи [5], прогнозируются тенденции развития данного вида коммуникации в современном мире [6]. В последнее время появились работы, посвящённые семиотике эмодзи [7] и влиянию их на общение в качестве средства проявления различных эмоций и речевой агрессии [8], в частности, изучалось функционирование эмодзи в электронной коммуникации [9], межличностном общении [10; 11].

В научной литературе под термином «интернет-коммуникация» принято понимать всевозможные виды общения на различных платформах в сетевом пространстве. Как правило, это коммуникативная связь основана на построении диалога или полилога пользователями ресурсов Интернета (двух или более человек). Для подобных коммуникаций характерно выстраивание «адресант-адресант» отношений, в ходе которых возможно осуществление отправки и получения незамедлительного ответа коммуникантов [12]. Т.Ю. Виноградова в исследованиях от-

ражает следующие особенности общения в интернет-пространстве: добровольность коммуникантов в общении; наличие анонимности, которая логичным образом снижает уровень психологического напряжения между коммуникантами; затруднение проявления эмоциональности общения, что может быть ярко выражено в живом общении; стремление к нетипичному общению между участниками интернет-коммуникации, что становится возможным за счёт снижения уровня цензурного контроля [13].

Данная статья содержит результаты исследования наиболее ярких языковых особенностей в молодёжной коммуникации на страницах Интернета, отражающего вид речевой деятельности, основанной на непринуждённом общении коммуникантов. Особое внимание при анализе уделяется различным видам сокращений слов, графическим изображениям в виде смайлов, эмодзи, эмотиконов, сленговой лексике, как неотъемлемой составляющей молодёжного дискурса, и некоторым видам нарушений нормативного русского написания.

Общение в мессенджерах является динамической сферой, имеющей ряд характерных параметров, выражающихся в грамматических, синтаксических, орфографических особенностях языковых средств, используемых в основном молодыми людьми. Согласно работе И.С. Шаповаловой, среди активных пользователей Интернета 48 % признаются, что тратят своё свободное время на «блуждание» по просторам Интернета, а 34 % отдают предпочтение посещению социальных сетей [14, с. 149].

«По данным Всероссийского центрального исполнительного комитета, ежегодно социальными сетями пользуются 89 % подростков в возрасте от 14 до 17 лет» [15]. При проведении социальных опросов было выявлено статистическое соотношение в процентах, отражающее использование молодёжью ресурсов Интернета. «Подавляющее большинство подростков (98 %) отметили, что используют Интернет ежедневно, среди людей старше 18 лет об этом сообщили 69 % респондентов» [15].

Поэтому можно отметить, что именно молодое поколение является активным пользователем актуальных мессенджеров. Специфика молодёжного общения в Интернете представляет большой интерес для лингвистического исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили тексты переписки молодых коммуникантов в сети Интернет, а именно анализу подвергалась переписка в мессенджерах «Телеграм» и «ВКонтакте». Исследование проведено на основе описательного и сравнительного методов, использовался метод сплошной выборки текстовых единиц и метод лингвистического анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С каждым годом повышается уровень активизации используемых интернет-ресурсов в жизнедеятельности современного общества. Поэтому коммуникация между людьми всё чаще совершается в формате виртуального общения через ежегодно совершенствующиеся механизмы различных гаджетов. Это позволяет ускорить процесс построения диалога или монолога, значительно расширить круг общения в режиме онлайн, завести новых друзей. Особая среда Интернета позволяет реализовать бытование речи коммуниканта в форме письменного разговорного языка.

Особенности интернет-коммуникаций молодёжи заключаются в следующем:

- 1) активное использование эмодзи и стикеров, как универсальных средств межкультурного общения;
- 2) включение в языковые средства сленговых слов, как одну из составляющих речи молодёжи в сфере интернет-пространства;
- 3) наличие орфографических, пунктуационных, речевых и грамматических особенностей виртуальных сообщений.

К первой категории относятся экстралингвистические и паралингвистические элементы, наиболее популярными из которых считаются эмодзи и стикеры. Для

данной категории характерно невербальное содержание, выраженное в форме средств дискурса в пространстве Интернета. К таким средствам относятся следующие:

- 1) идеограммы;
- 2) смайлики;
- 3) пиктограммы» [16, с. 13].

В.В. Кашин отмечает: «Знак, по Пирсу, является репрезентантом, представляющим кому-либо что-либо в некотором отношении. Он адресован и создаёт в сознании Другого знак – интерпретант первого знака» [17, с. 130]. К таким символам можно отнести эмодзи и стикеры.

Изначально использование стикеров подразумевало возможность выражения таких эмоций, как грусть, радость, обиду и любую другую сторону проявления настроения. В дальнейшем «ассортимент» эмодзи был расширен, были созданы словари, описывающие то или иное значение конкретного эмодзи. Примечательным является то, что само ядро стикеров составляет исключительно языковое культурное явление метафоры, которая предполагает перенос качеств одного предмета на другой, что предполагает создание индивидуального образного поля.

Вторая группа отличительных особенностей коммуникации молодёжи в мессенджерах – наличие сленговых слов.

Сленг представляет собой разновидность жаргонной формы языка. Как правило, он характеризует отдельные социальные группы, обладающие индивидуальными представлениями о языковой картине мира [18]. Так, может быть представлен сленг молодёжи, студенческий сленг, профессиональный сленг [19, с. 126]. Сленговые слова и выражения, которыми молодёжь активно пользуется в Интернете, являются неотъемлемой частью современной онлайн-культуры. Они не только придают разговору непринуждённость и неповторимый колорит, но и являются способом выражения собственной индивидуальности и принадлежности к определенной подгруппе молодёжи.

Одним из самых заметных и популярных явлений в этом контенте является использование аббревиатур, которые упрощают и ускоряют процесс коммуникации, особенно в

мессенджерах и социальных сетях. Например, такое выражения, как «лол» от laughing out loud – громко смеюсь, уже давно стало частью массовой культуры.

В Сети молодёжь активно прибегает к использованию различных сленговых слов и фраз, чтобы выразить эмоции, описать какие-либо явления или просто подчеркнуть свою причастность к определённой субкультуре. Например, слова «абьюзер» или «сэлфи» в наши дни стали часто использоваться в молодёжной среде. С течением времени база сленговых слов меняется и пополняется. Одни слова уходят из речи молодого поколения, на смену им приходят другие. Бывают случаи, когда сленгизмы, которые не были когда-то актуальны, возвращаются в употребление, но приобретают новое значение. В 2023 г. вновь в сленговую составляющую речи вернулись такие слова, как «Масик», «Чечик», «Штрих», «Тюбик» и мн. др. Появились и новые слова, образованные от английских слов и фраз, например: «Тишка» образовалась от английского «T-shirt», что означает футболка или «Сусси», образованное от слова «Sus», что является сокращением от слова «Suspectful». В переводе «Сусси», как и «Suspectful» означает подозрительного человека, «Chill» – отдых или расслабление, «Lit» – «отлично».

К третьей категории специфики общения в мессенджерах относятся орфографические, пунктуационные, речевые и грамматические особенности сообщений.

Особенности языкового контекста сообщений в мессенджерах проявляются в том, что воссоздавать подобие живого общения, за счет использования различных средств, таких как гиперболизация вопросительных и восклицательных знаков, использование многоточия для воспроизведения эффекта задумчивости собеседника. В сообщениях встречаются также схематические скобки, которые могут быть употреблены в конце фразы, для отражения эмоционального спектра. Всё вышеперечисленное является отражением пунктуационных особенностей сообщений. Приведём несколько примеров из социальных сетей и мессенджеров:

1) чрезмерное использование многоточия:

– Не знаю.....¹

– Пойду, наверное, спать...²

2) использование более одного вопросительного и восклицательного знака в одном сообщении:

– С днём рождения!!!!³

– Никто не признался???⁴

– Посмотрим ещё какой кофе он пьёт!!!!⁵

3) использование скобок в контексте предложения:

– Конечно)))⁶

– Как так?)))⁷

Таким образом, на уровне пунктуационных и графических средств сообщения в мессенджерах кардинальным образом отличаются от образцов письменной и устной речи. Наряду с привычными знаками препинания, используемыми в сфере виртуальной модальности, могут быть употреблены различные эмодзи и эмодзи, дополняющие ос-

¹ Переписка Телеграм / Используется с согласия собеседника. <https://web.telegram.org/a/#1536976624>. Здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены полностью.

² Переписка Телеграм / Используется с согласия собеседника. URL: <https://web.telegram.org/a/#1536976624>

³ Переписка в ВКонтате / Используется с согласия собеседника. URL: https://vk.com/im?msgid=1029287&peers=297608044_730855427_232763665_-226435588_361768875&q=%D1%81%20%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%BC%20%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F&sel=587283539

⁴ Переписка в ВКонтате / Используется с согласия собеседника. URL: https://vk.com/im?peers=308619128_23571958_587283539_297608044_730855427_232763665_-226435588_361768875&sel=258350157

⁵ Переписка в ВКонтате / Используется с согласия собеседника. URL: https://vk.com/im?msgid=1022150&peers=308619128_258350157_23571958_587283539_730855427_232763665_-226435588_361768875&q=%D0%B0%D0%BA%3F%3F&sel=297608044

⁶ Переписка в ВКонтате / Используется с согласия собеседника. URL: https://vk.com/im?peers=258350157_23571958_587283539_297608044_730855427_232763665_-226435588_361768875&sel=308619128

⁷ Переписка в ВКонтате / Используется с согласия собеседника. URL: https://vk.com/im?msgid=1042880&peers=510690103_228593611_361768875_258350157_404094019&q=%D0%9A%D0%B0%D0%BA%20%D1%82%D0%B0%D0%BA%3F%3F&sel=235636191

новой контекст написанного сообщения визуальными составляющими:

Какая красота!!!!   Кариночка, родная, отрывок очень классный и нереально крутой!!!!   Просто пушка!!!!   Мне очень нравится!!!!   Ты молодец, что пробуешь разные жанры. У тебя очень круто получается!!!!   С нетерпением жду релиз этого потрясающего, бомбического и нереально крутого трека!!!!   Я тебя очень люблю!!!!   Обожаю!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!

      Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!

      Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!

      Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!

      Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!

      Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!

      Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!

      Ты самая лучшая!!!!   Ты самая лучшая!!!!

осознанный характер. В следующем диалоге один из собеседников с низким уровнем грамотности совершает ошибку, а второй собеседник это подчёркивает, дублируя её в свой ответ:

– Добрый вечер по поводу телефон за 9000р или 9500р не ододите срочно куплю
– Не ододю¹⁶

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пространство в сети Интернет имеет ряд характерных лексических, грамматических, орфографических и синтаксических особенностей языкового строя, что находит отраже-

ние в диалогах и полилогах коммуникантов. Письменные сообщения в мессенджерах и социальных сетях указывают на существование «сетевого языка», осуществляющего своё функционирование на базе ресурсов Интернета. Данный язык обладает специфическими особенностями, которые используются и с лёгкостью воспринимаются активными пользователями.

Языковое общение молодёжи в мессенджерах отличается от традиционных форм, принятых в письменной и устной речи. Эти особенности заключаются в использовании разнообразных сокращений, которые позволяют увеличить плотность передаваемой информации, применении молодёжного сленга, эмодзи и эмотиконов для создания эмоционального тона сообщений.

¹⁶ Пример переписки из записи в ВКонтakte. URL: https://vk.com/im?sel=258350157&z=photo-45938293_366948027%2Fwall-45938293_34587

Список источников

1. Мигунова Ю.В. Особенности влияния виртуального пространства на современную молодёжь // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 51-55. <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.11.6>, <https://elibrary.ru/lrbemc>
2. Ганеева Л.В. Средства речевого воздействия в современной интернет-коммуникации (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 326-328. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-5102-326-328>, <https://elibrary.ru/xwmygf>
3. Potapova R.K. Stylistic features of Russian-language Internet communication of the younger generation // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2023. № 7 (875). P. 101-111. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_7_875_101, <https://elibrary.ru/klnryg>
4. Andreeva E.Yu. Problems of verbal and non-verbal communication of multinational students on the Internet // Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya. 2024. № 3 (106). P. 492-494. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-3106-492-494>, <https://elibrary.ru/pvpfzb>
5. Buryak N.Yu. The impact of Internet communications on the Russian language and culture of speech // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 11-1 (62). P. 31-33. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-11-1-31-33>, <https://elibrary.ru/dfoqcm>
6. Несина В.В. Тенденции развития интернет-коммуникации в современной России // Гуманитарный научный вестник. 2023. № 5. С. 11-14. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8033503>, <https://elibrary.ru/uyfdls>
7. Балян С.Н. Семиотика эмодзи // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2023): сб. материалов Междунар. науч. конф. молодых исследователей. Москва: Рос. гос. ун-т им. А.Н. Косыгина, 2023. С. 184-189. <https://elibrary.ru/fbbbjb>
8. Лю Ц. Эмодзи как средство проявления речевой агрессии в интернет-коммуникации (на материале русского и китайского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 2 (870). С. 66-70. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_2_870_66, <https://elibrary.ru/frjoog>
9. Шутова Л.С. Функционирование эмодзи в электронной коммуникации // Иностранные языки и современные тенденции в иноязычном образовании: материалы 8 Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра филол. н., профессора ВГПУ Сергея Самуиловича Беркнера. Воронеж: ВГПУ, 2024. С. 178-184. <https://elibrary.ru/dwodeo>
10. Nenasheva Y.A. Emoji – means of sharing “common knowledge” about emotions and their intonation in discourse // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 1 (37). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.15>, <https://elibrary.ru/ovliqg>

11. Воякина Е.Ю. Визуализация современной цифровой коммуникации: эмодзи вместо слов // Преподаватель XXI век. 2023. № 2-2. С. 392-404. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2023-2-392-404>, <https://elibrary.ru/hhrwze>
12. Холод А.Л. Понятие интернет-коммуникаций // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 11. Минск: ИВЦ Минфина, 2017. Ч. 1. С. 298-302. <https://elib.bsu.by/handle/123456789/179884>
13. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань: Казан. (Приволж.) фед. ун-т, 2004. С. 63-67. <https://elibrary.ru/vlvayh>
14. Шаповалова И.С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования. 2016. № 4 (372). С. 148-151. <https://elibrary.ru/trrqpz>
15. Гуреева А.Н. Трансформация медиакоммуникационного взаимодействия государства и молодежи в России в контексте медиатизации политики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 6. С. 160-181. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2020.160181>, <https://elibrary.ru/mfwjsq>
16. Бабух А.В. Эмотиконы и эмодзи в интернет-коммуникации // Журналистика – медиалогия – наставничество: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Б.В. Стрельцова. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2023. С. 13-17. <https://elibrary.ru/welqhy>
17. Кашиин В.В. Чарльз Пирс о репрезентирующей функции знака // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 7 (113). С. 127-132. <https://elibrary.ru/mssfbf>
18. Исрафилова А.Х., Котельникова Н.П. Сленг в речи современного подростка // Юный учёный. 2017. № 1 (10). С. 1-3. <https://elibrary.ru/ygkjhx>
19. Горишуква К.М. Сленг в речи современной русскоязычной молодежи // Семиотика волонтерства как социокультурный феномен: материалы межвуз. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. аграрный ун-т им. И.Т. Трубилина, 2019. С. 126-128. <https://elibrary.ru/vmeqfr>
20. Голошубина О.К. Разговор в мессенджере как специфический жанр интернет-коммуникации // Вестник Омского университета. 2015. № 1 (75). С. 208-212. <https://elibrary.ru/tqirvn>

References

1. Migunova Yu.V. Peculiarities relating to the impact of virtual space on modern youth. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2021, no. 11, pp. 51-55. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.11.6>, <https://elibrary.ru/lrbemc>
2. Ganeeva L.V. Means of speech influence in modern Internet communication (using the example of the Vkontakte social network). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2023, no. 5 (102), pp. 326-328. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-5102-326-328>, <https://elibrary.ru/xwmygf>
3. Potapova R.K. Stylistic features of Russian-language Internet communication of the younger generation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2023, no. 7 (875), pp. 101-111. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_7_875_101, <https://elibrary.ru/klnryg>
4. Andreeva E.Yu. Problems of verbal and non-verbal communication of multinational students on the Internet. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2024, no. 3 (106), pp. 492-494. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-3106-492-494>, <https://elibrary.ru/pvpfzb>
5. Buryak N.Yu. The impact of Internet communications on the Russian language and culture of speech. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, no. 11-1 (62), pp. 31-33. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-11-1-31-33>, <https://elibrary.ru/dfoqcm>
6. Nesina V.V. Trends in the development of Internet communication in modern Russia. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*, 2023, no. 5, pp. 11-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.5281/zenodo.8033503>, <https://elibrary.ru/uyfdls>
7. Balyan S.N. Emoji semiotics. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh issledovatelei «Sotsial'no-gumanitarnye problemy obrazovaniya i professional'noi samorealizatsii (Sotsial'nyi inzhener-2023)» = Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference of Young Researchers "Socio-Humanitarian Problems of Education and Professional Self-Realization (Social Engineer-2023)"*. Moscow, Kosygin University Publ., 2023, pp. 184-189. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fbbbjb>

8. Lyu TS. Emoji as a manifestation means of verbal aggression in Russian and Chinese Internet communication. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2023, no. 2 (870), pp. 66-70. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_2_870_66, <https://elibrary.ru/frjoog>
9. Shutova L.S. Function of emojis in electronic communication. *Materialy 8 Vserossiiskoi nauchnoi prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskikh nauk, professora VGPU Sergeya Samuilovicha Berknera «Inostrannye yazyki i sovremennye tendentsii v inoyazychnom obrazovanii» = Proceedings of the 8th All-Russian Scientific and Practical Conference devoted to the 100th Anniversary of the Birth of Doctor of Philological Sciences, Professor of VSPU Sergey Samuilovich Berkner "Foreign Languages and Modern Tendencies in Foreign Language Education"*. Voronezh, VSPU Publ., 2024, pp. 178-184. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dwodeo>
10. Nenasheva Y.A. Emoji – means of sharing “common knowledge” about emotions and their intonation in discourse. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 1 (37). (In Russ.) <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.15>, <https://elibrary.ru/ovliqg>
11. Voyakina E.Yu. Visualization of modern digital communication: emoji instead of words. *Prepodavatel XXI vek = Educator in the 21st Century*, 2023, no. 2-2, pp. 392-404. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2023-2-392-404>, <https://elibrary.ru/hhrwze>
12. Kholod A.L. The concept of Internet communications. *Sbornik nauchnykh statei «Karpovskie nauchnye chteniya» = Collection of Scientific Articles "Karpov Scientific Readings". Issue 11*. Minsk, ICC Minfina, 2017, pt 1, pp. 298-302. (In Russ.) <https://elib.bsu.by/handle/123456789/179884>
13. Vinogradova T. Y. The specifics of communication on the Internet. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: lingvokul'turologicheskii aspekt = Russian and comparative philology: linguistic and cultural aspect*, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University Publ., 2004, pp. 63-67. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vlvayh>
14. Shapovalova I.S. Internet-communications impact of behavior and intellectual development of young people. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2016, no. 4 (372), pp. 148-151. (In Russ.) <https://elibrary.ru/trqpz>
15. Gureeva A.N. Transformation of mediacommunication between the state and youth in Russia in the context of mediatization of politics. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Ser. 10: Zhurnalistika*, 2020, no. 6, pp. 160-181. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2020.160181>, <https://elibrary.ru/mfwjsq>
16. Babuk A.V. Emoticons and emoji in online-communication. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora B.V. Streltsova «Zhurnalistika – mediologiya – nastavnichestvo» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Devoted to the Memory of Professor B.V. Streltsov "Journalism – Medialogy – Mentorship"*. Minsk, Belarusian State University Publ., 2023, pp. 13-17. (In Russ.) <https://elibrary.ru/welqhy>
17. Kashin V.V. Charles Peirce on representing function of the sign. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, 2010, no. 7 (113), pp. 127-132. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mssfbf>
18. Israfilova A.Kh., Kotelnikova N.P. Slang in the speech of a modern teenager. *Yunyi Uchenyi*, 2017, no. 1 (10), pp. 1-3. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ygkjhx>
19. Gorshukova K.M. Slang in the speech of modern Russian-speaking youth. *Materialy Mezhvuzovoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Semiotika volonterstva kak sotsiokul'turnyi fenomen» = Proceedings of the Scientific and Practical Conference Among Universities "Semiotics of a Volunteering as a Sociocultural Phenomenon"*. Krasnodar, Kuban State Agrarian University Publ., 2019, pp. 126-128. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vmeqfr>
20. Goloshubina O.K. The speech genre “conversation in the messenger” as a specific genre of internet communication. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2015, no. 1 (75), pp. 208-212. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tqirvn>

Информация об авторах

СЕРГЕЕВА Анастасия Михайловна, библиотечкарь, «Централизованная библиотечная система» г. Рассказово, г. Рассказово, Тамбовская область, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0001-0434-7496>, SergeevaAnastasia3256@yandex.ru

Information about the authors

Anastasia M. Sergeeva, Librarian, MBU “Centralized Library System” of Rasskazovo, Rasskazovo, Tambov Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0001-0434-7496>, SergeevaAnastasia3256@yandex.ru

МОИСЕЕВА Лариса Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры историко-филологического образования, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0004-1391-1249>, Moiseeva-LS@mail.ru

Для контактов:

Сергеева Анастасия Михайловна
e-mail: SergeevaAnastasia3256@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.12.2024
Поступила после рецензирования 21.02.2025
Принята к публикации 29.05.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Larisa S. Moiseeva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the History and Philology Education Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0004-1391-1249>, Moiseeva-LS@mail.ru

Corresponding author:

Anastasia M. Sergeeva
e-mail: SergeevaAnastasia3256@yandex.ru

Received 12.12.2024
Revised 21.02.2025
Accepted 29.05.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 82-7

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-283-295>

Шифр научной специальности 5.9.1

Поэтическое творчество Ф.Ф. Филимонова в контексте формирующейся уральской поэтической культуры рубежа XIX–XX вв.

Илья Владимирович Козлов^{1,2}

¹ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина»
620083, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

²Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

 i.v.kozlov@urfu.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Представлен анализ поэтического творчества Ф.Ф. Филимонова. Цель исследования – представить творческую практику российского провинциального поэта конца XIX – начала XX века на примере жизненного и творческого пути Ф.Ф. Филимонова. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Сравнительно-исторический метод позволяет представить творчество этого автора в широком контексте европейской поэтической культуры этого времени. С использованием достижений социологии литературы прослеживается творческая тактика провинциального писателя, стремящегося зарекомендовать себя не только как автора стихотворных фельетонов и поэта-сатирика, но и как драматурга, редактора журнала, издателя газеты. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** В творчестве Филимонова можно обнаружить устойчивые мотивы, характерные для поэтической культуры XIX века: дружбы, любви, природы, внимание к «униженным и оскорбленным», «милость к падшим», и одновременно мотивы борьбы, активного преобразования действительности. Они используются им для лучшего практического воздействия на читателя, подразумевая изменения сложившейся социокультурной ситуации. Той же цели служит совмещение собственно поэтического творчества с публицистической и драматургической практикой. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Поэзия Ф.Ф. Филимонова (Гейне из Ирбита, Дедушки Фаддея) рассмотрена в контексте уральской и сибирской литературы рубежа веков, что призвано дополнить историю русской литературы указанного периода.

Ключевые слова: провинциальная литература, газетная литература, сатира, юмор, уральская периодическая печать, стихотворный фельетон, перепев

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: И.В. Козлов – общая концепция исследования, поиск и анализ научной литературы, анализ материалов, написание черновика рукописи, оформление статьи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Козлов И.В. Поэтическое творчество Ф.Ф. Филимонова в контексте формирующейся уральской поэтической культуры рубежа XIX–XX вв. // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 283-295. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-283-295>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-283-295>

OECD 6.02.; ASJC 1208

Poetic creativity of F.F. Filimonov in the context of the emerging Ural poetic culture of the turn of the 19th–20th centuries

Ilya V. Kozlov^{1,2}

¹Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira St., Yekaterinburg, 620083, Russian Federation

²Institute of History and Archeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences
16 Sofia Kovalevskaya St., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation
 i.v.kozlov@urfu.ru

Abstract

INTRODUCTION. The analysis of the poetic creative works of F.F. Filimonov is presented. The aim of the study is to present the creative practice of the Russian provincial poet of the late 19th–early 20th centuries based on the example of life and creative path of F. Filimonov. **MATERIALS AND METHODS.** Comparative-historical method allows us to present the creative work of the author in a broad context of European poetic culture of that time. The creative tactic of the provincial writer who strives to establish himself not only as an author of verse feuilletons and a satirical poet, but also as a playwright, magazine editor, and newspaper publisher is traceable with the use of accomplishments of literature sociology. **RESULTS AND DISCUSSION.** In the works of Filimonov some sustainable motifs characteristic of the poetic culture of the 19th century can be traced, such as friendship, love, nature, the focus on the “insulted and the inquired”, “mercy for the fallen”, and at the same time, the motifs of struggle, active transformation of the surroundings. They are used to practically influence the reader more effectively, implying changes in the current socio-cultural situation. Combining the poetic creative work with publicistic and dramaturgical practice serves for the same purpose. **CONCLUSION.** The poetry of F. Filimonov (Heine from Irbit, Grandfather Thaddaeus) is considered in the context of Ural and Siberian literature at the turn of the century which is supposed to add to the history of the Russian literature of the stated period.

Keywords: provincial literature, newspaper literature, satire, humor, Ural periodicals, poetic feuilleton, rehash

Funding. This research received no external funding.

Author’s Contribution: I.V. Kozlov – general research concept, scientific literature search and analysis, material analysis, writing – original draft preparation, article formatting.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Kozlov, I.V. Poetic creativity of F.F. Filimonov in the context of the emerging Ural poetic culture of the turn of the 19th–20th centuries. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):283-295. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-283-295>

ВВЕДЕНИЕ

Литература Урала рубежа XIX–XX веков представлена несколькими именами. В это время появилось несколько неофициальных периодических изданий, которые в том числе публиковали художественные произведения, здесь начинает формироваться круг постоянных авторов. Помимо ставшего известным Мамина-Сибиряка среди прозаиков выделяются Заякин-Уральский, Колотовкин, Гусев-Оренбургский; публикуют свои стихотворения А. Надинский, П. Кавадеров, Е. Голова. В этом контексте появляется имя Ф. Филимонова. Творческий путь многих провинциальных писателей оказывается интересным, поскольку именно на их примере наиболее наглядно соотношение так называемой провинциальной и общенациональной («большой») литературы. Можно отметить влияние известных мотивов русской литературы, национального канона на творческую практику автора, считающегося автором «второго ряда» (или «прочих рядов»). Очень часто он полагал целью своего творчества не только и не столько эстетическое воздействие на читателя, но непосредственно практическое изменение нравов и в конечном итоге окружающей (и не устраивающей его по каким-то причинам) действительности. Из-за тесной связи с так называемой газетной литературой, возможно, сознательно приходилось избирать слишком простые способы воздействия на массового читателя. Тем явственнее оказывалось соотношение собственного поэтического кредо и избранных известных художественных образов. Исследование творческой практики таких авторов позволяет уяснить особенности творческого поведения в контексте той или иной литературной эпохи, тем более, когда жизнь такого писателя (в том числе и жизнь в искусстве) объединяет несколько сложных, изменчивых времён и литературной, и исторической жизни.

Необходимость исследования этих творческих практик стала очевидной давно. Уже в середине XX века в советском литературоведении сложился своего рода региональный уральский канон. Можно упомянуть и регу-

лярно появлявшиеся антологии с одинаковыми названиями «Поэты Урала» (1948 г. под ред. К. Боголюбова и А. Салынского; двухтомная антология 1976 г., здесь, в силу особенностей издания, очень скупо представлено творчество Ф. Филимонова, этот раздел составлял И.А. Дергачёв); можно упомянуть работы, посвящённые уральским авторам в целом ([1; 2]) и отдельным персоналиям. Исследование их творчества и самый их отбор были продиктованы не только эстетическими, но и идеологическими соображениями. Поэтому возможно подвергнуть пересмотру их творческую практику, более полно представить её и скорректировать представление об уральском литераторе на рубеже веков. Это можно увидеть на примере творчества Ф. Филимонова, одного из самых заметных стихотворцев этого времени в провинциальной литературе. В советское время его традиционно воспринимали в качестве продолжателя некрасовских традиций. Можно считать чудом, что его упоминали (и при том довольно часто) в обзорах поэзии рубежа веков, поскольку он был расстрелян в 1920 г. как редактор газеты «Свободная Сибирь», резко выступавшей против большевиков в то время, когда в Красноярске (где выходила эта газета) сохранялась власть Колчака. Этот факт, по понятным причинам, никогда не упоминался, акцент, наоборот, делался на том, что Ф. Филимонов был адвокатом и вёл политические дела, часто защищал рабочих и т. д. Так или иначе, но в истории литературы за Ф. Филимоновым закрепилась слава поэта-сатирика, публиковавшегося в нескольких региональных изданиях и не претендовавшего на что-то большее. Тем не менее творческий путь Ф. Филимонова показывает, как он пытался выйти за пределы собственно сатирической поэзии, даже поэзии как таковой (например, к драматургии), газетной литературы (к книжным манифестациям), провинциальной литературы (его сборники стихов, кроме первого, были изданы в Санкт-Петербурге).

Целью исследования поэтому должно стать по возможности полное и объективное рассмотрение творческой практики одного из

авторов «второго ряда» в контексте общенациональной русской литературы. А основными задачами, которые помогут достичь этой цели, будут следующие: восстановление и корректировка биографии Филимонова; обозначение основных художественных ориентиров Филимонова, особенностей обращения к жанровым сатирическим приёмам в газетной литературе; анализ уральского и сибирского текста в творчестве Филимонова, их соотношение в его творческой практике.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для того чтобы решить задачу определения творческой практики «писателя второго ряда», провинциального писателя в контексте общенациональной литературы, необходимо исследовать довольно разнородный материал, для которого тем не менее разработан литературоведением достаточный методологический инструментарий. Здесь необходимо внимание к биографии автора, соотношение и его жизненных установок и творческой практики, этим обусловлено обращение к архивным материалам, возможная корректировка представлений о жизненном пути писателя, сложившихся в советское время. Филимонов активно публиковался в периодических изданиях Урала, Сибири. Внимание к функционированию художественного текста в периодической печати обуславливает обращение к исследованиям периодической печати этого времени, и в том числе к исследованиям так называемого уральского и сибирского текста русской литературы. Наконец, наличие отдельных книжных манифестаций вызывает необходимость обращения к методологии исследования лирических циклов и книг стихов, в том числе к такому понятию, как итоговая книга поэта.

Фёдор Фёдорович Филимонов родился в 1862 г. в Камышлове. Его отец был ирбитским купцом 1-й гильдии. Филимонов допускал автобиографические мотивы в своём творчестве, иногда сознательно пытаясь создать образ лирического героя. Возможно, позже он сатирически относился именно к родному городу и в стихотворении «Мирный городок» создал образ города детства: «Го-

родок, где детство мирно / Речкой тихою лилось, / Посетить ещё раз в жизни / Мне случайно довелось». Этот город изменился за тридцать лет (с момента рождения автора до момента выхода сборника стихов, в котором напечатан этот текст):

К непущанью на закуску
Полагался «самосуд»,
В наше ж время вас в кутузку
Деликатно отведут.
Не найдёшь из ней лазейку,
Там царит суровый взгляд.
Прочитают вам «статейку»,
Расписаться вам велят,
И отпустят из кутузки
Вновь в поляны, в тихий лес,
Извиняясь по-французски:
«Excusez ma maladresse!»¹

В этом стихотворении проявились основные черты Филимонова-сатирика: грубоватость в описании подмеченных городских неурядиц и неустройств, использование автобиографических мотивов, яркое столкновение противоположных мотивов (здесь: прошлое и настоящее), использование известных сатирических приёмов, привычных стихотворных размеров.

Будущий журналист и поэт-сатирик учился в Московском коммерческом училище. Он был заподозрен в распространении нелегальной литературы. Ю. Мандрика [3, с. 226], со ссылкой на архивные источники, указывает, что позже, когда Ф. Филимонов ходатайствовал об издании газеты в Красноярске, цензурный комитет сообщал, что будущий редактор газеты «привлекался при Московском губернском жандармском управлении к дознанию ввиду обнаружения у воспитанника Московского коммерческого училища Сорокина его писем, указывавших на происходивший между ними обмен изданиями преступного характера с целью пропаганды социальных идей среди народа. 8 апреля 1883 г. Филимонов был подвергнут гласному надзору полиции на 3 года»².

¹ Филимонов Ф. Мирный городок // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина, 1898. С. 172-173.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 15: 1905. Д. 13. Л. 8-8об.

В сборнике стихов «Шутки и пародии» (Екатеринбург, 1886), изданном под псевдонимом Гейне из Ирбита, Филимонов отмечал: «Верю я, что скоро сгину / За несносный мой язык. / Перед сильными же спину / Гнуть я в жизни не привык. / Из поэтов я опальных, / Век под гнётом буду жить, / И не чаю от квартальных Снисхождение получить»³. По некоторым данным, он находился под надзором полиции до 1917 г. и слова об опале не были преувеличением или метафорой.

По прошению отца Филимонов был уволен из 5-го класса коммерческого училища, выслан в Камышлов, а затем переведён в Ирбит. И, по-видимому, именно здесь начинает писать первые стихотворные произведения. Первым псевдонимом, под которым Филимонов выступил в печати, в газете «Екатеринбургская Неделя», редактировавшейся П. Галиным, был Гейне из Ирбита (первое появление – в 1883 г.). Иногда он печатался под криптонимом Ф. Ф-в. Псевдоним не был оригинальным: наиболее известным «Гейне» из русских сатириков был П.И. Вейнберг, печатавшийся в «Искре» в 1860-е гг. под псевдонимом Гейне из Тамбова (причём, в отличие от Филимонова, он использовал иногда мотивы поэзии Гейне в своём творчестве). Затем, под влиянием его известности, появились Гейне из Архангельска (В.С. Курочкин), Гейне из Глуховки, Гейне из Кунавина и многие другие. В сатирическом журнале «Фонарь» (о роли сатирического журнала как такового во время Первой русской революции см., например: [4]), который Филимонов издавал в 1906 г., один раз появляется стихотворение Гейне из Томска – либо псевдоним редактора, либо пародия одного из авторов журнала. Тем не менее именно под псевдонимом Гейне из Ирбита была издана первая книга Филимонова (в типографии «Екатеринбургской Недели»), и позже, когда автор уже уехал из Ирбита и даже покинул Урал, он некоторое время публиковал стихотворения под этим псевдонимом в екатеринбургской газете: «Твоя любовь забыта, / Ты барыня на вид, / Я ж “Гей-

не из Ирбита”, / Покинувший Ирбит...»⁴. Когда Филимонов оказывается в Красноярске и развивает бурную журналистскую деятельность, то выбирает себе другой псевдоним – Дедушка Фаддей (иногда печатается под криптонимом Д. Ф.): для сибирского читателя он известен именно под этим псевдонимом, для уральского – как Гейне из Ирбита.

В выборе псевдонима проявилась ещё одна черта автора: ориентация на литературную культуру, самоопределение в культурном контексте. Он переводит европейских поэтов⁵, откликается на творчество А.А. Голенищева-Кутузова, пародирует А. Фета, использует в творчестве некрасовские образы и мотивы.

По профессии Филимонов был частным адвокатом (это тоже отразилось в творчестве, можно упомянуть сатирические высказывания о суде, женщинах, участвующих в судебных заседаниях и т. д.: «Вот адвокат вдруг речь заводит...»⁶, «Песни о судебных дамах»⁷) и, по воспоминаниям Остроумова, приводимым А. Черданцевым, «имел широкую практику»⁸. В протоколе допроса Филимонова в 1920-м г. упоминается, что как адвокат он «провёл более 10 000 политических дел». С 1887 г. Филимонов живёт в Красноярске, помимо адвокатской практики он активно публикует свои стихотворения в сибирских газетах и журналах: «Сибирский наблюдатель» (с 1906 по 1912 гг. этот журнал издавался под названием «Сибирские отголоски»), в 1906 г., во время Первой русской революции, издавал сатирический журнал «Фонарь» (удалось выпустить 9 номеров), с 1917 г. редактировал ежедневную газету «Свободная Сибирь»; пишет пьесу «В краях сибирских (сцены из сибирской жизни)» (премьера – городской театр Крас-

⁴ Гейне из Ирбита. Песенка // Екатеринбургская Неделя. 1884. № 37. С. 636.

⁵ Гейне из Ирбита. Из Роберта Пруца // Екатеринбургская Неделя. 1884. № 38. С. 655.

⁶ Филимонов Ф. Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 207.

⁷ Там же. С. 201.

⁸ Черданцев Алексей Алексеевич. Биографические материалы о Филимонове Ф.Ф. (Период создания: 1930-е гг. – 1943 г.) // Объединённый музей писателей Урала. КП 3769. Л. 1.

³ Филимонов Ф. Шутки и пародии. Екатеринбург, 1886. С. 24.

ноярска 25 января 1891 г.; после второго представления спектакль был запрещён цензурой, так же было и во многих сибирских городах – Иркутске, Томске, Омске). Филимонов с семьёй жил в собственном доме в Красноярске на Благовещенской улице. По некоторым данным принадлежал партии Народной свободы (в протоколе допроса было указано, что «на заседаниях комитета не бывал»). Именно редактирование газеты «Свободная Сибирь» стало поводом для ареста. После установления в Красноярске власти Колчака в этой газете действительно публиковались крамольные (с точки зрения советской власти) сообщения, статьи (ср., например: «Образовавшийся в крае с инородческим населением совет рабочих и крестьянских депутатов своим управлением разрушил в глазах аборигенов авторитет русской власти. После сконструирования Сибирского правительства, советское безначалие было быстро ликвидировано в Урянхае, но умы не успокоились»⁹).

Неслучайно поэтому уже после прихода к власти большевиков в 1920-м г. дважды арестовывался: 4 января – 27 февраля (освобождён без права выезда из города) и 8 марта. Был обвинён «...в агитации против Советской власти как редактор газеты «Свободная Сибирь» и за принадлежность к партии кадетов» (цит. по: [5, с. 1]) и был расстрелян. Реабилитирован 28 февраля 1997 г.

В истории советской литературы Филимонов неизменно характеризовался как автор сатирических произведений, в творчестве которого была продолжена традиция некрасовской сатиры (см.: [6, с. 102-103] и также см. особенности отбора стихотворений для антологии «Поэты Урала»¹⁰). Эта точка зрения требует коррекции и уточнения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Филимонов на протяжении своей творческой жизни издал три книги, их компози-

⁹ Без автора. Красноярск. 12 января // Свободная Сибирь. 1919. № 7 (403) (12 января 1919 (30 декабря 1918)). С. 1.

¹⁰ Поэты Урала. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1976. Т. 1. С. 58-62.

ция достаточно красноречиво говорит о тех «элементах», из которых складывалось его творческая практика: «Шутки и пародии» (Екатеринбург, 1886), Стихотворения (Санкт-Петербург, 1898. Сборник был разделён на две части: I. «Песни сибиряка» и II. «Шутки и пародии»), «За прошлые годы (Песни сибиряка)» (Санкт-Петербург, 1913). Названия повторялись не случайно: Филимонов часто перепечатывал одни и те же стихотворения (особенно это относится к последнему сборнику). Центральный сборник 1898 г. обозначил два этих элемента: он мыслил себя поэтом-сатириком, но одновременно он хотел писать «серьёзные» стихотворения, которые соотносились не с фельетонной «злобой дня», газетной страницей, но с широким литературным, поэтическим контекстом.

Стихотворения Гейне из Ирбита, публиковавшиеся в «Екатеринбургской Неделе» (об истории этой газеты и контексте, в котором появлялись стихотворные тексты «Гейне из Ирбита», см. диссертацию Барышниковой¹¹, а также: [7; 8]), по-видимому, были ещё ученическими: автор учился подмечать неурядицы городской жизни (важно, что это была своего рода стихотворная «корреспонденция с мест», в «Екатеринбургской Неделе» их было немного, они были эпизодическими), использовать фельетонные комические приёмы [9]. Он пробует силы в разных жанрах. Эпиграмма:

Дивяся доблести твоей
Спросить тебя сейчас мы вправе:
Ты *Лев*, и, значит, царь зверей,
Так почему ж не царь в... управе?¹²,

сатирическая басня¹³, стихотворный фельетон. Использует перепевы (в понимании «перепева» мы следуем [10, с. 44]), фельетоны-

¹¹ Барышникова Т.А. Частная провинциальная газета дореволюционной России как социокультурный феномен: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2016. 185 с.

¹² Гейне из Ирбита. Эпиграммы // Екатеринбургская Неделя. 1883. № 24. С. 397. Здесь и далее курсив в цитатах автора. – И. К.

¹³ Гейне из Ирбита. В лесу // Екатеринбургская Неделя. 1884. № 39. С. 668.

отрывки о местных нравах (которые вполне можно было распространить и на описание многих провинциальных городов). Иногда он применяет известный фельетонный приём: использование узнаваемых мотивов, реминисценций в своём тексте:

Я в аду или нет? Грязь и мрак здесь царят –
Всё коморки какие-то тесные.
У старинных столов всюду люди сидят,
И всё Гоголя типы известные;
Говорят они здесь *почему-то* не вслух,
Вид имеют подъяческий, гаденький.
Первый стол, Пётр Петрович Петух,
Стол второй – тип Манилова сладенький,
Вот за гладкостью слога не очень гонясь,
Лишь ощупав карман: там не пусто ли?
Плюшкин, век над бумагой склонясь,
Пишет, пишет весь век свой без усталы¹⁴.

Все идеи, мечты, – дребедень,
Не имею совсем убеждений
Не ловлю я лягушек и... Фень,
Как то делал Базаров Евгений,
Воспевать нынче сов только стал,
От «гражданских» избавился «столов»,
Как Онегин, скучать перестал
И заснул, как известный Обломов...¹⁵

В текстах Гейне из Ирбита должен был быть представлен Ирбит. Он является не в лучшем виде. Говорит лирический герой фельетона об этом городе всегда с иронией и иногда злобой. Но, что характерно, по сравнению с позднейшими фельетонами Мистера Бумса и Чекина, посвящёнными знаменитой ирбитской ярмарке, Гейне из Ирбита никогда её не упоминает (хотя в подтексте она всё же присутствует).

Обычный шум, обычный говор...
«Знать – Раскудахтался Ирбит»,
Как мой один знакомый повар
Обыкновенно говорит.
Шумят, торгуют, надувают,
Стремглав извозчики летят,
Порядка бунтари не знают,
И знать, должно быть, не хотят¹⁶.

¹⁴ Ф. Ф.-в. Фантазия // Екатеринбургская Неделя. 1884. № 38. С. 655.

¹⁵ Гейне из Ирбита. Признание // Екатеринбургская Неделя. 1884. № 38. С. 655.

В стихотворных сборниках и в сибирской печати Филимонов уже выступает как Дедушка Фаддей, и, вместе с псевдонимом, изменяется характер его юмора. Слог становится более мастерским, появляются другие темы, теперь сатирик пишет не только о провинциальном городе, но о том, что волнует всю страну, появляются сатирические стихотворения, направленные «на лица», а не только изображающие «общую обстановку», появляются перепевы современных авторов¹⁷.

При нём цвели родные кабаки,
Жилось вообще приятнее и проще.
Гуляли в рощах редко мужики,
Зато по мужикам гуляли часто рощи¹⁸.

Плохо чрезмерно
Жить нам на Руси...
Верно иль не верно,
Что живётся скверно,
Мужика спроси!
Утешенье наше,
Так сказать, наш Бог,
Кузькина мамаша
И бараний рог.
Не скорби душою,
Сердца не тревожь:
С этакой роднёю
Век не пропадёшь!¹⁹

Характерно, что в сатирическом журнале «Фонарь» [см.: 11; 12], который издавал Филимонов, находится место для «серьёзного стихотворения», посвящённого свободе: «Останется победа за любовью, / Окончится невыносимый гнёт... / И на земле, политой братской кровью, / Свободы роза расцветёт»²⁰, – и воспроизведённого факсимильно на обложке (так же поступил другой поэт-

¹⁶ Гейне из Ирбита. О том, о сём (Фельетон) // Екатеринбургская Неделя. 1884. № 7. С. 138.

¹⁷ Д. Ф. В тайге (На мотив М. Горького) // Фонарь. 1906. № 2. С. 9.

¹⁸ Д. Ф. Старому исправнику // Фонарь. 1906. № 1. С. 7.

¹⁹ Д. Ф. Утешение // Фонарь. 1906. № 2. С. 2.

²⁰ Ф. Филимонов. Свобода // Фонарь. 1906. № 8. С. 12. В цитате сохранены знаки препинания оригинального текста.

фельетонист П. Блиновский в сатирическом журнале «Рубин» в те же годы).

Но в «серьёзных» стихотворениях Филимонов предстаёт несколько иным, маска лирического героя фельетона исчезает. Лирический герой (можно заметить в подборе стихотворений для сборников, что автор сознательно конструировал его образ) обозначает литературные ориентиры: одно из стихотворений посвящено А.А. Голенищеву-Кутузову: «О, да, ты прав, поэт! Зови же нас, зови / К вершинам красоты средь ночи неприветной, / Зажги сердца в нас пламенем любви, / Их озари надеждой светлой»²¹. Филимонов сознательно отталкивается от поэтического переживания скорби и печали, от сосредоточения только на негативных сторонах жизни. Хотя следует сказать, что он не отказывается от их изображения. Он старается занять всегда активную позицию по отношению к ним. Любопытно в связи с этим отметить несовпадение поэтического суждения автора-сатирика с тем образом автора, который закрепился в литературоведении за А. Голенищевым-Кутузовым: позднейшие исследователи утверждали, что этот поэт 1880–1890-х гг. исповедовал взгляды, далёкие от гражданской поэзии: «В 80-е годы Голенищев-Кутузов становится центральной фигурой салонно-аристократических литературных кругов. / Своё кредо Голенищев-Кутузов изложил в серии литературно-публицистических статей против просветительской эстетики 60-х годов, в защиту “чистого искусства”» [13, с. 231]. Филимонов сознательно отталкивается от практики «чистого искусства», часто пародирует стихотворения Фета, но, по-видимому, ему импонировало стремление противопоставить «угрюмой» (частый эпитет в поэзии Филимонова) реальности не сказку «чистого искусства», чистую фантазию, но само стремление изменить действительность. Неслучайно поэтому появление в процитированном стихотворении Филимонова именно глагола в повелительном наклонении («Зови же нас, зо-

ви!»). «Светлая надежда» не была чужда и поэзии уральского стихотворца.

Здесь необходимо обозначить, как Филимонов переосмысливает действительно присутствующие в его творчестве некрасовские мотивы. Поэты 1860–1870-х гг. писали об арестантах, отправляющихся в Сибирь. Но лирический герой Филимонова видит их уже в Сибири, и символический образ обретает жизненную наполненность. Например, в изображении парохода, увозящего арестантов:

Толпится, хохочет, бранится народ,
На пристани давка... день жаркий,
Отходит буксирный сейчас пароход,
С огромною мрачною баркой.

Из маленьких окон сверкают глаза,
Видны в них тревога, страданье,
На очи мои набегают слеза
И рвутся из груди рыданья.

...

Кругом же царит непроглядная ночь,
Сибирские злятся морозы.
Летите вы дальше, летите вы прочь,
Суровые, страшные грёзы!..²²

Следует отметить, что здесь Филимонов использует газетный приём: лирический герой становится своего рода корреспондентом, находящимся на пристани и пишущим о своих впечатлениях. И это позволяет ему иначе воздействовать на читателя: арестант здесь не символ неволи вообще, но непосредственно – живой человек, дорога – не просто Владимирка (вновь символ), но уже начавшееся страдание неволи в страшных сибирских морозах, на суровой реке. И даже поэтический штамп («летите... прочь, суровые грёзы»), которым завершается стихотворение, не уничтожает этого впечатления.

При этом нельзя согласиться с тем, что Филимонов создаёт только образ Сибирякаторги, тюрьмы (О сибирском «тексте» русской литературы см.: [14]). Сибирь – часто пугает лирического героя, она сурова

²¹ Филимонов Ф. Поэту (А.А. Голенищеву-Кутузову) // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 17.

²² Филимонов Ф. На пристани // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 75-76.

(«А Енисей берега, / И лес, и горы, и тайга / Глядели сумраком объаты («Стоял один я, муки полн...»²³), как будто не приспособлена для жизни («Всё окутал дым тумана... / Вечер пасмурный и мгlistый. / Шумно волны Абакана / Хлещут в берег каменистый»²⁴), но в ней «спрятано» много сил, которые должны однажды пробудиться:

Пусть тебя не смущает тревога,
Этот мёртвый гнетущий покой,
Там, где сил неразбуженных много,
Там не смерть, а минутный застой.
Здесь сердца, как природа, свободны,
Здесь надеждой на счастье живут,
Лишь бы не были нивы бесплодны,
А колосья на них расцветут²⁵.

Филимонов сознательно использует известные мотивы русской поэзии для того чтобы обозначить своё поэтическое кредо. Его лирический герой говорит о необходимости гражданской поэзии и не приемлет «искусства для искусства». Особенно насмешливо он относится к Фету, пародирует его. Характерный пример – «Песни о судебных дамах», где перепев (узнаваемый стиль известного стихотворения Фета становится материалом для высмеивания судебных порядков) в какой-то момент становится собственно пародией:

Ночь, мечты, любви брожение,
Пташки, сумрак, гром.
И статьи, и Уложение,
И десятый том.
Рощи, замки с тьмой балконов,
Грёзы, пыль в крови,
И под сводами законов
Шёпот о любви.
Шелест платья, блеск заката,
В мыслях кутерьма,
И решения Сената,
И тюрьма, тюрьма²⁶.

²³ Филимонов Ф. «Стоял один я, муки полн...» // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 50.

²⁴ Филимонов Ф. На Абакане // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 54.

²⁵ Филимонов Ф. Сибирячке // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 14.

Объяснение такой нелюбви к Фету даёт другое стихотворение: «На поэта, / В роде Фета, / Эти стужи, / Эти лужи, / Эти почки, / Эти кочки, / Снега глыбы – / Нагнали бы / Столько муки, / Столько скуки, / Что стихами / Он пред вами / Не писал бы...»²⁷. Поэзия «чистого искусства» не даёт, по мнению лирического героя Филимонова, возможности активного действия, преобразования действительности, а именно оно здесь наиболее необходимо.

Некрасовские мотивы в творчестве Филимонова есть, и иногда слишком явные. Так, например, в стихотворении «Старые письма»²⁸ (ср.: Н. Некрасов. «Горящие письма»): героиня стихотворения, начав перечитывать письма, бросает их в камин. Но замечание лирического героя переосмысливает ситуацию: «Полно кидать на них взор укоризненный – / Ты ничего не поймёшь уже в них, / Как не поймёшь среди сутолки жизненной / Грёз молодых!...». Прошло время, человек изменился, и молодые грёзы теперь непонятны. Эта последняя мысль становится лейтмотивом творчества Филимонова.

Филимонов часто использует «сказочные» мотивы, иногда даёт стихотворениям жанровый подзаголовок «Сказка». Это может показаться диссонансом: в стихотворениях часто упоминаются «воплъ суровой нищеты», «слёзы», «глухая ночь», «Печально и глухо в час ночи шумели / На старом кладбище столетние ели»²⁹, «Из хилой груди сердце рвалось»³⁰, – здесь не может быть места сказочным мотивам. Но именно сказка (её рассказывают герои стихотворений друг другу: мать – ребёнку, лирический герой – своей дочери) обладает преображающей си-

²⁶ Филимонов Ф. Песни о судебных дамах // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 202.

²⁷ Филимонов Ф. Песни о сибирском тракте (Рифмы) // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 146-147

²⁸ Филимонов Ф. Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 56.

²⁹ Филимонов Ф. Вьюга // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 23.

³⁰ Филимонов Ф. Силуэт // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 28.

лой («Нужны нам звуки бодрых песен, / А не бессилья горький плач»³¹. Такой сказкой часто становится история о спящей царевне³², которая должна пробудиться от сна (ср. с образом «спящих» сил Сибири в том же стихотворении, которые в какой-то момент тоже должны пробудиться). Иногда собственно сказочная история становится притчей³³: история листка, слишком долго сомневавшегося – оторваться от ветки родимой и отправиться на волю или нет; когда же он решается на это, оказывается уже слишком поздно и он истлевает на земле. Филимонов сознательно использует хрестоматийный текст Лермонтова («Листок»), по-своему его интерпретируя.

Сказочные мотивы оказались необходимы Филимонову для создания образа детства. Оно всегда сохраняется в лирическом герое: «грёзы прошлого» среди «крошечного ада», «тьмы» настоящего становятся обещанием изменения, а не сожалением о минувшем. Иногда, впрочем, сказочные мотивы использовались Филимоновым и для собственно сатирических целей³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Филимонов предстаёт автором с активной жизненной позицией, он пытался повлиять словом на политическую обстановку и нравы общества, поэтому так активно использовал сатирические мотивы в своём творчестве, обращался к изданию газет, драматическому искусству.

Филимонов использовал широкий инструментарий сатирических приёмов, характерный для стихотворного фельетона, пародии и перепева: доведение до абсурда, комические повторы, гротеск, комические преувеличения.

Жизненный путь Филимонова был связан с Уралом и Сибирью. Он старался создавать образ тех пространств, в том числе городов, в которых жил, причём соответствующим образом менял псевдоним. Уральский и сибирский хронотоп предстают в его творчестве суровыми, но по-своему красивыми местами. Он может отметить как сатирические, фельетонные черты родного города, так и поместить в его контекст воспоминания о собственном детстве, представить в свою очередь Сибирь пугающим местом ссылки и краем, дающим пространство для обращения к сказочным мотивам.

Филимонов постоянно обращается к широкому литературному контексту, пародирует известных авторов или адресует им своеобразные стихотворные послания, спорит.

Когда лирический герой пишет о себе, отвлекается от известных образов, пишет «о том, что видит», эти известные образы (намеренно известные – Филимонов применяет здесь принцип «газетной литературы», согласно которому текст тем более будет воздействовать на читателя, чем он будет более узнаваем, а поскольку это читатель массовый, то и образ должен быть «слишком известным», по существу превратившимся в штамп) обретают новые смыслы и открытия:

Я еду грустный, одинокий,
Всё на душе какой-то гнёт,
Родных полей простор широкий
Перед глазами восстаёт.
Свобода, тишь. Вон там дорога
Уходит чёрной лентой вдаль,
Но не смиряется тревога,
Не унимается печаль.
Невольно делается жутко,
Услышишь песню – сам не рад,
Одна в ней старая погудка
Звучит всегда на старый лад.
В ней звуки, полные укора,
Сжимают сердце, как тиски,
Та песнь средь воли и простора
Полна и рабства, и тоски³⁵.

³¹ Филимонов Ф. В наше время // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 93.

³² Филимонов Ф. Сказка (Посвящается памяти Веры) // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 46-49.

³³ Филимонов Ф. Отчего падают листья (Из Бертрино) (Посв. М.А. Ф-вой) // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 65-69.

³⁴ Филимонов Ф. Сказка о кошеле-богаче и о заколдованном пироге // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 164-165.

³⁵ Филимонов Ф. В дороге // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 30.

«Родные поля», «широкий простор» – понятны и слишком известны, но лирический герой находит возможность столкнуть и противопоставить яркие неожиданные мотивы: песнь среди воли и простора полна рабства и тоски: почему так получилось и что необходимо сделать, чтобы преобразовать это – вопрос, который заставляет читателя задать лирический герой.

Филимонов – автор, в творчестве которого соединились разнородные мотивы русской поэзии второй половины XIX века. Он сознательно работал с ними. Он выбирал между гражданской поэзией и «искусством для искусства», использовал сатирические мотивы и жанровые формы для непосредственного воздействия на действительность. Он неожиданно комбинировал известные мотивы для того, чтобы добиться неожиданных смысловых и практических результатов. Его творческий путь был связан с журналистикой: он начинал как фельетонист, автор стихотворений в контексте газеты, затем стал автором стихотворных сборников, а после пришёл к редактированию собственной газеты (можно увидеть сходство здесь, например, с В. Чекиным), и этот контекст

«газетной литературы» оказал влияние на его творчество в выборе тем, в способе его воздействия на читателя. Язвительный житель и бытописатель города Ирбита, сатирик первой русской революции, слышавший «музыку оков»³⁶ и шум могучих сибирских рек, автор стихотворных образов фабричного труда (возможно, уральских фабрик)³⁷ и сказок, смелый редактор сатирического журнала «Фонарь» и газеты «Свободная Сибирь» Фёдор Фёдорович Филимонов (публиковавшийся под псевдонимами: Гейне из Ирбита, Дедушка Фаддей, Аякс № 2, Старый Оптимист, Старый драматург, Красноярский меланхолик, Неунывающий поэт) занимает особое место в истории уральской и сибирской литературы. Поэтому перспективой исследования может стать сравнительный анализ творческих практик других авторов уральской и сибирской литературы, в первую очередь тематически близких Филимонову А. Туркина, П. Заякина-Уральского и Ф. Колотовкина.

³⁶ Филимонов Ф. «Я и любил, и ненавидел...» // Сибирский наблюдатель. 1903. Кн. 2 (февраль). С. 80.

³⁷ Филимонов Ф. На фабрике // Стихотворения. Песни сибиряка. Шутки и пародии. Санкт-Петербург, 1898. С. 123.

Список источников

1. Ерошкина З. Литературное наследство Урала // Литературная учёба. 1936. № 7. С. 125-143.
2. Куриленков В. Литературное наследство Урала // Литературный критик. 1938. № 4. С. 34-48.
3. Мандрика Ю. Цензура поэтики и поэтика цензуры: Коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX – начала XX в. в жанре patchword. Тюмень: «Мандр и Ка», 2013. 299 с.
4. Ржанова С.А. Сатирическая журналистика как средство влияния на общество (На примере журнала «Сатирикон») // Научный взгляд в будущее. 2020. Т. 2. № 16. С. 86-88. <https://doi.org/10.30888/2415-7538.2020-16-02-017>, <https://elibrary.ru/wtvozd>
5. Толстова Г.А. Редактор газеты «Свободная Сибирь» Ф.Ф. Филимонов // Информационный вестник ККИМК. Красноярск, 2008. № 10.
6. Григорьян К.Н. Поэзия 1880–1890-х годов // История русской литературы в 4 т. Т. 4. Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917). Ленинград: Наука, 1983. С. 91-122.
7. Плотникова Г.Н., Плотников С.Н. Становление и функционирование первой частной газеты «Екатеринбургская Неделя» в Пермской губернии в последней четверти XIX века // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 2 (45). С. 76-86. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-2-76-86>, <https://elibrary.ru/mqyhmi>
8. Козлов И.В., Каменецкая Т.Я. Газета «Екатеринбургская Неделя» как факт литературной жизни уральской провинции // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему». Екатеринбург: ООО «Фабрика комиксов», 2016. С. 164-207. <https://elibrary.ru/xxfxgt>
9. Страшинов С.Л. О тенденциях развития стихотворного фельетона // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 6. С. 109-113. <https://elibrary.ru/ykuhdz>
10. Ямпольский И. Василий Курочкин // Поэты «Искры». Ленинград: Сов. писатель, 1955. Т. 1. С. 6-58.

11. Мараховская Л.Н. Особенности русской политической сатиры 1905–1906 гг. // Теория и история искусства. 2021. № 3–4. С. 159–183. <https://elibrary.ru/wvlzkr>
12. Трахтенберг Л.А. Образ издателя в русских сатирических журналах // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 4. С. 90–108. <https://elibrary.ru/rnkkqb>
13. Долгополова Л.К., Николаева Л.А. А.А. Голенищев-Кутузов // Поэты 1880–1890-х годов. Ленинград: Сов. писатель», 1972. С. 229–232.
14. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы: XIX–XXI вв. / отв. ред. Н.В. Ковтун. Москва: «Флинта», 2015. 382 с. <https://elibrary.ru/jiydiy>

References

1. Eroshkina Z. Literary heritage of the Ural. *Literurnaya ucheba*, 1936, no. 7, pp. 125–143. (In Russ.)
2. Kurilenkov V. Literary heritage of the Ural. *Literurnyi kritik*, 1938, no. 4, pp. 34–48. (In Russ.)
3. Mandrika Yu. *Censorship Poetics and Poetics of Censorship: A Collection of Information on the Siberian Private Press of the Late 19th and Early 20th Centuries*. Tyumen, “Mandr i Ka” Publ., 2013. 299 p. (In Russ.)
4. Rzhanova S.A. Satirical journalism as a means of influence on society (a case study of the magazine “Satirikon”). *Nauchnyi vzglyad v budushchee = Scientific Look into the Future*, 2020, vol. 2, no. 16, pp. 86–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.30888/2415-7538.2020-16-02-017>, <https://elibrary.ru/wtvozd>
5. Tolstova G.A. Editor of the newspaper “Svobodnaya Sibir” F.F. Filimonov. *Informatsionnyi vestnik KKMK = Information Bulletin of Krasnoyarsk Cultural-Historical Museum Complex*. Krasnoyarsk, 2008, no. 10. (In Russ.)
6. Grigoryan K.N. Poetry of the 1880s–1890s. *History of Russian Literature in 4 vols. Vol. 4. Literature of the Late 19th–Early 20th Century (1881–1917)*. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 91–122. (In Russ.)
7. Plotnikova G.N., Plotnikov S.N. Formation and operation of the first private newspaper “Yekaterinburg week” in Perm province in the last quarter of the 19th century. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Perm University Herald. History*, 2019, no. 2 (45), pp. 76–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-2-76-86>, <https://elibrary.ru/mqyhmi>
8. Kozlov I.V., Kamenetskaya T.Ya. Ekaterinburgskaya nedelya newspaper as a fact of literary life in the Ural province. In: *Literary Process in the Regional Periodical Press of 1830s–1930s: from “Zavolzhsky Ant” to “Ural Worker”*. Ekaterinburg, Comic Book Factory LLC, 2016, pp. 164–207. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xxfxgt>
9. Strashnov S.L. On the main trends of modern poetic feuilleton. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*, 2016, vol. 22, no. 6, pp. 109–113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ykuhdz>
10. Yampolskii I. Vasilii Kurochkin. In: *Poets of “Iskra”*. Leningrad, Sovetskii Pisatel Publ., 1955, vol. 1, pp. 6–58. (In Russ.)
11. Marakhovskaya L.N. Features of Russian political satire of 1905–1906. *Teoriya i istoriya iskusstva = Theory and History of Art*, 2021, no. 3–4, pp. 159–183. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wvlzkr>
12. Trakhtenberg L.A. The editor’s persona in the Russian satirical magazines. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya = Moscow University Philology Bulletin*, 2016, no. 4, pp. 90–108. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rnkkqb>
13. Dolgoplova L.K., Nikolaeva L.A. A.A. Golenishchev-Kutuzov. In: *Poets of 1880–1890*. Leningrad, Sovetskii pisatel Publ., 1972, pp. 229–232. (In Russ.)
14. Kovtun N.V. (executive ed.). *Siberian Identity in the Mirror of Literary Text: Tropes, Topos, Genre Forms of the 19th–20th Centuries*. Moscow, Flinta Publ., 2015, 382 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jiydiy>

Информация об авторе

КОЗЛОВ Илья Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина; научный сотрудник центра истории литературы, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-8712-4492>, i.v.kozlov@urfu.ru

Поступила в редакцию 14.01.2025

Поступила после доработки и рецензирования 18.03.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Ilya V. Kozlov, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; Research Scholar of History of Literature Center, Institute of History and Archeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-8712-4492>, i.v.kozlov@urfu.ru

Received 14.01.2025

Approved after reviewing and revision 18.03.2025

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-296-306>

Шифр научной специальности 5.9.3

Синестезия в ранней лирике В.В. Набокова. Постановка проблемы

Алексей Юрьевич Овчаренко , Стефания Антоновна Конькова

ФГАОУ «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 ovcharenko_ayu@pfur.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Выявлены ключевые синестетические концепты в ранней поэзии В. Набокова, а также их роль в создании художественного образа. Целью исследования стало выявление ключевых синестетических концептов в ранней поэзии В. Набокова, чтобы понять их роль в создании художественного образа сборника и в дальнейшем месте в творчестве автора. Феномен синестезии привлекает значительное внимание исследователей в различных областях гуманитарного знания. В литературе данный приём используется для усиления образности текста за счёт комбинирования различных сенсорных восприятий. Поэтическое наследие В. Набокова представляет для исследователей ценный корпус текстов для изучения синестетических механизмов, обусловленных авторским мироощущением. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили стихотворения, включённые в дебютный сборник В. Набокова «Стихи» (1916). Анализ проводился с опорой на семантический и концептуальный методы, а также посредством интерпретации авторских синестетических метафор. Выявлено, что в поэтическом дискурсе В. Набокова наблюдаются устойчивые цветовые концепты «бледный», «лиловый», «лазурный» и «красный», обладающие не только визуальной, но и символической значимостью. Концепт «бледный» ассоциируется с мотивами увядания и потерь, «лиловый» – с переходными состояниями и ностальгией, «лазурный» – с мечтательностью и небесной гармонией, а «красный» – с ощущением боли и эмоционального напряжения. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Результаты исследования свидетельствуют о том, что взаимодействие указанных концептов формирует сложную систему синестетических образов, существенно обогащающую эмоциональное восприятие текста. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Полученные данные открывают перспективы для дальнейшего изучения механизмов синестезии не только в поэтическом, но и в прозаическом наследии В. Набокова.

Ключевые слова: синестезия, метафора, образ, концепт, поэзия, мироощущение, В. Набоков

Финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Вклад авторов: А.Ю. Овчаренко – поиск и анализ научной литературы, обработка и редактирование материала, утверждение окончательного варианта рукописи. С.А. Конькова – общая концепция статьи, поиск научной литературы, обобщение опыта исследователей, анализ полученных результатов, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Овчаренко А.Ю., Конькова С.А. Синестезия в ранней лирике В.В. Набокова. Постановка проблемы // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 296-306. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-296-306>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-296-306>

OECD 6.02; ASJC 1208

Synesthesia in the early lyrics of V.V. Nabokov. Problem statement

Alexey Yu. Ovtcharenko , Stefania A. Konkova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russian Federation

 ovcharenko_ayu@pfur.ru

Abstract

INTRODUCTION. The key synesthetic concepts in V. Nabokov's early poetry are revealed, as well as their role in creating an artistic image. The purpose of the study is to identify key synesthetic concepts in V. Nabokov's early poetry in order to understand their role in creating the artistic image of the collection and further their place in the work of the author's entire work. The phenomenon of synesthesia attracts considerable attention from researchers in various humanitarian knowledge fields. In the literature, this technique is used to enhance the imagery of a text by combining various sensory perceptions. V. Nabokov's poetic legacy provides researchers with a valuable body of texts for studying synesthetic mechanisms determined by the author's worldview. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is the poems included in V. Nabokov's debut collection "Poems" (1916). The analysis is carried out based on semantic and conceptual methods, as well as through the interpretation of the author's synesthetic metaphors. It is revealed that in V. Nabokov's poetic discourse there are stable color concepts "pale", "purple", "azure" and "bloody", which have not only visual, but also symbolic significance. The concept of "pale" is associated with the motifs of withering and loss, "purple" – with transitional states and nostalgia, "azure" – with reverie and heavenly harmony, and "bloody" – with a feeling of pain and emotional tension. **RESULTS AND DISCUSSION.** The results of the study indicate that the interaction of these concepts forms a complex system of synesthetic images that significantly enriches the emotional perception of the text. **CONCLUSION.** The data obtained open prospects for further study of the mechanisms of synesthesia not only in the poetic, but also in the prose legacy of V. Nabokov.

Keywords: synesthesia, metaphor, image, poetry, attitude, Nabokov, concept

Funding. No funding was reported for this research.

Author's Contribution: A.Yu. Ovtcharenko – scientific literature search and analysis, material processing and editing, approval of article's final version. S.A. Konkova – research concept, scientific literature search, generalization of researchers' experience, acquired results analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ovtcharenko, A.Yu., & Konkova, S.A. Synesthesia in the early lyrics of V.V. Nabokov. Problem statement. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):296-306. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-296-306>

ВВЕДЕНИЕ

Научный интерес к феномену синестезии не ослабевает с XIX века. Созданы различные сообщества, изучающие этот феномен с эксплицитной точки зрения¹, но, всё же, единой трактовки понятия синестезии в академическом дискурсе до сих пор не существует [1, с. 144-148], как остаётся и нерешённой проблема выработки адекватной методологии анализа подобных синтетических феноменов² [3; 4, с. 198-227]. И для словцетообозначений [2], образующих, по мнению Р.М. Фрумкиной, особую категорию, сходную с категориями терминов родства, «создались свои традиции: собственно лингвистическая, с одной стороны, психологическая и культурно-антропологическая – с другой» [5, с. 4].

Согласно авторитетным философским словарям – Г. Шмидта³ и В.Г. Кузнецова⁴, синестезия – факт возникновения при раздражении какого-либо органа чувств, не только соответствующего ему ощущения, но и одновременно ощущения, соответствующего другому органу чувств [6; 7]. К. Бальмонт, говоря о светомузыкальной поэме А. Скрябина «Прометей» (первое исполнение – 1911 г.), указывал на то, что сегодня принято называть «мультиmodalностью», – «Жизнь есть многосложное слитное видение», и «творчески мыслящий и чувствующий художник <...> знает, что звуки светят, а краски поют, и запахи влюбляют, а слова разбивают горы и пререзают материки»⁵. Позже об этом писала и М. Цветаева, призывая к этой же полноте восприятия: «Не любите красок – глазами, звуков – ушами, губ – губами, любите

всё душой»⁶. Литературоведы относят приём синестезии к тропам, называя его «синестетической метафорой», поскольку в его основе лежит перенос значения [8]. Как подчёркивает Б.М. Галеев, «само понятие «Серебряный век» тоже очень близко к синестезии...»⁷: ведь именно в Серебряном веке о синестезии заговорили в полную силу⁸.

В современной гуманитаристике синестезия [9] понимается уже как мультимодальное явление, проникновение одного вида искусства в семиосферу другого. Возможно, что вопросы цветописи и фоносемантики становятся, в таком случае, определяющими и для феномена синестезии в вербальном аспекте [10].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Влияние синестезии на набоковское наследие исследовалось весьма продуктивно, в большей степени – на прозу [11–14] и критические работы [15], несколько в меньшей степени⁹ – на лирику [16]. Но нас интересуют первые поэтические опыты В. Набокова и его дебютная книга стихов, которой и посвящена наша статья.

Сам В. Набоков в книге «Другие берега» (1954) подробно писал о своем соприкосновении с синестезией, о том, что он «наделён в редкой мере так называемой *auditioncolorée* – цветным слухом»: когда ему шёл седьмой год, он строил замок из разноцветных азбучных кубиков и вскользь заметил матери, что покрашены они неправильно, а затем составил и свою «азбучную радугу»¹⁰.

⁶ Цветаева М.И. Письмо А.В. Бахраху, 25 июля 1923 // Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т. Москва: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 573.

⁷ Галеев Б.М. «Буду грешить господом данными чувствами – всеми пятью!» (О синестезии в творчестве Марины Цветаевой) // День и ночь. 1999. № 5-6. С. 224.

⁸ Миллер-Будницкая Р.З. Символика цвета, синестезизм в поэзии на основе лирики А. Блока // Известия Крымского педагогического института. Симферополь: Крымиздат, 1930. С. 133-200.

⁹ Забияко А.А. Синестезия: метаморфозы художественной образности. Благовещенск: АмГУ, 2004. 215 с.

¹⁰ Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собр. соч. русского периода. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000. Т. 5. С. 157-158.

¹ Синестезия Набокова. URL: <https://sinestezia-nabokova.tilda.ws> (дата обращения: 22.12.2024).

² Российское синестетическое общество. URL: <http://www.synaesthesia.ru/community.html> (дата обращения: 22.12.2024).

³ Шмидт Г. Философский словарь. Москва: Республика, 2003. С. 406.

⁴ Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. Москва: ИНФРА-М, 2005. С. 505.

⁵ Бальмонт К.Д. Светозвук в природе и световая симфония Скрябина. Москва: Рос. музык. изд-во, 1917. С. 3, 5.

В 1916 г. вышел его дебютный сборник «Стихи»¹¹ тиражом 500 нумерованных экземпляров на личные средства, куда вошло 68 стихотворений о первой любви. Хотя сам автор высказывался об этой работе весьма иронично: «Спешу добавить, что первая эта моя книжечка стихов была исключительно плохая, и никогда бы не следовало её издавать. Её по заслугам немедленно растерзали те немногие рецензенты, которые её заметили»¹², стоит отметить, что именно в этих, юношеских стихах, были заложены ключевые синестезийные лейтмотивы [16], которые появятся в его последующих книгах: это концепты «бледный», «лиловый» [17], «лазурный», «кровавый». Проанализируем эти лейтмотивы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бледный. Чтобы понять истинное значение цветовой игры В. Набокова, обратимся к феномену отсутствия, исчезновения, пропажи цвета. Вся поэзия В. Набокова антропоморфна: вместе с лирическим героем-человеком, который влюбляется, страдает, радостно принимая роль второстепенного героя-созерцателя, на сцену стихотворения выходят элементы пейзажа – небо, деревья, цветы и цвета. В набоковском мире они являются полноправными действующими лицами¹³. Цвет может заболеть, исчезнуть, что воспринимается автором как смерть, неправильная потеря: «Рубины дальнего куста // Одни огнём ласкают взоры; // Повсюду грустные узоры, // Повсюду мёртвые цвета»¹⁴. Однако не стоит думать, что кульминация осени, вихрь её прощальных красок, метко усиленные игрой слов рябин – рубин, и

вихрь мёртвых листьев способны ввести лирического героя в бесцветную грусть и траур. Большинство листьев уже подвержены процессу тления, пигмент исчез, но всё это – вне героя. Бледность, поглощающая мир вокруг, обходит стороной героя – в его душе живёт невидимое остальным счастье: «Пусть будут мёртвые листья, // В моей душе весна цветёт...» (Осенняя песня). Внутренний мир – вот, где живёт правда человека по мысли В. Набокова. Смерть и фальшь – контекстуальные синонимы, что наблюдается далее: «Осенний день, как старая вакханка, // Для смерти полюбил поддельные цвета» (Осенний день...). Очень важно, что подделка – не равно вымысел. В более позднем, а следовательно, зрелом тексте В. Набокова 1938 г. есть обращение – то ли к живой женщине, то ли к лирической героине, то ли к персонажу сновидения: «О, поклянись, что веришь в небылицу, // что будешь только вымыслу верна, // что не запрёшь души своей в темницу...». Вымысел, выдумка, творение жизни – не подделка, а преобразование, словно соединение воедино цветущего весною внутреннего мира и увядающего – внешнего. В результате творческого синтеза получается иное пространство, более реальное, более живое: «Ночные наши бедные владенья, // забор, фонарь, асфальтовую гладь // поставим на туза воображенья, // чтоб целый мир у ночи отыграть. // Не облака, а горные отроги, // костёр в лесу, не лампа у окна. // О, поклянись, что до конца дороги // ты будешь только вымыслу верна...» (Любишь ли то, что редко и мнимо...).

В поэтическом дискурсе В. Набокова противоположностью вымысла, жизни, цвета становится бледность. Это не ясноглазая прозрачность, символизирующая честность и чистоту намерений, это иссякающий, убегающий, пропадающий цвет. В подобном восприятии В. Набоков близок средневековой эстетике, где на символику цвета влиял не только тон, но и яркость: бледный цвет, какой бы он ни был, обладал негативной семантикой. Отцветший, тронутый тленом осени лист в стихотворении В. Набокова – тоже бледен; мир без вымысла – пуст, без любви – тёмн, неясен: «Бедное сердце до бледного

¹¹ Набоков В.В. Стихи. Петроград: Художественно-графическое заведение Унион, 1916. 58 с.

¹² Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собр. соч. русского периода. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000. Т. 5. С. 290-291.

¹³ Bouchet M., Loison-Charles J., Poulin I. (ed.) The Five Senses in Nabokov's Works. London: Palgrave Macmillan Publ., 2020. 367 p.

¹⁴ Набоков В.В. Осенняя песня // Набоков В.В. Стихотворения. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. С. 475. В дальнейшем цитируются стихотворения из этого сборника.

дня, / Кажется, не доживёт» (Бедное сердце до бледного дня). Бледный день – это тот день, когда прежние чувства не будут более ранить сердце лирического героя. В. Набоков показывает, что без прежних чувств, без встречи у «цветного окна» ожидание этого дня то же, что ожидание смерти. Не зря в эпиграфе приведены строки о солдате Ване, которому скрутили ноги и руки. Человек, чьё сердце в отчаянье, напоминает скрученного испытаниями судьбы солдата. Перед глазами пелена боли, полотно невыносимо ярких воспоминаний. Но это же значит, что пока человек жив – есть тона, даже минорные и тяжёлые. Это всё – цветная боль, подобно той, что описывал Томас Манн в «Волшебной горе»: «Отвратительно, господа, никогда я не думал, что может у человека возникнуть такое трижды подлое, гнусное, унижительное чувство, какого на земле вообще не бывает – разве что в аду! И со мной случился обморок – сразу три обморока – зелёный, коричневый и фиолетовый»¹⁵. Бледность же (олицетворение всепоглощающего, не нарушаемого ничем спокойствия либо равнодушия ко всему, даже самому невыносимому) – это небытие, тот бледный день, до которого даже дожить нельзя, ведь его не существует для живых человеческих чувствующих сердец.

Почти омонимическая игра слов «бедный» – «бледный», которую приходилось запоминать гимназистам поколения В. Набокова, показательна: они, словно два крыла одной бабочки, приколотой булавками. Только буква «л» на одном из них – ещё живое, трепещущее пятнышко. Убрать его и крыло станет бедным, мертвенным, утратив все своё богатство жизни. Примечательно, что именно «л» – это буква, которую В. Набоков использует в подавляющем большинстве женских имён: Лолита, Луиза, Розалина, Алиса, Долорес, Мабель, Луцинда, Камель, Виола, Стелла. Слово «л» мистически вобрала в себя некое сакральное знание о том, что представляет из себя женщина.

Таким же тяжёлым для синестетического восприятия В. Набокова представляется образ столицы: «Бледные губы и тусклые

взгляды... // Жутко и больно... Я тихо пройду...». Безумные поцелуи теряют краски, от цветов остаются только мелькания, всполохи: «Цепи огней желтовато-лиловых... // Алая точка, скользящая вдаль...» (Столице). Серый гранит Столицы становится своеобразным ретранслятором бледности, влияя на всё восприятие поэта целиком. В этом особенность синестетического взгляда: одна деталь, один образ может стать линзой, сквозь которую затем человек видит действительность. И бледность, гранит, тление, смерть – одни из ярчайших образов, которые так или иначе обращают пространства, явления или время в своё подобие, окрашивают их в свой бледный цвет. «Нет никого. Как тихо! Зову тебя бледнея...» (Жду на твоём пороге в грядущем грезой рея...) – таков набоковский гимн утраченной надежды.

Лиловый. О частотном концепте «лиловый»¹⁶ существует попытка объяснения на прозаическом материале: «Томный сиреневый звук» обозначает слово «сумерки» – время суток перед заходом солнца или перед рассветом, когда все окрашивается в сиреневый цвет [18, с. 12] и материале на поэтическом [17]. Недаром это время суток приобретает в русской поэзии эпитеты «сиреневый» и «лиловый»¹⁷. В поэтическом дискурсе В. Набокова преобладает эпитет лиловый, что можно связать с особой любовью писателя и поэта к букве «л». В «Весне» лиловый ассоциируется с расцветом жизни, прорвавшейся сквозь «белый», зимний «сон» к весеннему дню. Рассвет приходит вместе с расцветом красок: «Улыбки, воробьи и брызги золотые... // Вся улица блестит и кажется лиловой...» (Весна («Улыбки, воробьи и брызги золотые...»). Кроме того, лиловый передаёт ощущение мгновения, пойманного,

¹⁶ Блатт Б. Любимое слово Набокова – лиловый. Что может рассказать статистика о наших любимых авторах. Москва: Эксмо, 2019. 288 с.

¹⁷ Интересное наблюдение о разнице в восприятии оттенков цвета находим в позднем рассказе А.И. Куприна: «А что касается фиолетового цвета, то этого цвета русский народ совсем не знает и нигде не употребляет. Лиловый он еще понимает по сирени, да и то говорит не сиреневый, а синелевой» (Куприн А.И. Ночная фиалка // Куприн А.И. Собрание сочинений: в 9 т. Москва: Правда, 1964. Т. 8. С. 401).

¹⁵ Манн Т. Волшебная гора // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. Москва: ГИХЛ, 1959. Т. 3. С. 433.

растянутого в бесконечность. Цвет переходного состояния природы не может иначе. Стихи начинают походить на фотокарточки. Светлый солнечный день, стоящий в горизонте, сложно ценить, потому что он кажется бесконечным. В такие часы наслаждение прекрасным откладывается на неизвестное будущее. Лиловый же, мимолётный цвет вечернего часа, пробуждает внимание, нащёптывает чутким душам о движении, времени, жизни. Потому лишь когда золото дня скрывается в лиловом мраке, либо стройность ночного неба пронзается первыми лиловыми лучами солнца, поэт начинает внимать миру, делает попытки удержать время и его цвет.

«Стрекоз фиалково-узорных // Лиловым взором ловишь ты» (Почти недвижна наша лодка...). Этими строками В. Набоков будто окрашивает своим синестетическим видением знаменитый блоковский «Мгновенный взор из-под платка», и читатель легко угадывает не по глаголам, а по цвету невыразимую, проявившуюся в неуловимом, но вечном мгновении красоту глаз возлюбленной. Отсюда и сравнение с «фиалковыми» стрекозами, чей образ подчеркивает быстроту случившегося. «Лиловый дым над снегом крыши // По небу розовому плыл... // <...> Печали думы, тихо рея // По небу розовой любви, // Исчезли, ветрено бледнея, // Как эти дымные венки», – так мгновенны и «думы», исчезнувшие, словно лиловый дым (Лиловый дым над снегом крыши...). Кроме того, этот же мотив мы встречаем в стихотворении «Летний день», где лиловость «птички» говорит о той же мгновенности: «Кто золото в роще рассыпает изящной, огненной рукой? Лиловая птичка пролетает и звонко шутит над другой...». Её песни мимолётны, быстры, как и движение крыльев или эмоций в сердце героя посреди неподвижного «жарко-голубой» влаги дня. Иной оттенок лилового в другом стихотворении В. Набокова: «Зовут влюблённого гвоздики» (1916). При появлении возлюбленной весь цветочный мир затухает, ведь она тот светоч, чья краса приглушает самые яркие узоры природы. Лиловый здесь проявляется как цвет, предвещающий переход от буйства красок к всепоглощающему чувству, которое затмевает всё

иное: «Поникли бледные гвоздики... // Жасмины тронуты тоской... // И даже солнечные блики // Бессильно блекнут пред тобой...» (Зовут влюблённого гвоздики...).

О более печальной ноте в лиловой симфонии другой ностальгический текст В. Набокова: «В лиловом вереске терялась золотая // Березовых кудрей увядшая краса. // <...> Ты помнишь этот день? С тобою неужели // Мы больше никогда там вместе не пройдем, // Где белые стволы и маленькие ели // В лиловом вереске раскинулись кругом» (Ты помнишь этот день? Природе, умирая). Торжественное золотое и невинное белое «теряются» в лиловом вереске. Печаль о прошедшем счастье не исчезает, герой переживает один и тот же день: попытки заглянуть в прошлое, вопрос, повторенный вначале и в конце – всё это приглушает воспоминание о счастье, погружая героя в вечный закат чувств, в его лиловый, переходный час. Лиловый, символ мгновения, прошлого, перехода – также символ предвосхищения. Всплохи цвета предсказывают чувства, возможную любовь, счастье: «Тебя, тебя одну любить я обещаю // Всю жизнь мою, повсюду и всегда. // Скорбя, блаженствуя, тоскуя, умирая, // Я вечно буду помнить дни, когда // С тобой встречались мы среди лиловой тени // И холода осенних вечеров» (Тебя, тебя одну любить я обещаю). Лирический герой с тихой печалью замечает, что встречи с возлюбленной не были скрашены весной: «Хоть не было луны и запаха сирени // И песни молодой влюблённых соловьёв» (Тебя, тебя одну любить я обещаю). Однако счастье, которое они обрели, стало радостным предвестником грядущего утра, весны чувств, даже если от них в будущем останутся только кроткие знаки «в глазах и яркости ланит». Лиловый – любовь поэта, всполох жизни, времени. В нём можно заметить печаль по прошедшему, томный взгляд в обещания будущего. Этот цвет – неоднозначен, как неоднозначно время между ночью и днём. В нём нет твёрдости, уверенности, но есть впечатлительность самой чуткой камеры, настроенной на поимку важнейших моментов нашего бытия, а значит, есть и аромат. Синестетический взгляд В. Набокова на жизнь не может не

подразумевать аромата для ключевых образов в цветомировоззрении. В лиловом он ощутил отзвук растянутой секунды-дремоты, самой вечности в её самом, казалось бы, незначительном проявлении – цветении гелиотропа: «И мучит аромат, что сладок, как дремота... // Гляди, гелиотроп задумчиво цветёт» (Лунная грёза).

Синий и лазурный у В. Набокова – цвета разные. Обратимся к наиболее частотному образу лазури.

Лазурь/лазурный. «Ты помнишь этот день? Природе, умирая, // Лазурный поцелуй дарили небеса» (Ты помнишь этот день? Природе, умирая...). Лазурь, словно благопожелание, выполненное обещание или уверенный взгляд, которые посылают небеса миру. Лазурь светла, по-небесному тепла. В ней нет отстранённости холодных оттенков. Здесь набоковский дискурс вновь пересекается со Средневековым, где лазурь (и синий цвет) были «тёплыми» цветами. Как подтверждение нашей мысли, мы находим у раннего В. Набокова эти строки: «Ласкаясь к лазури, прозрачно алея, // Стыдился, смеясь, изумительный день» (Ласка). Романтический день тяготел к безобидным ласкам влюблённых, и лазурь, точно радушный, тёплый хозяин, приветствует героев стихотворения, внося покой во всё стихотворение с первых строк. «Вершина траурных лесов // В лазури бледной умирает» (Осенняя песня): здесь мы видим смешение двух знаковых набоковских концептов. С наступлением бледной поздней осени леса оплакивают невозвратное, скрывшееся за ними, поэтому гармонию и тепло теряют небеса. «Плавно растут и сверкают, и тают // Белые замки в лазурной стране». Белый замок – это замок воздушный, вымышленный, из той лазурной страны, где лирический герой одного из предыдущих стихотворений заклинал остаться героиню. Таким образом, именно лазурь становится символом вымысла, жизни и счастья, недоступного человеку, но угадываемого им – стоит только взглянуть на небо. «Красота! Красота! В ней таинственно слиты // Беспредельность надежд и воздушность лучей <...> // Я люблю красоту, как манящую тайну; <...> // Я пройду, где мгновенье бессмертья

коснётся... // От лазури ночной отделится звезда. // Доплывёт до лазури и с нею сольётся // Неоконченный сон и грехов красота» (Красота! Красота! В ней таинственно слиты). Звезда – метафора чаяний и надежд души, ищущей красоты в мире. Метафизические размышления В. Набокова сопровождаются образом «лазури ночной». В противовес дневному, ночной оттенок символа представляет собой некое пространство для мечты, где возможно всё: даже греховная красота становится шагом к поиску первоизданной. «То, лёжа в траве среди ромашек, в лазури сны свои ловлю...» (Летний день). Эти строки о любовном сне (ромашка – образ судьбы, благодаря ей, по народному поверью, можно понять любит человек или нет), о той «лазурной стране» грёз, где более сердце не тревожит, не болит – ибо небо подскажет ответы в вещем видении. Но по пробуждению, согласно канонам сна, герой должен всё забыть. Значит, в этом стихотворении лазурь – непрочно, она только ожидание гармонии, но не сама гармония. Напротив, в другом произведении В. Набокова «Бывало, в лазури бегут облака...» цвет становится нерушимой основой жизни героя. Именно в этом качестве все эмоционально-образные стороны лазури раскрываются в полную силу: спокойствие, небесность, возвышенность вымысла, ставшего правдой-действительностью. Сила лазури, как и сила божественной любви (высшей гармонии), непобедима – цвет не поблекнет, несмотря ни на что: «Бывало, в лазури бегут облака, // Находят на солнце, и радостный день // Темнеет мгновенно и гаснет слегка, // И тени сливаются в общую тень. // Так в нашей любви замелькает, бывало, // Пустячного спора мгновенная тень. // Она мимолетно, случайно упала; // За нею прекрасней покажется день...» (Бывало, в лазури бегут облака).

Кровавый. Концепт «кровавый»¹⁸ очень мрачен и болезнен в набоковской синестезии. Это не смерть, но шоковое состояние,

¹⁸ Лукьяненко И.Н. Семантика и специфика функционирования цветообозначений красного тона в произведениях В. Набокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004. 22 с.

переживаемая боль. Символ преданного друга, брошенного на обочину жизни – «бездомную собачку» встречает невзрачная женщина. Встреча двух несчастных божьих созданий оказывается тяжёлым испытанием для лирического героя: «Остались уколы той встречи случайной; // Остались в душе навсегда // Какая-то горечь, какая-то тайна, // Какая-то к миру вражда...» (Окутали город осенние боги). И будто именно кровь становится символом первопричины той вражды, что зародилась в душе героя. Кроме того, через образ крови становится яснее восприятие В. Набоковым своей синестезии. «Солнечно-нежные губки // Слушали песню в крови» – случилось невозможное; губы, которые должны говорить, увяли и умолкли, и могут только слушать, они наивны, невинны, поданы уменьшительно-ласкательно – но они становятся органом слуха, потому что раненая песня не может звучать, она как ультразвук или инфракрасный свет, не воспринимается обычными органами чувств. Это гимн эмпатии, свойственной синестетам и поэтам и В. Набокову лично. И страшное, будоражащее: «Белая ночь родилась в кровавой колыбели... // Город, усыпая, бредил и вздыхал...» (Солнечно-нежные губки) – о петербургском июне, в котором для лирического героя не случилось ничего доброго. Герой этот – сам город, который не проснулся во-

преки жизненным циклом, а захворал, и цвет белой ночи стал не праздничным цветом белого вина, а белыми простынями больницы, в которую страдающий город укутало милосердное небо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование предполагает продолжение, ведь в зрелости В. Набоков напишет еще много стихотворений, где данные концепты продолжают своё творческий путь и обретут новые горизонты, оставив при этом свои смысловые ядра практически неизменными [19; 20]. Анализ этих концептов позволит яснее понять те подтексты, которые В. Набоков вкладывает в свои стихотворения разного периода творчества [21]. Без детального анализа как самих цветов, так и последующего структурирования общего эмоционально-образного содержания цветовых символов будет потерян целый пласт набоковской мысли, которая не отделяет цветовосприятие¹⁹ от прочих уровней восприятия поэзии, а наоборот, обращается порой к опыту прошлых веков, углубляя его.

¹⁹ Лукьяненко И.Н. Семантика и специфика функционирования цветообозначений красного тона в произведениях В. Набокова.

Список источников

1. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. Москва: Языки славянских культур, 2004. 208 с. <https://elibrary.ru/suqhvr>
2. Biggam C.P. The Semantics of Colour. A Historical Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 274 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139051491>
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. Москва, 1997. 288 с.
4. Погребная Я.В. Тенденция к синестезии в мире Набокова // «Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы...» Лирика В.В. Набокова. Москва: Флинта, 2021. 247 с.
5. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. Москва: Наука, 1984. 174 с.
6. Бразм Г. Психология цвета. Москва: АСТ: Астрель, 2009. 158 с. <https://elibrary.ru/qxybaz>
7. Root N., Asano M., Melero H., Kim Ch.-Y. et al. Do the colors of your letters depend on your language? Language-dependent and universal influences on grapheme-color synesthesia in seven languages // Consciousness and Cognition. 2021. Vol. 95. Art. 103192. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2021.103192>
8. Труфанова И.В. Типы синестезии в повести Б. Пастернака «Детство Люверс» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 15. №. 1. С. 126-137. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-126-137>, <https://elibrary.ru/cpqujm>
9. Современный Лаокоон. Эстетические проблемы синестезии: сб. ст. по материалам науч. конф. / под ред. Е.Г. Яковлева. Москва: Изд-во МГУ, 1992. 127 с.

10. Комина Э.В. Вербальная синестезия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2006. № 2. С. 83-97. <https://elibrary.ru/jxatdf>
11. Горбачёва И.А., Николаев П.А. Фонэстетические приёмы в «Игровой поэтике» текстов В.В. Набокова // Вестник Волжского университета им. В.И. Татищева. 2020. Т. 2. № 2 (32). С. 66-76. <https://elibrary.ru/iojzjo>
12. Chirila A.S. Direct and indirect colour terms in Vladimir Nabokov's autobiographical prose: an overview // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. 2019. № 4 (6). С. 20-24. <https://elibrary.ru/esssnw>
13. Глазунова С.И. Цвет и звук как компоненты критических работ Владимира Набокова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 276-279. <https://elibrary.ru/pyjfav>
14. Бакуменко О.Н. Цветообозначения в двуязычном мировидении В. Набокова (на материале оригинального и автопереводного текстов романа «Лолита») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. Т. 20. Вып. 1. С. 4-19. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.101>, <https://elibrary.ru/vtmsel>
15. Дмитриева К.В. Концепт цвет в когнитивно-функционально-стилистическом аспекте: на материале романов В. Набокова «Лолита» и А. Фадеева «Разгром»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2012. <https://elibrary.ru/zorpyt>
16. Павлова Л.В., Романова И.В. Поэтика цвета “Cattleyalabiata” в лирике Владимира Набокова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 2. С. 98-108. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-2-98-108>, <https://elibrary.ru/pqqpcm>
17. Труфанова И.В. Сиреневый цвет и его оттенки в лирике В.В. Набокова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 9. С. 183-189. <https://elibrary.ru/slpdnc>
18. Задорнова В.Я. Синестезия как стилистический приём в прозе В. Набокова и возможности его передачи на другом языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. № 1. С. 9-18. <https://elibrary.ru/ikdhix>
19. Симоненко М.А. Языковая синестезия = метафора: аксиома или лингвистическая гипотеза? // Этнопсихоллингвистика. 2022. № 3 (10). С. 76-89. <https://doi.org/10.31249/epl/2022.03.06>, <https://elibrary.ru/vrdyle>
20. Ярошенко П.В. Синестетические словосочетания в параллельном мультязычном корпусе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 91-99. <https://doi.org/10.31857/S160578800027394-9>, <https://elibrary.ru/irhxxr>
21. Моисеенко Л., Моисеенко В. Синестезия как элемент индивидуального стиля Владимира Набокова // STUDIA SLAVICA SAVARIENSIA. 2013. № 1-2. С. 354-365. <https://doi.org/10.17668/SSS.2013.1-2.354>

References

1. Ivanov V.V. *Linguistics of the Third Millennium: Questions for the Future*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2004, 208 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/suqhvr>
2. Biggam C.P. *The Semantics of Colour. A Historical Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015, 274 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139051491>
3. Leont'ev A.A. *Fundamentals of Psycholinguistics*. Moscow, 1997, 288 p. (In Russ.)
4. Pogrebnaya Ya.V. The trend towards synesthesia in Nabokov's world. «Plot' poezii i prizrak prozrachnoi prozy...» *Lirika V.V. Nabokova*. Moscow, Flinta Publ., 2021, 247 p. (In Russ.)
5. Frumkina R.M. *Color, Meaning, Similarity: Aspects of Psycholinguistic Analysis*. Moscow, Nauka Publ., 1984, 174 p. (In Russ.)
6. Braem G. *Color Psychology*. Moscow, ACT: Astrel' Publ., 2009, 158 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qxybaz>
7. Root N., Asano M., Melero H., Kim Ch.-Y. Do the colors of your letters depend on your language? Language-dependent and universal influences on grapheme-color synesthesia in seven languages. *Consciousness and Cognition*, 2021, vol. 95, art. 103192. (In Russ.) <https://doi.org/10.1016/j.concog.2021.103192>
8. Trufanova I.V. Types of synesthesia in B. Pasternak's story “Childhood Lovers” (“Childhood Eyelets”). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 126-137. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-126-137>, <https://elibrary.ru/cpqujm>

9. Yakovlev E.G. (ed.) Sbotnik statei po materialam nauchnoi konferentsii «Sovremennyi Laokoon. Esteticheskie problemy sinestezii» = *Proceedings of Scientific Conference "Modern Laocoon. Aesthetic Problems of Synesthesia"*. Moscow, Moscow State University Publ., 1992, 127 p. (In Russ.)
10. Komina E.V. Verbal synesthesia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* = *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2006, no. 2, pp. 83-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jxatdf>
11. Gorbacheva I.A., Nikolaev P.A. Phonesthetic techniques in V.V. Nabokov's "Game Poetics" texts. *Vestnik Volzhskogo universiteta im V.I. Tatishcheva* = *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, 2020, vol. 2, no. 2 (32), pp. 66-76. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oiijzo>
12. Chirila A.S. Direct and indirect colour terms in Vladimir Nabokov's autobiographical prose: an overview. *Vestnik Saratovskoi konservatorii. Voprosy iskusstvovaniya* = *Bulletin of the Saratov Conservatory. Questions of Art Studies*, 2019, no. 4 (6), pp. 20-24. <https://elibrary.ru/esssnw>
13. Glazunova S.I. Color and sound as components of critical works of Vladimir Nabokov. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, 2012, no. 1, pp. 276-279. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pyjfav>
14. Bakumenko O.N. Names of colour in V. Nabokov's bilingual worldview (based on the original and self-translated texts of the novel *Lolita*). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* = *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2023, vol. 20, issue 1, pp. 4-19. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.101>, <https://elibrary.ru/vtmsel>
15. Dmitrieva K.V. *Kontsept tsvet v kognitivno-funktsional'no-stilisticheskom aspekte: na materiale romanov V. Nabokova «Lolita» i A. Fadeeva «Razgrom»*. Cand. Sci. (Philology)... diss. abstr. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2012, 24 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zorpyt>
16. Pavlova L.V., Romanova I.V. The poetics of color "Cattleya Labiate" In the lyrics by Vladimir Nabokov: data from the dictionary of lexical combinations. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya* = *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 98-108. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-2-98-108>, <https://elibrary.ru/pqqpcm>
17. Trufanova I.V. Lilac color and his shades in lyric by V.V. Nabokov. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series Humanities*, 2019, no. 9, pp. 183-189. (In Russ.) <https://elibrary.ru/slpdnc>
18. Zadornova V.Ya. Synaesthesia as a stylistic device in V. Nabokov's Russian prose and its rendering into English. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* = *Moscow University Philology Bulletin*, 2020, no. 1, pp. 9-18. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ikdhix>
19. Simonenko M.A. "Verbal synesthesia = metaphor": axiom or linguistic hypothesis? *Etnopsikholingvistika* = *Ethnopsycholinguistics*, 2022, no. 3 (10), pp. 76-89. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/epl/2022.03.06>, <https://elibrary.ru/vrdyle>
20. Yaroshenko P.V. Synesthetic word combinations in a parallel multilingual corpus. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* = *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2023, vol. 82, no. 4, pp. 91-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S160578800027394-9>, <https://elibrary.ru/irhxxr>
21. Moiseenko L., Moiseenko V. Synesthesia as an element of Vladimir Nabokov's individual style. *STUDIA SLAVICA SAVARIENSIA*, 2013, no. 1-2, pp. 354-365. (In Russ.) <https://doi.org/10.17668/SSS.2013.1-2.354>

Информация об авторах

ОВЧАРЕНКО Алексей Юрьевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-00028544-5812>, Scopus ID: 57193953491, ResearcherID: Z-3696-2019, ovcharenko_ayu@pfur.ru

Information about the authors

Alexey Yu. Ovtcharenko, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Russian Language and Linguacultural Studies Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-00028544-5812>, Scopus ID: 57193953491, ResearcherID: Z-3696-2019, ovcharenko_ayu@pfur.ru

КОНЬКОВА Стефания Антоновна, соискатель степени кандидата филологических наук, кафедра русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0005-0563-1818>, vsem@poezii.ru

Для контактов:

Овчаренко Алексей Юрьевич
e-mail: ovcharenko_ayu@pfur.ru

Поступила в редакцию 04.03.2025
Поступила после рецензирования 30.04.2025
Принята к публикации 29.05.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Stefania A. Konkova, Cand. Sci. (Philology) Applicant, Russian Language and Intercultural Communication Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-0563-1818>, vsem@poezii.ru

Corresponding author:

Alexey Yu. Ovtcharenko
e-mail: ovcharenko_ayu@pfur.ru

Received 04.03.2025
Revised 30.04.2025
Accepted 29.05.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-307-319>

Шифр научной специальности 5.9.1

Осмысление литературной среды Берлина и Праги в стихотворении М.И. Цветаевой «Луна – лунатику»: субъектно-образный план

Алла Алексеевна Шатовкина

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 stary_cherdak@inbox.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Стихотворение «Луна – лунатику» рассматривается в контексте историко-литературного феномена Русского зарубежья и художественной самоидентификации М.И. Цветаевой периода эмиграции. Цель исследования – в мотивах жизненной и творческой обособленности обнаружить признаки идеологических расхождений русскоязычных лириков-эмигрантов. Актуальность обусловлена возникновением культурно-исторического конфликта литературы метрополии и зарубежья и отношением к нему М.И. Цветаевой. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** К рассмотрению стихотворения привлекаются дополнительные историко-биографические и литературные источники: дневниковые записи разных лет, эпистолярная переписка поэта, в том числе с Б.Л. Пастернаком, статья «Световой ливень». Комплексный анализ основывается на контекстном, сравнительно-сопоставительном, мотивном, семиотическом и семантико-стилистическом методах. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Реконструкция исторических реалий способствует выявлению предпосылок к созданию стихотворения. Композиционное, мотивно-образное своеобразие сюжетной динамики и особенности его субъектно-образного плана свидетельствуют о расхождении художественных принципов поэтов-эмигрантов и М.И. Цветаевой, утверждающей существование единой литературы в масштабах России и Запада. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Работа демонстрирует выход поэта за рамки узкого представления о национальной идентичности. Субъектно-образный план стихотворения, заявленный заголовочным эллипсисом, способствует возникновению синкретической связи автора и героя, масштабируя и объединяя процесс творчества. Перспективы исследования касаются изучения литературы Русского зарубежья в целом и творчества М.И. Цветаевой в частности, поскольку интерпретация эмиграционной лирики поэта вызывает существенные затруднения.

Ключевые слова: Русское зарубежье, М.И. Цветаева, книга «После России», Стихотворение «Луна – лунатику», субъектно-образный план, разногласия в русскоязычной литературной среде, интерпретация эмиграционной лирики

Благодарности. Автор выражает благодарность доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина Наталии Юрьевне Желтовой за участие в постановке проблемы исследования и научное руководство.

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: А.А. Шатовкина – концепция исследования, разработка методологии, анализ и обработка материала, проведение исследования, формулировка выводов исследования, написание черновика рукописи, доработка рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шатовкина А.А. Осмысление литературной среды Берлина и Праги в стихотворении М.И. Цветаевой «Луна – лунатику»: субъектно-образный план // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 307-319. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-307-319>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-307-319>

OECD 6.02; ASJC 1203

Comprehension of the literary environment of Berlin and Prague in M.I. Tsvetaeva's poem "The Moon to a Sleepwalker": subject-image plan

Alla A. Shatovkina

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 stary_cherdak@inbox.ru

Abstract

INTRODUCTION: The poem "The Moon to a Sleepwalker" is considered in the context of the historical and literary phenomenon of the Russian diaspora abroad and the artistic self-identification of M.I. Tsvetaeva during the emigration period. The purpose of the study is to discover signs of ideological differences among Russian-speaking emigrant lyricists in the motives of life and creative isolation. The relevance is due to the emergence of a cultural and historical conflict in the literature of the metropolis and abroad and M.I. Tsvetaeva's attitude towards it. **MATERIALS AND METHODS.** Additional historical, biographical and literary sources are involved in the consideration of the poem: diary entries from different years, epistolary correspondence of the poet, including with B.L. Pasternak, the article "Downpour of Light". The comprehensive analysis is based on contextual, comparative, motivic, semiotic, and semantic-stylistic methods. **RESULTS AND DISCUSSION.** The reconstruction of historical realities helps to identify the prerequisites for the creation of a poem. The compositional, motif-figurative originality of the plot dynamics and the peculiarities of its subject-image plan indicate the divergence of the artistic principles of the emigrant poets and M.I. Tsvetaeva, who asserts the existence of a unified literature on the scale of Russia and the West. **CONCLUSION.** The work demonstrates the poet's going beyond the narrow concept of national identity. The subject-image plan of the poem, stated by the title ellipsis, contributes to the emergence of a syncretic connection between the author and the character, scaling and unifying the creative process. The prospects of the research relate to the study of literature of the Russian diaspora abroad in general and the work of M.I. Tsvetaeva in particular, since the interpretation of the poet's emigration lyrics causes significant difficulties.

Keywords: Russian diaspora, M.I. Tsvetaeva, the book "After Russia", poem "The Moon to a Sleepwalker", subject-image plan, disagreements in Russian speaking environment, emigration lyrics interpretation

Acknowledgments. The author expresses her gratitude to Nataliya Yu. Zheltova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Russian and Foreign Literature Department of Derzhavin Tambov State University, for participation in problem statement and scientific supervision.

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: A.A. Shatovkina – research concept, methodology design, material analysis and processing, investigation, research conclusion formulation, writing – original draft preparation, manuscript revision.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Shatovkina, A.A. Comprehension of the literary environment of Berlin and Prague in M.I. Tsvetaeva's poem "The Moon to a Sleepwalker": subject-image plan. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):307-319. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-307-319>

ВВЕДЕНИЕ

Историко-литературный феномен Русского зарубежья эпохи Серебряного века уже много лет находится под пристальным вниманием российских и зарубежных исследователей. В фокусе научных разработок оказываются не только забытые имена писателей-эмигрантов, их судьбы и творчество [1; 2], но осмысливаются и социально-исторические, и философские, и культурные аспекты феномена [3–7]. В жизни и деятельности русских диаспор активное участие принимали женщины – их вклад в русскую культуру также получает заслуженное признание [8; 9]. Не обойдено вниманием и наследие эмигрантов-библиофилов, любителей фольклорных артефактов, музыки, живописи, балета – возвращение на родину забытых имён и культурного достояния, изучение и хранение в отечественных и зарубежных научных центрах богатейшего архивного материала является главной задачей современных исследователей Русского зарубежья [10; 11].

Среди литературных имён, исследовательский интерес к которым не ослабевает уже много десятилетий, – Марина Ивановна Цветаева (1892–1941). Её имя в культурно-исторические страницы Русского зарубежья вписывается и творчеством, и жизнью. Установка художника на дневниковость: «Мои стихи – дневник, моя поэзия – поэзия собственных имён»¹ и неизменная датировка записей: «Хронология – ключ пониманию»² являют особенность поэтической индивидуальности, благодаря которой история и биография неразрывно связывается с динамикой творчества.

До появления в Берлине в мае 1922 г. Цветаева уже имела ряд публикаций: три книги до 1914 г. и четыре издания 1921–1922 гг. – «Вёрсты: Стихи», «Вёрсты: Стихи. Выпуск 1», «Конец Казановы: Драматический этюд», «Царь-девица: Поэма-сказка». К концу 1922 и в 1923 г. берлинскими издательствами выпускаются «Стихи к Блоку», «Разлука», «Психея. Романтика» и «Ремесло». Таким

образом, лирика, созданная поэтом ещё в Советской России, обретает прописку на Западе. На фоне исторических событий это не удивительно: падение монархии, революции, Первая мировая и гражданская войны изменили ход истории, рассеяв русских людей по континентам. Как и вся культура, русская литература разделилась на два лагеря – литературу метрополии и зарубежья.

В начале 1920-х гг. основными культурными центрами русскоязычной эмиграции были Берлин, Прага и Париж. Признание Германией Советской России и начало нэпа превратили литературную жизнь Берлина в диалог эмиграции и метрополии. Многолюдьем русского Берлина объясняется и обилие издательств, и Дом искусств по петербургскому образцу Дома литераторов. На страницах газет и журналов, на заседаниях различных литературных объединений и простых встречах в кафе обсуждалось литературное будущее. С выходом в Праге в 1921 г. сборника статей «Смена вех», а в Софии – «Утверждения евразийцев» диалог литератур перешёл в открытое противостояние. Жаркие споры диктовались не только проблемами внутренней междоусобицы. В работе «Кризис художественного сознания и его отражение в критике русского зарубежья» С.Р. Федякин справедливо замечает: «Особое своё состояние русское зарубежье уже в самом начале 20-х годов видело не только как следствие революционных событий в России. Изменения – причём необратимые изменения – произошли со всем миром. Эмиграция отзывалась на самые разнообразные попытки осмыслить кризис европейского сознания»³.

Оказавшись в эпицентре полемических «баталлий» и осваиваясь в русскоязычной среде Берлина, – выступления на творческих вечерах, общение со старыми и новыми знакомцами: поэтами, писателями, издателями, – Цветаева лишь внимательно прислушивается к разнообразным дискуссиям о языке, о смысле писательства, о сбережении русской

¹ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 230.

² Там же. С. 276.

³ Федякин С.Р. Кризис художественного сознания и его отражение в критике Русского зарубежья // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов: сб. науч. тр. Москва: Тип. ИНИОН РАН, 2005. С. 9.

культуры. Когда же дискредитируются, в её понимании, общечеловеческие, этические ценности, гневная и обоснованная реакция следует незамедлительно («Открытое письмо А.Н. Толстому»⁴). «После России» – очередная и последняя книга стихов, вобравшая берлинскую и пражскую лирику, будет опубликована только в 1928 г. во Франции. Однако уже в первом стихотворении, созданном 11 июня 1922 г. (месяц спустя после приезда в Берлин), Цветаева отметит «час жарких самоуправств безземельных братств»: бурную и произвольную, но главное – беспочвенную и разрозненную деятельность литераторов-эмигрантов.

Вместе с тем суету и кратковременность первого эмиграционного этапа – два с половиной месяца цветаевских странствий – нельзя связывать с общепринятой монохромностью Берлина, с его «серостью». Город преподнёс поэту «сказочный» подарок из России: письменный оклик Б.Л. Пастернака (1890–1960) и его книгу «Сестра моя – жизнь». О том, что в лице Пастернака Цветаева обретает творческого единомышленника и заочного собеседника, свидетельствует статья «Световой ливень» (о лирике Пастернака), написанная, буквально, «по горячему следу» 3–7 июля 1922 г., и длительная переписка – постоянная даже в случающейся прерывности. Живя в Чехии и не имея возможности встретиться с Пастернаком, приехавшим в Берлин на правах советского командированного (осень 1922 – весна 1923 гг.), Цветаева будет вести двойной диалог, подкрепляя эпистолярный художественным.

Безусловно, воздействие внешних факторов отразилось и на внутреннем состоянии художника: «невстреча» поэтов обретает черты судьбоносности, позволяя Цветаевой мифологизировать личность Пастернака и воспринимать в синкретическом единстве с его творчеством. Тем не менее, образ поэта, фигурирующий в лирическом и эпистолярном контексте, Цветаевой не равнозначен. Поэт расставляет акценты в зависимости от художественных задач и от заочных перекрёстных размышлений в письмах. Наглядным

примером синкретического взаимодействия представляется стихотворение «Луна – лунатику». Мотивы одиночества – человеческого и творческого, – переосмысливаются Цветаевой не только с позиции автора и лирического героя: в стихотворении слышны отголоски берлинских и пражских словесных «баталий», что, в конечном итоге, определило цель исследования.

Анализ стихотворения «Луна – лунатику» позволит выявить признаки творческих разногласий русскоязычных литераторов-эмигрантов, отразившиеся в художественном мировосприятии Цветаевой. Актуальной задачей исследования является обнаружение всеобъемлющих (во времени и пространстве) идей профессионального развития, благодаря которым противостояние русских литератур (метрополии и зарубежья) воспринимается поэтом как несущественное.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Привлечение историко-биографического контекста: переписки, дневников и записных книжек разных лет, лирики и прозы Цветаевой позволяют не только обнаружить следы идеологических расхождений в среде русскоязычных литераторов, но и представить размышления художника об особенностях творческого самовыражения (собственных и Пастернака), о путях дальнейшего и «должного» развития словесного творчества. Благодаря комплексному методологическому подходу: контекстному, сравнительно-сопоставительному, мотивному, семиотическому и семантико-стилистическому анализам, реализуется возможность проследовать за авторской мыслью и понять, что скрывается за лаконичным содержанием стихотворения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего, необходимо отметить, что чувство одиночества, переживаемое Цветаевой, обуславливалось не столько внешними, видимыми причинами. Культурная жизнь русской диаспоры: творческие вечера, семинары, знакомства с молодыми литераторами – расширяла круг общения. Одно время Цве-

⁴ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 217.

таева была редактором альманаха «Ковчег» – сборника Союза русских писателей и журналистов. Осведомлённость о литературных тенденциях и творчестве отдельных писателей, как и её общественная деятельность, не вызывает сомнений: «Авторитет Цветаевой в Праге был достаточно высок; она выступала наряду с членами правления Союза, и к её критике прислушивались»⁵. Нельзя не учитывать время создания стихотворения «Луна – лунатику» – 20 июня 1923 г., тогда как период цветаевского редакторства начнётся позже (с 1924 по 1926 г.).

Нищенское существование в чешских пригородах затрудняло даже поездки в Прагу, и Цветаева тяжело переживала «невстречу» с Пастернаком, жившем в Берлине почти до конца марта 1923 г. Между тем, цветаевское сожаление по поводу их формального общения в России с лихвой компенсируется восторженным откликом Пастернака на её книгу «Вёрсты»: Пастернак тогда ещё жил в Москве и своей «запоздавшей» реакцией положил начало эпистолярной дружбе. Уже в первом письме Цветаевой в Берлин (14 июня 1922 г.), обеспокоенный поисками поэтических путей и творческого развития, Пастернак замечал, что «почти не приходится восхищаться современниками», что их творчество – «только виды душевного довольства, удовлетворённости, почти что – *нравственные* оценки-признания душевной порядочности, – и только»⁶ (курсив Б. П.). Сравнивая лирику Цветаевой с «душевной солёногровой ванной», поэт, может и бессознательно, перефразирует «громокипящий кубок» чтимого ею Ф.И. Тютчева. Пастернак оказывается тем творческим единомышленником, встретить которого в литературных кругах Берлина Цветаева уже не рассчитывала – из ответного письма: «Здесь ни с кем не дружу, кроме Эренбургов, Белого и моего издателя Геликона»⁷.

⁵ Егорова К.Б. Марина Цветаева в Чехословакии (1922–1925): литературное окружение и творческие взаимосвязи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2012. С. 14.

⁶ Цветаева М.И., Пастернак Б.Л. Души начинают видеть: письма 1922–1936 гг. Москва: Вагриус, 2004. С. 12.

⁷ Там же. С. 16.

«Сестра моя – жизнь» (1922) – книга, присланная Пастернаком вслед за первым письмом, убеждает Цветаеву в общности художественного мировосприятия. Этому способствует и пастернаковский акцент в очередном письме (12 ноября 1922 г.): «Люблю правду жизни в том её виде, какой она на одно мгновение *естественно* принимает у самого жерла художественных форм, чтобы в следующее же в них исчезнуть»⁸ (курсив Б. П.). К сожалению, в «мгновенности» окажется и возможность встречи поэтов в Берлине, но в «жерле художественных форм» чешского периода «правда» не исчезнет. Поэт будет постоянно обращаться к теме творчества в объединённом с пастернаковскими размышлениями русле.

В письмах признавая Пастернака своим современником и современником Байрона, Пушкина, Лермонтова, Цветаева утверждает позиционную незыблемость мировосприятия, основанного на преемственности и переосмыслении романтического наследия. Уважение к романтикам проявляет и Пастернак, называя цветаевские «Вёрсты» «верстовой Суинберниадой»: «Если Вы его даже не знаете, моего кумира, – он дошёл до Вас через побочные влияния, и ему *вольно в Вас...* как когда-то Байрону было вольно в Лермонтове, как Якобсену и России вольно в Рильке»⁹ (курсив Б. П.). Таким образом, можно предположить, что эпистолярный диалог поэтов о путях профессионального развития проявится и в стихотворении «Луна – лунатику».

Стихотворение примечательно субъектно-образным планом – ролевой образ «луна» синкретически объединяет образ автора и лирического героя на основе их пространственно-временного и эмоционального взаимодействия. Уже эллиптическая форма заголовка предполагает смысловую многозначность: концепцию развития и подобие объектно-субъектных образов. Так, являясь традиционным символом романтической поэзии, «луна (указывает) лунатику» основные ориентиры для успешного продвижения в намеченном русле. В то же время «луна (по-

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Там же. С. 11.

не влияет на осведомлённость луны об условиях земной жизни.

Учитывая, что луна давно «взяла на себя заботу об авторе», неопределённое обращение подразумевает двойную адресацию: герою-лунатику и лирическому «я» в образе лунатика. Как уже отмечалось, о вариативности сигнализирует и эллиптическая форма заголовка. Кроме того, синкретическую «нераздельность-неслиянность»¹⁶ можно дополнить замечанием Цветаевой того же, 1923, года: «Я охотно посылаю (отсылаю, ссылаю) свою душу в другие тела (на другие звёзды!), чтобы отсюда с ней же, или отсюда с собой же – беседовать»¹⁷. Т. е., пастернаковское «зову на луну» (словами А. Белого) и цветаяевское «охотно посылаю», звучащие в данном случае в унисон, привлекаются к созданию образа «оплетающие». В эпистолярно-лирическом сочетании интерпретация первой строфы выглядит следующим образом. Если оплетающие «произвольно полемическими и театральными приподнятыми копьями» довольствуются фикцией: опасаются подняться над проблемой, ограничиваясь спорами, то ходящим «лунатическими дорогами» гибельно именно такое, приземлённое состояние.

Для того чтобы обнаружить сходство героя-лунатика с Пастернаком, необходимо обратиться к статье «Световой ливень», посвящённой книге «Сестра моя – жизнь». Написанная 3–7 июля 1922 г., она была опубликована в том же году в третьем декабрьском номере берлинской «Эпопеи». Являясь единственной владелицей книги из России и предваряя статью её выход в Берлине в 1923 г., Цветаева, можно сказать, освещает путь западному читателю к лирике советского поэта. Об этом она размышляет и на страницах статьи: «Пастернак, возьмите меня в поручители перед Западом – пока – до появления здесь Вашей “Жизни”. <...> И не потому, что

Вам это нужно, – из чистой корысти: дорого побывать в такой судьбе!»¹⁸.

Отстранившись от бурных и, согласно сложившемуся впечатлению, непродуктивных профессиональных полемик, Цветаева живёт воспоминаниями о погружении в творчески родственную «судьбу», отслеживая и фиксируя аспекты собственного и пастернаковского мировосприятия. Так, в напутствии луны: «В час последнего беспамятства / Не очнись» дублируется характерная особенность творческого состояния Пастернака, отмеченная в статье: «Самозабвенный, себя не помнящий, он вдруг иногда просыпается... – И голосом заспанным – с чердачных своих высот во двор, детям: “Какое, милые, у нас / Тысячелетие на дворе?”»¹⁹. Если учесть, что одно из первых писем Пастернаку началось с признания: «Мой любимый вид общения – потусторонний: сон: видеть во сне. А второе – переписка. Письмо, как некий вид потустороннего общения»²⁰, а лирическая благодарность за присланную Пастернаком книгу имела первоначальный заголовок «Слова на сон» («Неподражаемо лжёт жизнь»), можно сказать, что «лунатическое» наитие Цветаева считала общим свойством художественного выражения.

Следующая строфа: «У лунатика и гения / Нет друзей. / В час последнего прозрения / Не прозрей» снова объединяет эпистолярные и лирические мысли Цветаевой. В письме она рассуждает развёрнуто и обстоятельно: «В Вашем творчестве больше Гения, чем поэта (гения, того, что над поэтом), поэт побеждён Гением, сдался ему на гнев и на милость, согласился быть глашатаем, отрешился. <...> Пастернак часто сам не знает, что ему диктует его Гений... пишет буквы, а потом – в прорыве ночного прозрения – на секунду осознаёт, чтоб утром забыть»²¹. В стихотворении происходит, своего рода, констатация факта: «заботливая» луна берёт под за-

¹⁶ Потенциально диалогическое существование одновременно двух самостоятельных личностных позиций, сразу и предполагающих, и отрицающих друг друга. См.: Бройтман С.Н. Лирика в историческом освещении // Теория литературы. Т. 3. Москва: ИМЛИ РАН, 2003. С. 438.

¹⁷ Цветаева М.И. Незданное. Сводные тетради. С. 130.

¹⁸ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Эллис Лак, 1994. Т. 5. С. 231-232.

¹⁹ Там же. С. 233.

²⁰ Цветаева М.И., Пастернак Б.Л. Души начинают видеть: письма 1922–1936 гг. С. 23.

²¹ Там же. С. 31-32.

шиту и автора-лунатика, и героя-гения – тако-го же лунатически отрешённого глашатая.

Необходимо отметить существенный момент. Неоднократный и безусловный фразовый повтор («В час последнего беспамятства / прозрения») – это представление творческого часа как смертного. Другими словами, поэт уверена, что во все времена литературная «правда жизни», то есть подлинная, искренняя литература, создаётся так, как будто в жизни писателя она была последней. Такое представление о творческой ответственности перед миром и Богом как предельная искренность превращает многочисленные споры о судьбе литературы в бесполезные и бесплодные мероприятия. В этой связи весомую смысловую нагрузку несёт оппозиция «беспамятство – прозрение». По сути, это полярные творческие состояния: можно писать интуитивно, подчиняясь наитию, но можно создавать и в ясно возникшем представлении – Цветаева не разграничивает способы писательского труда, для неё главное – наличие «правды жизни».

Принятие героем-лунатиком одиночества как «должного» формируется в очередной строфе: «Я – глаза твои. Совиное / Око крыш. / Будут звать тебя по имени – / Не расслышь». В композиции стихотворения наблюдается резкая смена тональности: ставшие уже традиционными обращения луны к «неопределённым» лунатикам и гению интонационно фокусируются на личном и притяжательном местоимениях. Субъектно-образный синкретизм автора-луны и автора-лунатика обнаруживается в динамике образов: «я – глаза твои – совиное око крыш». На первый взгляд, луна спешит смягчить «правду жизни»: и в беспамятстве, и в прозрении чувство одиночества всегда воспринимается нелегко – она сочувствует, живя в нём. Тем не менее, дополнительная характеристика объектно-субъектного образа – «совиное око крыш» – усиливая впечатление, усложняет ситуацию. Символика совы многозначна: мудрость, знания, опыт. Кроме того, сова – атрибут луны, ночи, необъяснимых и сверхъестественных явлений. Широта ассоциаций связывает луну и сову, однако герою-лунатику «гарантируется» определённый на-

бор значений: одиночество (око) и высота в её множестве (крыши).

Для того чтобы понять, почему потребовалась дополнительная детализация глаз для героя-лунатика, необходимо вновь обратиться к статье и переписке поэтов. Книгу Пастернака открывает его графический портрет, выполненный в 1921 г. художником Ю. Анненковым, и в статье Цветаева уделяет ему внимание: «Внешнее осуществление Пастернака прекрасно: что-то в лице зараз и от араба и от его коня: настороженность, вслушивание. <...> Громадная, тоже конская, дикая и робкая роскошь глаз. (Не глаз, а око.)»²². Следующий существенный акцент находится в письме Пастернака. Развивая тему о «правде жизни», он пытается объяснить возникновение своей одухотворённости: «Мне свойственно, по особенной моей односторонности, отождествлять с жизнью тот... огонёк, который начинает блуждать в её глазах, когда она задумывается о бессмертии, когда... она бросается к нему. Волнующе связанная наглядность жизни или, что то же, красота, есть не что иное, как именно этот выбор, с отчаяньем и отвагой произведённый ей»²³ (курсив Б. П.). Если объединить пастернаковский глаз-око (у Цветаевой) и волнующе связанную наглядность жизни (у Пастернака), лирическая мысль будет звучать так: автор-луна готова разделить одиночество героя-лунатика, потому что видит мир его глазами.

При этом возникает логическое несоответствие: «око» Пастернака – «конское», а не «совиное». Дело в том, что дополнительная характеристика глаз предназначается автору-лунатику, определяя его «лунатическую» специфику. Если Пастернак провозглашает «с чердачных высот» «наглядность жизни» зрительными образами, автор-лунатик делает это «совиным оком крыш» – специфическим слухом совы, позволяющим безошибочно ориентироваться в пространстве. При этом обнаруживается связь «чердачных высот» героя-лунатика и «око крыш» автора-лунатика: многочисленные и, как правило,

²² Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. С. 232.

²³ Цветаева М.И., Пастернак Б.Л. Души начинают видеть: письма 1922–1936 гг. С. 18.

круглые чердачные оконца зовутся слуховыми. В силу того, что автор-лунатик организует «наглядность жизни» с помощью слуха, автор-луна освобождает героя-лунатика от «настороженного вслушивания» в жизнь: «Будут звать тебя по имени – / Не слышь».

Однако здесь прочитывается и дополнительный смысл: звать поэта по имени, знакомясь с его творчеством, могут не только читатели, но и критики (ср. фразеологизм «просклонять имя на все лады»). Поэтому автор даёт профессиональную рекомендацию в соответствии с пушкинскими строками стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»: «Хвалу и клевету приемли равнодушно, И не оспаривай глупца». Позже, в записях 1936 г., Цветаева вновь обратится к характерным особенностям их творческого миропонимания: «У Пастернака только одна забота: зрительная (то есть смысловая) точность эпитета. У меня вся эта забота множится на бессмысленную слуховую точность звука»²⁴.

Заключительная строфа: «Я – душа твоя: Урания: / В боги – дверь. / В час последнего слияния / Не проверь!» усиливает значимость общности мифологическим акцентом. Благодаря предыдущей информации с отрицательными императивами, все рекомендации уже находятся под контролем луны, поэтому и утверждаемое единодушие не должно подвергаться сомнению. Между тем, если посмотрим на композицию стихотворения: две строфы неопределённых обращений и две строфы с местоимениями «я – твой/твоя», рекомендации луны от общих «не очнись/не прозрей» стремятся к конкретным «не услышь/не проверь». На этом основании можно представить их более связанными с личными взаимоотношениями автора и героя.

Доказательством служит субъектно-образный синкретизм автора, являющегося, как и в третьей строфе, одновременно луной и лунатиком: «я – душа твоя: Урания – [Урания:] в боги – дверь». Поскольку Психея, фигурирующая в эмиграционной лирике Цве-

таевой как физическое олицетворение души, в этом случае не соответствует идейно-эстетическому замыслу автора – пространственному и разновременному взаимодействию героев и атмосфере высоких устремлений, – возникает «Урания». Поэтому, очевидно, Цветаева отвергает и один из вариантов: «(17 нов<ого> июня 1923 г.) В час последнего отчаянья. / В час последнего доверия. / На уста – печатью крайнюю. / Перст тебе кладу. – Эгерии / Вверься... (Впосл<едствии> Луна – лунатику)»²⁵.

Ценность сохранившегося черновика несомненна: можно представить ход авторской мысли (нимфа священного ручья, обладающая пророческим даром, ограничена земным пространством подобно Психее), и период «рождения» произведения (в книге стихотворение датировано 20-м июня). Образ «Урания» соответствует ситуации, отвечая нескольким требованиям. В мифологии этот эпитет сопровождает Афродиту, богиню любви: Афродита-Урания (небесная) представляется в смысле чистой, возвышенной любви. Благодаря неограниченному пространственно-временному континууму единство душ осуществляется в сфере идеалов и в творческом, и в жизненном планах. Согласно второму значению, Урания – муза астрономии, изображаемая с небесным глобусом и компасом в руках, поэтому она выполняет ещё одну функцию – «в боги – дверь».

Подобно «совиному оку крыш», образ «в боги – дверь» непосредственно связан с характерной особенностью автора-лунатика – высокопарный «слог» луны внезапно перебивается резким для слуха прозаизмом. Дверь – та «правда жизни», которая связывает героев, где бы они ни были. Другими словами, автор, «вооружившись» глобусом и компасом (земными предметами), служит герою-лунатику «дверью в боги» – пропуском к известности у русскоязычных читателей Запада, а в соответствии с мифологическим акцентом, – на вершину литературного Олимпа. Поэтому композиция стихотворения формируется из общих и частных рекомендаций луны.

²⁴ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. С. 606.

²⁵ Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради. С. 177-178.

Такое понимание подкрепляется мотивно-образными переключками из «Светового ливня». Вот очередное наблюдение Цветаевой: «Пастернак – это сплошное настежь: глаза, ноздри, уши, губы, руки. До него ничего не было. Все двери с петель: в Жизнь! <...> Молниеносный, – он для всех обременённых опытом небес. <...> Иногда он опрокинут: напор жизни за вдруг распахнутой дверью сильнее, чем его упорный лоб. Тогда он падает – блаженно – навзничь, более действенный в своей опрокинутости, нежели все задышающиеся в эту секунду... жокеи и курьеры от Поэзии.<...> И озарение: да просто любимец богов! И – озарение зорчайшее: да нет, – не просто, и не любимец! *Нелюбимец*, из тех юнцов, некогда громоздивших Пелион на Оссу»²⁶ (курсив М. Ц.). Объём цитаты обусловлен проявлением зоркости, мобильности и парадоксальности цветаевского мышления. Согласно мифам, гиганты хотели взгромоздить горы, чтобы достичь неба, но Зевс не позволил претендовать на место богов. Благодаря тому, что Пелион являлся обителью кентавров, уместной в статье оказывается и портретная характеристика Пастернака – «что-то от араба и от его коня».

Поговорка «громоздить Пелион на Оссу» примечательна противоположными смыслами: если в прямом значении она связывается с грандиозными свершениями, в ироничном плане это значит затрачивать огромную энергию на незначительное дело. По отношению к творчеству (не в творчестве!) Цветаева рассматривает иронию «без иронии» – в целостности, не противопоставляя значений. Не вступая в полемику о судьбе литературы, в статье она утверждает, что настоящая литература не бывает незначительной, и если возникает вопрос о её значении, то адресоваться он должен тем, кто создаёт такую литературу («жокеям и курьерам от Поэзии», тратящим силы впустую). Тесное взаимодействие мотивно-образных планов статьи и стихотворения свидетельствует о том, что желание Цветаевой раскрыть достоинства

поэзии Пастернака перед западными читателями совпадает с желанием автора утвердить героя на литературном Олимпе.

В этой связи нельзя не отметить, что акцент на прозаизме (боги – дверь) не случаен и служит ещё одним доказательством мировоззренческой общности Цветаевой и Пастернака. В статье, отмечая лексическое чутьё творческого единомышленника, Цветаева приходит к заключению: «Прозаизм Пастернака, кроме природной зоркости, это святой отпор Жизни – эстетству. <...> Он так же свободен от “обще-поэтических” лун-струн, как от “крайне-индивидуальных” зубочисток эстетства»²⁷. Вводя «дверь» в композицию с романтическим и возвышенным антуражем, Цветаева демонстрирует свой отпор эстетству. Дверь оказывается не только уместной, но даже необходимой: через неё в литературу попадает «правда жизни».

Сомнения в категоричном неприятии эстетства может вызвать образ «последнего слияния» – в некотором роде, претендент на «обще-поэтические луны-струны». Однако уже само заглавие является опровержением: пропуск знаменателя не предполагает «лёгкого чтения». Кроме того, луна, ни разу не упомянутая в тексте, оказывается не только объектом, но и субъектом – лирической героиней. В стихотворении нет места и «крайне-индивидуальным зубочисткам»: не рядовая, но традиционная ситуация (хождение во сне) воспроизводится в традиционно-романтическом ключе. Наконец, если рассматривать лирику «После России» как единый метасюжет, можно заметить, что поэт включает семантику заголовков в смысловое развитие не только отдельного произведения, но и книги в целом. Так, за стихотворением «Луна – лунатику» следует «Занавес» – лирическая авто-презентация создания и обнародования статьи о творчестве Пастернака [12]. Иначе говоря, после того, как «Луна (указывает) лунатику» путь и «дверь в боги», поднимается «Занавес», упраздняя границу между русскими литературами России и Запада.

²⁶ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. С. 234-235.

²⁷ Там же. С. 238-239.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая историко-литературный феномен Русского зарубежья на примере эмиграционного творчества Цветаевой – стихотворении «Луна – лунатику», можно сказать, что творческое самоутверждение поэта выходит за рамки узкого представления о национальной идентичности. Патриотизм поэта лишён социально-политической ангажированности и зиждется на синтезе русской и европейской культур, с преемственностью идей немецких, французских, английских романтиков. Поэтому процесс профессиональной ассимиляции поэта в русскоязычной среде Берлина и Праги связывается с разочарованием и отстранённостью от ведущихся полемик о дальнейших путях развития русской литературы. В стихотворении «Луна – лунатику» мотив жизненного и творческого одиночества декларируется как главенствующий и необходимый для профессионального совершенствования. Цветаева убеждена, что каждый писатель несёт ответственность, прежде всего, за качество собственной литературы. Создаётся ли она по наитию или просветлённым сознанием – не имеет значения. Если художник не будет обременять себя земными границами и временными условностями, если будет каждый раз писать так, как в последний – литература будет разнооб-

разна и бесспорна. Новизна и теоретическая значимость исследования состоит в комплексном аналитическом подходе с привлечением обширного материала: дневниковых записей разных лет, эпистолярного диалога с Пастернаком, статьи «Световой ливень». Благодаря мотивно-образным переключкам, охватывающим значительный временной период жизни и творчества, обнаруживаются индивидуальные особенности художественного мировосприятия Цветаевой и Пастернака и единство взглядов на проблему профессионального развития, отличное от полемической разногласности в среде литераторов-эмигрантов. Взаимосвязь объектно-субъектных образов реализуется на основе романтических, мифологических и семантико-стилистических акцентов, представляющих своей многозначностью смысловую вариативность, вследствие чего авторская концепция творческого развития объединяется с желанием автора утвердить героя на литературном Олимпе. Практическая значимость исследования состоит в представлении эмиграционного творчества Цветаевой не только в динамике конкретного стихотворения, но и его окружения: проникновение в произведение как в художественную мастерскую может существенно облегчить процесс интерпретации.

Список источников

1. Пекелис М.А., Антипов С.С. Герменевтика текстов берлинского затворника русской литературы Вадима Фаина // *Философская школа*. 2017. № 2. С. 8-28. <https://elibrary.ru/zqoadl>
2. Устинов А. «Зелёная шляпа» Петра Потёмкина и детская литература русской эмиграции // *Детские чтения*. 2020. Т. 18. № 2. С. 180-229. <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2020-2-18-180-229>, <https://elibrary.ru/zepuop>
3. Пивовар Е.И. Российское зарубежье в новейшей отечественной историографии // *Исторические записки*. 2019. № 18 (136). С. 226-258. <https://elibrary.ru/qwfefhp>
4. Пивовар Е.И. Судьбы российской эмиграции «первой волны» в Чехословакии // *Чехословакия и Россия на обломках империи*. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2020. С. 69-76. <https://doi.org/10.31168/0442-8.05>, <https://elibrary.ru/hejinm>
5. Азаров Ю.А. Литературная эмиграция и «русская акция помощи» чехословацкого правительства // *Вестник Костромского государственного университета*. 2024. Т. 30. № 2. С. 101-107. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-101-107>, <https://elibrary.ru/iuwfjs>
6. Касьянов В.В. Душа культуры Русского зарубежья // *Общество: философия, история, культура*. 2012. № 1. С. 57-63. <https://elibrary.ru/otmudv>
7. Бжикцы И. Ars memoriae – ars oblivionis в поэзии «первой волны» русской эмиграции // *Вопросы литературы*. 2021. № 1. С. 79-98. <https://doi.org/425/0042-8795-2021-1-79-98>, <https://elibrary.ru/kmlvmx>

8. Баркова О.Н. Литературная и журналистская деятельность женщин русского зарубежья. 1917–1939 гг. // Клио. 2013. № 4 (76). С. 95-100. <https://elibrary.ru/pzfwvj>
9. Баркова О.Н. «Не в изгнании, а в послании»: журналистская и литературная деятельность женщин русской эмиграции «первой послереволюционной волны». 1917–1939 гг. // История отечественных СМИ. 2016. № 1-2. С. 115-133. <https://elibrary.ru/ygsvhd>
10. Муромцева Л.П. Наследие русской эмиграции: возвращение на родину // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 177-193. <https://elibrary.ru/zafnuv>
11. Шульгина Н.В. Сохранение и изучение эмигрантского книжного наследия в отечественных и зарубежных научных центрах: история и современность // Общество: философия, история, культура. 2017. № 2. С. 81-86. <https://doi.org/10.24158/fik.2017.2.20>, <https://elibrary.ru/xxbhnr>
12. Шатовкина А.А., Желтова Н.Ю. «Занавес» М.И. Цветаевой как лирическая автопрезентация // Казанская наука. 2019. № 10. С. 38-41. <https://elibrary.ru/zvtlvv>

References

1. Pekelis M.A., Antipov S.S. Hermeneutics of texts by Vadim Fadin, a Berlin recluse of Russian literature. *Filosofskaya shkola = Philosophical School*, 2017, no. 2, pp. 8-28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zqoadl>
2. Ustinov A. Piotr Potiomkin's "Green hat" and Russian émigré children's literature. *Detskie chteniya = Children's Readings: Studies in Children's Literature*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 180-229. (In Russ.) <https://doi.org/10.31860/2304-5817-2020-2-18-180-229>, <https://elibrary.ru/zepuop>
3. Pivovarov E.I. Russian foreign community in the latest national historiography. *Istoricheskie zapiski*, 2019, no. 18 (136), pp. 226-258. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwfefhp>
4. Pivovarov E.I. The destinies of the Russian emigrants of the "first wave" in Czechoslovakia. In: *Czechoslovakia and Soviet Russia on the Wreckage of Empires*. Moscow, Institute for Slavic Studies of the RAS Publ., 2020, pp. 69-76. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/0442-8.05>, <https://elibrary.ru/hejinm>
5. Azarov Yu.A. Russian émigré literature and the "Russian help action" of the Czechoslovak government. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 2, pp. 101-107. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-101-107>, <https://elibrary.ru/iuwfjs>
6. Kasyanov V.V. The spirit of Russian emigre culture. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2012, no. 1, pp. 57-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/otmudv>
7. Bzhiktsy I. Ars memoriae – ars oblivionis in the poetry of the "first wave" Russian emigrants. *Voprosy literatury*, 2021, no. 1, pp. 79-98. (In Russ.) <https://doi.org/425/0042-8795-2021-1-79-98>, <https://elibrary.ru/kmlvmx>
8. Barkova O.N. Literary and journalistic activities of women of the Russian diaspora in 1917–1939. *Klio*, 2013, no. 4 (76), pp. 95-100. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pzfwvj>
9. Barkova O.N. "Not in exile, but in a message": journalistic and literary activities of women of the Russian emigration of the "first post-revolutionary wave". 1917–1939. *Istoriya otechestvennykh SMI*, 2016, no. 1-2, pp. 115-133. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ygsvhd>
10. Muromtseva L.P. The heritage of Russian emigration: return to motherland. *Rossiya i sovremennyyi mir = Russia and the Contemporary World*, 2017, no. 2 (95), pp. 177-193. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zafnuv>
11. Shulgina N.V. Preserving and studying of emigrant book heritage in domestic and foreign scientific centers: history and modernity. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2017, no. 2, pp. 81-86. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/fik.2017.2.20>, <https://elibrary.ru/xxbhnr>
12. Shatovkina A.A., Zheltova N.Yu. "Curtain" by M.I. Tsvetaeva as lyrical auto presentation. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*, 2019, no. 10, pp. 38-41. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zvtlvv>

Информация об авторе

ШАТОВКИНА Алла Алексеевна, научный сотрудник Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-7976-3822>, stary_cherdak@inbox.ru

Поступила в редакцию 15.01.2025

Поступила после доработки и рецензирования 31.03.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Alla A. Shatovkina, Research Scholar of International Scientific Center for the Study of E.I. Zamyatin Creative Heritage, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7976-3822>, stary_cherdak@inbox.ru

Received 15.01.2025

Approved after reviewing and revision 31.03.2025

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-320-334>

Шифр научной специальности 5.9.1

«Мягкая плоть трудовой земли»: жанровая специфика «Оды русскому огороду» В. Астафьева

Пётр Андреевич Гончаров

ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»

393760, Российская Федерация, Тамбовская область, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

 goncharovpa2015@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Целью является определение жанрово-родового и композиционного своеобразия «Оды русскому огороду» – одного из наиболее ярких и оригинальных произведений В. Астафьева – в сопоставлении с другими произведениями русского прозаика и его современников. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом для исследования стали наиболее авторитетные литературоведческие работы о творчестве прозаика, тексты произведений В. Астафьева 1960–1990-х гг., нуждающиеся в уточнении и определении их родовой и жанрово-композиционной специфики методами сопоставления и структурного анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Результатом исследования стал аргументированный структурным анализ произведения, подтверждённый многочисленными отсылками к тексту «Оды русскому огороду», вывод, что астафьевская «Ода», являясь феноменом, универсальным в проблемно-тематическом плане, демонстрирует тесную связь творчества В.П. Астафьева с «деревенской прозой». «Ода русскому огороду» оказывается явлением глубоко оригинальным, традиционным и синтетическим в родовом и жанрово-композиционном отношении. Определена и интерпретирована значительная мифопоэтическая составляющая «Оды»; прокомментировано воздействие сказочных, «раёшных» и иных фольклорных традиций в астафьевской «Оде». Охарактеризовано воздействие литературных традиций прошлого и контекста русской литературы 1960–1990-х гг. в целом на структуру астафьевского произведения. Отмечается прочная укоренённость центрального образа «Оды русскому огороду» в зрелых и поздних произведениях писателя. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Доказано, что в «Оде русскому огороду» синтезированы формально-содержательные свойства эпоса и лирики, элементы оды, гимна, идиллических, пасторальных, буколических и иных жанровых разновидностей лирики с прозаической повествовательной формой, с «раёшным» стихом, со сказкой, с пародией и её различными приёмами комизма. Охарактеризованы используемые В. Астафьевым и проанализированы свойственные прозаику приёмы и элементы поэтики смешного.

Ключевые слова: В. Астафьев, Ода русскому огороду, жанр, традиция, пародия, идиллия, проза, лирика, фольклор, миф, комическое

финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад автора: П.А. Гончаров – поиск и отбор научной и художественной литературы, сбор и анализ фактического материала, разработка и уточнение концепции, обработка результатов исследования, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Для цитирования: Гончаров П.А. «Мягкая плоть трудовой земли»: жанровая специфика «Оды русскому огороду» В. Астафьева // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 320-334. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-320-334>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-320-334>

OECD 6.02; ASJC 1208

"The soft flesh of the labor land": Genre specificity of "Ode to the Russian vegetable garden" V. Astafyev

Petr A. Goncharov

Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsionalnaya St., Michurinsk, 393760, Tambov Region, Russian Federation

 goncharovpa2015@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The aim of the work is to determine the genre-generic and compositional originality of the "Ode to the Russian Vegetable Garden" – one of the most striking and original works of V. Astafyev – in comparison with other works of the Russian prose writer and his contemporaries. **MATERIALS AND METHODS.** As materials for the study we took the most authoritative literary works on the novelist's work, texts of Astafyev's works of 1960-1990s, which need to be clarified and defined in their generic and genre-compositional specificity by methods of comparison and structural analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** The result of the study is the conclusion substantiated by the structural analysis of the work, confirmed by numerous references to the text of "Ode to the Russian vegetable garden", that Astafyev's "Ode", being a phenomenon, universal in problem and theme terms, demonstrates a close connection of V.P. Astafyev's creativity with "Village prose". "Ode to the Russian Vegetable Garden" turns out to be a deeply original, traditional and synthetic phenomenon in generic and genre-compositional terms. A significant mythopoetic component of the "Ode" is defined and interpreted; the influence of fairy-tale, "Raeshny" and other folklore traditions in Astafyev's "Ode" is commented on. The influence of literary traditions of the past and the context of Russian literature of the 1960–1990s as a whole on the structure of Astafyev's work is characterized. The strong rootedness of the central image of the "Ode to the Russian Vegetable Garden" in the mature and late works of the writer is noted. **CONCLUSION.** The article proves that the «Ode to a Russian Vegetable Garden» synthesizes the formal and substantive properties of the epic and lyric poetry, elements of an ode, hymn, idyllic, pastoral, bucolic and other genre varieties of lyric poetry with a prose narrative form, with "Raeshny" verse, with a fairy tale, with parody and its various comic techniques. The techniques and elements of the poetics of the ridiculous used by V. Astafyev are characterized and analyzed.

Keywords: V. Astafyev, Ode to the Russian garden, genre, tradition, parody, idyll, prose, lyrics, folklore, myth, comic

Funding. This research received no external funding.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

Author's contribution: P.A. Goncharov – scientific and fictional literature research and selection, factual material collection and analysis, concept development and refinement, research results processing, writing – original draft preparation, manuscript editing.

For citation: Goncharov, P.A. "The soft flesh of the labor land": Genre specificity of "Ode to the Russian vegetable garden" V. Astafyev. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):320-334. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-320-334>

ВВЕДЕНИЕ

«Оду русскому огороду» («*Наши современники*», 1972. № 12) необходимо отнести к числу «знаковых» произведений, названия которых заключают в себе и определение жанровой разновидности, и характеризующий их пафос. К их числу, кроме повести «Пастух и пастушка», есть основания отнести «Царь-рыбу», «Печальный детектив», «Обертон», «Весёлый солдат».

Проблематика, особенности жанра, специфика композиции «Оды» и сегодня являются предметом дискуссии в литературоведении [1–6].

«Ода», хотя и увидела свет в разгар работы писателя над «Последним поклоном» (1960–1993), «хронологически» (по возрасту главного героя) предшествует автобиографической повести, поскольку пытается воссоздать время младенчески бессознательное, ангельское, мифологическое: «Жуткое, ослепляющее счастье первого самостоятельного шага». Воспоминания рассказчика в ней основываются на «проблесках памяти» о самом раннем детстве. «...Далеко-далеко возникло лёгкое движение, колыхнулась серебряная нить, колыхнулась и поугасла, слилась с небесным маревом. Но всё во мне встрепенулось, отозвалось на едва ощутимый проблеск памяти. Там, в неторопливо приближающемся прошлом, по паутине, вот-вот готовой оборваться, под куполом небес, притушив дыхание, идёт ко мне озарённый солнцем деревенский мальчик»¹. Такого типа повествование отличается от стратегии «Последнего поклона» особого рода объективацией. В повести «Последний поклон» – «я» автора-рассказчика ведёт повествование. В «Оде» «я» автора-рассказчика тоже значимо, но не доминирует, не названный своим именем «мальчик» берёт на себя функцию и объекта и субъекта повествования, а в ряде случаев его восприятие изображаемого оказывается доминантным: «Из бани, чтобы попасть во двор, надо пересечь весь огород по широкой

борозде, которую чем дальше в лето, тем плотнее замыкало разросшейся овощью. С листьев брюквы, со *щекочущих* кистей морковки, с твёрдо тыкающихся бобов – отовсюду сыпалась *роса, колола и щекотала* отмытую кожу, а мелколистная жалицалетунья *зудливо стрекалась*» (с. 11). Выделенные курсивом слова призваны передать ощущения «мальчика», а не взрослого повествователя. Хотя и в повести «Последний поклон», и в «Оде» речь идёт об одном «лице», но это «лицо» присутствует в этих произведениях в разных его ипостасях. Это повлекло за собой и дальнейшие изменения отношений между автором, героем-повествователем и остальными персонажами. Так, известная по автобиографической повести «бабушка Катерина Петровна» (вполне узнаваемая и в «Оде») оказывается в ней безымянной «бабкой». Нет имён и у всех других персонажей. «Ода» благодаря таким переменам стратегии повествования уходит от излишней здесь автобиографичности, превращается в произведение предельно обобщённого смысла и звучания, прославляющее не овсянский «кочок жирной земли, забранный жердями», а союз, содружество рождённого землёй человека и земли, созидающие и берегающие жизнь.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В рамках данной работы методом сравнительного и структурного анализа исследуется жанровая специфика «Оды русскому огороду». В жанровом плане «Ода» перекликается с «Жизнью Арсеньева». У И. Бунина читаем: «А сколько мы открыли съедобных кореньев, сколько всяких сладких стеблей и зёрен на огороде, вокруг риги, на гумне, за людской избой, к задней стене которой вплотную подступали хлеба и травы! За людской избой и под стенами скотного двора росли громадные лопухи, высокая крапива, – и «глухая», и жгучая, – пышные малиновые татарки в колючих венчиках, что-то бледно-зелёное, называемое козельчиками, и всё это

¹ Астафьев В.П. Ода русскому огороду // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 8. С. 8. Далее текст «Оды» цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.

имело свой особый вид, цвет, запах и вкус»². Алексей Арсеньев – малолетний обитатель дворянского гнезда, проводящий свои младенческие забавы в крапиве и лопухах двора вместе с крестьянскими детьми. Астафьевский крестьянский «мальчик», едва научившись самостоятельно ходить, уже работает на земле, но подобно младенцу Алексею Арсеньеву, ощущает и красоту, и вкус родного огорода: «Ковырнул из гряды лакомую овощ: «Девушка в темнице – коса на улице». Мала еще «девушка-то», и рвать её не велено, да никто не видит. Потёр морковку о штаны, схрумкал, размотал огрызок за косу и метнул его во тьму. Такое наслаждение!» (с. 13). Созвучие текстов, близость ощущения восприятия земли (вплоть до вкуса) – свидетельство причастности обоих художников к субъективно-лирическому способу изображения природной деревенской жизни, к одной традиционной земледельческой цивилизации, уход, гибель которой рождает у них чувство невосполнимой утраты.

По предположению В.А. Доманского, соотнёсшего «Погорельщину» Н. Клюева и астафьевскую повесть, в «Оде русскому огороду» «<...> на образно-мифологическом уровне посредством аксиологических кодов <...> В.П. Астафьев представляет модель тысячелетней крестьянской цивилизации» [6, с. 28]. И.А. Бунин (его «Суходол», «Жизнь Арсеньева» и др.) даёт основания в данном случае предположить, что «крестьянская» цивилизация на известном этапе и «уровне» включала в себя и цивилизацию «дворянскую», а обе они составляли единую и сложную цивилизацию земледельческую, аграрную, традиционную для России.

Астафьевская «Ода» продолжала и развивала высокое представление о труде на земле, свойственное русской литературе и русской философии. На исходе XIX века В.С. Соловьёв утверждал в земном труде одухотворяющее начало: «Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование её самой – ожив-

ление в ней мёртвого, одухотворение вещественного»³. Чуть далее цель земной работы приобретает у В. Соловьёва почти любовные очертания и свойства – «ухаживание за нею (землёю. – П. Г.) ввиду её будущего обновления и возрождения»⁴.

Астафьев даже и в деталях оказывается сторонником одухотворения чувством и мыслью человека, его волей труда на земле: «Везде и во всем любовь нужна, раденье, в огородном же деле особенно. Красота, удобство, разумность в огороде полезностью и во всем хозяйстве оборачиваются. Есть хлеб, есть овощи, сыты работники и дети, обихожена скотина, значит, и в семье порядок» (с. 31). Высокая лексика (любовь, раденье, полезность), инверсионный порядок слов призваны здесь вызвать классицистические реминисценции. Но цель их – завуалированное бурлеском (о «низком» – высокими стилем) признание в любви, исповедание веры автора. Бурлеск и стилизация устной речи придают астафьевской «Оде» живость, передают неожиданную остроту переживаний автора, мыслей и чувств, связанных с образом русского огорода.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Ода русскому огороду» – произведение, которое в концентрированном виде включает в себя философию, композиционно-образные предпочтения и поэтико-стилистические свойства «деревенской прозы». На уровне философском «Ода» включает в себя комплекс идей, связанных с представлением о «первородстве» деревни, о поэзии и красоте труда на земле, его близости к труду воспитания, возвращения ребёнка. «Если бы огород был памятен только тем, что вскормил и вспоил мальчика, дал ему силу и радость жизни, первые навыки в труде, он бы и тогда помнил его свято» (с. 38). Философия «Оды» связана с пантеистическими в своей основе воззрениями писателя этого времени. Однако пантеизм В. Астафьева здесь имеет демонстративный и потому

² Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, 1978. Т. 3. С. 275.

³ Соловьёв В.Н. Сочинения: в 2 т. Москва: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.

⁴ Там же.

весьма условный характер. Обращаясь к своей памяти, рассказчик восклицает: «Ну хочешь, я, безбожник, именем Господним заклинять тебя стану, как однажды, оглушённый и ослеплённый войною, молил поднять меня со дна мёртвых пучин и хоть что-нибудь найти в тёмном и омертвелом нутре? И вспомнил, вспомнил то, что хотели во мне убить, а вспомнив, оживил мальчика – и пустота снова наполнилась звуками, красками, запахами» (с. 8). Упоминание Господнего имени имеет здесь неслучайный характер. «Ода», по признанию автора, писалась сразу «после насадной работы над «Царь-рыбой» (с. 350), хотя увидела свет намного ранее её⁵. Если соотнести «Оду» с идеями «Царь-рыбы», с поисками ответов на те сложные вопросы бытия, которые автор не находит в величии тайги и всей природы, если соотнести упоминание Господнего имени с пережившимся (в сравнении со «Стародубом») отношением к «староверам», то есть основания предполагать в ней ещё один шаг от пантеизма к мировосприятию, которое все более приобретает у писателя христианские черты.

Необычная, сложная жанровая природа «Оды русскому огороду» позволила Н.Р. Хрящевой увидеть в ней элементы «видения» и «молитвы», а «драматизацию» как основу характерного для «Оды» жанрового синтеза [7]. Н.С. Цветова, сближая главу «Последнего поклона» под названием «Осенние грусти и радости» с анализируемым здесь произведением В. Астафьева, считает «Оду русскому огороду» второй частью своеобразной астафьевской «диалогии» о русском огороде» [8]. На наш взгляд, с точки зрения жанрово-композиционной специфики, «Ода русскому огороду», при всей её самостоятельности и жанрово-композиционной специфичности, во многом представляет собой самую объёмную астафьевскую затесь. Лиризм, присутствие повествовательного начала, очерковость, наличие комического элемента сближают «Оду» с жанром затеси. Главное различие «Оды русскому огороду» с жанром, организацией и стратегией повест-

ования затесей – выделение в качестве главного «объекта» изображения фигуры «мальчика», представляющего собой ипостась героя-рассказчика в раннем детстве и даже в младенчестве. В ней соединились многие элементы композиции, формально-содержательной структуры затесей.

Как в затеси, в «Оде» значительна роль лирического начала. Так, перечислив «весь наряд и все прелести русского огорода», лирический герой-рассказчик заключает: «Зато весной раздолье в огороде какое! Поставив в церкви свечку, помолившись святым отцам, охранителям коней, в первый день мая по старому стилю выводил лошадей дед в огород, к плугу, а бабка тем временем поясно кланялась с крыльца ему – пахарю, молилась земле, огороду, лесу» (с. 19). Огород, как и земля, как и лес, для обитателей приенисейской русской деревни – предмет для поклонения, молитвы, объект для восхваления. И это подтверждает принадлежность астафьевского произведения к заявленному в названии лирическому жанру оды.

Живы в астафьевской «Оде» не только элементы оды, но и следы пасторали, жанра, который прозаик уже «оживил», актуализировал ранее при работе над повестью «Пастух и пастушка». Астафьевская «Ода» из числа традиционных лирических жанров явно близка жанрам буколическим (греч. *bukoliká*, от *bukolikós* – пастушеский), обращённым к изображению пастушеских забот и радостей «с описанием мирной жизни пастухов», «их простого быта, нежной любви и свирельных песен» [9].

Как и в «материнских» жанрах, как и в упомянутой выше повести «Пастух и пастушка», астафьевская «Ода» включает в себя вместе с другими идиллическими деталями и мотив чистой, бесплотной, высокой, зарождающейся в душе «мальчика» первой неосознанной ещё и неназванной в его сознании своим именем любви: «<...>девочка в синем платье, с букетом диких ирисов, растущих за логом, возле муравейника, залитая слезами, повторяющая неведомое в селе, такое смешное, непривычное, но чем-то к добру и ласке располагающее слово: «папочка», – заняла в сердце мальчика своё вечное место

⁵ Возможно, эта датировка, как и в случае с «Пастухом и пастушкой», является результатом аберрации памяти писателя.

и всю жизнь являлась ему вместе с теми подробностями, которые заделали его глаз, слух и укатились в глубину памяти: грязная сверху льдина, истекающая каплейю и стеклянно роняющая звонкие карандашники на землю; вода, ревущая в устье лога и смывающая рыхлый яр; корова, переставшая жевать и тупо уставившаяся на рыбаков; пастух, козырьком приложивший руку ко лбу и тоже наблюдавший за рыбаками; боярка, мохнато цветущая над головой девочки; шмель, спутавший голову девочки с белым цветком и шарившийся хоботом в пушистых её волосах, и застрявший в горле мальчика крик: «Акусит!» (с. 43).

Элементы пасторали в этом фрагменте, как и во всей «Оде», вбирают в себя и детали настораживающие, напоминающие о трагическом и противоречивом времени и месте «действия» произведения: «грязная сверху льдина», «мужик был пьяный», «бордовая рубаша кровавым пузырьком всплывала за спиной мужика», плачущая «девочка» и т. п. Такими деталями усиливаются тревожные ощущения и предчувствия, идиллия и пастораль перетекают в элегическую жанровую форму.

В целом «Ода русскому огороду» нацелена на изображение идиллического топоса, в котором жизнь человека на земле предстаёт в качестве безоблачного и счастливого существования. «На хорошем, пусть и диковатом приволье располагалось родное подворье мальчика, и небогато, но уверенно жилось в нем большой, разнокалиберной семье. Народ в семье был песенный, озороватый, размашистый, на дело и потеху гораздый» (с. 11).

Астафьев остаётся в «Оде» писателем, не забывающим о богатых традициях отечественной поэзии. Его прославление огорода и картошки оказывается по воле писателя полемическим «дополнением» к уже сложившейся литературной традиции. «Хлеб? Да! Однако сколько хлебу воздано! Сколько о нем спето. Так отчего же, почему же мы, российские люди, не раз, не два спасённые картошкой от глада и мора, забыли про неё? К слову сказать, воин наш русский многим обязан ей, родимой картошке! Где угодно готов это утверждать!» (с. 25). «Спето»,

«воздано» – это и А. Кольцов («Урожай»), и Н. Некрасов («На родине») и М. Исаковский («На реке, реке Кубани»), и Н. Рубцов («Хлеб»), и многие другие лирические произведения русской литературы. Косвенно, через «архангелогородское» слово «навины», упоминается в «Оде» и певец северного «жита» Ф. Абрамов. «Тот, кто умеет сочинять гимны, должен найти самые торжественные слова, и самые голосистые певцы споют картошке гимн на самой широкой площади при всем скоплении народа. Не знаю, кто как, я плакал бы, слушая тот гимн!» (с. 26). Торжественная, хвалебная, прославляющая суть оды и гимна предельно близки, а для Астафьева в его тексте оказываются тождественными.

Картошка, как главная «овошь» многоплодного и обильного астафьевского огорода, восславлена в астафьевской «Оде» не менее чем огород, на котором она растёт. «Если уж по уму да по совести и чести – спаситель наш – огород! Тут и голову ломать незачем. В огороде же том самоглавнейший спаситель – скромное, многотерпеливое существо, участью-долей схожее с русской женщиной, – картошка! В честь картошки надо бы поставить памятник в России. Поставлены же памятники гусям, спасшим Рим» (с. 25). Гимн, прославляющий божество, божественную сущность героя, как представляется, является для астафьевского текста органической составляющей.

Астафьев, вероятно памятуя о более чем скромных возможностях огородов Чусового, пермской Быковки и вологодской Сиблы, многократно подчёркивает «чернозёмную» основу огорода приенисейского юга Сибири, где приволье самым разным плодам земли и труду на земле. «Пахать чернозёмные огороды легко, боронить и вовсе удовольствие» (с. 20). Помимо одической составляющей, родственной гимну, в «Оде русскому огороду» вполне различимы и другие элементы лирики. В ней имеют место, как отмечалось, элегические интонации – грустные размышления лирического героя о прошедшем детстве. Он устремлён и погружён в далёкое прошлое. «Туда, где на истинной земле жили воистину родные люди, умевшие любить те-

бя просто так, за то, что ты есть, и знающие одну-единственную плату – ответную любовь. Много ходившие больные ноги дрогнули, кожей ощутив не тундровую стынь, а живое тепло огородной борозды, коснувшись мягкой плоти трудовой земли, почуяли её токи, вот уже чистая роса врачует ссадины. Много-много лет спустя узнает мой мальчик, что такой же, как он, малый человек в другой совсем стороне, пережив волнующие минуты полного слияния с родной землёй, прошепчет со вздохом: «Я слышу печальные звуки, которых не слышит никто...» (с. 9). Органично вписавшаяся в ткань оригинального произведения цитата из Н. Рубцова как раз и указывает и на созвучие мировосприятия двух художников, и на родовую близость астафьевской «Оды» к лирике ушедшего за год до публикации астафьевской «Оды» вологодского поэта, к «тихой лирике», к лирике как литературному роду в целом.

Но В. Астафьев погрешил бы против себя, если бы ограничил «Оду русскому огороду» лишь формами и элементами жанров лирики. Одной из главных составляющих её пафоса и образной структуры оказывается пародийность, но пародийность особая, определяемая Ю.Н. Тыняновым как «пародичность». По логике Тынянова «пародичность» подразумевает «отсутствие направленности на какое-либо произведение», «пародичность и есть применение пародических форм в непародийной функции» [10]. Астафьев в «Оде русскому огороду» не пародирует какое-либо конкретное произведение русской классики или современной ему литературы, тем более – какого-либо автора, он мягко пародирует жанр оды, а также идиллические жанры в целом.

Пародийность, заложенную уже в названии (изначально ода – торжественная песнь в честь *высокого* героя, явления, события уживается в названии рядом с огородом, «предметом», далёким от горних одических вершин), продолжает и развивает основное повествование, в котором, по выражению самого автора, повествуется «в высоком древнем стиле («штиле») о вещах обыденных и вечных, как то: – земля, овощ, назём, баня, корова, курицы, и о небе тоже, и о солнце, и о

первой детской, память обжигающей любви» (с. 351). «Ода» в данном случае – лишь в некоторой степени жанровое обозначение. Рассуждение о полезных и красивых вещах в классицистической традиции отливали в жанр стихотворного «письма». Здесь понятие «ода» приобретает в большей степени оценочное, чем жанровое значение, это высокая «похвала» русскому огороду.

В названии «Оды русскому огороду» уже имеют место и оксюморон (ода и огород – слова из разных, не сочетающихся рядов) и бурлескно-травестийная основа (высоким стилем о «низких» предметах), и раёшное рифменное созвучие: *ода* – *огороду*. Определяя существо раёшного повествования А.П. Квятковский отмечал: «Раёшный стих, раёк – древнейшая форма русского народного дисметрического стиха (верлибр) со смежными рифмами, определяемого интонационно-фразовым и паузным членением. Короче говоря, это рифмованный фразовик. Тематика и жанры раёшного стиха самые разнообразные: от злободневной сатиры до весёлого балагурства» [11].

В устной поэтической традиции комментarii раёшников к демонстрируемым ими «картинкам» в свою очередь восходят к рифмованным элементам такого распространённого древнего фольклорного жанра, как сказка. В сказках, особенно в социально-бытовых, заключающих в себе значительный комический пафос, рифмованные фразы усиливают их шуточный, «забавный» эффект. Так, в «Заветных сказках» А.Н. Афанасьева находим: «В одной деревне был *мужик*, промыслом *мясник*; бил он *скотину* да продавал *говядину*, а мясо-то хранил в сарае»⁶.

Рифма в таких фрагментах комического сказочного текста может быть как элементарной, «бедной», глагольной (*плачет* – *скачет*; *расслушал* – *вбухал*), так и достаточно сложной, сопрягающей слова разных частей речи: (*говорила* – *Гаврила*). Рифма привносит элемент созвучия, гармонизирует текст сказки, прибаутки, присказки, а в нашем случае и литературного прозаического произведения. Но дополнительное предназначение рифмы,

⁶ Афанасьев А.Н. Русские заветные сказки. Москва; Париж: МиртРусь, 1992. С. 162.

её функция остаётся родственной её функции в «Райке» – усилить забавное, комическое звучание текста. «Наташка, Наташка, сладенька кулажка, сладка медовая, в печи не бывала, жару не видала. Заиграли утки в дудки, журавли пошли плясать, долги ноги выставять, долги шеи протягать»⁷. Комизм, основанный на гротеске, усиливается в этом случае «складной» речью, создаваемой с помощью рифмы.

Астафьевская «Ода русскому огороду» восприняла от повествовательного народного эпоса прозаическую форму. Сам В. Астафьев в «Комментарии» определяет её место «где-то уж вроде маленькой повести или большой поэмы» (с. 351). Но это особая повесть, во-бравшая в себя, подобно прозе фольклорной, элементы стиха. «Ода» включает в себя близкие по звучанию к стиху фрагменты: «Но слава тебе Господи, никто не обзарился, не учинил коварства. Уцелел огурец, белокупый молодец! Выстоял! Бабка сорвала его и бережно принесла в руках, словно цыпущку» (с. 22). Рифма (огурец – молодец) привносит в и без того светлую сцену дополнительный элемент радости, забавности. О «помидорных дудках» в «Оде» читаем: «<...> после уж, под огородный шумок да под земельный шепоток, обвешивались щекастыми кругляками плодов» (с. 23). «Бабкины» огородные заговоры, как и следует звучать заговорам фольклорным, тоже рифмуются: «Не будь голенаста, будь пузаста» – наказывала бабка, высаживая квёлую, блеклую рассаду» (с. 23). Такого рода речения гармонируют с фольклорно-мифологической основой «Оды». О картошке лирический герой-рассказчик сообщает: «Люди ждут не чем она подивит, а чего она уродит» (с. 24). Рифмованные фразы характеризуют и других обитателей огорода: капусту («поп, который хоть и низок, обрядится во сто ризок»); сорняки («пырей, что дождь, долговяз, в земле увяз»; «колючий осот бородой трясёт», «репейник, что дедушка, осердился, в бабушку вцепился»). Подобные речения оживляют текст «Оды», привнося в него гармонию, забавный пафос раёшных комментариев, на-

родных пословиц, заговоров, прибауток и вместе с ними в немалой степени – дополнительные элементы простонародного балагурства, комизма.

«Огородная» тема в её соотнесённости, с одной стороны, с жанрами оды, идиллии, пасторали, элегии, а с другой стороны, с комическим пафосом, элементами сказа, с пародией и её приёмами, принесла свои неожиданные результаты при обращении писателя к темам, которые имеют прямое отношение к телесному «низу» и косвенное отношение к эротике. Писатель решает эти темы одновременно натуралистично и целомудренно-аскетично. В «банном» эпизоде «Оды» детально изображается женская телесность: «Вырываясь из крепких сердитых рук, ослепший, оглохший, орал мальчик на всю баню, на весь огород и даже дальше; пробовал бежать, но запнулся за шайку, упал, ушибся. Ругаясь, чиркая чёрствыми сосцами грудей по носу, по щекам, по губам, тетки вертели, бросали друг дружке мальчика и скребли, скребли, так больно скребли! Отплевываясь от грудей ещё брезгливей, чем от мыла, сторнясь и везде натываясь все же на них – от женщин в бане куда теснее, чем от мужчин! – уже сломленно и покинуто завывал мальчик, ожидая конца казни» (с. 13-14). В издании «Оды» 1997 г. появляются слова и целые фразы, ранее отсутствовавшие (выделены курсивом): «Нутро бани смутно обозначалось. Литые тела девок на ослизлом полке, бывшие как бы в куче, разделились, и не только груди, но и косматые головы у них обнаружили под закоптелым потолком. Мальчик погрозил им кулаком: «У-у, бядишши!»» (с. 14). – «Фамильярная ласковая брань» [12] призвана здесь воспроизвести целомудренную, но неожиданно вербально «взрослую», травестийно-бурлескную по своей сути, реакцию ребёнка (восходящую к комментариям «бабки») на шутливую экспансию «девок». И хотя писатель в комментариях к «Оде», относящихся ко второй половине 1990-х гг., называл её своим радостным детищем, похожим на «новогоднюю ёлку», «которую чем больше наряжаешь, тем она краше выглядит» (с. 350), есть основание

⁷ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. Т. 3. С. 362.

отнести это украшение «новогодней ёлки» к избыточным.

Вероятно, здесь и далее целомудренно изображённое и выраженное восходит к восприятию ребёнка. «Банный» эпизод для «мальчика» – «казнь», предмет брезгливости, поскольку он ещё младенец, и зрелая женская телесность ему даже не столько безразлична, сколько враждебна: «девки-халды толстоляхия», «черствыя сосцы грудей», «литые тела девок». Но позднейшие включения в текст «Оды» могут быть прокомментированы двояко. Вероятно, это результат доработки текста в условиях отсутствия цензуры и «самоцензуры» в 1990-е гг. Но не стоит исключать и того, что эти включения стали отражением возрастных изменений сознания писателя, вступившего в возраст, в чём-то симметричный детскому и даже младенческому: «Соседская девка, к которой в открытую ходил жених, отведавшая сладкого греха, но ещё не познавшая бабьих забот и печалей, главная потешница в бане была, она-то и вытащила из угла мальчика, треньнула пальцем по гороховым стручком торчащему его петушку и удивлённо спросила: «А чтой-то, девки, у него тут-ка? Какой такой занятный предмет?» Мгновенно переключаясь с горя на веселье, заранее радуясь потехе, мальчик поспешил сообщить всё ещё рвущимся от всхлипов голосом: «Та-ба-чо-ок!»

«Табачо-о-ок?! – продолжала представление соседская девка. – А мы его, полоротья, и не заметили! Дал бы понюхать табачку-то?»

Окончательно забыв про нанесённые ему обиды, изо всех сил сдерживая напололам его раскалывающий смех, прикрыв ладошками глаза, мальчик послушно выпятил животик.

Девки щекотно тыкались мокрыми носами в низ его живота и раздражались таким чихом, что уж невозможно стало дальше терпеть, и, уронив в бессилии руки, мальчик заливался, стонал от щекотки и смеха, а девки все чихали, чихали и сраженно трясли головами: «Вот так табачок, ястри его! Крепче дедова!» Однако и про дело не забывали, под хохот и шуточки девки незаметно всунули

мальчика в штаны, в рубаху и последним, как бы завершающим все дела хлопком по задку вышибли его в предбанник» (с. 15). Эвфемистическое переименование «табачок» воспринимается естественно и органично в контексте с другими «плодами земли» русского огорода, воссоздавая восприятие мальчика, дополненное вполне «взрослым» писательским балагурством. Подтверждает это предположение и относительное обилие «синонимов» «табачка» в приведённом фрагменте: «гороховый стручок», «петушок», «занятный предмет».

Интерпретируя и комментируя «Гаргантюа и Пантагрюэль» – одно из самых «неприличных», с точки зрения ортодоксальной пуританской этики произведений мировой литературы, – М.М. Бахтин отмечает: «<...> во всех языках существует громадное количество выражений, связанных с такими частями тела, как половые органы, зад, брюхо, рот и нос, – но в то же время чрезвычайно мало таких выражений, где фигурировали бы другие части тела, например, руки, ноги, лицо, глаза и т. п.» [12].

Объяснение и продолжение этого явления М.М. Бахтин находит и в нормах современных ему (1930–1960-е гг.) речевых «канонов», во временных пределах которых, как известно, развивались личность и творчество В. Астафьева: «Речевые нормы официальной и литературной речи, определяемые этим канонем, налагают запрет на всё связанное с оплодотворением, беременностью, родами и т. п., то есть именно на всё то, что связано с неготовностью и незавершённостью тела и с его чисто внутрителесной жизнью. Между фамильярной и официальной, «пристойной», речью в этом отношении проводится чрезвычайно резкая граница» [12]. На рубеже 1980–1990-х гг. все официальные и неофициальные «каноны» в России, в том числе и речевые «границы», перестали быть актуальными. Это ощутимо в прозе В. Астафьева конца 1980–1990-х гг. (последняя редакция «Пастуха и пастушки», «Прокляты и убиты», «Весёлый солдат», «Жестокие романсы» и др.). Падение упомянутых запретов частично коснулось и переиздаваемых при непосредственном участии писателя в 1990-е гг. ранее

созданных В. Астафьевым литературных произведений.

Благодаря этим и подобным эпизодам астафьевская «Ода», во многом оставаясь в рамках «материнского» жанра, дополняется элементами пародии. В этом смысле В. Астафьев и оригинален для своего времени (в обращении с устоявшимися жанрами лирики – идиллией и одой), и традиционен. Нечто подобное было совершено с жанром оды ещё Г.Р. Державиным в оде «Фелица», включающей в себя, помимо высоких одических, и низкие комические элементы. Именно органическое соединение комического и одического начала позволило классику XVIII века сознать себя создателем «забавного русского слога», а его современным авторитетным интерпретаторам признавать за ним создание и нового синтетического жанра: «<...> в «Фелице» Державина ода и сатира, переключившаяся своими этическими жанрообразующими установками и эстетическими признаками типологии художественной образности, сливаются в один жанр, который, строго говоря, уже нельзя назвать ни сатирой, ни одой. И то, что «Фелица» Державина продолжает традиционно именоваться «одой», следует отнести за счёт одических ассоциаций темы. Вообще же это – лирическое стихотворение, окончательно расставшееся с ораторской природой высокой торжественной оды и лишь частично пользующееся некоторыми способами сатирического миромоделирования» [13].

Усвоенное из русской литературной классики целомудрие, вероятно, побудило В. Астафьева «развести» телесность, её пародийное изображение в «банном» натуралистическом ракурсе, с темой первой детской влюблённости, решённой в ракурсе идиллически романтическом.

Это детское чувство совершенно не связано не только с «телесностью», но и с устоявшимися представлениями о внешней красоте. Да и сама себя «девочка» видит далёкой от её представлений о совершенстве: «лобастая, худющая, с широким ярким ртом, расширенными, слегка выпученными глазами», «костлявые плечи». Но параллельно с этим в ней присутствуют черты, привлекательные

для «мальчика» черты воздушные, небесные: «белые, мягкие, словно пух одуванчика». «Ошеломляющим наваждением» оказывается и её появление в жизни мальчика. И здесь восприятие ребёнка «подправлено» словом многоопытного автора-рассказчика: так и «должны появляться роковые женщины-присухи» (с. 41). Последняя фраза имеет явно иронически-пародийный окрас, поскольку обращена к «девочке» одного возраста с «мальчиком».

Источником чувства «мальчика» оказывается не столько внешность, тем более «телесность», «девочки», сколько жалость, сострадание: «На старой, изжитой траве, под которой пробудилась бойкая зелень, по другую сторону лога, заполненного до краёв мутной водою, стояла и плакала девочка в синеньком платьишке. Сердце мальчика сжалось от насквозь его пронзившей жалости – очень уж крупные слёзы катились по лицу девочки и скапливались в некрасиво сморщенных алых губах. Да и худая, шибко худая была девочка, хворающая, видать. А хворых мальчик жалел, потому что сам всю зиму «на ладан дышал». В руке девочка держала такие же, как её платье, синие цветы в белом крапе. Присмотревшись, он различил: девочкино платье тоже в крапе и с белой оборкой, но полиняло от стирки, и белое на нём осинилось» (с. 42). Любовь и жалость неслучайно оказываются синонимами в русском просторечии: «Мне его жалко или жаль, я жалею его, сожалею об нём; я соболезную участи его; или я люблю, берегу, холю, отстаиваю его» [14].

Для В. Астафьева жалость, сострадание, самопожертвование, бескорыстие, оказываются основой любви и самой жизни вообще. «И уразумел тогда мальчик: женщина есть всего сильнее на свете, сильнее даже всех докторов и фельдшеров. Те учатся по книжкам несколько зим, а она тысячи лет создаёт жизнь и исцеляет людей своею добротой. На что мала, невзрачна эта вот девочка, но уже умеет управляться с больным и помогать ему. Она прижала руку мальчика к своему прохладному выпуклому лбу и, дрожа от корбящей жалости, прошептала: «Ну, назови меня шкилетиной, назови!»

Никто, кроме матери, не мог предложить такое неслыханное бескорыстие, никто! Но матери у мальчика не стало давно, он её даже не помнил. И вот явилась женщина, способная на самопожертвование, доступное только матери» (с. 46).

По Астафьеву, детская влюблённость есть мистическое, интуитивное предчувствие взрослой любви. «Много лет он носил в себе беспокойство и тоску и так ждал девочку, что она взяла и пришла к нему однажды. В другом платье, в другом облике, но всё равно пришла, и он, истомлённый долгой разлукой, мучительным ожиданием, счастливо выдохнул, припадая к ней: «Девочка моя!» (с. 47).

Мифический образ земли-матери, поля в астафьевской «Оде» сведён к огороду. Такая трансформация образа земли тоже восходит к автобиографичности «Оды». В силу личных и социальных обстоятельств опыт «общения» автора с пашней был достаточно ограничен, очерчен рамками огорода. Как и для миллионов русских крестьян XX столетия, для автора «Оды» родной, «землей-кормилицей» оказалась прежде всего земля вокруг дома. «Хозяевами бани и огорода», а не просторных полей ощущают себя персонажи В. Шукшина, В. Астафьева, Ф. Абрамова, Б. Можаева.

В. Астафьев стремится возвысить с помощью поэтического слова ту часть земли, которая выглядит гораздо скромней «бескрайних полей» и функции выполняет сугубо житейские, «прозаические»: «Примыкающий к задам дворовых построек клочок жирной земли, забранный жердями, удобренный золой и костями, был прост и деловит с виду» (с. 18). «Кости» в данном контексте могут быть деталью, усиливающей реалистическую достоверность, и частью *астафьевского мифа* об огороде, который не только даёт, но и забирает жизнь, олицетворяет её цикличность.

Вместе с тем огород для В. Астафьева – часть, продолжение ассоциирующегося с родом, семьёй, а значит, и с самим «мальчиком» дома. «К правой скуле дома примыкал городьбою огород» (с. 9). Метафора («скула дома») здесь замыкает житейский и поэтический круг, в котором оказываются огород,

дом, семья и «мальчик», круг, составляющий на начальном этапе жизни вселенную, космос «дитяти».

Благодаря ассоциациям с фольклорно-мифологическим образом земли-матери, «матери сырой земли», с литературными образами земли, поля в «Оде русскому огороду» огород «приобретает значение символа основ крестьянской жизни, деревенского детства, семантику знака наиболее одухотворённой человеческим трудом части поля, земли, природы» [15, с. 181].

К.Г. Юнг утверждал, что восходящие к мифологическим представлениям «архетипы», как и «устойчивые мотивы», «неожиданно – обнаруживаются повсюду. Мы встречаем эти же мотивы в фантазиях, снах индивидов, живущих сегодня. Эти типичные образы и ассоциации являются тем, что я называю архетипическими идеями. Чем более живыми они являются, тем более они будут окрашены индивидуально сильными чувственными тонами... Они впечатляют, воздействуют и очаровывают нас» [16]. В «Пастухе и пастушке», опубликованной к этому времени, «огород», «картофельная яма» помимо прочего – место успокоения и погребения погибших деревенских пастуха и пастушки. Но этот образ заключал в себе и значительные потенции для последующего функционирования и трансформации. В позднем творчестве писателя («Так хочется жить», «Весёлый солдат») оба значения образа (жизнь и смерть) становятся одинаково актуальными. На своём «огороде», в холодном дачном домике находит прокормление и смерть «знакомец» Коляши Хахалина по фамилии Зайцев. Кормится «с огорода» автобиографический герой «Весёлого солдата» и его полуголодное семейство, там же погребает его скорбная жена их не родившегося ребёнка. Огород становится образом и плодородия, жизни, и успокоения, смерти. Огород приобретает, таким образом, в поздней прозе мифологическую и библейскую семантику «праха», подчёркивая земную, тленную, телесную сущность человека и высокое предназначение земли.

А.Н. Афанасьев свидетельствует о старообрядцах: «Староверческие толки: беспо-

повщина и нетовщина до позднейшего времени продолжали следовать стригольникам и исповедовали свои грехи, зря на небо или припадая к земле» [17]. Живой интерес к старообрядцам сопровождал В. Астафьева всю его творческую жизнь – от «Стародуба» до прозы конца 1990-х гг. Вероятно, поэтому в астафьевском огороде библейская семантика готова пересечься с мифологической, языческой.

Повышенная эмоциональность, сентиментальность произведения, несмотря на попытки снять и «умерить» их пародийными приёмами, «разделением» фигуры автобиографического героя, достигают в «Оде» таких пределов, что делают её «несовместимой» с другими произведениями, где действуют Витя Потылицын, бабушка Катерина Петровна, тётка Августа, дед Илья Евграфович, в частности, с создававшимся в одно время, идейно и стилистически близким «Последним поклоном».

Различного вида пародийность, как и грубоватое балагурство, «фамильярная ласковая брань» выполняют в повести функцию и жанрообразующую, и иную, имеющую отношение к достоверности изображённого, к представлению о соотносённости речевого образа автора-повествователя с его «прототипом» в реальной действительности. В. Астафьев многократно упоминает в «Оде» о своём солдатском прошлом: «всё не умолкает во мне война»; «глянул солдат налево – картошка растёт»; «и нет уж никакой безнадежности в душе солдата» и т. п. Эти воспоминания соседствуют с напоминаниями о том, что воскрешённый в памяти автора рассказчика «мальчик» и солдат суть одно лицо, одна судьба: «Военные пути-дороги приведут моего мальчика к спалённой крестьянской усадьбе» (с. 34); «Побывал с войском и за границей мой мальчик, повидал ухоженные огородики» (с. 37). Пародийность и её приёмы (самоирония, бурлескно-трагическое несоответствие темы и словесных способов её решения, оксюморон, раёшная рифма, «ласковая брань») по замыслу писателя призвана и способна снять чрезмерную для бывшего солдата («весёлого солдата») пафосность и соответствующую ей сентимен-

тальность словесного строя оды, идиллии: «мальчик», «девочка», «имя господнее», «заклинать» и т. п.

Однако все эти элементы не просто включает, а естественно синтезирует в себе монолитное по характерному чувству, по изначальному жанровому определению («ода») произведение. Финал «Оды» вполне адекватен и симметричен её названию: «Спит моя родная земля, глубоко спит, натруженно дышит, и витают над нею беды и радости, любовь и ненависть – и всё горит, всё не гаснет моя серебряная паутинка, но свет её отдалённой, слабей, утихают во мне звуки прошлого, блекнут краски, чтоб снова озариться, засиять, когда сделается мне невыносимо жить и захочется успокоения. Хоть какого-нибудь...

Глубоко вздохнув, мальчик кладёт тёплую ладошку под тёплую щеку. Пусть смотрит он свои лёгкие, радужные сны. Грозные сны досмотрю за него я» (с. 54). Слитность образа автора повествователя («я») с образом воскрешённого памятью в его сознании «мальчика», декларируемая в финале «Оды», композиционно-жанровое единство произведения оттеняют.

Этапный характер «Оды русскому огороду» подчёркивается не только её жанровой, композиционной и стилевой самостоятельностью (даже в собраниях сочинений автор «разводит» «Оду» и «Последний поклон» по разным томам), но и чётко сформулированным взглядом на природу и задачи искусства слова: через память с помощью слова воскрешать ушедшее: волшебство русского огорода, детство, первую, ещё детскую любовь, близких. Литература принимает на себя, в понимании В. Астафьева этого времени, функцию самую высокую, сравнимую с божественной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом «Ода русскому огороду», являясь произведением, универсальным в проблемно-тематическом плане, отразившим вместе с другими феноменами русской классики XIX–XX веков уход традиционной аграрной цивилизации, произведением, демон-

стрирующим связь астафьевского творчества с «деревенской прозой», оказывается явлением глубоко оригинальным в жанровом отношении. В ней синтезированы формально-содержательные элементы оды, гимна, пас-

торали, идиллии, других буколических и иных жанров лирики с прозаической повествовательной формой, с раёшным стихом, с пародией и её приёмами комизма.

Список источников

1. Золотухина О.Ю. Религиозная проблематика затесей В.П. Астафьева 1990-х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 10 (163). С. 237-243. <https://elibrary.ru/bxomnt>
2. Макова Е.Р. Художественные особенности «Затесей» красноярского периода творчества В.П. Астафьева // Язык, культура и литература: ежегодник. Волгоград: Науч. издат. центр «Абсолют», 2023. Вып. 5. С. 32-35. <https://elibrary.ru/ngexwu>
3. Стадниченко В.А. Поэтика литературной молитвы в миниатюрах В.П. Астафьева («Аве Мария» и «Печаль веков») // LitteraTerra: материалы VIII Междунар. конф. молодых учёных. К 90-летию со дня рожд. Ю.М. Проскуриной (1929–2019). Екатеринбург: УрГПУ, 2020. Вып. 14. С. 180-190. <https://elibrary.ru/cvmykz>
4. Уфимцев А.Е. Цикл миниатюр В.П. Астафьева «Затеси»: Размышляя об истории создания // Казанская наука. 2022. № 11. С. 57-60. <https://elibrary.ru/imzabb>
5. Гусева Д.В. Виктор Астафьев – философ-творец эмпирического бытия в сборнике «Затеси» // Словесное искусство Серебряного века и русского зарубежья: проблемы преемственности (V Смирновские чтения): материалы V Междунар. науч. конф. Москва: Моск. гос. обл. ун-т, 2022. С. 82-90. <https://elibrary.ru/iephxi>
6. Доманский В.А. Аксиологические коды русской литературы // Русская литература в иностранной аудитории: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2023. Т. 2. Вып. 11. С. 26-37. <https://elibrary.ru/mduhfg>
7. Хрящева Н.П. «Ода русскому огороду» В.П. Астафьева: «драматизация» как основа жанрового синтеза // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков / отв. ред. Н.В. Ковтун. Москва: ФЛИНТА, 2016. С. 297-312. <https://elibrary.ru/vupwgp>
8. Цветова Н.С. Антропология русского огорода. Из художественного опыта В.П. Астафьева // Russische Küche und kulturelle Identität. 2012. С. 219-229.
9. Гаспаров М.Л. Буколическая поэзия // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. Москва: Сов. энциклопедия, 1987. 751 с. <https://elibrary.ru/ypvqap>
10. Тынянов Ю.Н. О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977. С. 284-309.
11. Квятковский А.П. Поэтический словарь. Москва: Изд. центр РГГУ, 2013. 583 с.
12. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Худож. лит., 1990. 543 с. <https://elibrary.ru/vqmunr>
13. Лебедева О.Б. Жанрово-стилевое своеобразие лирики Г.Р. Державина (1743–1816) // Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. Москва: Высш. шк.: Academia, 2000. 415 с.
14. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. Москва: Эксмо, 2003. 575 с. <https://elibrary.ru/qqkjbr>
15. Гончаров П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950–1990-х годов. Москва: Высш. шк., 2003. 386 с. <https://elibrary.ru/qqtiei>
16. Юнг К.Г. Аналитическая психология и психотерапия: хрестоматия / сост. В.М. Лейбин. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 512 с.
17. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. Москва: Индрик, 1994. Т. 1. 800 с.

References

1. Zolotukhina O.Yu. Religious issues of the notches by V.P. Astafyev in the 1990s. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2021, no. 10 (163), pp. 237-243. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bxomnt>

2. Makova E.R. Artistic features of the «Concoctions» of the Krasnoyarsk period of the work of V.P. Astafyev. *Yazyk, kul'tura i literature = Language, culture and Literature*. Volgograd, Scientific Publishing Center "Absolute", 2023, vol. 5, pp. 32-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ngexwu>
3. Stadnichenko V.A. The poetic of the literary prayer in the miniatures by V.P. Astafiev ("Ave Maria" and "The Sadness of Ages"). *Materialy VIII Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. M. Proskurinoi (1929–2019) "LitteraTerra" = Proceedings of the 8th International Conference of Young Scientists. On the 90th anniversary of the birth of Y.M. Proskurina (1929–2019) "LitteraTerra"*, Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2020. pp. 180-190. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cvmykz>
4. Ufimtsev A.E. Cycle of miniatures V.P. Astafieva "Zatesi": reflecting on the history of creation. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*, 2022, no. 11, pp. 57-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/imzabb>
5. Guseva D.V. Victor Astafiev – philosopher-creator of empirical existence in miniatures of the collection "Zatesi". *Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i russkogo zarubezh'ya: problemy preemstvennosti (5 Smirnovskie chteniya)" = Proceedings of the 5th International Scientific Conference "The literary art of the Silver Age and the Russian diaspora: issues of continuity (5th Smirnov readings)"*. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2022, pp. 82-90. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iephxi>
6. Domansky V.A. Axiological codes of Russian literature. *Materialy XIV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Russkaya literatura v inostrannoi auditorii" = Proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference "Russian literature in a foreign audience"*. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2023, vol. 11, pp. 26-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mduhfg>
7. Khryashcheva N.P. "Ode to the Russian vegetable garden" by V.P. Astafiev: "dramatization" as the basis for genre synthesis. *Siberian identity in the mirror of literary text: tropes, topoi, genre forms of XIX–XXI centuries*. Moscow, FLINTA, 2016, pp. 297-312. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vupwgp>
8. Tsvetova N.S. The anthropology of the Russian vegetable garden. Their artistic experience of V.P. Astafiev. *Russische Küche und kulturelle Identität*, 2012, pp. 219-229. (In Russ.)
9. Gasparov M.L. Bucolic poetry. *Literary Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1987, 751 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ypvqap>
10. Tynyanov Yu.N. On parody. In: Tynyanov Yu.N. *Poetics. History of literature. Cinema*. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 284-309 (In Russ.)
11. Kvyatkovsky A.P. *Poetic dictionary*. Moscow, Publishing Center RGGU, 2013, 583 p. (In Russ.)
12. Bakhtin M.M. *The work of François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1990, 543 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vqmunr>
13. Lebedeva O.B. The genre and stylistic uniqueness of G.R. Derzhavin's poetry (1743–1816). In: Lebedeva O.B. *History of Russian Literature of the 18th century*. Moscow, Higher School Publ., Academia Publ., 2000, 415 p. (In Russ.)
14. Dal V.I. *Explanatory Dictionary of the Russian Language: Updated Edition*. Moscow, Eksmo Publ., 2003, 575 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qqkjbr>
15. Goncharov P.A. *V.P. Astafyev's Creative Work in the Context of Russian Prose of the 1950s and 1990s*. Moscow, Higher School Publ., 2003, 386 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qqtiel>
16. Yung K.G. *Analytical Psychology and Psychotherapy*. St. Petersburg, Piter Publ., 2001, 512 p. (In Russ.)
17. Afanas'ev A.N. *Poetic views of the Slavs on nature: in 3 vols*. Moscow, Indrik Publ., 1994, vol. 1, 800 p. (In Russ.)

Информация об авторе

ГОНЧАРОВ Пётр Андреевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5063-9564>, goncharovpa2015@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.03.2025

Поступила после рецензирования 22.04.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Petr A. Goncharov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department. Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5063-9564>, goncharov-pa2015@yandex.ru

Received 22.03.2025

Revised 22.04.2025

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-335-345>

Шифр научной специальности 5.9.1

Эсхатологический сюжет в творчестве И. Масодова

Ильгам Рясимович Куряев

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

 kuryaev.ilmam@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Исследование посвящено изучению эсхатологического сюжета в творчестве И. Масодова. Целью исследования является определение специфики эсхатологической образности и тех механизмов, способствующих трансформации привычных сюжетов в рамках анализируемых произведений. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования явилась трилогия И. Масодова «Мрак твоих глаз» (2001), в которую входят романы «Мрак твоих глаз», «Тепло твоих рук», «Сладость губ твоих нежных». Исследование основывается на историко-культурном, мифопоэтическом, структурном, мотивном методах анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Установлено, что И. Масодов конструирует историю, которая, используя «советские» сюжеты и образы, показывает ситуацию апокалипсиса, «бесплодной земли» или же движение к этой ситуации. Главной героиней в каждом из романов становится девочка, которая, актуализируя жанровый аспект произведения, одновременно воплощает в себе образы невинной жертвы, ангела-истребителя и, в случае с романом «Мрак твоих глаз», рыцаря, находящегося в поисках Святого Грааля. Мир здесь существует по законам насилия, актуализирует мотивы смерти, все ключевые образы здесь переворачиваются, трансgressируют, пространства предстают как некро-пространства. Поэтому действия мстящей за порочность мира героини связаны с мотивами смерти и уничтожения. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Приём переворачивания привычного образа позволяет И. Масодову конструировать сюжеты, которые фокусируются на процессе распада, разрушения, изживания. Эсхатологический сюжет в трилогии писателя обретает подчёркнуто жанровое воплощение и в то же время фокусирует внимание на концепции греха и расплаты.

Ключевые слова: Илья Масодов, эсхатологический сюжет, мотив, трансgressия, некро-пространство, образ смерти, Святой Грааль

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: И.Р. Куряев – идея, набор первичного материала, поиск и анализ научной литературы, анализ художественных текстов, обработка и редактирование материала, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Куряев И.Р. Эсхатологический сюжет в творчестве И. Масодова // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 335-345. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-335-345>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-335-345>

OECD 6.02; ASJC 1208

Eschatological plot in the work of I. Masodov

Ilgam R. Kuryaev

National Research Mordovia State University
68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russian Federation

 kuryaev.ilgam@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The research is devoted to the study of the eschatological plot in the works of I. Masodov. The goal of the study is to determine the specifics of eschatological imagery and those mechanisms that contribute to the transformation of familiar plots within the framework of the analyzed works. **MATERIALS AND METHODS.** The material of the study is I. Masodov's trilogy "The Darkness of Your Eyes" (2001), which includes the novels "The Darkness of Your Eyes", "The Warmth of Your Hands", "The Sweetness of Your Tender Lips". The study is based on historical-cultural, mythopoetic, structural, motive methods of analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is established that I. Masodov constructs a story that, using "Soviet" plots and images, shows the situation of apocalypse, "barren land" or the movement towards this situation. The protagonist in each of the novels is a girl who, while actualising the genre aspect of the work, simultaneously actualises the images of an innocent victim, an exterminating angel and, in the case of "The Darkness of Your Eyes", a knight in search of the Holy Grail. The world here exists according to the laws of violence, actualizes the motifs of death, all key images here are inverted, transgressed, spaces appear as necro-spaces. Therefore, all the actions of the heroine avenging the viciousness of the world are connected with the motives of death and destruction. **CONCLUSION.** I. Masodov's technique of inverting the familiar image helps him to construct plots that focus on the process of disintegration, destruction, and extinction. The eschatological plot in the writer's trilogy finds an emphatically genre embodiment and at the same time focuses attention on the concept of sin and retribution.

Keywords: Ilya Masodov, eschatological plot, motive, transgression, necro-space, image of death, Holy Grail

Funding. No funding was reported for this research.

Author's Contribution: I.R. Kuryaev – idea, a set of primary materials, search and scientific literature analysis, literary texts analysis, processing and editing of the material, writing – original draft preparation.

For citation: Kuryaev, I.R. Eschatological plot in the work of I. Masodov. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):335-345. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-335-345>

ВВЕДЕНИЕ

Апокалиптические сюжеты являются одними из основных для любой мифологической системы, «вшиты» в культурное сознание всякого общества и в том числе являются способом осмысления реальности. Кроме того, многие эпохи, носящие часто переходный характер, способствуют формированию сообществ, движений (не только религиозного, но и светского характера), использующих эсхатологические нарративы для создания особых мировоззрений, которые можно определить как миллениаристские¹. Поэтому неудивительно, что литература, в том числе отечественная [1–10], как особый механизм осмысления реальности часто обращается к сюжетам о конце света². И в этом контексте, конечно, примечательны произведения, которые появлялись на рубеже веков, в эпоху, для которой всегда характерно то самое мировоззрение миллениаризма, ожидание кардинальных перемен, связанных с переустройством, «завершением» старого мира и рождением мира нового. И здесь можно отметить, что развал Советского Союза, выпавший на конец XX века, сворачивание социалистического проекта, низведение его до тиражируемого образа и ностальгического символа, вписанного в капиталистические системы распространения, в творчестве многих писателей (А. Проханов, М. Елизаров, авторы произведений про «попаданцев» и др.) часто получает именно эсхатологическую интерпретацию, предстаёт как закат целого мира. Однако в произведениях ряда других писателей (В. Сорокин, В. Пелевин и др.) подобный

эсхатологический «советский» сюжет, становясь основой истории, сводится к яркой литературной игре, переворачивающей привычные образы советской культуры и литературы, способствующей их трансгрессии. В этом плане характерно «некрографическое»³ творчество Ильи Масодова, писателя, имеющего культовый статус, однако успевшего стать финалистом литературной премии «Национальный бестселлер». Все его крупные произведения – трилогия «Мрак твоих глаз» (2001), повести «Ключ от бездны» (2003) и «Черти» (2003) – появились в отечественном культурном пространстве в начале XXI века, то есть в момент уже случившегося «конца» советского мира. При этом, используя «советскую» образность, разворачивая «советские» сюжеты, в чём можно углядеть классическую ностальгическую тенденцию, эти произведения акцентируют внимание именно на апокалиптических мотивах и переворачивают привычные, клишированные образы советского мира, конструируют трансгрессивное пространство, смешивая их с жанровыми элементами. Поэтому целью нашего исследования является определение специфики эсхатологической образности, используемой писателем, и тех механизмов, способствующих трансформации привычных сюжетов в рамках анализируемых произведений.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Мы акцентируем внимание на трилогию «Мрак твоих глаз» (2001), так как в этих произведениях И. Масодова наиболее полно выражается поэтика творчества писателя. Сам факт объединения этих романов в условное единство предполагает наличие общих тем, образов и мотивов. Поэтому анализ этих произведений способствует выявлению инварианта эсхатологического сюжета, используемого И. Масодовым. Кроме того, каждый из этих романов – «Мрак твоих глаз»,

¹ Григоренко А.Ю. Эсхатология, миллениаризм, адвентизм: история и современность. Философско-религиоведческие очерки. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2004. 392 с.

² Бражников И.Л. Русская литература XIX–XX веков. Исторический текст. Москва: Прометей, МПГУ, 2011. 240 с.; Менглинова Л.Б. Апокалиптический миф в прозе М.А. Булгакова. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2007. 412 с.; Рыжков Т.В. Эсхатологический сюжет в русской прозе рубежа XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2006. 28 с.; Ткаченко И.А. Апокалиптические темы и мотивы в русской культуре конца XIX – первой половины XX в.: автореф. дис. ... канд. культурологии. Шуя, 2007. 22 с.

³ Кукулин И. Пионерка Багрицкого наносит ответный удар // Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/1/masodov-i-cherti-tver-mitin-zhurnal-kolonna-publications-2003.html> (дата обращения: 10.02.2025).

«Тепло твоих рук», «Сладость губ твоих нежных» – строится вокруг идеи конца света, что во многом позволяет их рассматривать как идеальный материал для анализа. При этом основной акцент мы сделаем именно на первый роман трилогии, так как именно в нём наиболее ярко воплощаются основные элементы эсхатологического сюжета. Исследование основывается на историко-культурном, мифопоэтическом, структурном, мотивном методах анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый роман трилогии – «Мрак твоих глаз» – актуализирует апокалиптический сюжет уже на уровне паратекста: каждой главе предшествует цитата из библейского Откровения святого Иоанна Богослова, одного из ключевых произведений для «эсхатологического корпуса». Эта цитата одновременно указывает опосредованно на грядущие события главы и условно вписывает возвышенное, «святое» звучание в действия героев и в саму героиню, обретающее в тексте «перевернутый» характер. Особенно примечательна здесь последняя глава, рассказывающая о встрече Сони с мёртвым Лениным: эпиграфом здесь использована следующая цитата из Откровения: «Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: не бойся; Я есмь Первый и Последний, и живой; и был мёртв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти» (Откр. 1.17–1.18). Тем самым, Ленин уподобляется богу, а Соня, претерпев страдания, пройдя свой «крестовый поход» до конца, предстаёт как верная служительница «ленинской», то есть здесь божественной идеи, в чём явно наблюдается процесс трансгрессии святого, его переворачивания.

При этом Соня как главная героиня является монстром, вампиршей, что снова представляет сюжет и художественный мир перевернутыми, обращёнными к идее смерти и уничтожения. И в то же время факт её вампиризма акцентирует внимание на телесный аспект, представленный в произведении во всех его облигаторных признаках, будь то «1) материальность/осязаемость; 2) целост-

ность/делимость на части; 3) наличие/отсутствие признаков жизни» [11, с. 92], что также способствует включению и реализации жанровых элементов (экшн-сцены погонь, сражений, перестрелок и проч.). А также вампиризм Сони специфическим образом становится способом трансляции советской идеи [12, с. 34] по той причине, что, идеологически противопоставляя себя миру, она как пионерка и как вампир (то есть как Другая) эту идею – через насилие и борьбу – в мир транслирует.

В начале романа, ощущая пустоту жизни, героиня стремится найти необходимые ответы: «Соне чужды мечтания, потому что она не верит в наступление будущего. <...> Соня не может жить. <...> Путь Сони ведёт в прошлое, и ноги её редко касаются земли»⁴. Так она принимает смерть от строителей (в чём можно увидеть не только реализацию ритуала строительной жертвы, но и аллюзию на «Котлован» А. Платонова) – и в смерти Соня видит то место, куда она должна прийти: «Она видит геометрическое поле, покрытое чёрным мрамором, <...> и посередине его четырёхгранную пирамиду из чёрного стекла, в гранях которой высечены ступени, и двенадцать прекрасных комсомолок, стоящих в симметрично правильных местах, с факелами, заплетёнными косами и комсомольскими значками на чёрных платьях до колен, и лес из зеркальных антрацитовых деревьев, и падающий между стволами снег, усыпавший волосы бесчисленных рядов пионеров, отдающих вечных салют, и три чёрных озера, с поверхности которых поднимается гробовой туман, и чёрную башню между ними, отражающуюся в зеркальной глади концентрированного в крошечную подземную жидкость солнечного огня, и само солнце, висящее посередине чёрного звёздного неба, горящее языками пламени по краям, но не дающее света земле» (с. 18). Как можно заметить, сами описываемые пространства соединяют аллегорическую, религиозную и советскую образность и в то же время маркируются как «чёрные», перевер-

⁴ Масодов И. Мрак твоих глаз. Москва: Kolonna Publications, 2021. С. 15. В дальнейшем цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

нутые (солнце, не дающее света), связанные со смертью, что, естественно, актуализирует эсхатологический сюжет, то есть маркирует ситуацию неправильного бытия, кардинальное изменение незыблемых основ мира.

Тем самым, мир этого романа – неправильный, это мир после смерти бога (смерти Ленина), и путь Сони – это путь к мёртвому Ленину. Можно сказать, что И. Масодов в этом романе конструирует пространство уже апокалиптическое, наполненное смертью и разрушением, принадлежащее монструозным существам: в чреве заброшенного завода оживают погибшие дети, оборачиваясь нежитью, в лесах бродят партизаны-оборотни, потерявшие счёт времени, утратившие человеческий облик и ведущие свою битву с неизвестным врагом, в деревне, населённой мертвецами, проводятся чёрные мессы. При этом каждый из монстров, которых встречает Соня, воплощает в себе след прошлого мира, его фрагмент, осколок. Будь то дети-нежить, деревенские мертвецы, инвалид, в которого вселилась бесовская сила, они, существуя на руинах, воплощают в себе идею избыточности или недостатка, становятся иллюстрацией самого «искорёженного» мира. Соня здесь становится способна на путешествие только после своей смерти. Именно смерть, обращение в вампира и определяет этот мир, является отправной (символический переход Сони из одного состояния в другое) и завершающей точкой (мёртвое тело Ленина). Поэтому все пространства, которые проходит Соня, можно характеризовать как некро-пространства. К тому же история, структурируемая посредством хронотопа дороги, в том числе включает в себя и характерный мотив пересечения реки, преодоления преграды ради новых страданий: «Наивная жертвенность божьей дочки отнимает у него [лодочника] силы. Он понимает, что даже жалость неуместна при исполнении предreshённого Богом дела. <...> Раз за разом поднимая окаменевшие вёсла, Григорий везёт Соню на истязание. Она сидит тихо, всё так же сложив руки на коленках, и смотрит в воду. Раз она даже по-детски улыбается, отчего Григорий хочет повернуть назад, но, стиснув зубы, не покоряется слабости и продолжает своё тяжёлое иудино

дело, вслушиваясь в дыхание предназначенной на страшную муку девочки» (с. 75-76). Можно сказать, что основной способ коммуникации Сони в этом мире – это превращение живого в неживое, уподобление себе.

Возвращаясь к образу Сони, можно отметить следующее: она вбирает в себя сразу несколько ипостасей. Будучи невинной девушкой, школьницей, она предстаёт как «кроткая» жертва, которой уготовано наследовать утраченный и грядущий мир, её смерть положена в основу этого мира, она сознательно идёт на страдание. Это во многом перекликается с идеями Ф. Достоевского и А. Платонова о «слезинке ребёнка», но в то же время переворачивается в рамках истории, разворачивающейся в романе. Соня, будучи убитой, выявляет насильственную природу мира взрослых, в том числе характеризуя его, определяя его как жестокий, лишённый веры и человеколюбия. Однако она через собственную смерть не исправляет этот апокалиптический мир, но аккумулирует его мрак в себе – и, будучи невинной, созерцает истинный путь. Смерть здесь есть основа мира, и дети – его полноправные жители. Поэтому Соня способна на ответное насилие – и так она оборачивается другой своей ипостасью, ангелом-истребителем, уничтожающим порок: пионерка Соня, принадлежа большой идее и будучи ей верной, убивает всякого, кто, по её мнению, забыл «завет божий», отказался от «ленинского» мира. Это в то же время легитимизирует присутствие в романе жанровых элементов (экшн-сцены битв, убийств), превращая роман в «пионерский хоррор» [13, с. 48]. При этом сам образ Сони, сочетающий детскую невинность и брутальную жестокость, сближается с классическими образами героинь японской массовой культуры (аниме, манга, видео-игры), воинами в матросках, бросающими вызов несправедливости мира и стремящимися предотвратить крах их мира.

Отдельно отметим, что история Сони представляет собой трансгрессивную интерпретацию классических сюжетов о пионерах-героях, которые – в свой черёд интерпретируя сюжеты о муках святых – проходят испытания духа и плоти и выходят побе-

дителями, сохранив себя и веру в прекрасное.

«– Я – пионерка. Меня же принимали в пионеры. Только галстука у меня нет, я его потеряла.

– А как мне теперь стать пионеркой?

– Теперь трудно, ни коммунистов, ни комсомольцев настоящих нигде не найдёшь. Кроме смерти некому тебя здесь в пионеры принимать.

– Тогда убей меня, ты, наверное, можешь.

– Ну что ты, Танечка, смерть должна быть геройская. Что толку с того, что я тебя убью» (с. 48).

Соня здесь утверждает себя в роли пионерки, но в качестве инстанции истины в умершем мире она принимает только смерть. Подобный детский, наивный взгляд позволяет героине воспринимать окружающих её людей и мир через жёсткие идеологические оппозиции «хороший – плохой», «служащий идее – идею предавший». Это позволяет ей быть твёрдой в своих поступках, совершать «пионерские» подвиги. К тому же этот незамутнённый взгляд по-особому характеризует пространства, лишает их какой-либо конкретики и сводит к аллегорическим, сказочным пространствам, полным испытаний: «каменный лес», «чёрные озёра», «Чёрная Москва», «Чёрная площадь».

В то же время, суммируя вышесказанное, образ Сони можно интерпретировать и как рыцаря, отправившегося на поиски Святого Грааля, что в том числе актуализирует эсхатологический сюжет. Она так же невинна, как, к примеру, рыцарь-девственник Персиваль (Парцифаль), так же должна исцелить страдающего Короля-Рыбака, чья функция в романе отдана мёртвому Ленину, и через это принести спасение угасшему миру, «бесплодной земле»⁵ [14–16], восполнить его (недостаточность этого мира, кстати, отмечается и потерей пионерского галстука Соней, отчего она также стремится восполнить недостающее своим большим рвением в делах и испытаниях). Грааль как образ отличается

неясностью⁶, поэтому в произведении его роль может играть сама вера, искренность Сони, её любовь к Ленину, которую она пронесёт через цепочку испытаний, что ей уготовил мёртвый мир; к тому же связь Грааля с кровью Христа перекликается с самой природой Сони как вампира. И именно невинный поцелуй девочки в ситуации духовного кризиса пробуждает мёртвого Ленина (в чём можно увидеть реализацию сказочного мотива): «Соня вытирает слёзы, она не хочет, чтобы голем видел, как она плачет. Перед тем как выйти на площадь, она наклоняется к бездыханному лицу Ленина и целует его на прощанье в пахнувший больничной химией лоб. И тогда Ленин открывает глаза» (с. 122). И фигура ожившего бога, почившего и воскресшего Короля-Рыбака транслирует идею начала нового мира на месте хаоса апокалипсиса: «замечает Ленин, <...> кладя руку на плечо Сони. – А вам, мальчикам и девочкам, стоять дома из этих накопленных стихией газалин. Так вот» (с. 123).

Тем самым, в романе «Мрак твоих глаз» эсхатологический сюжет конструируется через «переворачивание» привычной образности, связанной с советским миром, её трансгрессию, но в то же время посредством «вечного» сюжета о поиске и вере, что позволяет писателю создать нарочито гротескную картину большой борьбы хаоса и порядка, в котором решающая роль отведена условному «невинному» сердцу девочки.

Тот же принцип «перевёрнутого» мира мы наблюдаем и в романе «Тепло твоих рук». Главными героями здесь снова становятся девочки, Маша и Юлия. Однако если в романе «Мрак твоих глаз» мир словно уже существует в ситуации своего завершения, «затмения» истинной идеи, то здесь представлена обыденная реальность, однако снова существующая по законам насилия, которое связывает пространства со смертью и превращает их в некро-пространства, и медленно оттого движущаяся к своему завершению. Маша, сбежавшая из дома от страха жестокого отцовского наказания и родительской ненависти, встречает Юлию, которая в

⁵ Веселовский А.Н. Избранное: Легенда о Святом Граале. Санкт-Петербург: Петроглиф, 2016. 480 с.

⁶ Аверинцев А. Грааль // Мифы народов мира. Москва: Сов. энцикл., 1991. Т. 1. С. 317-318.

прошлом была убита, но в итоге превратилась в нежить. Героини воплощают собой идею жертвы мира взрослых, мира, который проникнут ненавистью и насилием (а значит – и недостаточностью простой человечности, заботы и любви), что закрепляет за ними идею невинности, связанную с визуальным образом школьницы. Однако эта невинность опорочена всё тем же насилием взрослых. Героини, претерпевая страдания и смерть, предстают монстрами от своей принадлежности к мёртвому миру, что маркирует их принципиальную чуждость обыденному пространству. И мёртвое для них становится привлекательным, обладающим некоторой тайной бытия, в чём можно увидеть параллель с мамлеевскими сюжетами: «Юля по-прежнему неподвижно лежит на земле под деревом, и Мария понимает, что она умерла. Как и труп Андрея, труп Юли влечёт её к себе, она вдруг отворяет калитку и сомнамбулически пересекает аллею» (с. 165). И именно смерть позволяет Маше открыть в себе новые способности и приблизиться к желанному успокоению, обретению недостающего через связь с мраком.

Поэтому вместо «непротивления злу», принятия своей роли и спасения в условной утопии путешествия (чем героини занимаются в начале романа), Юля и Маша, используя механизмы этого мира, интенсифицируют насилие, начиная охоту за возможными агентами страдания. Можно сказать, что их задача – это трансформация мира через всё ту же смерть, его трансгрессия, переворачивание и изживание – мести ему и побега из него. Недостаточность любви они заменяют общим порывом ненависти и злости к миру взрослых. Всё это приводит к принципиальной профанации, к акту тотального отторжения норм и правил этого мира, своеобразной мести ему, что выражается в сатанинском обряде, в начале которого Маша зачитывает «перевёрнутую» версию Нагорной проповеди, создающей единство ненависти («Если кто протягивает тебе руку, ударь ее ножом, потому что хочет он тебя столкнуть в могилу или увлечь туда за собой. Истинно говорю вам, отравлены ладони, протянутые вам, яд смерти на них. Нет ничего слаще крови и

слаще наслаждения разрушать созданное. Так просто разрушить то, что создано, где же сила создавшего? Истинно говорю вам, дети превзойдут родителей своих. Ни к чему искать сложное, потому что смерть решает простым способом. Восстаньте и убивайте их, чтобы все они умерли!» (с. 225), после которой начинается бойня в школе под лозунгом «рви до крови». Эта принципиальная смена полюсов, очередная трансгрессия святого, трансформация жертв мира в его палачей манифестирует полное отторжение всякого гуманистического и утверждение пространства смерти. Происходит триумф телесного. Финальная сцена, отличающаяся подчёркнутой кинематографичностью, обрачивается босхианскими картинками ада, принципиальным разрушением телесного и идеи жизни, что в том числе связывается с идеей всё сжигающего «сатанинского огня» и утверждает возможность спасения для главных героинь: «Мария <...> шёпотом произносит что-то, отчего весь её рисунок начинает сразу гореть, пламя поднимается высоко, на несколько метров, но Мария и Юля не чувствуют его, оно не жалится, лёгким ветром пронизывая их тела, и в его неистовой песне затихает всё, живое и мёртвое, только ясно-белые облака растягиваются в высоту, рвутся мокрой бумагой, так далеко, что не слышно треска, и огненный перстень солнца застывает над ними, находя в бешено пылающем круге внизу своё подобие, горит взятая в кольцо звезда, горит опустевшая школа, и стоят они в центре огня» (с. 253-254). В этой сцене разрушения утверждается идея спасения – через насилие и уничтожение, через объединение всего в акте убийства и смерти. Тем самым, в романе «Тепло твоих рук» мы, как и во «Мраке твоих глаз», тоже наблюдаем трансгрессию привычного и создание пространства насилия, что способствует конструированию эсхатологического сюжета, в котором страдающие отказываются смириться и бросают вызов миру насилия. Однако вместо спасения мира, его принципиальной пересборки героини выбирают его смерть, тотальное отторжение духовного, триумф телесного с последующим его уничтожением.

Третий роман «Сладость губ твоих нежных» во многом конструируется по тому же принципу, что и «Тепло твоих рук». Пионерка Катя Котова волей обезличенной государственной власти вырвана из рая детства (неслучайно действие романа начинается в крымском пионерском лагере): её родители стали «врагами народа». Так, героиня, как и прочие персонажи И. Масодова, оказывается в ситуации недостаточности: сначала она, отправленная в детский дом, лишается родителей и собственного дома, после жестокого инцидента её лишают и статуса пионерки, обрекая в интернате для «малолетних воровок, вредительниц и других детей, которые хотят вырасти паразитами и обузой нашей советской стране» (с. 298) на страдания, сближающиеся одновременно с муками святых и положениями жертв в математических экзекуциях десадовских сюжетов, что в итоге приводит к смерти героини и её воскрешению в мстящую хтоническую сущность, имеющую имя Снегурочка. И. Масодов выстраивает постепенное нисхождение в пространство мрака, движение по спирали ада вниз, где каждый новый дом оборачивается анти-домом, всякое пространство связывается с идеей насилия и смерти – и предстаёт некро-пространством, где машина власти оборачивается машиной страдания и уничтожения, что заставляет главную героиню отказаться от тех убеждений, которых она придерживалась.

Так, образ идейного отца, Сталина, которого она видит во сне, изначально воспринимается как высшая властная инстанция, сравнимая с богом, формирующая вокруг себя определённое утопическое пространство: «[Сталин] улыбается, потому что в стране его мир, и над маковым морем встали уже серебристые эстакады высотных дорог, по которым несутся вдаль поезда, и сверкающие самолёты мерно проходят в небе, между Катей и Сталиным, как пароходы, которым не нужно спешить, потому что они знают настоящую цену времени. <...> острые его глаза видят Катю за тысячи вёрст высоты <...> Катя понимает: она оказалась здесь, в недостижимости, только благодаря Сталину, <...> трогательная любовь наполняет её сердце,

она плачет от счастья, <...> и хочется жить так и дальше, бесконечно, чтобы делать мир лучше и лучше, краше и краше, потому что найден путь и остаётся только идти по нему, всем вместе, и нет этому пути конца» (с. 270). Однако в завершении романа Катя, ставшая мстящей сущностью Снегурочкой, выбирая в качестве механизма возмездия именно насилие, характерное для мира, в котором она выросла, делает именно Сталина главным объектом её мести. Убивая бога и идейного/идеологического отца, она обрекает мир на запустение. При этом описываемые одним из охотников за Снегурочкой картины уничтожения мира характеризуются именно как апокалиптические, больше схожие с видением будущего, но характеризующиеся именно образами краха, разрушения, упадка. Примечательно, что И. Масодов здесь использует классические парадные образы Сталина, но в итоге транслирующие не идею будущего, а крах и смерть: «Маленькая мёртвая девочка <...>, пионерка Котова Катерина превратила железо в хрупкое стекло, понизив температуру до космического нуля. Под собственной гигантской тяжестью рушится оно, земля проваливается вниз, отверзая под собой дикую бездну. Адский пламень восходит к небу, <...> поджигает остывшее солнце, летним зноем пылает оно над цветущими белыми садами нашей юности, на трибуну поднимается товарищ Сталин, в белом кителе, <...> пионерка в белой рубашке и синей юбочке дарит ему цветы, <...> он узнаёт в замершей от волнения девочке тебя, глядевшую на него с облаков, он улыбается тебе, склоняется и целует тебя в губы, <...> он выпрямляется, улыбнувшись, машет рукой, глаза его стекленеют, и падает он на пол, падает он, как памятник, кровь из вещего рта, бьёт ногой, Сталин мёртв, <...>самолёты в небе теряют высоту, <...> праздничные толпы разбегаются с площадей, пароходы тонут в морях, со скрежетом сходят с рельс поезда, и из пыльных, солнечных далей, из неведомых, коричневых лесов движутся танки, тысячи танков, <...> гудят тупорылые самолёты с чёрными крестами на крыльях, рвутся бомбы, сдирая с земли траву, выламывая деревья, разбивая на куски дома, а Сталин

мёртв, Сталин мёртв, и никто нам уже не поможет» (с. 404-405). Тем самым, в романе «Сладость губ твоих нежных» гибель мира творится руками слабого, лишённого всего человека, обречённого на муки. Его боль становится залогом апокалипсиса, в чём можно увидеть кардинальную реализацию уже упоминавшегося выше тезиса Ф. Достоевского и А. Платонова: мир, построенный на страдании ребёнка, обречён, не имеет права на своё существование. Кроме того, можно предположить, что третий роман трилогии словно закольцовывает общий сюжет: если «Мрак твоих глаз» разворачивает историю преодоления мрака апокалипсиса, исцеление Короля-Рыбака, «Тепло твоих рук» говорит о невозможности исправления мира насилия, то финал «Сладость губ твоих нежных» уничтожает Короля-Рыбака, обрекает мир на катастрофу, преодоление которой невозможно.

ВЫВОДЫ

Таким образом, трилогия И. Масодова «Мрак твоих глаз» демонстрирует в каждом из своих романов маленький крестовый поход детей, в котором героини, ощущающие какой-то недостаток в своей жизни, желаю-

щие служить большой идее (не случайно, что в первом и третьем романах героини подчёркивают свою принадлежность пионерии), вынужденно или сознательно противостоят миру взрослых, его насилию. Однако героини И. Масодова предстают не только жертвами этого мира, но и его палачами, приводя его к завершению и краху. Так в каждом романе трилогии конструируется эсхатологический сюжет, который здесь связан с идеей переворачивания, обращения живого в мёртвое, апелляции к стихии смерти и насилия, тотальной трансгрессии возвышенного и святого. Героини, воплощая в себе одновременно идею невинности и жестокости, стремятся преодолеть окружающий их мир – через его исцеление, как это происходит в «Мраке твоих глаз», или через уничтожение, тем самым транслируя идею воздаяния за грехи. При этом пространство трилогии позволяет И. Масодову сконструировать общий сюжет, который уподобляется циклу или спирали: от ситуации преодоления апокалипсиса через жертву пионерки-рыцаря, исцеления «бесплодной земли» и воскрешения божественной сущности к очередной гибели идола власти от рук его жертвы, краху мира, виновному в бесчеловечности и обречённому утонуть в жестокости и насилии.

Список источников

1. Бессонов И.А. Русская народная эсхатология и эсхатология поздней античности: структурные и мотивные параллели // Традиционная культура. 2024. Т. 25. № 1. С. 123-136. <https://doi.org/10.26158/ТК.2024.25.1.008>, <https://elibrary.ru/eqsbwg>
2. Виноградова О.Н. Апокалиптические мотивы в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 2. С. 236-240. <https://doi.org/10.30853/phil20220027>, <https://elibrary.ru/pwdxze>
3. Волков Ю.К. Апокалиптические образы Данте и Соловьёва как контрапункты стиля эпохи перемен // Соловьёвские исследования. 2022. № 1 (73). С. 55-66. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2022.1.055-066>, <https://elibrary.ru/eobfge>
4. Ким М. Эсхатологическая парадигма в рассказе В.Ф. Одоевского «Насмешка мертвеца» // Проблема исторической поэтики. 2024. № 22 (3). С. 75-91. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.14084>, <https://elibrary.ru/unjrpх>
5. Колягина Т.Ю. Апокалиптические мотивы в лирике Ф.И. Тютчева // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 1. С. 70-88. <https://doi.org/10.26105/PBSSPU.2022.9.1.007>, <https://elibrary.ru/pbvncp>
6. Красавченко Т.Н. «Неоготика» модернизма: Дафна Дюморье и её апокалиптический «экологический» триллер «Птицы» // Литературоведческий журнал. 2024. № 3 (65). С. 138-155. <https://doi.org/10.31249/litzhur/2024.65.10>, <https://elibrary.ru/ixjtpj>
7. Маматов Г.М. «Лишь музыка тихо сияла из чаши» – Образ Святого Грааля в лирике Б. Поплавского // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и те-

- чения. 2021. № 3. С. 50-61. https://doi.org/10.26170/23067462_2021_03_03, <https://www.elibrary.ru/pzawca>
8. Солдаткина Я.В. Сюжет «конца света» в русской прозе XX–XXI вв. глазами героя-интеллигента: социальное, фантастические и аксиологическое // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 287-297. https://doi.org/10.54770/20729316_2021_3_287, <https://elibrary.ru/erkpnd>
 9. Суворова А.А. Эсхатологические и апокалиптические мотивы в современном российском искусстве // Артикульт. 2024. № 3 (55). С. 24-33. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2024-3-24-33>, <https://elibrary.ru/scseqd>
 10. Яковлев М.В. Апокалиптическое направление в русской поэзии XX века. Орехово-Зуево: Изд-во Гос. гум.-тех. ун-та, 2021. 300 с. <https://elibrary.ru/xxocks>
 11. Рудова Ю.В. Лингвокультурная специфика репрезентирования телесности (на примере русского и английского юмористического дискурса) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 1. С. 90-99. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V158>, <https://elibrary.ru/gzaddr>
 12. Тихонова С.В. Телесность отечественного вампира в контексте советской ностальгии // Corpus Mundi. 2023. Т. 4. № 1 (11). С. 29-49. <https://doi.org/10.46539/cmj.v4i1.75>, <https://elibrary.ru/rxcbxu>
 13. Куликова Д.Л. Трансформация хоррора в «Мраке твоих глаз» Ильи Масодова // Philologos. 2021. № 2 (49). С. 47-53. <https://doi.org/10.24888/2079-2638-2021-49-2-47-53>, <https://elibrary.ru/hbkqva>
 14. Пастухова А.С. Анализ предпосылок образа Грааля в древнеирландских и валлийских преданиях // Вестник науки. 2023. Т. 2. № 11 (68). С. 626-631. <https://elibrary.ru/cudwcz>
 15. Яненко Е.М., Золотов В.И. Христианский элемент в легендах о короле Артуре и рыцарях Круглого стола // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 2 (48). С. 150-156. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-02-150-156>, <https://elibrary.ru/lmccds>
 16. Barber R. The Holy Grail: Imagination and Belief. Cambridge: Harvard University, 2004. 488 p.

References

1. Bessonov I.A. Russian folk eschatology and the eschatology of late antiquity: parallels in structure and motif. *Traditsionnaya kul'tura = Traditional Culture*, 2024, vol. 25, no. 1, pp. 123-136. (In Russ.) <https://doi.org/10.26158/TK.2024.25.1.008>, <https://elibrary.ru/eqsbwg>
2. Vinogradova O.N. Apocalyptic motives in M.Yu. Lermontov's poem "Demon". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 236-240. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20220027>, <https://elibrary.ru/pwdxze>
3. Volkov Yu.K. Dante's And Solovyov's apocalyptic images as stylistic counterpoints in the era of change. *Solov'yevskie issledovaniya = Solovyov Studies*, 2022, no. 1 (73), pp. 55-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2022.1.055-066>, <https://elibrary.ru/eobfge>
4. Kim M. Eschatological paradigm in V.F. Odoevsky's short story "The dead man's mocking". *Problema istoricheskoi poetiki = The Problems of Historical Poetics*, 2024, no. 22 (3), pp. 75-91. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.14084>, <https://elibrary.ru/unjrpx>
5. Kolyagina T.Yu. Apocalyptic motifs in F.I. Tyutchev's lyrics. *Filologicheskii vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Philology Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2022, no. 1, pp. 70-88. (In Russ.) <https://doi.org/10.26105/PBSSPU.2022.9.1.007>, <https://elibrary.ru/pbvncp>
6. Krasavchenko T.N. Modernist "Neo-gothic": Daphne Du Maurier and her apocalyptic "Ecological" thriller "The birds". *Literaturovedcheskii zhurnal = Literary magazine*, 2024, no. 3 (65), pp. 138-155. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/litzhur/2024.65.10>, <https://elibrary.ru/ixjtpj>
7. Mamatov G.M. "Just the music shone softly from cup" – image of Holy Grail in Boris Poplavsky's lyrics. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya = Ural Philological Herald. Series Russian Literature of 20-21st centuries: Directions and Trends*, 2021, no. 3, pp. 50-61. (In Russ.) https://doi.org/10.26170/23067462_2021_03_03, <https://www.elibrary.ru/pzawca>
8. Soldatkina Ya.V. The plot of the "End of the world" in Russian prose of the 20-21st centuries through the eyes of an intellectual hero: social, fantastic and axiological dimensions. *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin*, 2021, no. 3 (58), pp. 287-297. (In Russ.) https://doi.org/10.26170/23067462_2021_03_03, <https://www.elibrary.ru/pzawca>

9. Suvorova A.A. Eschatological and apocalyptic motives in Russian contemporary art. *Artikul't = Articult*, 2024, no. 3 (55), pp. 24-33. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2024-3-24-33>, <https://elibrary.ru/scseqd>
10. Yakovlev M.V. *Apocalyptic Trend in Russian Poetry of the First Half of the 20th Century*. Orekhovo-Zuyevo, State University of Humanities and Technology Publ., 2021, 300 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xxocks>
11. Rudova Yu.V. Linguocultural features of body representation (exemplified by the Russian and English humorous discourse). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2022, no. 1, pp. 90-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V158>, <https://elibrary.ru/gzaddr>
12. Tikhonova S.V. The corporeality of the domestic vampire in the context of Soviet nostalgia. *Corpus Mundi*, 2023, vol. 4, no. 1 (11), pp. 29-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.46539/cmj.v4i1.75>, <https://elibrary.ru/rxcbxu>
13. Kulikova D.L. Horror transformation in the "Mrak tvoich glaz" by Ilya Masodov. *Filologos = Philologos*, 2021, no. 2 (49), pp. 47-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.24888/2079-2638-2021-49-2-47-53>, <https://elibrary.ru/hbkkva>
14. Pastukhova A.S. Analysis of the prerequisites of the image of the Grail in ancient Irish and Welsh legends. *Vestnik nauki = Science Bulletin*, 2023, vol. 2, no. 11 (68), pp. 626-631. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cudwcz>
15. Yanenko E.M., Zolotov V.I. Impact of Christianity on development of King Arthur legends in the knight literature of middle ages. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*, 2021, no. 2 (48), pp. 150-156. (In Russ.) <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-02-150-156>, <https://elibrary.ru/lmccds>
16. Barber R. *The Holy Grail: Imagination and Belief*. Cambridge, Harvard University, 2004. 488 p.

Информация об авторе

КУРЯЕВ Ильгам Рясимович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-4294-5817>, kuryaev.ilgam@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.03.2025
 Поступила после рецензирования 27.04.2025
 Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Ilgam R. Kuryaev, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department, National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4294-5817>, kuryaev.ilgam@yandex.ru

Received 27.03.2025
 Revised 27.04.2025
 Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-346-359>

Шифр научной специальности 5.9.1

Специфика авторского осмысления Великой Отечественной войны в прозе П.Ф. Алёшкина

Маргарита Александровна Дементьева

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 rit.tswetkova@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Осмысление событий Великой Отечественной войны современным писателем П.Ф. Алёшкиным характеризуется специфическими чертами. Автор, постоянно обращающийся в творчестве к изображению событий российской истории, посвятил лишь одно произведение Великой Отечественной войне. Цель исследования – выявление художественных особенностей киносценария П.Ф. Алёшкина «Война начнётся на рассвете» и рассмотрение их роли в создании исторически достоверных событий в тексте. Актуальность обращения к этой научной проблеме заключается в том, что в настоящее время идёт активное изучение современного литературного процесса и определение места произведений исторического жанра в нём. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалами исследования явились киносценарий П.Ф. Алёшкина «Война начнётся на рассвете» и роман И.М. Шевцова «Семя грядущего». Методологическая база исследования состоит из герменевтического, историко-культурного и структурно-поэтического методов анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлено, что П.Ф. Алёшкин создал в киносценарии атмосферу предвоенных будней путём включения в текст множества документальных сведений, упоминания реальных исторических личностей. Установлено, что психологизм писателя обуславливается тематикой и проблематикой произведения. Определено, что в образах героев автор воплотил черты русского национального характера. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Практическая значимость заключается в возможности использования полученных материалов в практике вузовского и школьного преподавания современной русской литературы.

Ключевые слова: современная русская литература, историческая проза, Великая Отечественная война, Петр Алёшкин, поэтика национального характера

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Финансирование работы отсутствовало.

Вклад: М.А. Дементьева – дизайн исследования, анализ научной литературы, анализ исторической прозы, написание черновика рукописи.

Для цитирования: Дементьева М.А. Специфика авторского осмысления Великой Отечественной войны в прозе П.Ф. Алёшкина // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 346-359. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-346-359>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-346-359>

OECD 6.02; ASJC 1208

Specificity of author's comprehension of the Great Patriotic War in the prose of P.F. Aleshkin

Margarita A. Dementieva

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 rit.tswetkova@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The comprehension of the events of the Great Patriotic War by the modern writer P.F. Alyoshkin is characterised by specific features. The author, who constantly turns to the depiction of the events of Russian history, has devoted only one work to the Great Patriotic War. The aim of the study is to identify the artistic features of P.F. Alyoshkin's screenplay 'The war will begin at dawn' and to consider their role in creating historically accurate events in the text. The relevance of addressing this scientific problem lies in the fact that at present there is an active study of the modern literary process and determining the place of works of historical genre in it. **MATERIALS AND METHODS.** The materials of the study were P.F. Alyoshkin's screenplay 'The War Will Begin at Dawn' and I.M. Shevtsov's novel 'The Seed of the Coming'. The methodological basis of the research consists of hermeneutic, historical-cultural and structural-poetic methods of analysis. **RESEARCH RESULTS.** It is revealed that P.F. Aleshkin created the atmosphere of pre-war everyday life in the screenplay by including in the text a lot of documentary information, mentioning real historical personalities. It is established that the writer's psychologism is conditioned by the theme and problematics of the work. It is determined that the author embodied the features of the Russian national character in the characters. **CONCLUSION.** Practical significance consists in the possibility of using the obtained materials in the practice of university and school teaching of modern Russian literature.

Keywords: modern Russian literature, historical prose, the Great Patriotic War, Peter Alyoshkin, poetics of the national character

Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

Author's Contribution: M.A. Dementieva – research design, scientific literature analysis, historical prose analysis, writing – original draft preparation.

For citation: Dementieva, M.A. Specificity of author's comprehension of the Great Patriotic War in the prose of P.F. Aleshkin. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):346-359. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-346-359>

ВВЕДЕНИЕ

Последние десятилетия в филологической науке ознаменованы большим интересом исследователей к исторической прозе [1, с. 181; 2, с. 5-7; 3, с. 450; 4, с. 100; 5, с. 235; 6, с. 37-38; 7, с. 253]. В работах рассматриваются различные аспекты раскрытия событий в художественных текстах: анализируются достоверность изображаемого [8, с. 495], соотношение реальных исторических личностей, помещённых в литературную плоскость, и вымышленных персонажей [9, с. 35], уточняется, к каким документальным источникам обращался писатель в момент работы, подробно исследуются биографические сведения о нём [10, с. 20], выясняются причины, по которым писатель решил обратиться к переложению определённого момента в истории, выявляется уровень преемственности современными художниками традиций отечественной классической исторической прозы.

Среди современных русских писателей, обратившихся к исторической теме в прозе, выделяется П.Ф. Алёшкин (род. 1949) – автор множества произведений, посвящённых осмыслению переломных моментов в судьбе России. Доктор исторических наук, он с особым вниманием относится к деталям, придающим повествованию документализм, и активно использует их в литературных текстах. И хотя профессиональный интерес П.Ф. Алёшкина сфокусирован на истории Тамбовского восстания 1920–1921 гг., его писательское внимание часто обращено и на другие периоды в истории России (Великая Отечественная война, эпоха перестройки, современность). Тематическая неоднородность произведений не препятствует творческой цели писателя, заключённой в гармоничном слиянии эпохальных событий и личных, интимных переживаний героев.

Актуальность исследования обусловлена его связью с мировыми тенденциями изучения исторической литературы, важностью обращения к произведению, посвящённому осмыслению событий Великой Отечественной войны: во всём обилии литературных трудов автора киносценарий «Война начнётся на рассвете» (2023), посвящённый, пожа-

луй, самому знаковому событию в истории России, – единственный, больше к этой теме П.Ф. Алёшкин до настоящего времени не обращался. Однако и анализируемый нами в данной работе текст специфичен в отношении авторского начала: произведение написано в соавторстве с современным прозаиком А. Беляевым для полнометражного художественного фильма.

Киносценарий создан на основе романов писателя, участника войны И.М. Шевцова «Семя грядущего» и «Среди долины ровныя...». Алёшкин пишет об этом на личной странице: «Есть у меня и военный киносценарий о том, как начиналась война. Написан он по повести Ивана Шевцова <...>. Войну [он] закончил полковником, а после описал в повести реальный бой за пограничную заставу. Об этом наш сценарий»¹. Автор первоисточника на фронте был командиром пограничной заставы, в течение суток сдерживавшей фашистскую атаку. Этот реальный случай и стал сюжетной основой произведения. Смелость русского воина, которую сумел проявить Шевцов, определила ключевые черты характера главного героя Емельяна Глебова. Подтверждается биографичность повествования, в числе прочего, тем, что возраст автора и его героя практически совпадает: на момент начала войны Глебову уже 22 года, Шевцову же в начале войны было 21.

Интересно жанровое определение текста-первоисточника. Произведение И.М. Шевцова определено им самим как роман, однако П.Ф. Алёшкин называет его повестью. В этом, безусловно, сказывается своеобразие понимания авторского замысла: с одной стороны, ограниченность временных и топонимических рамок, небольшое число персонажей, с другой – масштабная эпическая зарисовка, что и создаёт неоднозначность в определении жанра шевцовского произведения.

Активно перерабатывая роман И.М. Шевцова, избирательно относясь к эпизодам, в дальнейшем воплощённым в тексте киносценария, по-своему расставляя необходимые

¹ Алёшкин П. Война начнётся на рассвете // Страница ВКонтакте. 10.05.2024. URL: https://vk.com/id60725972?from=search&w=wall60725972_7354 (дата обращения: 08.02.2025).

смысловые акценты, Алёшкин создаёт принципиально новое произведение по мотивам первоисточника, соответствующее всем требованиям кинематографического жанра. Соавтором П.Ф. Алёшкина в этой связи можно назвать не только А. Беляева, но и И.М. Шевцова, чьё произведение о Великой Отечественной войне легло в основу современного сценария.

Русской литературе известны случаи переработки собственно прозаического текста в сценарный с целью дальнейшей его экранизации. Сценарий признаётся специфичным жанром потому, что является синтетическим, обладающим «бинарной структурой»²: будучи текстом прецедентным, он одновременно обращён к литературной традиции, но в то же время стремится отвечать запросам современности. Однако в классической литературе XX века все творческие переработки прозаического материала были в основном автоматическими: сами авторы либо создавали произведения сценарного характера, либо впоследствии обращались к переложению текстов в иную художественную плоскость. Так, киноповести Л.М. Леонова «Бегство мистера Мак-Кинли», В.М. Шукшина «Калина красная», В. Розова «Летят журавли» были либо чисто оригинальными произведениями, как в первых двух случаях, либо переработкой драматического текста (розовская переработка пьесы «Вечно живые» в сценарий кинофильма «Летят журавли»). Отметим, что и П.Ф. Алёшкин в творчестве обращался к осмыслению написанных им ранее произведений: роман «Время великой скорби» (1989) был в 2008 г. подвергнут авторской переработке – тогда же и появилась одноимённая трагедия.

Целью исследования является выявление специфики творческого понимания писателем описываемых им событий и выделение характерных черт, составляющих поэтику текста. Новизна исследования заключается в том, что в работе впервые анализируются средства художественной выразительности, применённые П.Ф. Алёшкиным в создании киносценария о реальных событиях.

² Мартынова И.А. Текст киносценария и киносценарий текста. Санкт-Петербург: Наука, 2003. С. 9.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В настоящее время П.Ф. Алёшкин продолжает активную работу над созданием произведений, посвящённых исторической тематике. Киносценарий «Война начнётся на рассвете» является ярким тому примером: текст датируется 2023 г. Анализируемое нами произведение подчёркивает, что тема Великой Отечественной войны в современной русской литературе не ушла на второй план. П.Ф. Алёшкин, по-своему осмысливая и оценивая события 1941–1945 гг., продолжает традиции классической исторической прозы, и потому его произведение органично вписывается в общее русло текстов русских писателей о Великой Отечественной войне. Материалы исследования – киносценарий П.Ф. Алёшкина «Война начнётся на рассвете», роман И.М. Шевцова «Семя грядущего». Для анализа использовались герменевтический, историко-культурный и структурно-поэтический методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

О поэтике национального характера пишут многие современные литературоведы: выявляя особые черты русского человека, исследователи формируют своеобразный его портрет, однако проблема русского национального характера «по-прежнему остаётся актуальной» [11, с. 1]. Национальный характер – «это художественно значимая подсистема», и к её исследованию необходимо применять особые методы, в числе которых «синтез лингвокультурологического и литературоведческого подходов» [12, с. 195]. Несмотря на всю противоречивость, антиномичность русской идентичности, о которой писали ещё Н.О. Лосский³ и Н.А. Бердяев⁴, традиционно отмечаются любовь к Родине, к родной земле, неистовое рвение к её защите, отсутствие страха в кризисных ситуациях.

В произведениях исторической тематики «российская этническая ментальность» про-

³ Лосский Н.О. Характер русского народа. Франкфурт-на-Майне, 1957. С. 7.

⁴ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Москва: Мысль, 1991. С. 10.

является особенно ярко, выражаясь «в безудержности натур, в героизме и отваге в критические моменты для Родины» [13, с. 119], поскольку герои, оказываясь в сложных жизненных ситуациях, стремятся проявить свою силу духа, продемонстрировать своими поступками, в чём заключается особенность именно русского воина. В анализируемом нами тексте воплощением лучших черт советского офицера является Емельян Прокопович Глебов – молодой лейтенант, начальник пограничной заставы.

Алёшкин не вводит в произведение описание внешности главного героя, однако использование речевой характеристики, примечаний к репликам и общему повествованию и изображение поступков центрального действующего лица даёт автору возможность воссоздать полноценный психологический портрет. О Глебове мы знаем следующее: он умён, грамотен. Уже в начале сценария читатель застаёт Емельяна за написанием статьи «Действия разведывательно-диверсионных групп в тылу противника», посвящённой вопросам военно-стратегического дела. Впоследствии эту работу особо отметит подполковник Грачёв, начальник погранотряда, назовёт Глебова «человеком думающим» и даже предложит ему обучение в Академии имени Фрунзе, о чём мечтает главный герой.

Емельян одинок, у него нет жены и детей. Однако есть в жизни героя человек, который даёт ему силы и веру – это его мать, постоянно ждущая Глебова в деревне, тоскующая по нему. В каждой беседе с Титовым, периодически навещающим родных в Микитовичах, он интересуется здоровьем матери: «Маму мою видел? Был у неё? <...> Как она? <...> Ну, а здоровье? Не хворает?»⁵. Отец же героя давно умер, но из разговора Ивана с Емельяном становится понятным, что сын Прокопа Глебова очень напоминает его самого: оба они «беспокойные», «непо-

седливые» и «честные», готовые «за правду голову сложить». Причиной смерти стал «предательский выстрел из-за угла, в спину», напоминающий такой же, что нанесла гитлеровская армия русским пограничникам.

Обращают на себя внимание читательские предпочтения Емельяна Прокопыча. Впервые в тексте о литературе он говорит с Ниной Мухтасиповой – библиотекарем, посоветовавшим герою «Тихий Дон» М.А. Шолохова. Глебов, делаясь впечатлениями о прочитанном, предельно искренен:

«Нина Платоновна. Понравилось?»

Глебов. Очень. Первые три книги я ещё раньше прочитал. Сильный роман. Жалко Гришку Мелехова. Я думал, он к нам перейдёт, а он так и остался на распутье» (с. 10).

В речи героя также встречаются упоминания И.А. Гончарова («Обломова» [читал] – ещё в школе), А.С. Пушкина («У каждого есть что-то своё, самое любимое. Пушкин, например, осень любил» (с. 57)).

Не только литературу как вид искусства Глебов любит – ещё героя привлекает живопись: в свободное время он вырезает из журнала «Огонёк» репродукции картин, пристально, изучающе их рассматривает.

Глебов крайне ответственно относится к военному делу: он предельно строг, серьёзен, неоднократно проявляет мудрость, которая могла бы быть присуща разве что великому полководцу, хотя герою всего 22 года. С одной стороны, он воспитывает, «взрачивает» своих солдат, применяя к ним суровые наказания, делая выговоры, и за это подчинённые могли бы его бояться или не любить – но этого не происходит, потому что в то же время Емельян Прокопыч может посмеяться с ними, усомниться в необходимости очередного проявления военной суровости. Так, например, сначала отругав Ефремова за то, что он поднял пса Смирного на наблюдательскую вышку, Глебов спрашивает у Шаромпокатилова, стоит ли «серьёзно наказывать» ефрейтора и – что наиболее важно – действительно прислушивается к своему подчинённому и поступает сообразно его совету. Требовательность Емельяна к самому себе как к воину проявляется, в числе прочего, в том, что он отказывается выпить рюмку

⁵ Алёшкин П.Ф. Война начнётся на рассвете. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/z6RVT9CbpevrHwTLtVRVMu13YHU-eRrHv8lg8OkjtSJlQVX8rHoOcyHf2ZrB899i8WjduFb2ha8Hvwt2fMRy2S3-E_6PRZ9vxuIT38y0BCxDpuv_MtjcQ/Voyna_nachnetsya_na_rassvete.pdf. С. 55 (дата обращения: 08.02.2025). (Далее цитируется этот сценарий с указанием страниц в тексте).

водки вместе с сослуживцем Мухтасиповым, объясняя это так: «Сейчас у нас, как никогда, должны быть светлые головы» (с. 27).

Герой оценивает всё с военной точки зрения: ливень для него – не благодать, а беда, потому что он даст нарушителям возможность незаметно пересечь границу. Глебов предельно внимателен, подмечает каждую деталь: по звукам встревоженной сороки он предполагает, что в лесу ходит кто-то чужой, и не ошибается, а по странным движениям посетивших его братьев Шидловских понимает, что на него готовилось покушение и как именно его хотели убить противники.

Великая Отечественная война – не первая в жизни героя: в 1938 г. он участвовал в финской кампании, куда его отправили сразу после училища. Безусловно, уже там, будучи 19-летним, Глебов начал оформляться как настоящий командир, готовый пойти на амбразуру и до конца стоять со своими солдатами. Он верен Сталину, цитирует приказы вождя. Фашистов он называет «оголтелой бандой головорезов», поэтому призывает не надеяться на их честность и соблюдение договора о ненападении. Своих бойцов в атаку он зовёт громким лозунгом «За Родину!..», искренне верит в победу Советской Армии, говоря о том, что солдаты, дошедшие до Берлина, обязательно вспомнят подвиг заставы.

Глебов – до определённого момента, пожалуй, единственный герой, осознающий, насколько плоха подготовка у пограничников, поэтому он решает проводить военные учения. Со стороны они похожи на игру детей: самодельные танки из тележек, наваленные бревна и доски, связки жестяных банок, имитирующих ручные гранаты, – но именно благодаря этим действиям лейтенанта солдаты воодушевились и начали относиться к своему делу с большим вниманием. Ложная тревога, которую провёл Глебов, сказав, что фашисты уже напали, является не чем иным, как самоволием, поскольку по уставу и по программе такого рода учения не предполагались. Однако военное руководство похвалило героя, отметило это как заслугу, ведь только так стали наиболее отчётливо видны слабые места армии, начальство наконец обратило внимание на необходимость проведе-

ния подобных мероприятий, по-настоящему готовящих будущих бойцов.

В момент нападения фашистов Глебов не теряется – напротив, он проявляет силу и в очередной раз доказывает свою воинскую мудрость. Опасения солдата Ефима Поповина относительно вероятно сомнительных действий лейтенанта («Например, полетят их самолёты, а он скомандует: «Вперед, за Родину!») Надо бежать. А на тебя сверху – бомбы, а внизу – танки. А? Не скомандует? Молодой, горячий...» (с. 33)) напрасны: Емельян Прокопович отдаёт необходимые приказы, не думая о славе, не пытаясь реализовать свои амбиции – он действует сообразно тем обстоятельствам, в которых оказывается. Так, например, он командует дать заградительный огонь во время атаки, следит за каждым постом, успевает руководить несколькими взводами, говорит о необходимости следить за оврагами, поскольку в них «не исключено скопление пехоты» (с. 74). Все действия героя направлены на сохранение как можно большего числа солдат и начальников, он думает не столько о себе, сколько о своих товарищах и подчинённых, умеет слышать и слушать – это и даёт Глебову выйти победителем из восьмичасовой схватки и отстоять заставу без помощи танкистов и лётчиков, в одиночку, с ограниченным количеством боеприпасов.

Емельян не боится наказаний, он готов отвечать за свои поступки: за симитированное им нападение он должен был отправиться под трибунал, и герой был с этим согласен, несмотря на то что понимал практическую пользу своего предприятия. Не переубеждая вышестоящих по званию офицеров, он лишь говорил: «Я готов, товарищ подполковник», «Ко всему, товарищ подполковник» (с. 51-52).

Ближайший друг Глебова, танкист Иван Титов – ещё один герой, олицетворяющий лучшие черты русского воина. Ему 22 года, однако он уже успел дослужиться до звания старшего лейтенанта: он, как и Глебов, принимал участие в боях 1938 года. Титов – не только друг детства Емельяна, но и его сокурсник: они вместе оканчивали военное училище на Волге. Герои неразлучны друг с

другом, и в самых, казалось бы, неожиданных ситуациях судьба снова сводит их. Отношения героев – своеобразный символ вечной дружбы, душевного приюта: общаясь, они отвлекаются от мысли о предстоящей войне и обращаются к бытовым и личным вопросам, раскрываются не как хорошие воины, а как простые люди со своими страхами, эмоциями. Вся искренность, нежность и любовь выражаются даже в обращениях Глебова и Титова друг к другу: «Мелька» и «Ванюшка» – только так герои называют друг друга. Не забывая о переживаниях Емельяна, Иван при любой возможности навещает старую мать друга в Микитовичах, чтобы рассказать ему о ней: это в очередной раз доказывает, что герои стремятся помочь друг другу.

Есть у Титова и другая сильная привязанность в жизни: он влюблён в москвичку Олю, на которой женился за 3 дня до войны. Реплики героя о невесте наполнены лучшими его чувствами: он называет её «самой лучшей девушкой в мире», опасаясь, не берёт с собой на заставу. Однако Ивану на момент, описанный в сценарии, не удалось реализоваться как мужу, поскольку героя на второй день после свадьбы вызвали в часть – положение «женатика», как называет героя Глебов, Титов «раскушать» не успел. Война внесла свои коррективы в жизненные планы танкиста и нарушила естественный и правильный ход жизни, и это одна из форм реализации антитезы «война – мир» в тексте, где мир символизируют Оля и спокойная и размеренная жизнь с ней, а войну – неожиданно полученная повестка.

Иван, несмотря на свой довольно юный возраст, является опытным воином, многое испытавшим, не раз лицом к лицу встречавшимся со смертью: пожар в танке, контузия, в начале же Великой Отечественной войны герой оказывается единственным выжившим из всего батальона. Бесстрашие Титова не даёт ему сдаться. Он продолжает бороться, идёт к чётко поставленной цели, не боясь гибели: «Теперь и умирать не страшно: расквитались сполна, как говорится, с лихвой» (с. 95), – так комментирует происходящее герой. Иван – воспитанник генерала-полковника

Якубца, участника множества боёв, блестящего тактика. Учитель, которого «боготворили», по признанию Титова, студенты, привил им важные навыки – способность сохранять человечность в военных условиях и сражаться до победного конца, преодолевая все трудности.

Иван совершает подвиг: контуженный после боя, он садится в брошенный танк противника и обманным манёвром идёт на таран. Ответственно руководя процессом, Титов возглавляет оставшихся бойцов, мудро отдаёт приказы – чувствуется, что герой знает толк в военном деле: «Головную машину беру на таран. Запомни, Братишка, первостепенная твоя цель – танки и самоходки. Затем цистерны с горючим. А дальше – по своему вкусу. Снарядов не жалея, патронов – тоже. Берегите лбы: таран – штука смертельная для фашистов и неприятная для нас» (с. 93). Следствием такого решения, принятого Иваном, стало уничтожение немецкой автоколонны. Подрывая после этого танк, Титов сожалеет: «Жалко было уничтожать. Таковую машину на пьедестал, как памятник! Сколько ж она их уложила!» (с. 95).

Особое значение в понимании характера героя имеет его монолог о необходимости защиты Родины: «Понимаете, что мы сейчас такое для фашистов?.. Мы будем крушить их бронёй, давить гусеницами, бить снарядами, косить пулями... Истреблять, истреблять, истреблять, пока они не прикончат нас...» (с. 93). Лексический повтор слова «истреблять», используемый Алёшкиным, подчёркивает: чувства ненависти, обиды и желание отомстить за сожжённый батальон переполняют душу Ивана. Титов намерен стоять под пулями до конца, и знание того, что соперник превосходит численностью армии и техники, а значит, вероятен смертельный исход, не пугают его, не заставляют сдаться – напротив, герой настроен решительно, он пытается сделать всё, что в его силах.

Большое внимание Алёшкин уделяет изображению пограничников, и личность главного героя Глебова раскрывается, в числе прочего, путём подробного изображения его подчинённых. Солдаты, живущие с Емельяном на заставе, – чаще всего молодые

люди 20–25 лет, не имеющие никакого военного опыта. Объединяющим героев началом является отсутствие у них серьёзного подхода к службе, полная безответственность, на что указывает даже фамилия одного из солдат – Шаромпокатилов.

Поскольку угроза войны представлялась пограничникам в начале сценария ещё туманной, они игнорировали всяческие замечания со стороны начальника, халатно относились к своим обязанностям, воспринимая важное дело, скорее, как игру, но не как обязательную работу. Яркая портретная деталь, подтверждающая это, обнаруживается в описании рядового Поповина, совершающего обход территории: он идет, «сбив на затылок фуражку и расстегнув ворот гимнастёрки, враскачку, неторопливо вышагивая», не смотря «ни на контрольную полосу, ни по сторонам», двигается «беспечно и бездумно» (с. 17). Герои недисциплинированы, они ведут себя распушенно, живут не по установленным требованиям.

Глебову, однако, удаётся организовать пограничников: проводимые им военные мероприятия увлекли солдат, они начали тренироваться, обдумывать тактические манёвры, действовать сообща. Безусловно, к нападению фашистской армии они не были готовы, но именно благодаря командирским способностям Емельяна Прокопыча, его постоянному труду даже раненые солдаты утром 22 июня не хотели уходить с поля боя: они только «перевязали раны и встали у амбразур», желая продолжить борьбу за заставу и лейтенанта Глебова, за Родину.

Практически каждый из них совершает подвиг: Шаромпокатилов подрывает гусеницу вражеского танка и сбивает самолёт, Шапкин бросает под другой танк связку гранат, Колодин кидает гранату в лодку, полную немцев, и в фашистского офицера. Солдаты всеми силами защищают заставу до прихода танков, многие из героев погибли в бою: кого-то переехал танк, кто-то подорвался вместе с врагом, кому-то выстрелили в спину. Поведение героев – пример проявления черт русского национального характера, русского воина, вопреки всему идущего до победного конца.

В целом, состояние Советской Армии на момент нападения фашистов можно справедливо назвать упадочным [14, с. 1-2]: вера в силу заключённого пакта о ненападении не дала возможности бойцам подготовиться, и Алёшкин ярко отражает это в сценарии. Нина Мухтасипова упоминает слова товарища Молотова, который «успокаивал, Гитлер – не враг» (с. 11), цитируются обращения ТАСС, все очевидные провокации со стороны немцев игнорировались по приказу Сталина. Действия немцев напоминают чётко выверенную систему, они работают слаженно, как единый организм, двигаются «цепью»: «А фашисты идут и идут через трупы своих солдат» (с. 77). Положение, в котором враг застаёт пограничников, прямо противоположно: отсутствует помощь авиации, танковых дивизий, старшего командования, поэтому четыре мелких дзота вынуждены оказывать сопротивление огромной армии. «Танки! Наши танки!» – радостно кричит Ефремов, который несколько часов назад в бою потерял многих сослуживцев, а очередной самовольно отданный Глебовым приказ об открытии огня «по скоплению вражеских войск на переправах» восхищает ничего не понимающего комдива: «Есть открыть огонь по переправам! Давно ждём такого приказа, товарищ генерал!..» (с. 71). Слово «генерал» в этом обращении отнюдь не ошибка: Емельян представился другим именем, чтобы дать команду войскам, поскольку у него самого таких полномочий не имелось.

Офицерство в сценарии также неоднородно: есть как талантливые и внимательные подполковник Грачёв, генерал-полковник Якубец и майор Шибeko, так и ханжески думающие только о соблюдении устава, а не о реальной военной подготовке солдат капитан Варенников и генерал-майор Тетешкин. Начальник погранотряда Грачёв постоянно поддерживает связь с Глебовым, отмечает его заслуги, не наказывает за самоволие, напротив, хвалит Емельяна за его действия. Майор Шибeko, узнав о сымитированной Глебовым тревоге, пытается смягчить наказание для молодого лейтенанта, и его мнение разделяет представитель генштаба Якубец: опыт и знание того, что война начнётся в

ближайшее время, подсказывают офицеру необходимость аннулировать приказ о заключении начальника пограничной заставы и похвалить его:

«Якубец. Это вы устроили гарнизону проверку боеготовности?»

Грачёв. Начальник пятой заставы лейтенант Глебов.

Якубец. Что ж, поблагодарить надо лейтенанта» (с. 50).

В соответствии с литературной традицией в произведениях, посвящённых исторической теме и изображению переломных моментов в народной жизни, ключевой и структурообразующей является антитеза «война – мир», реализующая себя различными способами, и текст П.Ф. Алёшкина в этом отношении не стал исключением. Герои сценария живут на заставе, постоянно ощущая всё приближающуюся войну, и стягиваемые Гитлером к границе фашистские войска лишь усиливают волнение героев, подтверждают их догадки. В то же время из-за отсутствия какого-либо официального приказа о необходимости принять боеготовность, подписанного советской властью пакта о ненападении и выступлениями ТАСС о провокационном характере действий немецкой армии пограничники не теряют надежды на то, что война может не наступить. Таким образом, герои оказываются на грани между жизнью и смертью, мирным существованием и кровопролитными схватками.

Особое значение в раскрытии центрального конфликта имеет эпизод возвращения Титова на заставу и встречи его с Глебовым. Первое, что делают герои, – идут на природу и, наслаждаясь, напиткиваются её прелестью под пение «озорующей» чечевицы:

«Титов. Пошли, посидим на опушке под берёзами? День-то какой!.. Красота-а!..

<...>

Титов, сняв сапоги и размотав портянки, поднимается и прохаживается босиком по траве.

Титов. До чего ж приятно, чёрт побери!» (с. 55).

Добавим, что день, которым наслаждаются герои, – 21 июня 1941 г., и это акцентирует контраст между войной и миром.

Изображение идеальной, спокойной жизни усиливается и тем, что Глебов и Титов встречают косаря Гаврилова, и воспоминания о любимом крестьянском труде становятся причиной того, что Емельян предлагает Евсею Михайловичу свою помощь. Умело орудующий косой, лейтенант искренне радуется происходящему – чувствуется, что герой истосковался по простой, не военной работе: «Глебов отпускает коня пастись, сбрасывает ремень и фуражку, берёт у Гаврилова косу. Долго и шумно вострит её оселком <...>; ловко, неторопливо, взмах за взмахом начинает косить густую сочную траву» (с. 58). Глебов в разговоре с другом-односельчанином вспоминает клён, который посадил в честь рождения Емельяна его отец – эта деталь символизирует крепкую, коренную связь главного героя с малой родиной.

Важную роль в сюжетообразующей антитезе «война – мир» играет образ Нины Платоновны Мухтасиповой, жены политрука. Находясь рядом с ней, Глебов отвлекается от мыслей о возможном нападении фашистов, интересуется литературой – героиня словно представляет собой так необходимый всем пограничникам мир и, беседуя с ними о войне, не показывает страха или слабости, вдохновляя их таким образом на подвиги. Кроме того, упоминание в тексте эпоса М.А. Шолохова также подсказывает неизбежность вооружённого столкновения, и Глебов, сопереживающий Мелехову, сам словно отражается в нём: горячо и преданно любящий свою родную землю, спокойный крестьянский быт, он идёт на фронт, потому что не может поступить иначе.

Сопоставительный анализ произведений И.М. Шевцова и П.Ф. Алёшкина представляется необходимым: он способствует определению степени творческой обработки прозаического текста и своеобразия современного переосмысления ключевых моментов романа-источника. Первым и главным отличием является наличие в прозаическом варианте объёмной предыстории жизни Глебова: читатель знакомится с семьёй будущего лейтенанта, более полно раскрываются образ самого Емельяна, мотивы его поступков. Будучи человеком творческим, он в юности ра-

ботал над созданием статей («В тринадцать лет Емельян писал корреспонденции в «Пионерскую правду» и районную газету»⁶), много читал, публиковался под псевдонимом «Денис Дидро». Эту образованность Глебова Алёшкин сохранил, однако не оставил в сценарии сведений о том, как формировался Емельян – все сведения о его предыдущей жизни обрывочны, кратки.

Из этого первого отличия вытекает второе, не менее важное: шевцовский Глебов более человечный, чем алёшкинский. У романного Емельяна была в жизни не одна любовная история (Галя Шнитко, Фрида Герцович, Евгения Титова), он очень часто задумывается о том, как хотел бы иметь романтические отношения. Емельян – герой рефлексирующий, часто задумывающийся над философскими вопросами. Работая над чем-либо, Глебов полностью отдаёт себя этому. Несколько иным представлен начальник погранотряда в киносценарии. Поскольку любовная линия отеснена в произведении на второй план, Глебов в основном заинтересован лишь военным делом: он не испытывает к какой-либо женщине чувств (женских образов в сценарии практически нет), приятельски общается с Ниной Мухтасиповой, а при упоминании Женьки Титовой не смущается, как романтический, а, дружески улыбаясь, просит передать ей привет.

Для заглавия сценария П.Ф. Алёшкин выбирает название одной из глав романа, и это имеет значение в расстановке авторских акцентов. Смысл словосочетания «семя грядущего» раскрывается в одной из реплик Ивана Титова: «Когда его [отца Глебова] хоронили, отец мой речь на кладбище говорил. Взял тебя, маленького, на руки и говорил о том, что дело Прокопа Глебова бессмертно, что им посеяны хорошие семена новой жизни. Поднял тебя высоко над народом и сказал: «Вот оно, семя грядущего! Мы будем жить в наших детях и внуках...» (с. 58). Алёшкинское же название отражает проблематику текста: посвящённый военной тематике, он описывает прежде всего состояние

армии, бойцов, поведение солдат и штабных начальников.

Интересен и выбор произведений для чтения романного и сценарного Глебова. В одной из публикаций на личной странице П.Ф. Алёшкин признался, что находится под большим впечатлением от романа-эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон»: «Я читатель с большим опытом, читал много классики не только чтоб сдавать экзамены в двух гуманитарных вузах, которые я окончил, но и следил за новинками русской и зарубежной литературы, перечитал все известные романы XX века, и ничего не могу сейчас поставить рядом с романом «Тихий Дон». Это лучший роман XX века!»⁷. Своим читательским предпочтением автор поделился и в сценарии «Война начнётся на рассвете», и его Глебов знакомится с шолоховской эпопеей, хотя романтический герой этого произведения не читал, в тексте оно не упоминается. В шевцовском же варианте Емельян читает зарубежную литературу, а из русской классики XX века – «Севастопольскую страду» С.Н. Сергеева-Ценского, причём делает это на службе: батальонный комиссар, жалующийся начальству, сообщает: «Это ж анекдот: вместо политинформации он [Глебов] устроил громкую читку «Севастопольской страды». Нет, вы подумайте!...» (с. 61).

Романное время и пространство также представлены более детально, что обусловлено родо-жанровой спецификой: есть точные указания на даты, места действия, в то время как хронотоп сценария становится понятным лишь по временным и географическим подсказкам автора. Герои неоднократно упоминают Княжицы – деревню в Псковской области, находившуюся вблизи пограничной заставы. В определённой степени эта деревня воспринимается как враждебное или военное начало: о ней говорят братья Шидловские, с её стороны слышится гул и грохот немецких танков. Княжицы контрастируют с Микитовичами, родным селом Глебова и Титова. Свою малую родину герои воспринимают

⁶ Шевцов И.М. Избранные произведения: в 3 т. Москва: Воениздат, 1988. Т. 1. С. 34. (Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте).

⁷ Пётр Алёшкин. Так ли уж тих «Тихий Дон»? // ВКонтакте. URL: https://vk.com/id60725972?from=search&w=wall60725972_985 (дата обращения: 15.03.2025).

как райское место, постоянно вспоминая о ней: Глебов с интересом слушает рассказы побывавшего дома Титова, испытывает искреннюю грусть при мысли о деревне:

«Титов. В деревне давно был?

Глебов. Три года почти. Так хочется хоть на часок слетать туда, хоть одним глазом взглянуть, передать подарок матери, побывать на могиле отца.

Титов. А я прошлой осенью был.

Глебов. Как же я тебе завидую, Ванька!» (с. 9).

Иван же восторженно сообщает последние сельские новости, каждое слово его наполнено любовью к Микитовичам: «Микитовичей ты совсем не узнаешь: хутора в одно место стянули, и такое село получилось – две улицы по полкилометра длиной» (с. 9). Противопоставление «война – мир», положенное в основу сценария, проявляется и посредством сравнения жизни на заставе с размышлениями о родной деревне.

Географические рамки произведения расширяются путём введения в повествование упоминаний Москвы, куда Титов едет жениться, и Берлина, в котором, по словам Глебова, вспомнят пограничников победившие советские бойцы.

Время действия в киносценарии невозможно определить однозначно. Нина Платоновна упоминает 21 мая, Титов, впервые встречаясь с Глебовым в парке, говорит о долгожданном отпуске, в который его должны отправить через две недели, финал произведения совпадает с началом Великой Отечественной войны. Можно предположить, что изображаемые в произведении события охватывают период с 7 июня по 22 июня 1941 г. Часть-вставка с воспоминанием Глебова об убийстве Зенона Шидловского несколько увеличивает указанные временные пределы: описываемые в ней события происходили до начала основного действия, и именно благодаря ей формируется понимание о мотивах поступков некоторых персонажей.

Отличительной чертой драматических текстов П.Ф. Алёшкина является обилие в них объёмных ремарок, и киносценарий, анализируемый нами в данной работе, также содержит множество авторских примечаний.

Содержание их состоит не только из традиционных описаний героев и пейзажных зарисовок, но и включает в свой состав подробный рассказ о происходящих на поле боя действиях. Если в начале произведения ремарки носят краткий, обрывочный характер, то, двигаясь к финалу, писатель значительно расширяет их, словно перемежая общее драматическое действие прозаическими элементами. Так, во фрагменте мести Титова фашистам реплики героя отодвигаются на второй план, уступая место авторским примечаниям: «Танк трогается, идёт по правой стороне. Встречная колонна автомашин приближается. Танк стремительно набирает скорость. Титов смотрит в щель. Впереди грузовики. В кузове – солдаты. Ближе, ближе.

Титов. Внимание!

Он резко разворачивает танк на самую середину узкого шоссе.

Шофёр головной немецкой машины резко крутит руль вправо и тормозит. Грузовик летит под откос, переворачивается, подминая под себя два десятка солдат, которые в панике пытаются выпрыгнуть из переворачивающейся машины. Второй грузовик с ходу врежется в лоб танка, превращаясь в бесформенную грудку обломков. Третий грузовик с солдатами пытается избежать столкновения с танком и так же, как первый, кувыркаясь, летит под откос. Остальные машины резко тормозят. А танк налетает на них, крушит, сталкивает с шоссе под откос <...>» (с. 94).

Жанровая специфика определяет своеобразие выбора мест действия: в целом они делятся на интерьерные и натуральные. Среди интересных можно отметить, например, небо – Алёшкин отводит описанию происходящего на небе отдельную композиционную часть. Несмотря на то, что основное действие происходит на заставе и в дзотах, герои все-таки выходят в город, и тогда оказываются в натуральном антураже: городском сквере, открытом ресторане «Москва».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Художественное переосмысление романа И.М. Шевцова «Семя грядущего» П.Ф. Алёшкиным характеризуется своеобразием расста-

новок авторских оценок, идейных акцентах. Специфика выбора определённых фрагментов из прозаического варианта связана с требованиями кинематографического искусства и жанровых особенностей сценария. Использование объёмных примечаний-ремарок позволяет автору в создании полной картины военных действий, детальном их изображении. Самобытные характеры, осмысленные писателем, представляют собой отражение лучших черт русской национальной ментальности. Киносценарий П.Ф. Алёшкина «Война начнётся на рассвете» представляет собой жанровый синтез: органичное сочетание прозаического и драматического элементов, их слияние делают текст многослойным,

структурно и композиционно неоднозначным, сложным.

Поскольку творческая переработка, которой подвергся роман Шевцова, проводилась не только П.Ф. Алёшкиным, можно сказать, что произведение приобретает масштабный и документально и художественно выверенный характер. Триада «Шевцов – Алёшкин – Беляев» есть триада историков: реальный участник военных действий, доктор исторических наук и автор исторических произведений, и это делает безусловным историзм повествования и крайней степень тяготения текста к достоверности в изображении описываемых событий.

Список источников

1. Атаева М.А. Возвращение к историческому роману: роль исторических романов в современном русском литературном процессе // Вестник науки. 2024. № 9. С. 180-183. <https://elibrary.ru/lofiom>
2. Голубков М.М. Русская литература перед судом истории // Филологическая регионалистика. 2010. № 1-2. С. 5-12. <https://elibrary.ru/vpwsjj>
3. Демидович Т.В. Литературные традиции в современной прозе о Великой Отечественной войне // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 2. С. 450-454. <https://elibrary.ru/zykhyl>
4. Чумиков А.Н. Памятная реальность и механизмы её формирования в «генеральской», «лейтенантской» и «солдатской» прозе авторов – участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Г.К. Жуков «Воспоминания и размышления», В.П. Некрасов «В окопах Сталинграда», В.П. Астафьев «Прокляты и убиты») // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2025. Т. 25. № 1. С. 99-111. <https://doi.org/10.14529/ssh250112>, <https://elibrary.ru/nlxbpz>
5. Бойко С.С. Исторический роман и житийная литература. Роман протоиерея Николая Агафонова «Жены-мироносицы» // Новый филологический вестник. 2024. № 1 (68). С. 228-237. <https://doi.org/10.54770/20729316-2024-1-240>, <https://elibrary.ru/ncfvp>
6. Шкурят Л.С. Военная проза Ю.В. Бондарева: итоги и перспективы изучения // Литература в школе. 2024. № 1. С. 32-43. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2024-1-32-44>, <https://elibrary.ru/rckltq>
7. Климовская А.Я. Образ Второй мировой войны в воспоминаниях очевидца – романы Барбары Пим 1950-х // Язык и культура в глобальном мире: сб. ст. Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2024. С. 253-259. <https://elibrary.ru/eulogt>
8. Шаталова Н.С. Средства объективации исторического контекста в военной прозе: факт, документ, вымысел // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 494-497. <https://elibrary.ru/tjvcgr>
9. Ханенко О.С. Основные проблемы изучения русской исторической прозы в литературоведении рубежа XX–XXI вв. // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2017. С. 35-38. <https://elibrary.ru/zgnhan>
10. Леонтьева О.Б. Судьба человека на перекрестье жанров: исторический роман и историческая биография // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2020. Т. 40. № 4. С. 19-29. <https://elibrary.ru/iafwpc>
11. Маишкова Д.А., Смелковская М.Ю. Феномен русского национального женского характера в произведениях И.А. Бунина // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 5 (131). С. 1-4. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.131.71>, <https://elibrary.ru/nfbyon>
12. Петровская Н.Ю. Изображение национального характера в военной прозе А.Н. Толстого // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2015. № 1 (6). С. 193-201. <https://elibrary.ru/txljtn>

13. Лаврова С.Ю. Литературный критик XIX века Н.Д. Ахшарумов об этнической ментальности в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 6 (81). С. 113-120. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2017-6-81-16>, <https://elibrary.ru/zwkyfn>
14. Гребенюк А.В. РККА накануне Великой Отечественной войны // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 2 (11). С. 1-34. <https://elibrary.ru/nboitt>

References

1. Ataeva M.A. Return to historical novel: role of historical novels in modern Russian literary process. *Vestnik nauki = Science Bulletin*, 2024, no. 9, pp. 180-183. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lofiom>
2. Golubkov M.M. Russian literature before the court of history. *Filologicheskaya regionalistika = Philological Regional Science*, 2010, no. 1-2, pp. 5-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vpwsjj>
3. Demidovich T.V. Literary traditions in the modern prose about the Great Patriotic War. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*, 2019, vol. 24, no. 2, pp. 450-454. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zykhyl>
4. Chumikov A.N. Memorial reality and the mechanisms of its formation in the “general’s”, “lieutenant’s” and “soldier’s” prose of the authors-participants of the Great Patriotic War of 1941–1945 (G.K. Zhukov “Memoirs and reflections”, V.P. Nekrasov “In the trenches of stalingrad”, V.P. Astafyev “Cursed and killed”). *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 99-111. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/ssh250112>, <https://elibrary.ru/nlxbpz>
5. Boiko S.S. Hagiographic literature and historical novel “The Myrrhbearers” by archpriest Nicholas Agafonov. *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin*, 2024, no. 1 (68), pp. 228-237. (In Russ.) <https://doi.org/10.54770/20729316-2024-1-240>, <https://elibrary.ru/ncefvp>
6. Shkurat L.S. Military prose by Yu.V. Bondarev: results and perspectives of study. *Literatura v shkole = Literature at School*, 2024, no. 1, pp. 32-43. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2024-1-32-44>, <https://elibrary.ru/rockltq>
7. Klimovskaya A.Ya. The image of World War II witnessed and reflected by Barbara Pym in her novels of the 1950s. *Sbornik statei «Yazyk i kul'tura v global'nom mire» = Proceedings of Articles “Language and Culture in the Global World”*. St. Petersburg, LEMA Publ., 2024, pp. 253-259. (In Russ.) <https://elibrary.ru/eulogt>
8. Shatalova N.S. Means of objectifying the historical context in military prose: fact, document, fiction. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture and Education*, 2019, no. 1 (74), pp. 494-497. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tjvcgr>
9. Khanenko O.S. The main problems of studying Russian historical prose in literary criticism at the turn of the 20–21 centuries. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii «Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy» = Proceedings of Scientific Papers based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference “Science, Education, Society: Trends and Prospects”*. Moscow, 2017, pp. 35-38. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zgnhan>
10. Leont'eva O.B. The fate of a person at the crossroads of genres: historical novel and historical biography. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete = Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University*, 2020, vol. 40, no. 4, pp. 19-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iafwpc>
11. Mashukova D.A., Smelkovskaya M.Yu. The phenomenon of the Russian national female character in the works of I.A. Bunin. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2023, no. 5 (131), pp. 1-4. (In Russ.) <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.131.71>, <https://elibrary.ru/nfbyon>
12. Petrovskaya N.Yu. The image of the national character in A.N. Tolstoy's military prose. *Vestnik Dimitrovgradskogo inzhenerno-tekhnologicheskogo institute = Bulletin of the Dimitrovgrad Engineering and Technology Institute*, 2015, no. 1 (6), pp. 193-201. (In Russ.) <https://elibrary.ru/txljtn>
13. Lavrova S.Yu. Literary critic of the nineteenth century N.D. Akhsharumov on ethnic mentality in the novel by L.N. Tolstoy's “War and peace”. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Cherepovets State University Bulletin*, 2017, no. 6 (81), pp. 113-120. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2017-6-81-16>, <https://elibrary.ru/zwkyfn>
14. Grebenyuk A.V. The Red Army on the eve of the Great Patriotic War. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2010, no. 2 (11), pp. 1-34. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nboitt>

Информация об авторе

ДЕМЕНТЬЕВА Маргарита Александровна, научный сотрудник Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0004-7502-9366>, rit.tswetkova@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.03.2025

Поступила после рецензирования 28.04.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Margarita A. Dementieva, Research Scholar of International Scientific Center for the Study of E.I. Zamyatin Creative Heritage, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0004-7502-9366>, rit.tswetkova@yandex.ru

Received 22.03.2025

Revised 28.04.2025

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 659.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-360-372>

Шифр научной специальности 5.9.9

Методы анализа целевой аудитории в digital-маркетинге: от сегментации до CJM

Наталья Владимировна Розенберг , Анна Юрьевна Питерова

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40

 elya@sura.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий обуславливает необходимость анализа предпочтений и поведения целевых групп потребителей. Цель исследования – изучение особенностей и критериев выбора методов анализа целевой аудитории. Комплексное изучение целевой аудитории требует разработки соответствующих методов исследования и сегментации рынка, а также выделения ключевых целевых аудиторий для достижения максимальной эффективности в рекламной и маркетинговой деятельности компаний. Наряду с традиционными методами исследования потребителей (опросы, наблюдения, фокус-группы) широкое распространение получают новые методы (CJM, портрет потребителя, ABCDX-сегментация и т. п.). **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Исследование основано на выявлении ключевых методов анализа целевой аудитории и критериев их выбора в деятельности компаний коммуникационной и медиасферы. Хронологические рамки исследования – декабрь 2024 г. Основные методы исследования – анализ, синтез, сравнение, интервью. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** При создании рекламных проектов важно исследовать целевую аудиторию бренда. Основные характеристики аудитории зависят от специфики проекта и сферы деятельности бренда. Основными факторами, влияющими на выбор методов анализа целевой аудитории, являются цели проводимых исследований, сегмент рынка компании (B2B или B2C), сфера деятельности компании. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Анализ целевой аудитории является важным шагом для успешного развития бренда. Он позволяет получить ценную информацию о рынке, целевой аудитории и её потребностях, что способствует внедрению в деятельность компании эффективных коммуникационных стратегий.

Ключевые слова: целевая аудитория, методы анализа ЦА, сегментация ЦА, метод 5W, Лестница Ханта, CJM, методика JTBD

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: Н.В. Розенберг – создание концепции и дизайна исследования, критический пересмотр и коррекция рукописи, утверждение окончательного варианта статьи. А.Ю. Питерова – поиск и анализ литературы, обработка и редактирование материала, анализ и интерпретация данных, обработка результатов исследования, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Н.В. Розенберг является членом редакционной коллегии журнала «Неофилология», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов авторы не заявляли.

Для цитирования: Розенберг Н.В., Питерова А.Ю. Методы анализа целевой аудитории в digital-маркетинге: от сегментации до CJM // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 360-372. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-360-372>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-360-372>

OECD 5.08; ASJC 3315

Methods of target audience analysis in digital marketing: from segmentation to CJM

Natalya V. Rosenberg , Anna Yu. Piterova

Penza State University

40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation

 elya@sura.ru

Abstract

INTRODUCTION. The rapid development of information and communication technologies necessitates the analysis of preferences and behavior patterns of target consumer groups. The study aims to examine the characteristics and selection criteria for target audience analysis methods. Comprehensive audience research requires developing appropriate market research and segmentation methodologies, as well as identifying key target audiences to maximize the effectiveness of companies' advertising and marketing activities. Alongside traditional consumer research methods (surveys, observations, focus groups), new approaches (CJM, consumer profiling, ABCDX segmentation, etc.) are becoming widespread. **MATERIALS AND METHODS.** The study identifies key target audience analysis methods and selection criteria for companies in the communication and media sectors. The research timeframe covers December 2024. Primary research methods include analysis, synthesis, comparison, and interviews. **RESULTS AND DISCUSSION.** When creating advertising projects, it is crucial to study the brand's target audience. The main characteristics of the audience depend on the project's specifics and the company's field of activity. Key factors influencing the choice of methods for analyzing the target audience include the objectives of the research, the company's market segment (B2B or B2C), and its area of operation. **CONCLUSION.** Target audience analysis represents a crucial step for successful brand development. It provides valuable market insights about the target audience and its needs, enabling companies to implement effective communication strategies in their operations.

Keywords: target audience, TA analysis methods, TA segmentation, 5W method, Hunt Ladder, CJM, JTBD methodology

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: N.V. Rosenberg – concept creation and research design, manuscript text critical review and correction, approval of article's final version. A.Yu. Piterova – scientific literature search and analysis, material processing and editing, data analysis and interpretation, research results processing, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. N.V. Rosenberg is a member of the editorial board of the journal "Neophilology", but has nothing with decision to publish this article. The article passed the journal's peer review procedure. The authors declare no other conflicts of interests.

For citation: Rosenberg, N.V., & Piterova, A.Yu. Methods of target audience analysis in digital marketing: from segmentation to CJM. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):360-372. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-360-372>

ВВЕДЕНИЕ

В современном бизнес-пространстве, характеризующемся неуклонным ростом конкуренции, успешное развитие компании во многом зависит от того, насколько чётко она видит и определяет свою целевую аудиторию. Выявление того, какие группы людей представляют целевую аудиторию организации, повышает эффективность использования коммуникационных стратегий, что, в свою очередь, является основой её долгосрочного присутствия на рынке [1, с. 23]. «Целевая аудитория» или «группа» как термин, по мнению Д.А. Хохлова, «используется для обозначения совокупности потенциальных или существующих потребителей, объединённых общими характеристиками» [2, с. 48].

Целью исследования является изучение особенностей и критериев выбора методов анализа целевой аудитории. Анализ целевой аудитории является важнейшим этапом в процессе разработки стратегии продвижения бренда. Он позволяет определить наиболее эффективные каналы коммуникации с потребителями и понять, как донести до них информацию о продукте или услуге максимально просто, но при этом с получением желаемого результата.

Разработка любой коммуникационной кампании предполагает выявление и сегментирование целевой аудитории, для этого специалисты по рекламе и маркетингу используют различные методы. При этом важно не просто выдвигать гипотезы, а собирать и анализировать информацию, выбирая подходящие инструменты для каждой задачи. Специфика и аспекты применения методов анализа целевой аудитории находятся в сфере научных интересов С.В. Алексеева, Е.И. Наумова [3], Т.Б. Холдарова [4], П.Е. Жоховой, А.А. Буры [5], В.О. Микрюкова, М.М. Восканяна, С.Э. Галавановой [6], И.А. Маремкулова [7] и др.

Сегментация целевой аудитории – это процесс разделения общей аудитории на более мелкие группы, основанные на схожих характеристиках, интересах и поведении [3, с. 229]. Данный метод позволяет бренду

лучше понимать своих клиентов, разрабатывать эффективные коммуникационные стратегии и повышать уровень удовлетворённости пользователей.

Процесс сегментации целевой аудитории включает пять основных этапов.

1. Определение критериев сегментации. На данном этапе определяются ключевые параметры, в соответствии с которыми будет происходить разделение аудитории. Это могут быть различные данные: демографические (пол, возраст, уровень дохода, семейный статус), психографические (система ценностей и привычек, образ жизни) и поведенческие (история покупок, потребительские предпочтения, частота использования продукта). Всё большую роль, с точки зрения Л.М. Капустиной, Н.Б. Изаковой, Ю.С. Вихаревой, «играют поведенческие критерии, такие, как мотивы для совершения покупки; выгоды, которые ищут клиенты; интенсивность потребления, отношение к товару и др. Для выявления этих признаков проводят полевые количественные и качественные маркетинговые исследования, опросы целевых клиентов» [8, с. 136]. В рамках проводимых исследований можно определить мотивацию потребителей, интенсивность приобретения тех или иных товаров, а также потенциальную выгоду от обладания конкретным продуктом.

2. Сбор данных. После определения критериев сегментации необходимо в соответствии с ними собрать необходимую информацию об аудитории.

3. Анализ собранных данных. На данном этапе осуществляется аналитическая работа с целью выявления закономерностей и тенденций в рамках выделенных критериев. Это помогает определить наиболее релевантные сегменты аудитории.

4. Создание профилей сегментов. После анализа полученной информации формируются профили целевых групп, включающие их подробное описание в соответствии с демографическими, психографическими и поведенческими характеристиками.

5. Выбор целевых сегментов. На базе разработанных профилей сегментов определяются наиболее релевантные и приоритет-

ные сегменты аудитории для дальнейшего взаимодействия [4, с. 107].

Метод сегментации целевой аудитории обладает рядом преимуществ. Во-первых, это повышение эффективности коммуникационных кампаний. За счёт разделения широкой аудитории на более мелкие группы появляется возможность разработки более точечных и релевантных рекламных сообщений, которые способны привлечь внимание определённых групп пользователей.

Во-вторых, улучшение понимания потребностей клиентов. Сегментация позволяет бренду лучше осознавать предпочтения аудитории, что помогает создавать продукты и услуги, востребованные на рынке.

В-третьих, увеличение конверсии. Точечное взаимодействие с определёнными сегментами аудитории позволяет повысить уровень удовлетворённости пользователей и увеличить количество лояльных клиентов.

Таким образом, метод сегментации целевой аудитории является мощным инструментом маркетинговых коммуникаций. Он позволяет брендам лучше понимать свою аудиторию, разрабатывать эффективные рекламные стратегии и повышать уровень лояльности пользователей.

Не менее распространённым и довольно эффективным методом анализа целевой аудитории является метод 5W, разработанный Марком Шеррингтоном, основателем бренд-консалтинговой компании Added Value. По мнению Т.С. Гончаровой, «метод позволяет упорядочить имеющиеся знания о целевой аудитории и понять, кому из них и что конкретно можно предложить» [9, с. 129]. Метод 5W базируется на законе: каждому товару – свой потребитель. В процессе проведения анализа, как отмечает К.В. Леоненко, «с помощью данного метода выделяются отдельные группы аудиторий со схожими потребностями, а впоследствии на их основе формируются подходящие предложения» [10, с. 127].

Суть метода заключается в детальном изучении целевой аудитории с помощью пяти вопросов, на которые необходимо дать исчерпывающие ответы:

1. What? (что?) – сегментация по типу товара: что организация предлагает потребителям; какие именно товары/услуги.

2. Who? (кто?) – сегментация по типу потребителя: кто будет приобретать товар/услугу.

3. Why? (почему?) – сегментация по типу мотивации к совершению покупки потребления: почему люди заинтересованы в определённом продукте или услуге.

4. When? (когда?) – сегментация по ситуации, в которой приобретается продукт: когда люди обычно ищут такие продукты или услуги.

5. Where? (где?) – сегментация по месту покупки: где люди ищут информацию о продуктах или услугах, где именно происходит покупка (точка контакта с клиентом).

Ответы на перечисленные вопросы отражают особенности потенциальной аудитории бренда, а также основные факторы и локации наиболее эффективного взаимодействия с ней. С точки зрения П.Е. Жоховой и А.А. Буры, «перед запуском продукта или услуги в массовое потребление компании-производителю необходимо провести подробнейший анализ интересов и потребностей различных групп лиц, которые потенциально способны приобрести товар» [5, с. 42]. Анализ данной информации позволит не только спрогнозировать спрос на товары или услуги, но и определить способы стимулирования потребителей к приобретению продукта.

Метод 5W является одним из самых популярных и удобных способов разделения целевой аудитории на сегменты. Многие компании используют его в своей деятельности для продвижения своих товаров и услуг на рынке.

Преимущества метода:

1. Быстрое привлечение внимания клиентов, поскольку предложение товара или услуги соответствует их потребностям и возможностям.

2. Снижение стоимости привлечения одного клиента и общих расходов на продвижение, поскольку объявления показываются только тем людям, которые действительно заинтересованы в продукте.

3. Повышение общего уровня лояльности клиентов к компании, так как сообщения соответствуют интересам пользователей и не раздражают их.

4. Простота и универсальность использования. Метод позволяет упорядочить имеющиеся знания о целевой аудитории и понять, кому из них и что конкретно можно предложить. Кроме того, данный метод можно применить к подавляющему большинству всевозможных товаров и услуг на рынке [11, с. 73].

Однако у этого метода есть и недостатки. При сегментации по 5W не всегда удаётся точно определить целевую аудиторию. Даже незначительная ошибка в ходе начального этапа разделения на группы может привести к снижению эффективности коммуникационной кампании. Поэтому приходится часто корректировать и дополнять сегменты.

Эффективным инструментом анализа клиентского/пользовательского опыта является метод CJM (Customer Journey Map – карта клиентского пути), позволяющий детально изучить и понять особенности процесса взаимодействия аудитории с продуктом от начала до конца, выявить потребности и ожидания клиентов. Самым главным при этом является фиксация точек контакта и мероприятий влияния на определённых этапах принятия покупательского решения. Точками контакта являются те места, где пользователь взаимодействует с продуктом (офлайн: торговые помещения, мероприятия и т. п. или онлайн: социальные сети, мобильное приложение, SMS-уведомления и т. д.). С помощью данного метода можно не только выявить проблемы и барьеры в опыте пользователей и найти способы их решения, но также формировать позитивные впечатления и эмоциональную привязанность к бренду. Как справедливо считает Е.Б. Кметь, «визуализация процесса покупательского решения потребителей с помощью карт пути клиентов или Customer Journey Map, построенных по результатам исследования пользовательских историй, позволяет разработать комплекс мероприятий влияния на покупательское поведение, что помогает оптимизировать взаимодействие с ними для улучшения пользова-

тельского опыта» [12, с. 38]. Метод даёт возможность оптимизировать каждый этап клиентского опыта, обеспечивая клиентам удобство, персонализированный подход и высокий уровень удовлетворённости. Стоит отметить, что использование карт пути способствует повышению эффективности коммуникационных кампаний, улучшению взаимодействия с целевыми аудиториями и оптимизации процессов в компании.

Разработка CJM включает несколько основных шагов.

1. Выявление/описание проблемы, которую необходимо решить (например, снижение спроса на какой-либо товар), и постановка цели (увеличение выручки торговой точки, в которой представлен данный товар, на 10 %).

2. Сбор информации о продукте, сегментах пользователей, ожиданиях и барьерах на пути к решению проблемы. В качестве источников сведений могут выступать эксперты, пользователи, партнёры, конкуренты, отчёты отделов продаж, информация о продукте, открытые базы данных и т. п.

3. Выделение и описание сегментов пользователей. Сегментацию можно провести, взяв за основу либо сведения о целевой аудитории, либо перечень необходимых для выполнения задач. Стоит учитывать тот момент, что взаимодействие с продуктом в разных сегментах различно, поэтому рекомендуется выбрать один приоритетный сегмент и именно для него разработать карту пути клиента. Таким сегментом выступают пользователи, которые чаще всего испытывают потребность в продукте, больше остальных тратят средства на её удовлетворение и уже используют различные способы решения своей проблемы.

4. Визуализация этапов взаимодействия сегмента пользователей с продуктом. Здесь проектируются и отображаются конкретные действия и чувства пользователей: точки контакта, используемые офлайн- и онлайн-каналы, ожидания, барьеры, боли, беспокойства и эмоции клиентов. Это позволит определить приоритетные направления для улучшения продукта.

Результатом всех этапов является карта пользовательского пути, которую затем можно совместить с необходимыми бизнес-показателями и таким образом определить проблемные места в продукте, требующие небольших корректировок или кардинальных изменений.

Несколько иной подход представляет собой методика JTBD (от англ. "Jobs To Be Done"), здесь фокус внимания направлен на действия или задачи, которые клиенты пытаются выполнить с помощью приобретаемых продуктов. Основная идея заключается в том, что потребители выбирают продукты и услуги для решения конкретных задач, с которыми сталкиваются в повседневной жизни. По словам В.О. Микрюкова, М.М. Восканяна, С.Э. Галавановой, «JTBD – это подход к бизнес-операциям, ориентированный на чёткое понимание недооценённых болевых точек клиента. Уже одно это является огромным преимуществом по сравнению с альтернативными подходами» [6, с. 117].

JTBD не только описывает основные характеристики ЦА, но и показывает, как продукт помогает клиентам достигать желаемых результатов. Для определения целевой аудитории здесь изучаются следующие направления:

1. Цели и задачи ЦА. Проводится анализ того, какие задачи аудитория пытается решить с помощью товара или услуги. Например, если это бренд продуктов здорового питания, то можно выяснить желание клиентов похудеть и питаться с пользой для здоровья.

2. Контекст использования. Моделируются ситуации (контекст), в рамках которых потребители собираются использовать товар или услугу. Например, если клиент хочет выучить английский язык, то его ситуацией может быть поиск новой работы или предстоящая туристическая поездка.

3. Потребности и проблемы. Анализируются сложности и дальнейшие необходимые действия, которые сопровождают людей в процессе решения задачи. Например, если клиент уже пытался снизить вес, но у него не получилось, то он может быть

заинтересован в профессиональной помощи фитнес-тренера.

4. Альтернативные подходы. Изучается вероятность использования потребителями других способов или продуктов для решения своих задач. При этом совсем не обязательно, что таким способом будет приобретение товаров или услуг у конкурентов. Например, человек, тщательно следящий за чистотой своего дома, может купить дорогой моющий пылесос или обратиться в клининговую компанию.

5. Мотивации и ожидания. Учитывается результат выполнения задач потребителями на основе выбранного ими решения. Например, мотивацией клиента фитнес-центра может быть повышение его выносливости, активности, целеустремлённости или физической привлекательности.

Таким образом, применение методики JTBD представляет собой получение инсайтов о клиентах и даёт возможность ориентироваться на их потребности, а не только на продукт, что может стать хорошей основой для разработки и запуска эффективного комплекса продвижения.

Эффективным методом анализа целевой аудитории является ABCDX-сегментация, посредством которой можно точно дать характеристику сегментов потребителей, наиболее выгодных для бизнеса. Это позволит, по мнению П.А. Сакады, «определить ключевые моменты взаимодействия с потребителями и разработать персонализированные маркетинговые кампании, способствующие привлечению и удержанию клиентов» [13, с. 872]. В рамках данного метода выделяют следующие сегменты:

1. Сегмент А (Advocates) – Приверженцы. К этому сегменту относятся лояльные клиенты, которые часто и в большом объёме приобретают товары или пользуются услугами компаний. У них нет возражений, они быстро принимают решение о покупке. Клиентов сегмента А продукт полностью устраивает и не требует улучшений или каких-либо изменений. Это самые идеальные покупатели, они довольны продуктом, согласны платить за него и не имеют к нему никаких претензий.

2. Сегмент В (Believers) – Доверяющие. В данном сегменте находятся потребители, которые также заинтересованы в продукте. При этом у них могут быть возражения, им может потребоваться дополнительная информация о товаре. Несмотря на то, что продукт не до конца закрывает их потребности, они приобретают его регулярно. Процесс принятия решения о покупке относительно недолгий, средний чек – выше среднего. Взаимодействие с представителями целевой аудитории сегмента В требует немного больше времени и внимания, а также предполагает отработку возражений. Основная цель здесь – мотивация данных потребителей к переходу в сегмент А.

3. Сегмент С (Customers) – Клиенты. У этих людей интерес к продукту только появляется и отсутствует уверенность в том, что он им подойдёт. Такие потребители относятся к разряду сомневающих, задают вопросы относительно продукта, часто их не устраивает его стоимость. Они либо воздерживаются от покупки, либо, если всё-таки приобретают товар, то могут быть недовольны им. Работа с данным сегментом не всегда целесообразна, поскольку для удовлетворения их ожиданий (причём результат нельзя гарантировать) необходимо внести значительные корректировки в продукт, что требует немалых финансовых вложений.

4. Сегмент D (Disengaged) – Отчуждённые. Потребители не интересуются продуктом, не воспринимают продукт или услугу как способ решения своих вопросов, не удовлетворены ценой и качеством обслуживания, и, соответственно, не совершают покупку. Привлечение аудитории из данного сегмента требует больших финансовых затрат, которые с большой вероятностью не окупятся.

5. Сегмент Е (Enemies) – Враги. Данная группа потребителей не являются клиентами организации, поскольку не считают продукт подходящим для них.

6. Сегмент Х. К нему относятся потребители двух типов: те, которые ещё не определились со своим отношением к продукту. При планировании коммуникационной политики компании никакие действия в отноше-

нии них не применяются, просто учитывается их присутствие. И второй тип – потребители (обычно клиенты из B2B-сферы), кто потенциально заинтересован в продукте, но требует индивидуального подхода (например, особых условий сотрудничества или внесения изменений в товары/услуги). Каждый такой случай требует отдельного рассмотрения с точки зрения окупаемости вложений и усилий для удовлетворения потребностей подобных клиентов.

В результате использования ABCDX-методики можно выявить, какая целевая аудитория компании находится в сегментах А и В, насколько быстро они готовы совершить покупку, а также узнать их платёжеспособность. Это помогает построить диалог с ними и сделать взаимовыгодные предложения в контексте удовлетворения их потребностей.

Целесообразно также рассмотреть методику «Лестница Ханта» (её также называют лестницей узнавания или лестницей осознанности). Л.А. Данченко и Е.Ю. Кулакова отмечают, что данная модель «позволяет компании создавать лучшие ценностные предложения для конкретной аудитории в зависимости от уровня осознания клиентом своей потребности и проблемы, показывает, насколько клиент готов к покупке, чтобы предложить именно то, что ему нужно» [14, с. 18].

Автор методики, Бен Хант, предложил разрабатывать и запускать стратегии продаж с учетом трёх категорий потенциальных покупателей: «холодный» клиент (не подозревает о проблеме, отсутствует необходимость приобретения продукта); «тёплый» клиент (его затрагивает проблема, возникает потребность её решения, осуществляется поиск информации); «горячий» клиент (имеет чёткое представление о продукте, который ему нужен, обладает достаточным количеством информации, стремится её подтвердить, ищет отзывы и рекомендации, сравнивает аналогичные товары или услуги, готов их приобрести).

Взаимодействие организации с клиентами строится с учётом их типа. Согласно данной методике выделяют один начальный и

пять основных этапов (ступеней лестницы), на которых находятся потребители:

1. Отсутствие проблемы. У потенциального клиента в данный момент времени нет необходимости в приобретении товаров/услуг, соответственно, предлагать ему подобный продукт бессмысленно. Можно лишь периодически в общих чертах представлять о нём информацию;

2. Осведомлённость. Потребитель осознаёт, что у него появилась потребность, но не понимает, как её можно удовлетворить. Поиск решения возникшей проблемы также не осуществляется по разным причинам: клиент думает, что ему никто не сможет помочь; что есть другие люди, столкнувшиеся с данной проблемой и не получившие её решения; что компания только обещает решить проблему, но не сделает этого и т. п. На данной ступени организация должна довольно активно предлагать варианты преодоления проблемы, публиковать информационный контент и сообщения преимущественно рационального типа;

3. Поиск решений. Клиент занят активным поиском решения проблемного вопроса: он изучает информацию на сайтах и в социальных сетях компаний, подписывается на тематические группы и сообщества, общается и советуется там с пользователями, столкнувшимися с подобными ситуациями, консультируется со специалистами в данном вопросе. Степень доверия к источнику информации напрямую зависит от объёма и детализации представленных данных о продукте, его особенностях и преимуществах;

4. Сравнение вариантов. Потребитель анализирует, насколько продукт принесёт ему искомую выгоду и закроет потребности, стоит ли тратить на него деньги, является ли он лучше аналогичных товаров или услуг, представленных на рынке. Ключевую роль здесь сыграет то, насколько убедительными будут сообщения от компании (подтвержденные фактами, результатами исследований, обзоров, фото- и видеоматериалами, заключениями экспертов и т. п.);

5. Выбор продукта. На данном этапе клиент уже имеет полное представление о продукте, поэтому ему остаётся только опре-

делиться с компанией-продавцом (поставщиком, производителем). Соответственно, со стороны компании подключаются различные маркетинговые инструменты продвижения и стимулирования сбыта (демонстрация УТП, акции, бонусные программы и системы лояльности), позволяющие привлечь внимание и склонить выбор потребителя в свою пользу;

6. Заключение сделки. Клиент связывается с менеджером компании, от которого во многом зависит результат (способность дать чёткие и грамотные ответы на вопросы, выгодно представить продукт и т. п.).

Несмотря на очевидность и относительную простоту данной методики, компании нередко упускают возможность привлечь и удержать клиентов. Происходит это из-за отсутствия взаимодействия с непрогретыми сегментами целевой аудитории, поскольку специалисты по продажам в основном предпочитают работать с клиентами, которые самостоятельно дошли до четвёртой-пятой ступени лестницы осознанности. Действительно, каждая ступень лестницы требует особого подхода к клиентам, поскольку их потребности на разных этапах будут различны. При этом грамотная разработка программы продвижения с применением модели «Лестница Ханта» даёт клиентам ощущение того, что компания понимает их потребности и запросы, а это положительным образом сказывается на объёмах продаж и уровне лояльности аудитории. Таким образом, целесообразность использования, наряду с традиционными, современных методов анализа аудитории, в том числе сегментации и поведенческой аналитики (ABCD-сегментация, сегментация по лестнице Ханта), не подлежит сомнению, на чём акцентирует внимание А.В. Кудрявцева [15]. Необходимость сочетания традиционных и современных подходов к сегментации клиентов подчёркивает и И.А. Маремкулов, отмечая, что это «позволяет существенно повысить эффективность маркетинговой политики компаний» [7, с. 138].

Немаловажную роль в процессе анализа целевой аудитории играют результаты собственных исследований, например, анализ поведенческих показателей сайта. Практиче-

ски любой рекламный инструмент в цифровой среде позволяет получить статистику и аналитические данные, изучая которые специалист по продвижению может получить более точные сведения о целевой аудитории. Мониторинг социальных сетей предоставляет дополнительную информацию о подписчиках. Чтобы узнать больше о предпочтениях, образе жизни, ценностях и мнении пользователей о бренде и конкурентах, компании целесообразно присоединиться к онлайн-сообществам, связанным со сферой её деятельности, и активно участвовать в обсуждениях.

Кроме того, системы аналитики можно использовать для получения поведенческих данных клиентов. Анализ взаимодействия пользователей с ресурсами позволяет лучше понять их предпочтения и интересы. Ещё одним источником получения информации о ЦА являются готовые исследования, включающие обзор трендов и успешных стратегий, которые могут быть адаптированы к аудитории нового проекта.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологически настоящая работа основана на изучении основных подходов к анализу целевой аудитории, используемых в практической деятельности организаций коммуникационной сферы. Материалами исследования выступили данные, полученные в ходе бесед с представителями коммуникационных агентств г. Пенза (руководителей и менеджеров digital-проектов). Сроки проведения исследования: 2–20 декабря 2024 г.

Решаемые в ходе исследования задачи заключаются в определении роли анализа целевой аудитории в digital-проектах, а также выявлении основных факторов, влияющих на выбор и частоту использования методов анализа ЦА.

Метод исследования: интервью в форме телефонной беседы с респондентами продолжительностью около 40–45 минут.

Объём выборки: 30 человек.

Критерии отбора респондентов: руководящая должность (руководитель коммуника-

ционного агентства или менеджер digital-проектов), опыт работы – не менее пяти лет.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ ответов респондентов позволил выявить текущую ситуацию на региональном коммуникационном рынке в контексте изучения целевой аудитории при запуске рекламных и маркетинговых кампаний. Отметим, что базовые характеристики целевой аудитории учитываются при планировании коммуникационных проектов, но их приоритетность ситуативна: в зависимости от цели продвижения и сферы деятельности организации-заказчика могут быть важны как географические, так и, например, поведенческие особенности клиентов. Дополнительные исследования проводятся только в том случае, когда запускается новый продукт: здесь становятся важны особенности потребительского поведения и стиля жизни, а также ситуации, в которых потенциальная ЦА может использовать данный продукт.

Большинство респондентов не сталкивались с проектами, при организации которых не проводился анализ аудитории. По их мнению, изучение ЦА происходит в любом случае, просто в большем или меньшем объёме. Это зависит от масштаба проекта, а также от информации, представленной заказчиком.

В качестве основных факторов, влияющих на выбор методов анализа целевой аудитории, были отмечены цель анализа, ресурсы, необходимый тип получаемых данных, специфика аудитории, сегмент рынка, на котором работает компания, сфера деятельности компании. При этом все респонденты сошлись во мнении, что в рекламной практике бюджет проекта напрямую влияет на выбор методов и объём проводимых исследований целевой аудитории.

Для определения демографических характеристик целевой аудитории в порядке приоритетности используются такие методы, как сегментация аудитории; анализ целевой аудитории конкурентов; анализ подписчиков сообществ социальных сетей; веб-аналитика; статистические данные из открытого доступа; клиентская база заказчика.

Для изучения предпочтений и поведенческих характеристик целевой аудитории в своих проектах респонденты чаще всего используют глубинное интервью; анализ отзывов, обзоров, рейтингов; анализ продаж; CJM; анализ ЦА конкурентов; CustDev (Customer Development); анализ цифровой среды. Более того, все опрошенные ответили, что используют в рамках одного проекта сразу несколько методов для получения разносторонней и полной информации о целевой аудитории. Чаще всего это данные, которые предоставил заказчик; данные, полученные в результате кабинетного исследования рынка; а также CustDev с представителями ЦА.

Абсолютно все респонденты отметили, что анализ конкурентной среды при изучении целевой аудитории бренда является важнейшим фактором и напрямую влияет на выбор методов анализа ЦА. Дополнительными факторами, влияющими на выбор методов анализа целевой аудитории, респонденты назвали специфику проекта или продукта; ресурсы (временные и материальные); сроки; особенности бизнеса, связанные со сложностью доступа к аудитории; пожелания клиента.

Экспертами также были выделены следующие критерии для определения релевантности данных при анализе целевой аудитории: точность и достоверность; массовость; репрезентативность; соответствие целям; выборка и погрешность выборки.

Эффективность выбранных методов анализа оценивается респондентами на основе подтверждения или опровержения сформулированных гипотез, а также достижения поставленных целей по итогам проекта. Наиболее перспективными методами анализа целевой аудитории бренда эксперты считают

анализ подписчиков социальных сетей; фокус-группы; использование искусственного интеллекта; CJM; CustDev; анализ клиентской базы и веб-аналитику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понимание целевой аудитории играет важную роль в разработке и продвижении бренда. Особенно важно представление о целевой аудитории в каждой точке контакта бренда в digital-пространстве. Изучение целевой аудитории происходит на всех этапах жизненного цикла продукта или бренда. Существуют различные методы сегментации ЦА, среди них можно выделить метод «5W», методику JTBD, метод ABCDEX-сегментации, сегментацию по методу «Лестница Ханта». Распространёнными методами анализа целевой аудитории являются составление портрета клиента и составление CJM (карта пути клиента). В настоящее время специалистами также активно применяются методы веб-аналитики, платформы и сервисы для сбора и анализа информации о потребителях бренда.

Применение всех этих методов требует больших объёмов информации и данных о целевой аудитории. Источниками информации могут быть как результаты проведённых исследований, так и данные аналитических сервисов. При разработке коммуникационных проектов и кампаний исследования целевой аудитории бренда проводятся в подавляющем большинстве случаев. Исключениями являются проекты, в которых анализ ЦА уже проведён при разработке самого продукта или ограничен выделенным бюджетом.

Список источников

1. Дулепинская Д.А. Способы разграничения целевых аудиторий и каналы коммуникации с ними // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 9 (66). С. 23-27. <https://elibrary.ru/duxbwk>
2. Хохлов Д.А. Исследование актуальных характеристик описания целевой аудитории для продвижения в цифровом пространстве // Вестник университета. 2021. № 11. С. 47-52. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-47-52>, <https://elibrary.ru/irzywr>
3. Алексеев С.В., Наумов Е.И. Сегментация целевой аудитории: взаимодействие с контентом на рекламных площадках и в социальных медиа // Человек – Семья – Общество – Государство – Бизнес: формирование образа будущего России: материалы Всерос. (национ.) науч.-практ. конф. Москва: Моск. ун-т им. С.Ю. Витте, 2024. С. 229-238. <https://elibrary.ru/klfsc>

4. Холдаров Т.Б. Функциональная модель сегментации целевой аудитории пользователей // Вестник научных конференций. 2023. № 4-3 (92). С. 106-108. <https://elibrary.ru/awimdn>
5. Жохова П.Е., Бура А.А. Комплексный подход к изучению целевой аудитории и негативные эффекты в ходе её некорректной сегментации // Молодой учёный. 2021. № 42 (384). С. 41-45. <https://elibrary.ru/giorsn>
6. Микрюков В.О., Восканян М.М., Галаванова С.Э. Применение подхода Jobs to Be Done в стратегическом маркетинге // In Situ. 2022. № 12. С. 116-118. <https://elibrary.ru/fzhefy>
7. Маремкулов И.А. Традиционные и современные подходы к сегментации клиентов для бизнеса // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2024. № 4. С. 138-142. <https://elibrary.ru/keosie>
8. Капустина Л.М., Изакова Н.Б., Вихарева Ю.С. Стратегия продвижения компании: новые инструменты и тренды // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 5 (49). С. 135-140. <https://elibrary.ru/pqlymr>
9. Гончарова Т.С. Применение метода 5W для сегментации целевой аудитории на примере фитнес-клуба // Междисциплинарность науки как фактор инновационного развития: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Тюмень: ООО «Агентство международных исследований», 2018. С. 129-132. <https://elibrary.ru/yvlesj>
10. Леоненко К.В. Анализ целевой аудитории цветочного салона с помощью метода 5W // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XLVIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. С. 127-129. <https://elibrary.ru/flfxrx>
11. Мантусов А.Б., Доржинова З.Б., Байниева К.Т. Об одном применении метода «5W+2H» в образовательном процессе // Традиции и инновации в науке и образовании в аспекте цифровизации: сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т им. Б.Б. Городовикова, 2023. С. 72-77. <https://elibrary.ru/giwcgo>
12. Кметь Е.Б. Роль карт пути клиентов в формировании уникального клиентского опыта торговой сети // Практический маркетинг. 2024. № 8 (326). С. 37-43. <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2024-8326-37-43>, <https://elibrary.ru/tlzedp>
13. Сакада П.А. Анализ потребительского поведения через социальные медиа для стратегии маркетинга малого бизнеса // Экономика и предпринимательство. 2024. № 5 (166). С. 872-876. <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.166.5.177>, <https://elibrary.ru/klhckv>
14. Данченко Л.А., Кулакова Е.Ю. Маркетинговые подходы к продвижению бизнес-образования на основе применения Лестницы Бена Ханта и CJM // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 1. С. 17-26. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-1-17-26>, <https://elibrary.ru/uoqjod>
15. Кудряцева А.В. Методы изучения аудитории в медиа-продуктовой стратегии: разработка методических рекомендаций по использованию инструментов для изучения аудитории и понимания ее потребностей // Актуальные исследования. 2024. № 31-2 (213). С. 42-49. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13117812>, <https://elibrary.ru/ikhywr>

References

1. Dulepinskaya D.A. Methods of differentiation of target audiences & channels of communication with them. *Vestnik nauki = Science Bulletin*, 2023, vol. 4, no 9 (66), pp. 23-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/duxbwk>
2. Khokhlov D.A. Research of actual characteristics for describing of the target audience for digital marketing. *Vestnik universiteta = University Bulletin*, 2021, no. 11, pp. 47-52. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-47-52>, <https://elibrary.ru/irzywr>
3. Alekseev S.V., Naumov E.I. Segmentation of the target audience: interaction with content on advertising platforms and social media. *Materialy Vserossiiskoi natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Chelovek – Sem'ya – Obshchestvo – Gosudarstvo – Biznes: formirovanie obraza budushchego Rossii» = Proceedings of the All-Russian National Scientific and Practical Conference “Man – Family – Society – State – Business: Shaping the Image of Russia's Future”*. Moscow, Moscow Witte University Publ., 2024, pp. 229-238. (In Russ.) <https://elibrary.ru/klfscs>

4. Kholdarov T.B. A functional model of segmentation of the target audience of users. *Vestnik nauchnykh konferentsii = Bulletin of Scientific Conferences*, 2023, no. 4-3 (92), pp. 106-108. (In Russ.) <https://elibrary.ru/awimdn>
5. Zhokhova P.E., Bura A.A. A comprehensive approach to studying the target audience and the negative effects of incorrect segmentation of the target audience. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2021, no. 42 (384), pp. 41-45. (In Russ.) <https://elibrary.ru/giorsn>
6. Mikryukov V.O., Voskanyan M.M., Galavanova S.E. Applying the jobs to be done approach in strategic marketing. *In Situ*, 2022, no. 12, pp. 116-118. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fzhefy>
7. Maremkulov I.A. Traditional and modern approaches to customer segmentation for businesses. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in a Global World: Economics, Science, Technology*, 2024, no. 4, pp. 138-142. (In Russ.) <https://elibrary.ru/keosie>
8. Kapustina L.M., Izakova N.B., Vikhareva Yu.S. Company promotion strategy: new tools and trends. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*, 2023, no. 5 (49), pp. 135-140. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pqlymr>
9. Goncharova T.S. Using the 5W method to segment the target audience: a case study of a fitness club. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Mezhdistsiplinarnost' nauki kak faktor innovatsionnogo razvitiya» = Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference "The Interdisciplinary Nature of Science as a Factor in Innovative Development"*. Tyumen, LLC AMI Publ., 2018, pp. 129-132. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvlesj>
10. Leonenko K.V. Analysis of the target audience of a flower salon using the 5W method. *Sbornik statei XLVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii» = Collection of Articles of the 48th International Scientific and Practical Conference "Basic and applied scientific research: current issues, achievements and innovations"*. Penza, Nauka i Prosveshchenie (PE Gulyaev G.Yu.) Publ., 2021, pp. 127-129. (In Russ.) <https://elibrary.ru/flfxrx>
11. Mantusov A.B., Dorzhinova Z.B., Bainieva K.T. Application of the "5W+2H" method in the educational process. *Sbornik trudov Vserossijskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Traditsii i innovatsii v nauke i obrazovanii v aspekte tsifrovizatsii» = Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Traditions and Innovations in Science and Education in Digitalization Aspect"*. Elista, Kalmyk State University Publ., 2023, pp. 72-77. (In Russ.) <https://elibrary.ru/giwego>
12. Kmet E.B. The role of customer journey maps in shaping a retailer's unique customer experience. *Prakticheskii marketing = Practical Marketing*, 2024, no. 8 (326), pp. 37-43. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2024-8326-37-43>, <https://elibrary.ru/tlzedp>
13. Sakada P.A. Analysis of consumer behavior through social media for a small business marketing strategy. *Ekonomika i predprinimatelstvo = Economy and Entrepreneurship*, 2024, no. 5 (166), pp. 872-876. (In Russ.) <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.166.5.177>, <https://elibrary.ru/klhckv>
14. Danchenok L.A., Kulakova E.Yu. Marketing approaches to promoting business education based on the application of Ben Hunt's ladder and CJM. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo» = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2022, no. 1, pp. 17-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-1-17-26>, <https://elibrary.ru/uoqjod>
15. Kudryavtseva A.V. Methods of audience study in media product strategy: development of methodological recommendations for the use of tools for studying the audience and understanding its needs. *Aktual'nye issledovaniya = Current Research*, 2024, no. 31-2 (213), pp. 42-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.5281/zenodo.13117812>, <https://elibrary.ru/ikhywr>

Информация об авторах

РОЗЕНБЕРГ Наталья Владимировна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0850-3871>, elya@sura.ru

Information about the authors

Natalya V. Rosenberg, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Philosophy and Social Communication Department, Penza State University, Penza, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0850-3871>, elya@sura.ru

ПИТЕРОВА Анна Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, библиотекарь, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0007-4908-5219>, press_centр_pnz@bk.ru

Для контактов:

Розенберг Наталья Владимировна
e-mail: elya@sura.ru

Поступила в редакцию 01.02.2025
Поступила после рецензирования 10.04.2025
Принята к публикации 29.05.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Anna Yu. Piterova, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of Philosophy and Social Communication Department, Librarian, Penza State University, Penza, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-4908-5219>, press_centр_pnz@bk.ru

Corresponding author:

Natalya V. Rosenberg
e-mail: elya@sura.ru

Received 01.02.2025
Revised 10.04.2025
Accepted 29.05.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 005.57

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-373-388>

Шифр научной специальности 5.9.9

Механизмы взаимодействия с аудиторией в новых медиа

Елена Анатольевна Меркушина

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 len.merk2005@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Рост количества информации, борьба за внимание пользователей множества источников информации и коммуникации вывели на новый уровень проблему доступности новостей сетевых средств массовой информации. Каждое сетевое средство массовой информации, расширив возможности для передачи информации с помощью социальных медиа, стремится к удержанию пользователя на конкретной площадке, вовлечению в процесс чтения/смотрения новостей. Цель исследования – на примере сетевых СМИ и медиа Тамбовского региона выявить существующие практики вовлечения пользователей. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Проанализированы каналы коммуникации таких сетевых медиа, как ИА «ОнлайнТамбов», ВестиТамбов.Ру, РИА «ТОП68», сайт телекомпании «Новый Век-Тамбов», «Комсомольская правда» Тамбов, Блокнот Тамбов, Информационный портал «ПроТамбов», «Московский комсомолец в Тамбове», ТВОЛК – городские порталы, Тамбовский репортёр. Основными методами стали контент-анализа, системный анализ, классификация. Период проведения исследования сентябрь–ноябрь 2024 г. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлены явные и скрытые механизмы вовлечения аудитории сетевыми СМИ и медиа Тамбовского региона. Определена эффективность данных механизмов в практике работы региональных сетевых медиа. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего анализа тенденций работы региональных сетевых средств массовой информации с аудиторией, каналами коммуникации и самой массовой информацией.

Ключевые слова: новые медиа, региональные СМИ, аудитория, контент, вовлечение, интерактивность, социальные сети, хэштеги

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Е.А. Меркушина – дизайн исследования, поиск и анализ научной литературы, анализ и интерпретация эмпирических данных, написание черновика рукописи, доработка рукописи после рецензирования.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Меркушина Е.А. Механизмы взаимодействия с аудиторией в новых медиа // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 373-388. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-373-388>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-373-388>

OECD 5.08; ASJC 3315

Mechanisms of interaction with the audience in new media

Elena A. Merkushina

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 len.merk2005@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The growing amount of information and the struggle of multiple sources of information and communication for the users' attention have raised the problem of the accessibility of online media news to a new level. Each online media outlet, by expanding the possibilities for transmitting information through social media, strives to keep the user on a specific site and involve them in the process of reading/watching the news. The purpose of the study is to identify existing practices of user involvement using the example of online media and the media of the Tambov region. **MATERIALS AND METHODS.** The communication channels of such network media as information agency "Online Tambov", VestiTambov.ru, Russian Information Agency "TOP68", website of the "New Age-Tambov" TV company, "Komsomolskaya Pravda" Tambov, Tambov Notebook, AboutTambov Information Portal, Moskovsky Komsomolets in Tambov, TWolf – city portals, Tambov Reporter. The main methods are content analysis, system analysis, and classification. The study period is September – November 2024. **RESULTS AND DISCUSSION.** Explicit and hidden mechanisms of audience engagement by online mass media and media of the Tambov region have been identified. The effectiveness of these mechanisms in the practice of regional network media is determined. **CONCLUSION.** The results of the study can be used for further analysis of trends in the work of regional network mass media with the audience, communication channels and the mass information itself.

Keywords: new media, regional mass media, audience, content, involvement, interactivity, social networks, hashtags

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: E.A. Merkushina – research design, scientific literature search and analysis, empirical data analysis and interpretation, writing a draft of the manuscript, manuscript revision after review.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Merkushina, E.A. Mechanisms of interaction with the audience in new media. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):373-388. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-373-388>

ВВЕДЕНИЕ

Развитие Интернета и онлайн-медиа привело к избытку однотипной информации. Увеличение количества источников информации отрицательно сказалось на качестве медиатекстов. Новости с незначительными изменениями дублируются в разных сетевых средствах массовой информации, на принадлежащих СМИ официальных страницах и группах в социальных медиа, в прочих социальных медиа («городских пабликах»). В связи с таким перенасыщением информационного пространства площадками для получения информации «средства массовой информации вынуждены менять тактику управленческих решений, переходить на иную систему создания своего контента и выстраивания стратегии взаимодействия с пользователями, поскольку в противном случае рискуют «раствориться» в общем информационном потоке» [1, с. 1]. Кроме собственно сайта сетевые издания активно развивают площадки новых медиа – социальные сети и мессенджеры, где даётся либо полный текст новости, либо анонс со ссылкой на сайт. Это обусловлено тем, что данные источники информации прочно вошли в повседневную жизнь значительной части активной и платежеспособной аудитории. В июле 2023 г. ВЦИОМ проводил опрос, результаты которого показали: «86 % россиян, пользующихся хотя бы одной социальной сетью или мессенджером, проводят в них время практически ежедневно; среди молодежи 18–34 лет доля ежедневных пользователей близка к абсолютной (18–24 лет – 92 %, 25–34 лет – 94 %)»¹. Там же рассматриваются и предпочтения россиян относительно контента: «новостные сообщества возглавляют рейтинг самых популярных подписок российских пользователей социальных сетей (77 %)»², отмечены и гендерные отличия: «мужчины чаще, чем женщины интересуются новостями

(81 % vs. 74 %)»³. Таким образом, использование социальных сетей является для сетевых СМИ важным фактором вовлечения аудитории, взаимодействия, получения обратной связи, что отмечают исследователи [2, с. 425].

Вместе с новыми каналами распространения информации возникли и новые принципы, тенденции потребления информации пользователями. Эти тенденции определяют само понятие «потребление», указывающее на отношение к информации как массовому продукту, который уже не требует затрат (временных и мыслительных) на осмысление, соотнесение с реальностью, применение к собственным условиям жизни. Существуют две параллельные точки зрения на журналистскую информацию: социокультурное явление, «благо», средство выражения общественного мнения, «четвертая власть». Другая рассматривает информацию как товар или определяет как сопутствующие предмету продажи (рекламной площади) явление сами медиа – субъекты рынка СМИ. Профессиональное сообщество поддерживает мнение относительно включения контента СМИ в товарно-денежные отношения также за счёт слияния журналистики и рекламы. Даже с учётом маркировки рекламы её влияние на контент растёт, что «способствует слиянию социально значимого контента с информацией и товарах и услугах, формированию потребительской медиареальности, синтезированию искусственных интересов и предпочтений аудитории» [3, с. 31].

«Потребителем» информации-«товара» остаётся та же массовая аудитория, но теперь получившая ещё более конкретные характеристики чем раньше – «пользователь», чей «профиль» изучается и составляется для формирования контент-стратегии онлайн-медиа. «В данном контексте логично говорить именно о пользователе сетевого СМИ, а не об аудитории. Пользователь с помощью технических средств доступа к сайтам иначе потребляет массовую информацию. Каждый читатель, телезритель, слушатель, пользователь онлайн-СМИ выбирает для себя,

¹ Социальные сети и мессенджеры: вовлечённость и предпочтения // ВЦИОМ Новости. 10.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechnennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 25.09.2024).

² Там же.

³ Там же.

какая информация, транслируемая СМИ, наиболее значима для него, отвечает личным интересам, или же новости связаны с актуальными событиями, которые интересуют действительно значительную часть аудитории»⁴.

Высокая скорость обновления информации, переключение внимания пользователя между различными коммуникационными площадками и собственно медиаканалами выводит медиапотребление на уровень «ознакомления», сводится к «пролистыванию контента и чтению по заголовкам или ключевым словам» [4, с. 206] с мобильных устройств в любое время, в любом месте и положении, что не способствует акцентированию внимания ни на информации, ни на её источнике. Таким образом, сетевым СМИ приходится использовать различный арсенал интерактивных средств для привлечения и удержания аудитории. Например, характер текстов, их структура, содержание зачастую ориентированы на привлечение аудитории к источнику информации (каналу, паблику) в целях монетизации. Призывы авторов каналов «Дзена» поставить лайк публикации, чтобы привлечь к ней ещё больше аудитории, является тому доказательством.

Понятие «интерактивность» в самом простом обозначении – это взаимодействие. Используя данный термин, как правило, обозначают способность объекта (телепрограммы, кинофильма, интернет-ресурса и др.) взаимодействовать с аудиторией, отвечать на его активность и видоизменяться в зависимости от каких-либо действий воспринимающего, то есть образуется «взаимосвязь, в которой действия и поведение людей и/или объектов являются соопределёнными» [5, с. 251].

Понятие «интерактивность» ошибочно приписывают исключительно среде Интернет, однако, оно касается взаимодействия вообще. К. Йенсен выделяет три вида интерактивности:

⁴ Меркушина Е.А. Контент региональных сетевых СМИ и проблема «социальной миссии» журналистики // Журналистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. URL: <https://tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016-zhurnalistika-v-sovremennom-media/3/merkushina.pdf?ysclid=m2vp4zep9x173911072> (дата обращения: 25.09.2024).

1) «отношения между техническим средством и человеком. Это удобство дизайна, эргономика, способность технического средства подключать пользователя как активного участника компьютерных игр, художественных произведений и т. п.

2) более широкие отношения между медиа и другими социальными структурами. Здесь важен старый для медиа вопрос: выполняют ли они функцию наблюдения и контроля, являются ли четвёртой властью? Как они формируют политическую и экономическую инфраструктуры социальной жизни и сами формируются под их влиянием? Как складывается при их посредничестве диалог?

3) связи между индивидом и социумом, возможность локальных действий, опосредованных компьютерными медиа, включённость индивидов в социальное, политическое участие, возможность действия через медиа для других организаций и институтов» [6, с. 28].

Интерактивность – это часть «активности» аудитории, не опосредованная во времени, что в принципе характерно для потребления информации здесь и сейчас. Минимальная степень активности – выбор канала распространения массовой информации. В интерактивном онлайн-пространстве актуальным стало не только «общение» с редакцией, но и участие в производстве массовой информации («пользовательский контент», публикация присланных новостей, отзывы), и представленность в новостных сообщениях в роли объекта описания, героя, персонажа публикации. Последнее может представлять собой не только отдельную публикацию, но и ссылку на текст пользователя-первоисточника, когда «в зависимости от вида СМИ указывается ссылка на первоисточник или аккаунт, откуда взята информация. Это могут быть титры, упоминания, название канала/блога, ссылка на ресурс» [7, с. 635].

Аудитория остаётся ключевым понятием в исследованиях медиа, потому что все медиатексты создаются с учётом аудитории, как группы людей, которая получает текст и придаёт ему некоторый смысл.

Вслед за другими исследователями А.П. Коданина, Т.Е. Новикова, М.А. Савельева отмечают, что «современные российские

СМИ вступили в этап коренной трансформации, затрагивающей поиски новой социально-политической миссии и характера взаимодействия с аудиторией посредством инновационных подходов к созданию и распространению медийного контента» [8, с. 126]. Исследования аудитории показали, что взаимодействие со средствами массовой информации строится на эмоциональном отношении, и в меньшей степени – на ценностном характере информации.

В целях привлечения и удержания лояльной аудитории современные СМИ вовлекают пользователей не только в процесс потребления, но и создания и распространения контента [8, с. 128]. Поэтому среди задач СМИ стоит постоянный поиск ответов на вопросы: как в перенасыщенном информационном пространстве оптимизировать взаимодействие аудитории с контентом, как удержать пользователя на странице, увеличить «глубину чтения» новости, если её содержание в соответствии с требованиями конкретных площадок и тенденций потребления (клиповое мышление, рамочная культура чтения и т. п.) всё больше и больше подвергается компрессии?

Таким образом, цель исследования – выявить и систематизировать формы работы с аудиторией в новых медиа. Исходя из цели были поставлены задачи: проанализировать формы взаимодействия с аудиторией в традиционных СМИ на предмет их применения в новых медиа; рассмотреть формы проявления интерактивности в сети Интернет; проанализировать формы взаимодействия на сайтах и в социальных сетях тамбовских сетевых средств массовой информации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методология исследования предполагает анализ традиционных форм взаимодействия и сопоставление их с условиями цифровой среды; контент-анализ медиатекста с целью выделения вовлекающего контента и единиц текста, содержащих скрытые формы взаимодействия; сравнительный анализ конкретных инструментов взаимодействия в различных сетевых изданиях и на различных площадках

представления информации, а также систематизацию и классификацию полученных данных.

Эмпирическая база исследования включает региональные сетевые издания ИА «ОнлайнТамбов», ВестиТамбов.Ru, РИА «ТОП68», сайт телекомпании «Новый Век-Тамбов», «Комсомольская правда» Тамбов, Блокнот Тамбов, Информационный портал «ПроТамбов», «Московский комсомолец в Тамбове», ТВОЛК – городские порталы, Тамбовский репортёр. Рассмотрены материалы за период сентябрь–ноябрь 2024 г., поскольку исследование направлено на отражение текущих тенденций во взаимодействии с аудиторией.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современные тенденции взаимодействия новых медиа с аудиторией заключаются в стремлении сделать общение с аудиторией двусторонним. Однако было бы ошибочно предполагать, что интерактивные инструменты характерны только для онлайн-среды. Традиционные средства массовой информации и до цифровой трансформации стремились к получению обратной связи от аудитории, поскольку взаимодействие даёт определённые преимущества:

- вовлечение аудитории придаёт ей чувство значимости и увеличивает преданность конкретному источнику массовой информации;
- поддержка от аудитории в критические времена;
- темы для публикаций;
- получение данных об аудитории, в том числе для построения контент-плана и работы рекламного отдела.

При рассмотрении истории прессы обычно делается упор на линейное распространение информации, а не на динамическую и взаимную коммуникацию между авторами и читателями. Роль публики часто игнорируется.

В прессе взаимосвязь можно оценить с помощью поиска ключевых слов, включающих читательскую аудиторию как адресата. Например, статьи с фразой «нашим читате-

лям» или «дорогие читатели» содержат явное обращение к самой аудитории. Поскольку газеты по своей природе обращаются к читателям с любыми избранными статьями, эти сообщения имеют исключительное значение: редакция появляется на заднем плане и становится видимой как единое целое. Подписываясь как отправитель в конце сообщения, редакция говорит в один голос и напрямую обращается к аудитории от своего имени. Например, на радиостанции «Европа Плюс» в утренней программе «Бригада У» используются такие формы коммуникации с аудиторией: особые формы приветствия: Пора просыпаться! «Бригада У» – уже в студии Европы Плюс; Утро должно начинаться с позитива – Включай «Бригаду У».

Существуют наработанные опытом редакционной деятельности методы работы с читательской аудиторией, которые частично модифицированы под реальность работы в онлайн-среде и возможности аудитории, активно взаимодействующей через диджитал-средства.

1. Работа с читательскими письмами и обращениями. Письма читателей – традиционная форма взаимодействия с аудиторией, которая была обусловлена реальными техническими возможностями. Преодолеть главный недостаток «разрыв во времени и пространстве адресата и адресанта мешает установлению контакта» [8, с. 126] помогло развитие новых технологий. Кроме собственно писем, развитие технических средств на всех этапах приносило новые способы взаимодействия: телефонные звонки, преимуществом которых стала оперативность и прямой контакт; факсимильная связь; наконец, электронная почта, которая стала преемницей бумажных писем и наряду с обращениями через специальную форму на сайте и в социальных сетях используется в настоящий момент сетевыми СМИ.

Редакционная практика выработала множество форм и методов использования писем в газетном номере, их подачи на полосах. Эти способы актуальны и сейчас: публикация писем; использование как источник информации в материалах журналистов; использование писем читателей в качестве

идеи для публикации; работа с неопубликованными письмами; корректировка информационной повестки дня в соответствии с запросами аудитории. Письма читателей или материалы, созданные на их основе, публикуются либо единично, либо под рубриками.

2. Опросы и анкетирование как способ взаимодействия с аудиторией в новых медиа играет гораздо большую роль, чем это возможно в прессе, на радио и телевидении. Большой охват аудитории, обратная связь, возможность для аудитории мгновенно узнать общий результат опроса – всё это делает проведение онлайн-опросов актуальной формой вовлечения.

3. Проведение конкурсов, квестов, выполнение заданий. По словам А.Р. Таирова «исследования, проведённые в различных регионах страны, показали, что разнообразные конкурсы, организованные редакционно-издательскими структурами, являются наиболее эффективным средством интенсивного продвижения СМИ на рынок (особенно это заметно на примере региональных газет). Необходимо лишь грамотно выбрать, какие именно конкурсы востребованы аудиторией издания, и строго соблюдать технологию их проведения» [9, с. 20]. Конкурсы, квесты, квизы в сетевых медиа считаются одним из актуальных инструментов вовлечения аудитории.

4. «Организация встреч с читателями (обсуждений, читательских конференций и др.)», «организация прямых линий, пресс-конференций»⁵. Данные способы взаимодействия сами по себе, без привязки к значимому информационному поводу являются слишком затратными для сетевых изданий. В региональных сетевых СМИ, когда один человек может совмещать работу журналиста, копирайтера, SMM- и SOE-специалиста, заниматься подбором иллюстраций и выполнять другие текущие задания, проведение встреч с аудиторией в любом формате является непозволительной тратой времени. Лента новостей требует постоянно-

⁵ Харитонова О.Ю. Методы и формы взаимодействия конвергентного медиахолдинга с аудиторией (на примере ГТРК «Южный Урал»). Челябинск, 2018. С. 33.

го обновления, что говорит о необходимости поиска новых новостей, но в условиях высокой скорости обновления информации, загруженности работников редакции, короткого срока актуальности и жизнеспособности большинства новостей редакции вынуждены идти по пути работы с новостными агрегаторами, пресс-релизами, а не со своей аудиторией, которая также могла быть источником актуальной информации, более значимой для неё самой.

Новые медиа работают в информационной среде, где кроме других каналов массовой коммуникации отвлекающим фактором служит развлекательный контент (клипы, короткие видео, мемы, посты), кино, сериалы, музыка, которые также играют роль в процессе вовлечения, «они призваны не только завоевать внимание аудитории, но и вовлечь её в коммуникативный контакт» [10, с. 74]. Внимание пользователя распределяется между оповещениями от мессенджеров, социальных сетей, почтовых сервисов. Это приводит в том числе к ограничению со стороны пользователя источников информации, к сожалению, не в пользу новостных каналов. Поэтому всё острее встаёт вопрос о вовлечении и удержании аудитории.

Основным источником информации для аудитории являются страницы СМИ в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере Телеграм, а источником трафика на сайте – переходы с этих страниц. Большая часть новостей на таких страницах попадает под «беглый просмотр», когда пользователь обращает внимание на первые строки или оказывается привлечён фотографией с места событий, если эта фотография в достаточной мере отображает необычность или эксклюзивность.

Новые медиа по природе своей интерактивны. В практике взаимодействия с медиасредой сложилось упрощённое понимание об интерактивности как возможности прямой коммуникации аудитории сетевого СМИ между собой и между редакцией – в первую очередь через комментирование новостей. Однако реальное поведение пользователей в онлайн-среде привело к тому, что многие средства массовой информации отключили

возможность комментирования новостей не только на сайте, но и в социальных сетях и мессенджерах.

Понятие интерактивности же не ограничивается только интерактивным общением аудитории. Взаимодействие между пользователем, медиатекстом, редакцией осуществляется и другими способами, обусловленными интернет-средой. В таком понимании интерактивность может осуществляться и через другое свойство Интернета – гипертекст. Так происходит взаимодействие с медиасредой через «гипертекстовую навигацию» и «пространственную навигацию».

Гипертекстовая навигация как способ взаимодействия обусловлена следующим. «Практически каждая публикация новостного канала, имеющего страницу в сервисе микроблогов, сопровождается ссылкой на официальный сайт данного канала, где размещён полный текст» [11, с. 67] и «читатель сам достраивает, разворачивает текст в соответствии со своими психологическими особенностями, фоновыми знаниями, эмоциональным состоянием» [11, с. 67]. У пользователя появляется возможность выбирать или изменять «последовательность событий».

Таким образом, в процессе гипертекстовой навигации пользователь становится интерактором (от англ. «interactor» – тот, кто взаимодействует) и создаёт в личном информационном пространстве медиатекст, составленный из частей различных текстов, который для него будет являться относительно целостным, хотя и незаконченным, поскольку завершенность текста в онлайн-среде невозможна.

В пространственной навигации пользователь взаимодействует с содержанием онлайн-пространства, а не с конкретным текстом. По аналогии с устройствами и приложениями для отслеживания передвижения (навигатор, фитнес-браслет, интерактивные карты), онлайн-СМИ становятся навигатором по темам и интересующим пользователя вопросам.

В результате исследования были выделены формы работы с аудиторией новых медиа, которые можно объединить в 3 группы:

– интерактивные;

- текстовые;
- работа в социальных сетях.

Далее мы рассмотрим эти формы взаимодействия с аудиторией в сетевых средствах массовой информации на примере Тамбовского региона (табл. 1).

Итак, разясним некоторые позиции, по которым мы анализировали наличие или отсутствие той или иной формы коммуникации.

1. Под интерактивными формами взаимодействия мы подразумевали формы контакта между аудиторией и редакцией, которые предполагают наличие действия и эффективного вовлечения: чаты, комментарии, тесты, опросы, приглашение поделиться в социальных сетях. Отметим особенности, присущие сайтам:

- со страниц большинства сайтов невозможно напрямую комментировать новости. Зато всё большее распространение получает приглашение поделиться новостью на страничке пользователя в социальной сети. Также новостные сайты тамбовского региона

больше не используют на сайте форумы и чаты для общения аудитории между собой;

- актуальным способом интеракции становятся опросы и тесты, посвящённые актуальным событиям. Например, опросы на сайте ИА «ОнлайнТамбов» (рис. 1).

РИА «ТОП68» предлагает тесты: *Что вы знаете о студенчестве: тест* (дата публикации: 25.01.2024); *Замок принцессы и страусиная ферма. Какие достопримечательности Черноземья вы знаете: тест* (дата публикации: 14.08.2023); *Сергей Рахманинов: о музыке и жизни (тест)* (дата публикации: 02.04.2023), далее – тесты от 2022 г. и ранее.

2. Текстовые. Возможность написать письмо в редакцию потенциально возможна на всех проанализированных сайтах, поскольку адрес, телефон, электронная почта редакции относятся к открытым данным, обязательным для размещения в сетевом СМИ. Поэтому под формой коммуникации мы здесь понимали наличие отдельной формы-приглашения для обращения в редакцию.

Таблица 1. Формы взаимодействия с аудиторией в сетевых СМИ
Table 1. Forms of interaction with the audience in online media

№ п/п	СМИ	Интерактивные	Текстовые	Социальные сети
1	ИА «ОнлайнТамбов»	+	+	+
2	ВестиТамбов.Ru	–	–	+
3	ТОП68	+	+	+
4	Сайт телекомпании «Новый Век-Тамбов»	–	+	+
5	«Комсомольская правда» Тамбов	–	–	+
6	Блокнот Тамбов	+	+	+
7	Информационный портал «ПроТамбов»	+	–	+
8	МК в Тамбове	+	–	+
9	ТВОЛК – городские порталы	+	+	+
10	Тамбовский репортёр	+	–	+

Источник: составлено автором на материалах сайтов ИА «ОнлайнТамбов», ВестиТамбов.Ru, РИА «ТОП68», сайт телекомпании «Новый Век-Тамбов», «Комсомольская правда» Тамбов, Блокнот Тамбов, Информационный портал «ПроТамбов», «Московский комсомолец в Тамбове», ТВОЛК – городские порталы, Тамбовский репортёр.

Source: compiled by the author based on the materials of the websites News Agency “OnlineTambov”, VestiTambov.Ru, Russian News Agency “TOP68”, website of the “New Age-Tambov” TV company, “Komsomolskaya Pravda” Tambov, Tambov Notebook, Information portal “AboutTambov”, “Moskovsky komsomolets”, TWolf – city portals, Tambov Reporter.

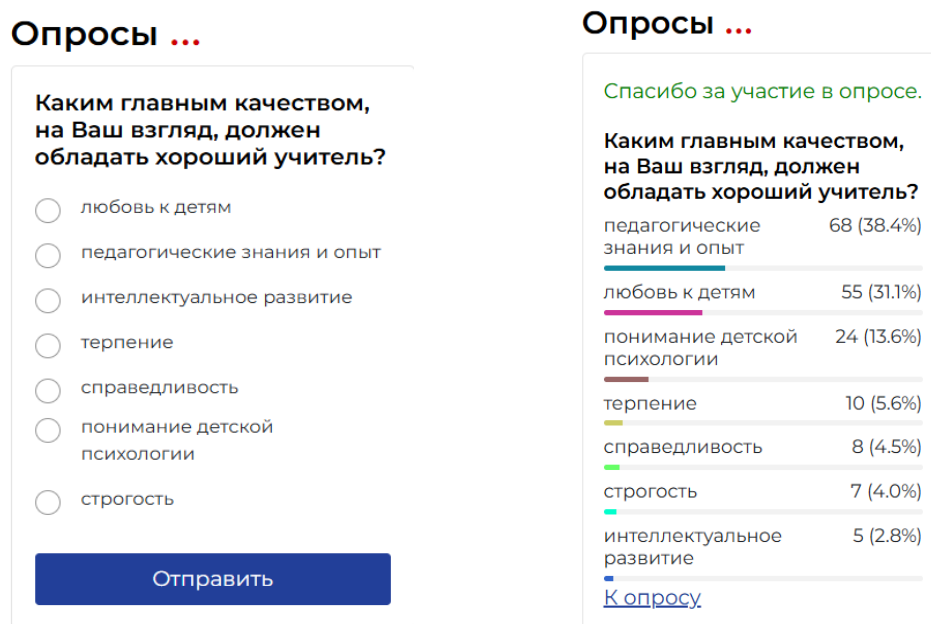

Рис. 1. Интерактивные опросы на сайте ИА «ОнлайнТамбов»

Fig. 1. Interactive surveys on the website of News Agency "OnlineTambov"

Источник: скриншот сделан автором на сайте ИА «ОнлайнТамбов». URL: <https://www.onlinetambov.ru/news>

Source: screenshot is taken by the author on the website of News Agency "OnlineTambov" URL: <https://www.onlinetambov.ru/news>

Например, ИА «ОнлайнТамбов» – *Написать в редакцию*; РИА «ТОП68» – *Обратная связь* (форма, где пользователь оставляет имя, адрес электронной почты, текст сообщения); Блокнот Тамбов – рубрики «Хочу сказать!», «Обращение в редакцию». Такая форма открытого приглашения существует не на всех сайтах СМИ Тамбовского региона.

3. Социальные сети – ссылка на социальные сети есть у всех сайтов. Социальные сети – это одновременно и ещё одна медиаплощадка, и форма коммуникации сама по себе. В настоящее время представленность в социальных сетях Тамбовских СМИ выглядит следующим образом (табл. 2).

На странице ВестиТамбов.Ру в социальной сети «ВКонтакте» 31000 подписчиков. Основной формой коммуникации в социальной сети являются комментарии, но их очень мало. В остальном контент группы дублирует контент сайта. Такая же ситуация на всех страницах телеканала в социальных сетях, а на странице в Дзене публикации отсутствуют.

Группа в социальной сети «ВКонтакте» телеканала «Новый Век Тамбов» имеет 22000 подписчиков, однако, кроме новостей и видеонюхет предлагает более широкую рубрикацию, что позволяет структурировать контент и даёт аудитории возможность более целенаправленного выбора (рис. 2).

Количество просмотров новостей – 500–900, однако количество «лайков» редко превышает 5, чаще всего – 0, редко бывают и комментарии, а также «репосты».

«Московский Комсомолец» не имеет отдельной страницы в Тамбове.

Таким образом, хотя мы видим наличие у всех сетевых изданий Тамбовской области собственных социальных медиа, активность аудитории в них очень мала.

Итак, мы проанализировали формы взаимодействия с аудиторией в новых медиа Тамбовского региона. Отметим, что в настоящее время медиаплощадки не полностью используют все возможности сети Интернет для взаимодействия с аудиторией.

Таблица 2. Социальные сети сетевых медиа
Table 2. Social networks of social media

№ п/п	СМИ	Социальные сети и мессенджеры
1	ИА «ОнлайнТамбов»	Телеграм, ВКонтакте, Одноклассники
2	ВестиТамбов.Ru	Дзен, ВКонтакте, Одноклассники
3	ТОП68	ВКонтакте, Одноклассники, WhatsApp, Телеграм
4	Сайт телекомпании «Новый Век Тамбов»	Ютьюб, ВКонтакте, Одноклассники
5	«Комсомольская правда» Тамбов	Уарру, Дзен, ICQ, Новости Тамбова (поисковая система Яндекс), Ютьюб, Flipboard, Viber, Телеграм, Одноклассники, ВКонтакте, Рутьюб
6	Блокнот Тамбов	ВКонтакте, Одноклассники, Телеграм
7	Информационный портал «ПроТамбов»	Телеграм, ВКонтакте, Одноклассники, Ютьюб
8	«МК» в Тамбове	ВКонтакте, Одноклассники, Телеграм, Viber, Дзен
9	ТВОЛК – городские порталы	Одноклассники, ВКонтакте, Телеграм
10	Тамбовский репортёр	ВКонтакте, Телеграм

Источник: составлено автором на материалах сайтов ИА «ОнлайнТамбов», ВестиТамбов.Ru, РИА «ТОП68», сайт телекомпании «Новый Век-Тамбов», «Комсомольская правда» Тамбов, Блокнот Тамбов, Информационный портал «ПроТамбов», «Московский комсомолец в Тамбове», ТВОЛК – городские порталы, Тамбовский репортёр.

Source: compiled by the author based on the materials of the websites News Agency “OnlineTambov”, VestiTambov.Ru, Russian News Agency “TOP68”, website of the “New Age-Tambov” TV company, “Komsomolskaya Pravda” Tambov, Tambov Notebook, Information portal “AboutTambov”, “Moskovsky komsomolets”, TWolf – city portals, Tambov Reporter.

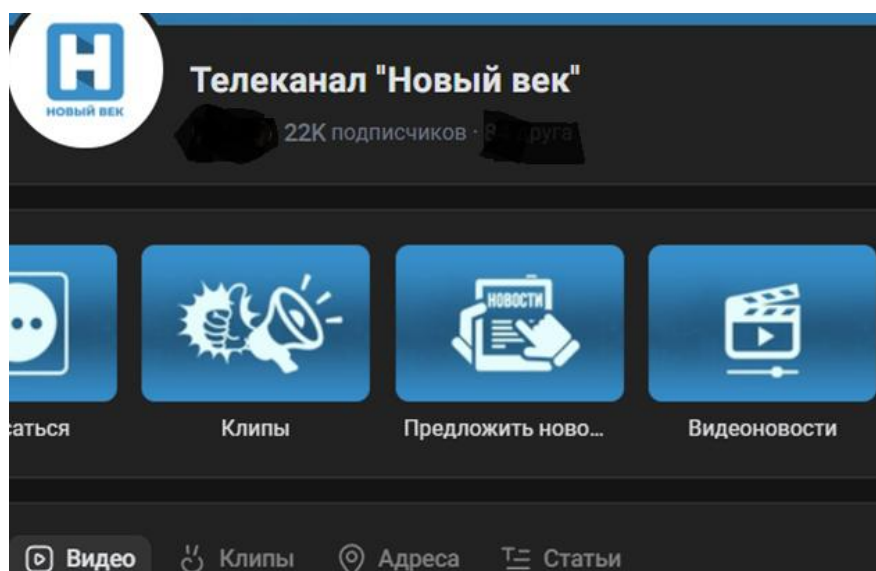

Рис. 2. Рубрикация телеканала «Новый Век» в социальной сети «ВКонтакте»

Fig. 2. New Century TV channel's rubrication in the VKontakte social network

Источник: скриншот сделан автором в официальной группе в социальной сети «ВКонтакте» ТК «Новый Век». URL: https://vk.com/noviy_vek_tambov

Source: screenshot is taken by the author in the official group of the “New Age” TV channel in social network “VKontakte”. URL: https://vk.com/noviy_vek_tambov

Скрытые формы взаимодействия с аудиторией. Перечисленные формы взаимодействия с аудиторией – это формы, уже ставшие традиционными, они очевидны и для исследователей, и для аудитории. Однако формой взаимодействия можно назвать такую коммуникацию, как привлечение и удержание внимания аудитории приёмами, не всегда очевидными для пользователя.

1. Кликбейт – это приём, «допускающий искажение смысла текста ради того, чтобы заинтересовать читателя»⁶. Понятие относится к анонсной части текста, в частности – к заголовку. Кликбейт-заголовки «недоговаривают суть информационного повода, разжигая любопытство»⁷. Они мотивируют пользователя к чтению новости, воздействуют на эмоции и снижают критическое восприятие информации, позволяют пользователю поддаться любопытству и узнать сенсацию. Такие заголовки стали средством борьбы за внимание читателей, и пришли они из социальных сетей. Кроме того, кликбейт-заголовки обладают высоким манипулятивным потенциалом. «Отношение адресата к событию, человеку, о котором идёт речь в тексте, создаётся на основании заголовка, ключевых слов, входящих в него. Если в заголовке автор смещает акценты (умалчивает что-либо, использует выразительные средства, выражает оценку, представляет событие однобоко и т. п.), то адресат получает искажённое представление о реальности» [12].

Перечислим характеристики кликабельного заголовка, цель которого – привлечение внимания пользователя, удержание его на сайте:

- может состоять из нескольких частей: *Итоги дня: новые назначения в Правительстве региона, награждение организаторов выборов, пожар в общежитии (ИА «ОнлайнТамбов»); В Тамбове две женщины не поделили дорогу, пострадала трёхлетняя девочка (Блокнот Тамбов); «Пейте дети, бу-*

дете инвалиды»: в Тамбовской области неизвестные залили в резервуары с молоком десятки литров щёлочи (Тамбовский репортёр);

- вопросительный знак: *В Кирсанове в молоко добавляют щёлочь? (видео) (Блокнот Тамбов);*

- наличие прилагательных-определений-эпитетов: *Учёные нашли эффективный способ борьбы с депрессией (ИА «ОнлайнТамбов»); В Мичуринске мужчина незаконно приобрёл «шпионскую» камеру для сдачи экзамена (ТВОЛК – городские порталы);*

- гиперболы и превосходные степени: *В Россию пришёл вариант гриппа, который наносит самый серьёзный ущерб здоровью (Новый Век-Тамбов);*

- «всё, что нужно знать о...»: *Россиян предупредили, с какими заболеваниями нельзя убирать лопатой снег (ИА «ОнлайнТамбов»);*

- необычность, недосказанность: *Где-то в Тамбове загрузили Захар, Василий и Макар (Блокнот Тамбов); Ёлочная игрушка-избушка и заяц в зимнем лесу (ТВОЛК – городские порталы); Из тюрьмы и сразу обратно (ТВОЛК – городские порталы).*

В настоящее время эмоциональные кликабельные заголовки редко и с большой осторожностью используются сетевыми изданиями. Некоторое время назад кликбейт-заголовки получили негативную оценку из-за излишней драматизации; но хороший и качественный кликабельный заголовок может быть успешным средством удержания аудитории.

2. Хэштеги. Хештег, или хэштег (от англ. «знак «решётки» и метка») – это «графический знак, слово, фраза, предложение, написанные без пробелов, которые следуют за символом решетки (#). Обычно хэштеги являются частью текста публикации, но могут представлять собой и самостоятельное сообщение» [13, с. 471]. Интерес к данному явлению вызывают в первую очередь его многочисленные функции, «которые позволяют ему одновременно выступать в качестве маркера и агрегатора тематического контента, привлекая и объединяя значительное количество участников сетевых сообществ» [14, с. 106].

⁶ Бабкин С. Как Вас заставляют кликнуть по заголовку // Look at me. 23.01.2015. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspirationhowit-works/211165-clickbait-grammar> (дата обращения: 16.09.2024).

⁷ Там же.

В настоящее время функции хэштегов разнообразны:

- способ социализации и поиска единомышленников: определённых страниц пользователей, с близкими интересами;
- средство географической локации: хэштеги с местом, где сделана публикация;
- создание комического эффекта: ироническое высказывание, неожиданный смысл;
- самопрезентация;
- эстетизация собственного сообщения;
- элемент языковой игры: необычные метафоры, намеренные нарушения языковой нормы.

Хэштеги наделяют следующими свойствами, определяющими взаимодействие между медиа и аудиторией, а также внутри аудитории: «Хэштеги позволяют создавать удобную навигацию как в пределах одной страницы, так и объединяя различных пользователей по всему миру (например, хэштеги всевозможных флешмобов и конкурсов). Таким образом, хэштеги объединяют пользователей, повышают уровень лояльности клиентов» [15, с. 154].

Другим свойством называют призыв к участию, возникновение «цифровой солидарности», в которой хэштеги «могут служить маркером принадлежности к группе, маркером общей идеи или практики» [16, с. 135]. Также «хэштеги способны поддерживать и стимулировать действия, интеракции пользователей двумя способами: классифицируя беседы, и одновременно приглашая других участвовать в коммуникации, используя одно и то же теггированное слово или фразу. Первое свойство является аспектом их функционала, поскольку использование хэштегов в социальных сетях и на веб-сайтах позволяет аналогичному контенту отображаться в собранном виде при изучении» [17].

Работа с хэштегами отличается в новых медиа Тамбова.

ИА «ОнлайнТамбов» – каждая новость в конце сопровождается хэштегом (2–3 простых хэштега), который связывает публикацию с похожими публикациями и позволяет аудитории выбрать интересующую тему. Например: *В Тамбове обсудили вопросы переселения граждан из аварийного жилья – хэштеги – #аварийное жильё #прокуратура; В Тамбове 15 декабря открылись ёлочные базары – #ёлочные базары#ёлки; В Тамбовском филиале Президентской академии прошло профориентационное мероприятие – #профориентация#ранхигс.* Отметим, что, переходя по хэштегам, открывается довольно большой список новостей по теме, что не даёт возможности точного поиска новостей по близкой теме.

ВестиТамбов.Ру содержит не хэштеги, а меты: *В Тамбове провели рейд по пешеходам – мета – Лариса Просандеева УГИБДД УМВД РФ по Тамбовской области рейд ГИБДД город Тамбов; За неделю количество заболевших гриппом и ОРВИ выросло на 15 % – мета – Марина Афанасова ГКБ имени Архиепископа Луки грипп и ОРВИ рост заболеваемости город Тамбов город Рассказово.*

Аналогичные, довольно широкие по употреблению и тематике хэштеги присутствуют и на других сайтах новых медиа, кроме сайта телекомпании «Новый Век-Тамбов», «Комсомольская правда» Тамбов, Блокнот Тамбов, Информационный портал «ПроТамбов», Тамбовский репортёр, где хэштеги не публикуются.

Ещё один опосредованный способ взаимодействия с аудиторией и удержания её на сайте – лента новостей, способ скроллинга. Скроллинг – форма представления информации, при которой содержимое (текст, изображение) двигается (прокручивается) в вертикальном или горизонтальном направлении. Зарубежные исследователи проводили опрос пользователей, который выявил, что «социальные сети воспринимаются как непрерывные потоки, а не как отдельные публикации, сообщения или посты <...> «непосредственность» занимала лидирующее место в качестве одной из определяющих характеристик социальных сетей» [18]. Поэтому скроллинг ленты новостей является логичным действием для пользователя, внимание которого не ограничено несколькими единицами текста (постами). Чтобы уменьшить нагрузку на трафик, страница сайта загружается не полностью, как например, на сайте «Комсомольская правда» Тамбов, а частями. После опре-

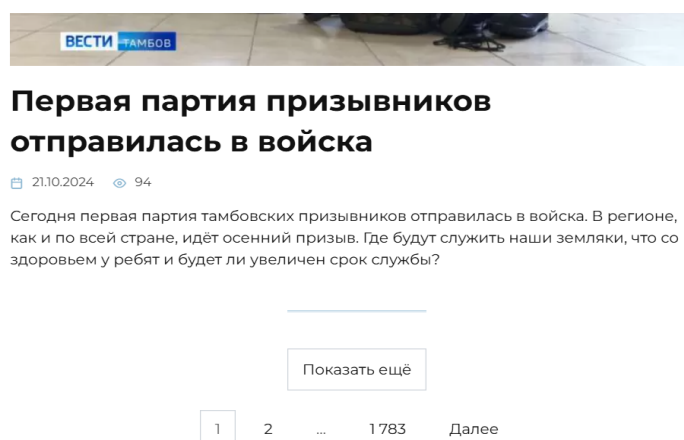

Рис. 3. Форма скроллинга на сайте VestiTambov.Ru

Fig. 3. Scrolling form on the VestiTambov.Ru website

Источник: скриншот сделан автором на сайте телеканала VestiTambov.Ru.

URL: <https://vestitambov.ru>

Source: screenshot is taken by the author on the website of the TV channel VestiTambov.Ru URL: <https://vestitambov.ru>

делённого количества новостей появляется кнопка *Следующая страница, Продолжить чтение, Показать ещё* (рис. 3). Эта кнопка также является средством коммуникации с аудиторией – предоставление ей выбора – читать ещё или нет, и часто выбором становится «продолжить», которое играет роль «приманки» для аудитории, желающей узнать, что будет дальше.

Итак, мы рассмотрели новые, в том числе игровые, формы взаимодействия с аудиторией новых медиа, на примере кликабельных заголовков, хэштегов и скроллинга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимодействие с аудиторией – важный фактор эффективного и результативного средства массовой информации. Взаимодействие с аудиторией всегда было связано с массово-информационной деятельностью, с развитием СМИ развивались и способы коммуникации. В ходе работы были выполнены все поставленные нами задачи, результатом чего стали следующие выводы.

Для каждого типа СМИ характерны свои способы взаимодействия, связанные не только с уровнем развития технологий, но и самим типом. Интерактивность как взаимодей-

ствие зародилась задолго до появления Интернета, но сначала она была опосредованной во времени и пространстве, затем приблизилась – в интерактивных шоу на телевидении – и наконец достигла своего наивысшего развития в сети Интернет, где коммуникация между пользователем и редакцией, между пользователем и пользователем может осуществляться в онлайн-режиме.

Новые медиа, существующие на платформе сети Интернет, обладают огромным потенциалом для взаимодействия с аудиторией: это интерактивные и игровые формы: тесты, игры, чаты, комментарии, конкурсы, предложения оценить новость или поделиться ею в социальных сетях; текстовые – прямые предложения написать в редакцию (кроме того, каждое СМИ имеет ссылку на электронную почту редакции), социальные сети как ещё одна медиаплощадка и как средство коммуникации с лояльной аудиторией; офлайн-встречи с пользователями.

В сетевых изданиях Тамбовской области данные формы взаимодействия развиты недостаточно. Среди интерактивных форм преобладают опросы, тесты, реже комментарии; чаты и формы отсутствуют; предложения написать в редакцию есть в 5 из 10 проанализированных сайтов. Ссылки на социальные

сети присутствуют на всех сайтах, самые популярные социальные сети – ВКонтакте, Одноклассники, мессенджер Телеграм. Но и в социальных сетях способы коммуникации не отличаются от способов сайта: это в лайки, репосты и комментарии. Аудитория слабо пользуется данными возможностями.

Кроме названных форм взаимодействия существуют ещё и скрытые формы, которые предлагают читателю задержаться на сайте для дальнейшего просмотра новостей. Мы проанализировали кликбейт-заголовки, хэштеги и скроллинг ленты новостей.

Кликабельные заголовки, получившие негативную оценку, а также оценку как при-

сущие «жёлтым» или даже фейковым новостям, практически не используются, хотя они могут быть и качественным способом взаимодействия с аудиторией.

Хэштеги используются практически на всех проанализированных медиаплощадках. Однако это примитивные хэштеги, дублирующие основные темы новости. При поиске аналогичной информации по хэштегу аудитория получит ссылку на слишком большое количество разнообразных новостей.

При скроллинге ленты новостей пользователи часто встречают кнопки *продолжить чтение, загрузить ещё* и т. п. Такие кнопки позволяют удерживать аудиторию.

Список источников

1. Алекаян М.В., Абрамян Н.Л., Тадевосян М.Р. К вопросу о репозиционировании СМИ в условиях модификации информационных потоков // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2020. № 6 (31). Ст. 1. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6\(31\).1](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6(31).1), <https://elibrary.ru/sgtkty>
2. Фотиева И.В., Кирилин К.А., Брагина А.О. Взаимодействие СМИ и социальных сетей: формы, методы, социокультурная значимость // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 424-426. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-2105-424-426>, <https://elibrary.ru/lkshwz>
3. Смеюха В.В., Армаш В.В. Современное медиапространство в оценке преподавателей направлений подготовки «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41. № 1. С. 27-37. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-27-37>, <https://elibrary.ru/eoyigh>
4. Мурзина Е.В. Проблемы медиапотребления в условиях динамических изменений в современном обществе // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (71). С. 205-214. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2021.71.2.020>, <https://elibrary.ru/soarzr>
5. Эвалльё В.Д. Интерактивность и иммерсивность в медиасреде. К проблеме разграничения понятий // Художественная культура. 2019. № 3 (29). С. 248-271. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2019-00033>, <https://elibrary.ru/psacpp>
6. Фомичёва И.Д. Продолжение пути, или в поисках интерактивности // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 1. С. 21-36. <https://elibrary.ru/nszwsx>
7. Симкачёва М.В. Социальные сети в профессиональной деятельности журналиста: практический аспект // Неофилология. 2023. Т. 9. № 3. С. 630-640. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-630-640>, <https://elibrary.ru/zpngwj>
8. Коданина А.Л., Новикова Т.Е., Савельева М.А. Специфика цифрового взаимодействия региональных СМИ с аудиторией: нижегородский опыт // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 124-140. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-124-140>, <https://elibrary.ru/dyzzvf>
9. Таиров А.Р. Газетные конкурсы как средство продвижения печатных изданий на региональных рынках СМИ // Вестник Университета Российской академии образования. 2008. № 3. С. 19-22. <https://elibrary.ru/nrckod>
10. Ким М.Н. Инновационные практики в работе мультимедийных журналистов // Управленческое консультирование. 2023. № 4 (172). С. 72-80. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-4-72-80>, <https://elibrary.ru/jacmgs>
11. Титлова А.С. Влияние гипертекстуальности интернет-текста на степень его воздействующего потенциала // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1-3 (64). С. 66-68. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-1-3-66-68>, <https://elibrary.ru/muxsro>
12. Горина Е.А. Заголовок как способ введения адресата в заблуждение // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 2 (50). Ст. 4. <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.50.10>, <https://elibrary.ru/ahici>

13. Патрушева Л.С. Хештегирование как новый коммуникативный процесс // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2018. Т. 28. № 3. С. 471-475. <https://elibrary.ru/owxtpg>
14. Калашикова А.Л., Поселенова Е.Ю. Функциональный аспект хэштеггинга в виртуальной коммуникации (на материале аккаунтов Кемеровского государственного университета и его структурных подразделений) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2. № 3 (7). С. 105-110. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-3-105-110>, <https://elibrary.ru/ymbxkk>
15. Вакку Г.В., Лебедева С.Э., Мельникова Ю.А. Невербальные журналистские приёмы воздействия, их особенности и значение в современном интернет-брендинге // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2022. Т. 2. № 2 (38). С. 146-156. https://doi.org/10.51965/20767919_2022_2_2_146, <https://elibrary.ru/ieeexp>
16. Скивко М.О., Корнеева Е.Н. Цифровая солидарность и использование хэштегов как способ маркировки экологических сообществ // Коммуникология. 2023. Т. 11. № 1. С. 131-141. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-1-131-141>, <https://elibrary.ru/katbqo>
17. Coombs D. S., Collister S. Debates for the digital age. The Good, the Bad, and the Ugly of our online world. Santa Barbara: Praeger, 2016. 672 p. https://books.google.ru/books?id=EcLQCgAAQBAJ&redir_esc=y
18. Lupinacci L. Absentmindedly scrolling through nothing: liveness and compulsory continuous connectedness in social media // Media, Culture & Society. 2020. Vol. 43 (6). <http://dx.doi.org/10.1177/0163443720939454>

References

1. Alekryan M.V., Abramyan N.L., Tadevosyan M.R. To the repositioning of traditional media in the conditions of informational flows transformation. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Memoirs of NOVSU*, 2020, no. 6 (31), Art. 1. (In Russ.) [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6\(31\).1](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6(31).1), <https://elibrary.ru/sgtkty>
2. Fotieva I.V., Kirilin K.A., Bragina A.O. Interaction of media and social networks: forms, methods, socio-cultural significance. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2024, no. 2 (105), pp. 424-426. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-2105-424-426>, <https://elibrary.ru/lkshwz>
3. Smeyukha V.V., Armash V.V. Modern media space in the assessment of teachers of the areas of training "journalism", "advertising and public relations". *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya = Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 2022, vol. 41, no. 1, pp. 27-37. (In Russ.) <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-27-37>, <https://elibrary.ru/eoyigh>
4. Murzina E.V. Problems of media consumption in the conditions of dynamic changes in modern society. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2021, no. 2 (71), pp. 205-214. (In Russ.) <https://doi.org/10.26105/SSPU.2021.71.2.020>, <https://elibrary.ru/soarzr>
5. Ehvalle V.D. Interactivity and immersiveness of the modern cultural media. the problem of differentiation of concepts. *Khudozhestvennaya kul'tura = Art & Culture Studies*, 2019, no. 3 (29), pp. 248-271. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2019-00033>, <https://elibrary.ru/psacpp>
6. Fomicheva I.D. Keeping on moving, or the search for interactivity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Lomonosov Journalism Journal*, 2011, no. 1, pp. 21-36. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nszwsx>
7. Simkacheva M.V. Social networks in the professional activity of a journalist: a practical aspect. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 630-640. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-630-640>, <https://elibrary.ru/zpngwj>
8. Kodanina A.L., Novikova T.E., Saveleva M.A. Specifics of digital interaction of regional mass media with audience: Nizhny Novgorod experience. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2023, vol. 12, no. 2, pp. 124-140. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-124-140>, <https://elibrary.ru/dyzzvf>
9. Tairov A. R. Newspaper-launched contests as ways to promote the mass media in regional markets. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya = Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 2008, no. 3, pp. 19-22. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nrckod>

10. Kim M. N. Innovative practice in the work of multimedia journalists. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2023, no. 4 (172), pp. 72-80. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-4-72-80>, <https://elibrary.ru/jacmgs>
11. Titlova A.S. The influence of hypertextuality of the Internet text on the degree of its impact potential. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 1-3 (64), pp. 66-68. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-1-3-66-68>, <https://elibrary.ru/muxsro>
12. Gorina E.A. Headline as a way of misleading the audience. *Rossiiskii lingvisticheskii byulleten = Russian Linguistic Bulletin*, 2024, no. 2 (50), Art. 4. (In Russ.) <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.50.10>, <https://elibrary.ru/ahiiici>
13. Patrusheva L.S. Hashtagging as a new process of communication. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 2018, vol. 28, no. 3, pp. 471-475. (In Russ.) <https://elibrary.ru/owxtpg>
14. Kalashnikova A.L., Poselenova E.Yu. Functional aspect of hashtagging in virtual communication: Kemerovo State University online. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti = Virtual Communication and Social Networks*, 2023, vol. 2, no. 3 (7), pp. 105-110. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-3-105-110>, <https://elibrary.ru/ymbxkk>
15. Vakku G.V., Lebedeva S.E., Melnikova Yu.A. Non-verbal journalistic techniques of impact, their features and significance in modern Internet branding. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, 2022, vol. 2, no. 2 (38), pp. 146-156. (In Russ.) https://doi.org/10.51965/20767919_2022_2_2_146, <https://elibrary.ru/ieeexp>
16. Skivko M.O., Korneeva E.N. Digital solidarity and the use of hashtags as a way to label the ecological communities. *Kommunikologiya = Communicology*, 2023, vol. 11, no. 1, pp. 131-141. (In Russ.) <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-1-131-141>, <https://elibrary.ru/katbqo>
17. Coombs D. S., Collister S. *Debates for the Digital Age. The Good, the Bad, and the Ugly of Our Online World*. Santa Barbara, Praeger, 2016, 672 p. https://books.google.ru/books?id=EcLQCgAAQBAJ&redir_esc=y
18. Lupinacci L. Absentmindedly scrolling through nothing: liveness and compulsory continuous connectedness in social media. *Media, Culture & Society*, 2020, vol. 43 (6). <http://dx.doi.org/10.1177/0163443720939454>

Информация об авторе

МЕРКУШИНА Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0003-1879-0098>, len.merk2005@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.01.2025

Поступила после доработки и рецензирования 28.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Elena A. Merkushina, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0003-1879-0098>, len.merk2005@yandex.ru

Received 09.01.2025

Approved after reviewing and revision 28.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 070:316.776

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-389-399>

Шифр научной специальности 5.9.9

Сетевое интервью в прямом эфире: форматы и особенности коммуникации

Дарья Константиновна Лаптиева

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

 sdcfj@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Развитие технического прогресса привнесло в современную журналистику множество возможностей, особенно значимым событием стало появление Интернета. В последние 10–15 лет происходит активное развитие сетевого пространства, а его пользователи всё чаще становятся авторами контента – блогерами. Жанр интервью на протяжении долгого времени и до сих пор является одним из самых популярных и востребованных в журналистике, а теперь и в блогинге. Интервью адаптируется под новые условия существования, особенно явно трансформируются его видеоформаты. Цель исследования – изучить и теоретически осмыслить особенности интервью в прямом эфире, а также варианты взаимодействия в нём ведущего и аудитории. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования являются трансляции интервью, прошедшие в прямом эфире. Использованы общенаучные методы: теоретический синтез литературы, посвящённой вопросам генезиса жанра интервью и явления прямого эфира, их современному этапу развития, а также описаны просмотренные видеоматериалы. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлено, что сетевое интервью в прямом эфире имеет несколько парадоксов. Во-первых, в кадре находится только один человек, что нарушает, казалось бы, одно из основных требований к интервью – наличие как минимум двух собеседников. Во-вторых, ведущий и автор программы является не интервьюером, как это было, например, на телевидении, а интервьюируемым. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Разговор и коммуникация собеседников в описанных условиях всё ещё может являться разновидностью интервью, а его проведение возможно благодаря большой интерактивности видеоформата в Сети.

Ключевые слова: интервью, прямой эфир, онлайн-трансляция, сетевое пространство, Интернет, Ютуб

Благодарности. Благодарю многоуважаемого рецензента данного текста за ценные советы и профессиональные комментарии, предоставленные в ходе рецензирования статьи.

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Д.К. Лаптиева – разработка концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, обработка данных, написание черновика рукописи, оформление рукописи статьи в соответствии с требованиями редакции, доработка рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лаптиева Д.К. Сетевое интервью в прямом эфире: форматы и особенности коммуникации // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 389-399. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-389-399>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-389-399>

OECD 5.08; ASJC 3315

Live online interview: formats and features of communication

Darya K. Laptieva

Voronezh State University

1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394018, Russian Federation

 sdcfj@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The development of technological progress has brought a variety of opportunities in the contemporary journalism, and the most significant event was the emergence of Internet. For the rest 10–15 years, the network space has been actively developing, and its users have been becoming content makers – bloggers, more frequently. The interview genre has been and remains the most popular in journalism, and now in blogging. Interview is adapting to the new conditions, especially its video formats. The purpose of the study is to examine and theoretically comprehend the features of live interview, and the variants of interaction between the host and the audience. **MATERIALS AND METHODS.** The study uses live broadcasts of the interview as the material of research. The following scientific methods are used in the study: a theoretical synthesis of literature devoted to the genesis of the interview genre and the phenomenon of live television, their current stage of development, as well as describes the viewed video materials. **RESULTS AND DISCUSSION.** It was revealed that live online interview has several paradoxes. Firstly, only one person is being present in the frame, which contradicts with one of the main requirements of the interview – the presence of at least two people. Secondly, the host and the author of the program is not the interviewer, as it used to be on the television, but an interviewee. **CONCLUSION.** The conversation and communication of the interlocutors in such conditions can still be considered a kind of interview, and its conduct is possible due to the high interactivity of the video format on the web.

Keywords: interview, live broadcast, online broadcast, network space, Internet, YouTube

Acknowledgments. I would like to thank the esteemed reviewer of this text for valuable advice and professional comments provided during the review of the article.

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: D.K. Laptieva – research concept development, scientific literature collection and analysis, data processing, original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements, manuscript revision.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Laptieva, D.K. Live online interview: formats and features of communication. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):389-399. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-389-399>

ВВЕДЕНИЕ

Технический прогресс, безусловно, оказал влияние на журналистику, в частности на способы сбора, анализа, распространения и потребления информации. Переход от печатных изданий к цифровым платформам стал

одним из самых значимых изменений. Появление Интернета позволило мгновенно распространять информацию, в том числе и в режиме реального времени, а это, в свою очередь, оказало влияние на жанры и форматы. Интервью во все времена журналистской деятельности было востребованным среди

авторов, популярностью оно пользуется и у зрителей в настоящее время, особенно в формате видео.

Цель исследования – изучить особенности интервью в прямом эфире, а также варианты взаимодействия в нём ведущего и аудитории.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирической базой исследования стали записи онлайн-трансляций на видеохостинге «Ютуб» на канале «FreshLife28» в количестве семи видео, вышедшие в 2024 г. Выбор сделан в пользу данного канала, так как его выпуски фигурировали в разделах «Сейчас в эфире» и «Недавние трансляции» – алгоритмы «продвинули» именно этот контент, что указывает на их зрительскую популярность и актуальность. Отметим, что поиск осуществлялся без привязки к аккаунту автора, то есть без учёта системой его предпочтений. Также при выборе мы ориентировались исключительно на русскоязычный сегмент контента для беспрепятственного просмотра и полного понимания содержания. Определяющим фактором стало наличие в трансляции чата для вопросов и комментариев, что и позволило выполнить работу.

Описать и теоретически осмыслить просмотренный контент помогли исследования предшественников, изучающих интерактивность, прямые трансляции и интервью в целом – Е.Е. Абросимовой, А.В. Колесниченко, О.В. Витченко, Д.В. Руденкина (см.: [1–3]), А.М. Шестериной [4–6].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Само по себе явление прямого эфира не ново. Как известно, уже в 30-х гг. XX века, на заре развития телевидения, проходили первые прямые трансляции. Они велись из студий в телецентрах и могли быть показаны только благодаря большому количеству аппаратуры и обученного персонала. Первая крупная выездная передача сигнала состоялась в Берлине¹ на Олимпийских играх

1936 г. – на тот момент одна из сложнейших телевизионных работ. В трансляции были задействованы десятки телекамер, применялся способ аэросъёмки, использовались передвижные кинолаборатории и, конечно же, разбирающиеся в последних технических достижениях специалисты.

И лишь относительно недавно, около 20 лет назад, у людей появилась возможность беспрепятственно создавать и транслировать видеоконтент, ранее казавшийся сложным в производстве [5, с. 43]. В настоящее время технологии дошли до того уровня, когда прямой эфир может запустить каждый человек, находясь практически в любой точке мира, используя для этого всего две вещи – гаджет с видеокамерой и Интернет. Онлайн-трансляция стала популярным решением в современной журналистике, это обусловлено рядом её характеристик.

Немедленность и актуальность. Прямой эфир позволяет передавать события в режиме реального времени, что особенно важно в условиях быстро меняющегося информационного пространства, когда аудитория стремится получать новости «здесь и сейчас». Он обеспечивает немедленный доступ к событиям, будь то пресс-конференция, стихийное бедствие, торжественное мероприятие или «лайфстайл».

Взаимодействие с аудиторией. Зрители могут задавать вопросы, делиться своим мнением и участвовать в обсуждениях темы в реальном времени. От написания комментария до его трансляции в эфире проходят считанные секунды, ни один другой формат не обладает настолько оперативной обратной связью. Это действие стало доступно благодаря внедрению в трансляцию чатов и комментариев. Интерактивность позволяет авторам лучше понимать интересы своей аудитории и создавать контент, который запрашивает аудитория, что благоприятно влияет на статистические данные канала-транслятора.

Демократизация источников информации. Любой человек с доступом к Интернету может провести прямой эфир и поде-

¹ Olympic Games Berlin 1936 // Olympic Games, Medals, Results & Latest News. URL: <https://olympics.com/ru/olympic-games/berlin-1936>

[pics.com/ru/olympic-games/berlin-1936](https://olympics.com/ru/olympic-games/berlin-1936) (accessed: 03.08.2024).

литься своими новостями, ему необязательно быть журналистом или блогером. Это означает, что каждая персона может высказать своё субъективное мнение, и за этой позицией не будет стоять политика той или иной редакции. Развитие сетевого контента позволило частично ликвидировать монополию традиционных СМИ на распространение информации [2, с. 131]. Здесь возникает другой вопрос – насколько рядовой пользователь Интернета без наработанной аудитории будет «смотрибелен» в прямом эфире и насколько его мнение будет авторитетным? Однако это никак не мешает ему создавать контент и распространять его. Ярko прослеживается тенденция превращения видеоблогов в один из важных жанров социальной коммуникации [3, с. 68].

Психология зрителя. Во время онлайн-трансляции зрители получают максимальную вовлечённость в событие. Создаётся ощущение непосредственного присутствия – зритель и автор контента находятся в одном и том же месте, в одно и то же время, их разделяют не километры расстояния, а всего лишь тонкий экран. Под местом в данном случае понимается тот или иной интернет-ресурс. Так как любое место в Интернете, включая трансляцию прямого эфира, имеет свою ссылку, то действительно можно говорить, что все его участники одновременно находятся по одному адресу, пусть и электронному.

Диалог, присутствующий в ряде прямых эфиров, – старейшая форма человеческой коммуникации, а ей, в свою очередь, присуща потребность «гармоничного общения»². Проблема гармонизации стала особенно актуальной в конце 90-х гг. XX века во времена перехода от монологического типа речевой культуры к диалогическому [7, с. 88].

И одной из жанровых разновидностей диалога является интервью. Интервью как жанр впервые появляется в американской прессе в середине XIX века³, а как способ

получения информации использовался гораздо раньше. И до настоящего времени интервью не утратило своей востребованности. Классическое понятие жанра звучит так: «интервью – предназначенная для печати (или передачи по радио, телевидению) беседа с каким-н. лицом»⁴. Отражая нормы современной реальности, в перечень предназначений можно добавить Интернет. Технические возможности начала XXI века разнообразили форматную вариативность интервью. Однако суть явления осталась неизменной – это всё также ответы одной персоны на вопросы от другой. Благодаря силе гибкости, универсальности и узнаваемости жанр интервью получил виток в развитии, в частности в Сети [8, с. 56].

Возможность проведения прямых трансляций на видеохостинге «Ютьюб» появилась в 2011 г. «Ютьюб» – самая популярная в мире платформа для распространения видеоконтента⁵. Изначально прямые эфиры тестировались в бета-версии, а затем стали полноценной частью сервиса. «Ежедневно пользователи «Ютьюб» просматривают более 2 миллиардов видеороликов. Многие из них посвящены событиям, которые вы хотели бы наблюдать в режиме реального времени. Мы не могли не учесть ваши пожелания и провели прямые трансляции целого ряда событий, в том числе концертов, спортивных мероприятий и интервью. Однако это происходило не на регулярной основе. Сегодня мы с радостью объявляем о запуске YouTube Live – первого сервиса, который позволит интегрировать в платформу «Ютьюб» инструменты для организации прямых трансляций», – заявили Джошуа Сигел, менеджер по продуктам, и Кристофер Хэмилтон, менеджер по маркетингу продуктов компании «Ютьюб»⁶.

Cultural Turn in the Study of Arts. M. Kemperink, H. Hoen (Eds). Leuven; Paris; Dudley, MA: Peeters, 2008. 214 p.

⁴ Толковый словарь Ожегова онлайн: сайт. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10005> (дата обращения: 03.08.2024).

⁵ Mediascope: Интернетом в России пользуются 80 % населения старше 12 лет // Mediascope. 08.05.2022. URL: <https://mediascope.net/news/1460058/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁶ Прямые трансляции на YouTube // Официальный блог Google Россия. URL: <https://russia.googleblog.com/2011/04/youtube.html> (дата обращения: 07.08.2024).

² Болотнова Н.С. Гармонизация речевого общения // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Красноярск, 2012. С. 98-99.

³ Broersma M. The Discursive Strategy of a Subversive Genre. The Introduction of the Interview in US and European Journalism. In: Vision in Text and Image. The

Говоря о классическом интервью, мы подразумеваем беседу двух людей, где на ответы гостя отводится 70–90 % времени⁷, в специально оборудованной студии, и запись процесса на видео с помощью профессионального оборудования. Объёмные телевизионные интервью, как правило, не выходят в эфир в режиме онлайн – они подвергаются монтажу. Соответствовать строго определённому хронометражу, который нужно соблюсти с точностью до секунд, в прямом эфире довольно сложно. Сетевые же интервью имеют более свободную временную вариативность. Их монтаж происходит скорее по смысловым нуждам. Поэтому интервью в прямом эфире в современном сетевом пространстве не являются редкостью. Но тем не менее онлайн режим накладывает на авторов особую ответственность – необходимо внимательно следить за ходом разговора и уметь направлять его в нужное русло, оперировать фактами и информацией. Использование прямого эфира требует от ведущих адаптации и гибкости в подходах к работе.

Современные сетевые интервью могут нарушать правила своего жанра и при этом всё ещё оставаться собой. Здесь одновременно существуют две тенденции: индивидуализация и массовизация [9, с. 17]. Во-первых, в видеоинтервью в прямом эфире может находиться всего один человек. Во-вторых, интервьюируемых может быть больше одного, кроме того – их количество не ограничено и может исчисляться десятками и даже сотнями человек. По большому счёту это обезличенный, потоковый и массовый вопрошающий. Отсутствие авторитетной личности интервьюера (или её неузнаваемость среди прочих) позволяет говорить об отсутствии «эффект интервьюера» [10] в разговоре, что делает его более честным.

Всё это стало возможно благодаря выходу на новый уровень интерактивного виртуального пространства [11, с. 125] и, в частности, экранных интервью. Интернет-пространство в целом существует при условии активной человеческой деятельности [12, с. 174]. Интерактивность – понятие, которое

раскрывает характер и степень взаимодействия между объектами⁸, это качество имманентно присуще сетевой среде [4, с. 663]. Если видео, которые аудитория видит с экранов телевизора, – это готовый материал, взаимодействовать с которыми практически никак нельзя, то ряд видео в Интернете позволяет зрителю стать полноправным участником контента. Именно интерактивность в современных медиа способствует диалогическому общению и выстраиванию более близких и доверительных отношений собеседников, что благоприятно отражается в борьбе авторов за первенство по охвату аудитории [13, с. 129].

Так, прямые трансляции на платформе «Ютьюб» оснащены чатом с функцией комментирования – каждый зарегистрированный на платформе зритель эфира может что-либо написать. Часто в таких чатах аудитория делится эмоциями от эфира, общается между собой и задаёт вопросы автору контента. Часть прямых эфиров строится именно на том, что человек в кадре, который является ведущим, отвечает на вопросы из чата от зрителей. Такой контент можно в полной мере назвать разновидностью интервью, потому что в нём присутствует главная черта жанра: диалоговый характер беседы, в которой интервьюируемый отвечает на вопросы.

В рамках исследования мы проанализировали выпуски трансляций, проходящих на Ютьюб-канале «FreshLife28»⁹, посвящённом информации о здоровом образе жизни и психологии. Подписчиками канала являются более 950 тысяч человек, а формат прямых эфиров реализуется на платформе на протяжении 6 лет. Автором и ведущим канала является Антон Петряков – популярный фитнес-тренер, блогер и писатель, автор книги «FreshLife28. Как начать новую жизнь в понедельник и не бросить во вторник». За годы существования канала в эфир вышло более 280 трансляций.

⁸ Витченко О.В. Интерактивность как одно из основных требований к современным электронным образовательным ресурсам // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 4-1. С. 66-68. <https://elibrary.ru/ralqol>.

⁹ Freshlife28 // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@Freshlife28> (дата обращения: 09.08.2024).

⁷ Колесниченко А.В. Практическая журналистика. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 179 с.

Важно отметить, что в данной работе понятия «прямого эфира», «онлайн-трансляции» и «стрима» по смысловому значению равны и используются для обозначения одного явления. Аналогично называет свои выпуски и сам автор канала.

Коммуникация в Сети, с одной стороны, отличается от коммуникации в жизни офлайн – она более свободная и в то же время необязывающая к взаимодействию и построению диалога, с другой стороны – напоминает устную речь, которая варьируется в зависимости от окружающих условий и обстановок.

В начале разговора, онлайн или офлайн, люди, как правило, здороваются. Прямые эфиры на «Ютьюб» не являются исключением. Например, Антон Петряков приветствует своих зрителей устно, а они пишут в чат: *привет; здравствуйте; всем доброго времени суток!!!; на связи; добрый вечер; здравствуйте вам каждому; всем турбо салют; доброго здоровья, господа здравомыслящие*¹⁰. При этом автор канала здоровается в начале стрима, а комментаторы делают это в разное время: одни, кто подключается в самом начале, также приветствуют сразу; вторые – по мере своего присоединения к эфиру; третьи – по мере того, как задают вопрос. Часть зрителей и вовсе «безмолвна» – люди не здороваются и ничего не пишут в чат, это распространённое явление в сетевой среде, не относящееся к девиантному поведению и считающееся вариантом нормы.

Так как выпуск прямых трансляций на исследуемом канале стабилен, они проходят практически еженедельно, автор имеет свою постоянную аудиторию – среднее число зрителей составляет порядка 14 тысяч человек. Кроме того, одно из исследований компании Google, проводимое в 2018 г., показывает, что молодое поколение предпочитает получать информацию в видеоформате – 80 % из них используют «Ютьюб» для приобретения новых знаний¹¹.

Одной из особенностей выбранного ютьюб-канала является то, что его ведущий намеренно частично ограничил возможность комментирования трансляции: «стрим сможет смотреть любой человек, любой подписчик, который зашёл на канал, даже тот, кто не подписан, но комментировать, задавать вопросы могут люди, у которых есть стаж подписки от шести месяцев»¹². Автор поясняет, что сделал такие ограничения в ряде эфиров для своей «продвинутой аудитории» – постоянные зрители могут потерять интерес к контенту при прослушивании известной им информации, которую регулярно хотят получить новенькие. В преимущественном большинстве остальных эфиров возможность комментирования в чате появляется, если пользователь подписан на канал как минимум 5 минут. Полагаем, что данное ограничение необходимо для того, чтобы минимизировать присутствие ботов в чате и избежать рассылки ими спама.

После приветствия ведущий переходит к основной цели интервью – ответам на вопросы от зрителей. Все вопросы, которые задаёт один человек другому, в том числе и в рамках интервью, можно классифицировать. В данном исследовании мы обратимся к классификации вопросов А.В. Колесниченко¹³. Глобально все вопросы делятся на открытые, подразумевающие развёрнутый ответ, и закрытые с односложным ответом.

*Сухость это только низкоуглеводка?; ролики по КИ ещё будут?; у тебя есть постоянный напарник в зале?; есть ли польза нервной системе от приёма 5-Нип?*¹⁴ – закрытые вопросы, ответить на которые можно «да» или «нет». Однако автор канала предпочитает избегать таких ответов и дополняет своё мнение какой-либо фразой, чтобы дать более развёрнутый экспертный ответ.

Открытые вопросы в свою очередь можно разделить на управляющие, поведенческие и предметные. К управляющим вопро-

¹⁰ FreshStream #279 // YouTube. URL: https://www.youtube.com/live/OxQH0pb7D9E?si=aNVHG09IZwg_ihUw (дата обращения: 13.08.2024).

¹¹ Generation Z Media & Values study / Google, Ipsos Connect. USA, May, 2018.

¹² FreshStream #279 // YouTube. URL: https://www.youtube.com/live/OxQH0pb7D9E?si=aNVHG09IZwg_ihUw (дата обращения: 13.08.2024).

¹³ Колесниченко А.В. Практическая журналистика.

¹⁴ Орфография и пунктуация комментаторов чата сохранены.

сам относятся открывающие, переходные, фильтрующие, утверждающие и когнитивные, к поведенческим – суггестивные, вопросы-ловушки, намекающие, усилительные и провоцирующие, а к предметным – фактицирующие, оценивающие, интроспекционные, проективные, гипотетические.

Проанализировав вопросы, которые зрители задают во время трансляции, можем отметить, что в исследуемом формате интервью отсутствуют управляющие вопросы. Это обусловлено тем, что в данном виде разговора нет необходимости вести «нить» разговора, плавно переходить от темы к теме и выстраивать логическую цепочку, так как в роли интервьюеров выступает большое количество человек, которых интересуют вопросы разного характера. Так, первым в стриме был вопрос: *здравствуйте, подскажите что делать если грудные [мышцы] разных размеров?* А следом за ним были напечатаны: *планируете ролик про когнитивную модель КИТ?* и *как улучшить траекторию движения в жиме лёжа левая рука ниже правой*. Не нужно быть глубоко погруженным в спортивную тему человеком, чтобы понять тематически разрозненный характер вопросов. Антон Петряков в аналогичном стиле даёт ответы – обособленный ответ на каждый вопрос без каких-либо связующих элементов между ними.

Более того, во время эфира нормальным явлением считаются длительные паузы, которые ничем не перекрываются. Это происходит, когда в чате нет вопросов или автор читает несколько и выбирает наиболее интересный. В классических телевизионных интервью долгое молчание в кадре недопустимо. В виде исключения выступают лишь несколько случаев, например, чтобы не перебивать эмоции героя или настроить его на продолжение ответа. Всё остальное время ведущий должен строить беседу так, чтобы в ней совмещались определённая динамика и плавность.

Поведенческие вопросы, служащие для манипулирования собеседником, провоцирования его на определённые действия и эмоции, также отсутствуют. Вероятно, их пуб-

ликацию не допускают модераторы, чтобы автор не поддавался провокациям.

Данный тип интервью содержит преимущественно предметные вопросы. Так, например, довольно часто в чате задают фактицирующие вопросы, их цель – узнать информацию о конкретном предмете или явлении. *Сухость это только низкоуглеводка?; кофе и железо както связаны?; какую формулу для расчёта КБЖУ советуете?; какие аминокислоты выбрать после тренировки. БЦАА или ЕАА?* – вопросы, ответ на которые просветит зрителей на определённую тему. Блогер в данном случае выступает как эксперт, а аудитория обращается к его авторитетному мнению.

Оценочные же вопросы необходимы для того, чтобы узнать сугубо личное мнение конкретной личности на какую-либо тему: *как вы относитесь к подходу можно есть всё, но осознанно, в меру; все книги Талеба стоит прочитать?; становая тяга после 45 лет, норм?*

Наличие в чате только определенных видов вопросов вполне обосновано – зрители, как правило, либо хотят услышать ответ эксперта по той или иной теме, либо узнать личное мнение интересующей персоны. Именно это обуславливает преимущество предметных и оценочных вопросов. Сетевое пространство в целом, как мы отмечали ранее, довольно персонифицировано, для него характерна повышенная модальность – здесь принято транслировать информацию «от себя». Видеооблог можно даже сравнить с публичным личным дневником, в котором автор высказывает своё мнение и делится мыслями.

Интервьюируемый может отвечать не на все вопросы, присылаемые в чат. Во-первых, он может просто не захотеть поднимать какую-либо тему в связи с личным нежеланием, сложностями объяснения или незнанием ответа – для авторского блога такое поведение является нормальным. Во-вторых, в потоке записей вопрос может «ускользнуть от глаз» и остаться незамеченным.

Выступление в прямом эфире — это дополнительная ответственность, не дающая права на ошибку. Чтобы внимание ведущего не рассеивалось, ничего не должно отвлекать

его от эфира. В том числе и лишние сообщения в чате, которые противоречат политике ютьюб-канала или даже законодательству Российской Федерации. Для устранения нежелательного поведения зрителей в чате присутствуют модераторы. Среди прочих комментаторов их имена выделяются синим цветом, и рядом располагается иконка гаечного ключа, что у активных пользователей Интернета ассоциируется с «техподдержкой». Модераторы помогают пользователям разбираться с технической частью – подсказывают зрителям, как избавиться от неполадок с эфиром или задать вопрос. Кроме того, на «Ютьюб» модераторы бывают стандартные и ведущие. Стандартный модератор может: переходить на каналы участников, чтобы узнать о них больше, прежде чем выполнить какое-либо действие; удалять сообщения, которые сочтёт неприемлемыми или потенциально оскорбительными (в таком случае из чата навсегда удаляется не только само сообщение, но и ответы на него); ограничивать отдельным пользователям доступ к чату на срок от 10 секунд до 24 часов; блокировать пользователей (их сообщения в чате и комментарии к видео на канале будут скрыты); проверять потенциально недопустимые сообщения (они отправляются на проверку согласно заданным настройкам, а после неё модератор может запретить или разрешить их публикацию). Ведущий модератор, помимо перечисленного выше, также может: задавать настройки по умолчанию, которые в зависимости от заданных параметров будут определять в комментариях спам, саморекламу, бессмысленный текст и другой неприемлемый контент; включать и выключать чат; ограничивать участие в чате, например, разрешить писать в него только подписчикам, спонсорам или одобренным пользователям; включать задержку сообщений (можно задать период между двумя сообщениями одного участника); добавлять слова в чёрный список; управлять стандартными модераторами¹⁵.

¹⁵ Как модерировать чат и комментарии // Справка – YouTube. URL: <https://support.google.com/youtube/answer/10888907?hl=ru&co=GENIE.Platform%3DAndroid> (дата обращения: 16.08.2024).

Работа специалистов техподдержки, пусть и удалённая, напоминает работу съёмочной команды, когда ведущий занимается исключительно ведением контента, а за техническую часть отвечают другие люди. Это, даже по словам самого ведущего, очень облегчает процесс ведения эфира. В качестве модераторов выступают лица, которым автор доверяет и назначает на роль лично.

После того, как зрители отправляют свои комментарии в чат, сообщения отображаются в хронологическом порядке. На вопросы закрытого типа, как и отмечают теоретические источники, блогер отвечает односложно и быстро: – *Спирулина и ДЗ совместимы? – Да*. Но эти же вопросы можно отнести и к альтернативному типу [14, с. 80], так как отвечающий, в зависимости от желания, может давать не только однозначный ответ, но и дополнять его объяснением. Вопросы открытого типа могут обсуждать как несколько секунд, так и порядка минуты – однако ведущий старается давать конкретные ответы, чтобы охватить во время эфира наибольшее количество вопросов.

Так как блогер не является профессиональным журналистом и представителем какого-либо бренда или компании, его поведенческие характеристики влияют исключительно на его личную репутацию, что указывает на персонифицированность данного жанра [6, с. 141] и «ренессанс индивидуальности» [15, с. 209].

Здесь же отметим, что поведение мужчины в эфире эмоционально стабильно, его речь ясная, чёткая и быстрая, однако, не всегда соответствует строгим литературным нормам русского языка. В устной обыденной речи допустимо использование разговорных слов, например: *алкашка, колбасило, бабки, не парьтесь, бодрячок*. Кроме того, в одном из прямых эфиров¹⁶ автор заявляет: «я матом ругаюсь мало». Действительно, обсценная лексика присутствует в ответах блогера, но он ею не злоупотребляет. Интернет, в частности видеохостинг «Ютьюб», в отличие от

¹⁶ Первый стрим для продвинутых зрителей // YouTube. URL: https://www.youtube.com/live/r44lWI_v1f8 (дата обращения: 16.08.2024).

телевизионных каналов, допускает использование ненормативных слов.

Неидеальная и неподготовленная речь указывает на то, что ведущий ведёт себя открыто перед аудиторией, не боится сказать что-то не то или не так. В Сети прослеживается тенденция спада на идеальную картинку, на смену приходит естественный, живой и искренний контент [1, с. 209]. Кроме того, со своими зрителями блогер зачастую общается на «ты» – это становится понятно исходя из его обращений к комментаторам и ответов на вопросы: *ты уверен?; понимаешь?; Николай, никто тебе никогда об этом не скажет*. Коммуникативный набор ведущего и аудитории позволяет охарактеризовать их диалог как неформальный, но без строгих нарушений личностных границ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ современных экранных сетевых интервью позволил нам описать их особенности и даже выявить феномены. Конкретный пример показывает, что, с одной стороны, блогер в кадре является ведущим – обозначает тему разговора, начинает и заканчивает его, но, с другой стороны, он же является и интервьюируемым – отвечает на вопросы зрителей-комментаторов, а не задаёт их, как принято в классическом варианте. В данном случае роль ведущего не приравнивается к роли интервьюера, соответственно, он те-

ряет некоторые функции. Например, в классическом интервью интервьюер может помочь собеседнику сформулировать вопрос или выразить мысль [16, р. 96], в исследуемом же интервьюеры выполняют лишь одно действие – задают вопросы.

Так, роли интервьюера и интервьюируемого оказались подвижны – в печатных или телевизионных форматах интервью такое явление было невозможным. Кроме того, массовая аудитория, которая много десятилетий выступала исключительно в качестве зрителей, теперь может быть причастной к созданию контента и управлять ходом и содержанием видеоинтервью. Это стало возможно благодаря техническому развитию видеохостингов и сетевого пространства в целом, а также гибкости и подвижности жанра интервью, который смог адаптироваться под запросы современных потребителей.

На основании всех вышеизложенных особенностей современного интервью в онлайне мы можем выделить новый формат в системе классификации жанра: «интервью в формате стрима». Также сформулируем определение понятию: интервью в формате стрима – разновидность сетевого видеоинтервью, проходящего в режиме прямого эфира, в котором главное лицо, ведущий, является интервьюируемым, а в качестве многочисленных интервьюируемых, количество которых может исчисляться даже сотнями и тысячами, выступают зрители и комментаторы эфира.

Список источников

1. Абросимова Е.Е., Малахова В.Р. Видеоблогосфера: социально-психологический аспект // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. Т. 13. № 3. С. 207-216. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-3/207-216>, <https://elibrary.ru/hlghni>
2. Абросимова Е.Е., Филипова А.Г. Рейтинг популярных видеоблогеров: взгляд современных подростков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2 (61). С. 131-137. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/131-137>, <https://elibrary.ru/hkrezi>
3. Руденкин Д.В., Грушевская В.Ю. Основные векторы анализа видеоблогов в современной социально-гуманитарной науке // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11 (165). С. 67-72. <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.11.9>, <https://elibrary.ru/kbdddww>
4. Шестерина А.М. Аудитория видеоблогов как криэйтор медиадискурса // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41. № 4. С. 662-669. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-4-662-669>, <https://elibrary.ru/vtdayv>
5. Шестерина А.М. Видеоблогинг как платформа популяризации ценностей культуры // Этнопсихология. 2022. № 3 (10). С. 41-50. <https://doi.org/10.31249/epl/2022.03.03>, <https://elibrary.ru/pcmfnhu>

6. Шестерина А.М. Жанровый аспект формирования экранного имиджа видеоблогера // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1 (35). С. 140-146. <https://elibrary.ru/cqgsjv>
7. Болотнова Н.С. Гармонизация общения участников интервью в авторской телевизионной программе: коммуникативно-прагматический и регулятивный аспекты // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (225). С. 86-94. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-86-94>, <https://elibrary.ru/txfauy>
8. Бейненсон В.А. Трансформация жанра интервью в YouTube: типология экспериментальных форматов // Вопросы журналистики. 2022. № 11. С. 54-70. <https://doi.org/10.17223/26188422/11/3>, <https://elibrary.ru/ccykvc>
9. Попова С.Ю., Селезнёва А.В. Социально-политическая и гражданская активность молодёжи: между массовизацией и индивидуализацией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10. № 1 (37). С. 12-22. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-1-12-22>, <https://elibrary.ru/frvdzu>
10. Градюшко А.А. Платформа YouTube как площадка для массмедиа: оценка эффективности // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2019. № 2 (225). С. 63-69. <https://elibrary.ru/itmizs>
11. Комилов К.И. Интерактивные особенности «Новых медиа» // Учёные записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2019. № 3 (60). С. 125-128. <https://elibrary.ru/tcibgr>
12. Грабельников А.А., Гегелова Н.С. Экранная коммуникация и визуализация журналистики. Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2019. 334 с. <https://elibrary.ru/jmjkkk>
13. Бычкова М.Б. Современный видеоблог: причины популярности и жанровое многообразие // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 127-131. <https://elibrary.ru/wtadsl>
14. Высоцкая И.В. Альтернативный вопрос в YouTube-интервью: лингвистический, прагматический, когнитивный аспекты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 6. С. 79-88. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-6-79-88>, <https://elibrary.ru/yqgbyf>
15. Абросимова Е.Е., Малахова В.Р. Видеоблогосфера: социально-психологический аспект // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. Т. 13. № 3. С. 207-216. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-3/207-216>, <https://elibrary.ru/hlghni>
16. Jankowicz D. Sociality and negotiation in the research grid interview // Personal Construct Theory & Practice. 2019. Vol. 16. P. 94-99. <http://dx.doi.org/10.69995/YGLC4086>

References

1. Abrosimova E.E., Malakhova V.R. Video blogosphere: socio-psychological aspect. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2021, vol. 13, no. 3, pp. 207-216. (In Russ.) <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-3/207-216>, <https://elibrary.ru/hlghni>
2. Abrosimova E.E., Filipova A.G. Rating of popular video bloggers: the view of modern teenagers. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Ojkumena. Regional Researches*, 2022, no. 2 (61), pp. 131-137. (In Russ.) <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/131-137>, <https://elibrary.ru/hkrczi>
3. Rudenkin D.V., Grushevskaya V.Yu. Major conceptual approaches of video blog analysis in modern socio-humanitarian science. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2021, no. 11 (165), pp. 67-72. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.11.9>, <https://elibrary.ru/kbdddww>
4. Shesterina A.M. Videoblog audience as media discourse creator. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaviya = Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 2022, vol. 41, no. 4, pp. 662-669. (In Russ.) <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-4-662-669>, <https://elibrary.ru/vtdayv>
5. Shesterina A.M. Videoblogging as a platform for popularization cultural values. *Ethnopsikholingvistika = Ethnopsycholinguistics*, 2022, no. 3 (10), pp. 41-50. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/epl/2022.03.03>, <https://elibrary.ru/pcmfnhu>

6. Shesterina A.M. Genre aspect of forming an online public image of videoblogger. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2020, no. 1 (35), pp. 140-146. (In Russ.) <https://elibrary.ru/eqgsjv>
7. Bolotnova N.S. Harmonization of communication of the interview participants in author's TV program: communicative-pragmatic and regulative aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, no. 1 (225), pp. 86-94. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-86-94>, <https://elibrary.ru/txfaux>
8. Beinenson V.A. The transformation of the YouTube interview genre: a typology of experimental formats. *Voprosy zhurnalistiki = Russian Journal of Media Studies*, 2022, no. 11, pp. 54-70. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/26188422/11/3>, <https://elibrary.ru/ccykvc>
9. Popova S.Yu., Selezneva A.V. Socio-political and civil activity of young people: between massification and individualization. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2021, vol. 10, no. 1 (37), pp. 12-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-1-12-22>, <https://elibrary.ru/frvdzu>
10. Gradyushko A.A. YouTube platform as area for mass media: efficiency mark. *Trudy BGTU. Seriya 4: Print-i mediatekhnologii = Proceedings of BSTU. Issue 4. Print- and Mediatechnologies*, 2019, no. 2 (225), pp. 63-69. (In Russ.) <https://elibrary.ru/itmizs>
11. Komilov K.I. Interactive features of new media. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk = Scientific Notes of Khujand State University Named After Academician B. Gafurov. Series of Humanities Sciences*, 2019, no. 3 (60), pp. 125-128. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tcibgr>
12. Grabel'nikov A.A., Gegelova N.S. *Screen Communication and Visualization of Journalism: History and Modernity*. Moscow, Berlin, Directmedia Publ., 2019, 334 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jmjkk>
13. Bychkova M.B. Modern video blog: the reasons of its popularity and genre multiplicity. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya = Herald of Tver State University. Series: Philology*, 2019, no. 1 (60), pp. 127-131. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wtadsl>
14. Vysotskaya I.V. The alternative question in YouTube-interview: linguistic, pragmatic and cognitive aspects. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6, pp. 79-88. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-6-79-88>, <https://elibrary.ru/yqgbyf>
15. Abrosimova E.E., Malakhova V.R. Video blogosphere: socio-psychological aspect. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2021, vol. 13, no. 3, pp. 207-216. (In Russ.) <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2021-3/207-216>, <https://elibrary.ru/hlggni>
16. Jankowicz D. Sociality and negotiation in the research grid interview. *Personal Construct Theory & Practice*, 2019, vol. 16, pp. 94-99. <http://dx.doi.org/10.69995/YGLC4086>

Информация об авторе

ЛАПТИЕВА Дарья Константиновна, научный сотрудник кафедры общего языкознания и стилистики, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0003-3509-449X>, sdcfj@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.09.2024

Поступила после доработки и рецензирования 15.01.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Darya K. Laptieva, Research Scholar of General Linguistics and Stylistics Department, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0003-3509-449X>, sdcfj@yandex.ru

Received 25.09.2024

Approved after reviewing and revision 15.01.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-400-417>

Шифр научной специальности 5.9.9

Противостояние фейкам на китайских социальных платформах: коммуникационные особенности Weibo и Wechat

Валерий Леонидович Музыкант , Яогуан Янь
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 muzykant-vl@rudn.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Рассмотрены особенности распространения фейковых новостей на китайских социальных платформах Weibo и WeChat. Научная проблема заключается в выявлении различий в механизмах вирусного и скрытого распространения дезинформации, а цель исследования – проведение сравнительного анализа применяемых механизмов дезинформации и оценка превентивных мер по борьбе с фейками. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** В качестве материала исследования использованы 2000 публичных постов с примерами фейковых новостей из Weibo и WeChat. Применены методы качественного контент-анализа и сравнительного анализа: систематическое наблюдение способов распространения фейковых новостей, анализ структуры социальных связей («слабые» и «сильные» связи) целевых аудиторий и исследование пользовательского поведения. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Доказано, что Weibo, как открытая сеть со «слабыми связями», обеспечивает молниеносное вирусное распространение фейков через массовые репосты и хэштеги. В то же время WeChat распространяет дезинформацию через «сильные» доверительные связи внутри закрытых групп и личных чатов, делая новости более скрытыми и труднопроверяемыми. Инструменты борьбы с фейками, используемые медиаплатформами, представлены публичными аккаунтами опровержения, алгоритмическим регулированием, внедрением ИИ и блокчейна, что имеет разную степень эффективности в зависимости от типа сети. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Интерпретация результатов подчёркивает необходимость междисциплинарного сотрудничества и расширения глобальных сравнительных исследований. Для повышения устойчивости общества к фейкам требуются комплексные стратегии управления информационной средой, развитие цифровой гуманитаристики, повышение прозрачности алгоритмов модерации и создание международных механизмов оперативного опровержения дезинформации.

Ключевые слова: фейковые новости, дезинформация, Weibo, WeChat, социальные сети, управление СМИ, Китай

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: В.Л. Музыкант – постановка проблемы исследования, обзор современных исследований по проблеме, разработка методологии, формулировка выводов, окончательное редактирование, выработка рекомендаций. Яогуан Янь – дизайн исследования, поиск и анализ научной литературы, систематическое наблюдение, сбор и обработка данных, подготовка рисунков и таблиц, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Музыкант В.Л., Янь Яогуан. Противостояние фейкам на китайских социальных платформах: коммуникационные особенности Weibo и Wechat // Нефилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 400-417. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-400-417>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-400-417>

OECD 5.08; ASJC 3315

Countering Fake News on Chinese Social Platforms: Communication Features of Weibo and WeChat

Valerii L. Muzykant , Yaoguang Yan

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

 muzykant-vl@rudn.ru

Abstract

INTRODUCTION. The peculiarities of fake news spreading on Chinese social platforms Weibo and WeChat are examined. The scientific problem is to identify the differences in the mechanisms of viral and hidden disinformation dissemination, and the purpose of the study is to conduct a comparative analysis of the applied mechanisms of disinformation and evaluate preventive measures to combat fake news. **MATERIALS AND METHODS.** 2000 public posts with examples of fake news from Weibo and WeChat were used as the materials of the study. The methods of qualitative content analysis and comparative analysis were applied: systematic observation of fake news dissemination methods, analysis of the structure of social ties ("weak" and "strong" ties) of target audiences, and research of user behavior. **RESULTS AND DISCUSSION.** Weibo, as an open network with "weak ties," has been proven to enable lightning-fast viral spread of fake news through mass reposts and hashtags. WeChat, on the other hand, spreads misinformation through "strong" trust ties within closed groups and private chats, making news more secretive and difficult to verify. Anti-fake news tools used by media platforms include public rebuttal accounts, algorithmic regulation, AI and blockchain, with varying degrees of effectiveness depending on the type of network. **CONCLUSION.** The interpretation of the results emphasizes the need for interdisciplinary cooperation and the expansion of global comparative research. In order to increase society's resistance to fake news, comprehensive strategies for managing the information environment, developing digital humanities, increasing the transparency of moderation algorithms, and creating international mechanisms for promptly refuting disinformation are required.

Keywords: Fake news, disinformation, Weibo, WeChat, social media, media governance, China

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: V.L. Muzykant – statement of the research problem, review of modern research on the problem, methodology development, formulated the conclusions, final editing, making recommendations. Yaoguang Yan – design of research, search and analysis of scientific literature, systematic observation, collection and data processing, preparation of drawings and tables, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Muzykant, V.L., & Yan, Yaoguang. Countering Fake News on Chinese Social Platforms: Communication Features of Weibo and WeChat. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):400-417. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-400-417>

ВВЕДЕНИЕ

Фейковые новости имеют длительную историю. Однако популярность этот термин приобрёл в последние годы. Возникновение этого явления тесно связано с современным технологическим прогрессом и реакцией людей на информацию в Web 2.0 [1]. Стремительное развитие социальных медиа предоставило обществу платформу для общения и высокой степени взаимосвязанности, где каждый может выражать свои замечания и мнения, читать и делиться различной информацией на социальных платформах. Такие характеристики социальных медиа, как практичность и удобство, открытость и всеохватность, а также невидимость личной информации, привлекают всё больше и больше пользователей и становятся неотъемлемой частью повседневной жизни людей. «Однако сокрытие информации является обоюдоострым оружием, так как социальные медиаплатформы поощряют пользователей выражать себя аутентично, но в то же время порождают множество недостоверной инфор-

мации» [2]. Социальные медиаплатформы имеют большую базу пользователей, реальная личность пользователя неизвестна (рис. 1), и трудно осуществлять эффективный контроль, что приводит к быстрому распространению фальшивых новостей в социальной сети [3]. Быстрое распространение фальшивых новостей может исказить общественные ценности и привести к социальным беспорядкам. В Китае Weibo и WeChat, как две основные платформы социальных сетей, имеют уникальную структуру коммуникации, которая существенно влияет на распространение фальшивых новостей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом данного исследования являются медиаплатформы Weibo и WeChat.

Проведено качественное исследование, определены типы фейковых новостей, с применением контент- и сравнительного анализа углублённо изучены механизмы распространения фейковых новостей на этих популярных платформах.

Рис. 1. Информационный беспорядок базируется на ложной информации, откровенной дезинформации и намеренной утечке данных

Fig. 1. Information clutter is based on false information, outright misinformation and deliberate data leakage

Источник / Source: Information Disorder: An interdisciplinary framework. URL: <https://firstdraftnews.org/articles/coe-report/>

Посредством систематического наблюдения за поведением пользователей и анализа каналов распространения ложной информации изучены меры, принимаемые платформами для противостояния фейкам. В ходе исследования 2000 информационных сообщений выявлены принципиальные различия и сходства в распространении фейковых новостей на Weibo и WeChat.

Данные для исследования получены из открытых постов на Weibo и WeChat, при этом основное внимание уделено случаям фейковых новостей, связанным с актуальными социальными событиями, особенно с распространением ложной информации о политико-экономических событиях в Китае и мире. В ходе исследования акцент сделан на анализ фейковых сообщений, широко распространяемых в контексте таких значимых событий, как отношения между Китаем и Россией.

Таким образом, данное исследование представляет всестороннюю оценку роли медиаплатформ Weibo и WeChat в процессе распространения фейковых новостей и предлагает целевые рекомендации по противостоянию фейкам.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Определение и типы фейковых новостей.

В большинстве своём исследователи рассматривают лживую информацию как феномен дезинформации, имеющей намеренный характер, изучают методы его выявления и определения. Однако такой общий подход является узким по своей сути и не позволяет адекватно отразить всю природу фейковых новостей и механизмы их распространения, а также не способствует выработке эффективных форм и методов устранения их влияния на общественно-политические процессы [4]. Лживые новости обычно определяются как контент с недостоверной и ложной информацией, целью которого является влияние на общественное мнение или получение экономической выгоды.

L. Guo, Y. Zhang отметили, что в Китае распространение фальшивых новостей обыч-

но существует в виде слухов и подвержено влиянию алгоритмов информационных потоков, что приводит к широкому распространению определённых слухов на платформе [5]. Существуют различные типы фейковых новостей (рис. 2), включая политические слухи, экономические аферы, дезинформацию о кризисе и т. д. Различные типы фейков демонстрируют уникальные коммуникационные характеристики в разных контекстах и на разных платформах.

В литературе, посвящённой теме фейков [6], под понятие лживых новостей попадают как новостные ошибки, так и намеренно распространяемые целыми организациями фейки с целью нанести финансовый, политический или экономический вред. С быстрым развитием социальных сетей и диверсификацией коммуникационных моделей новости перестали ограничиваться традиционной бумажной формой, где адресанты – журналисты, теперь каждый адресат – создатель новостей. Поэтому определение термина «фейковые новости» касается всей информационной экосистемы. Кроме того, с развитием self-media определение того, является ли новость фальшивой или нет, не может зависеть только от организации-адресанта, а основывается на подлинности контента, фокусируясь в основном на интернет-контексте. В данном исследовании под фейковыми новостями понимается любая информация, речь или текст, не соответствующие фактическому содержанию, куда могут быть отнесены вводящие в заблуждение новости, ложный контент, дезинформация, clickbait и слухи.

Существующие исследования часто связывают фейковые новости с такими концепциями, как обманчивые новости (Deceptive News) [7–9], ложные новости (False News) [10], сатирические новости (Satire News) [11–12], дезинформация (Disinformation) [13], ложная информация (Misinformation) [14], избирательное восприятие (Cherry-picking) [15], кликбейт (Clickbait) [16] и слухи (Rumor) [17]. Среди них намеренно вводящие в заблуждение новости или фейки – это доказуемо ложные новости; лживые новости – это новости, распространяемые через средства массовой информации, которые содержат

некоторые недостоверные сведения (рис. 3). Сатира и пародия обычно являются гиперболизацией и неким преувеличением сообщений о текущих событиях, их содержание часто включает ложные элементы, выраженные в преувеличенной, приукрашенной форме. Если, как отмечалось, дезинформация – это намеренно или случайно искажённые сообщения, либо полностью вымышленные с целью обмана и введения общественности в заблуждение, то кликбейт обычно представляет собой сенсационные заголовки, использующие шокирующие выражения, чтобы привлечь внимание пользователей и заставить их перейти на веб-страницу с целью получения дохода от рекламы на основе количества кликов. Таким образом, целью ставится получение прибыли за счёт активности пользователей. Слухи, как разновидность фейковых новостей, также содержат

ярко выраженные личные эмоциональные элементы, и когда слухи оказываются ложными, они превращаются в фейковые новости [18].

В соответствии с приведёнными выше определениями терминов и концепций можно провести анализ по трём критериям: подлинность информации, намерение нанести ущерб и степень вреда от ложного сообщения. Подлинность означает наличие или отсутствие недостоверных утверждений; намерение отражает цель распространения или передачи фейковых новостей, например, введение в заблуждение, развлечение общественности или получение прибыли; степень вреда указывает на уровень негативного воздействия на общественность или индивида. В табл. 1 приведено обобщение данных концепций с указанием степени возможного вреда.

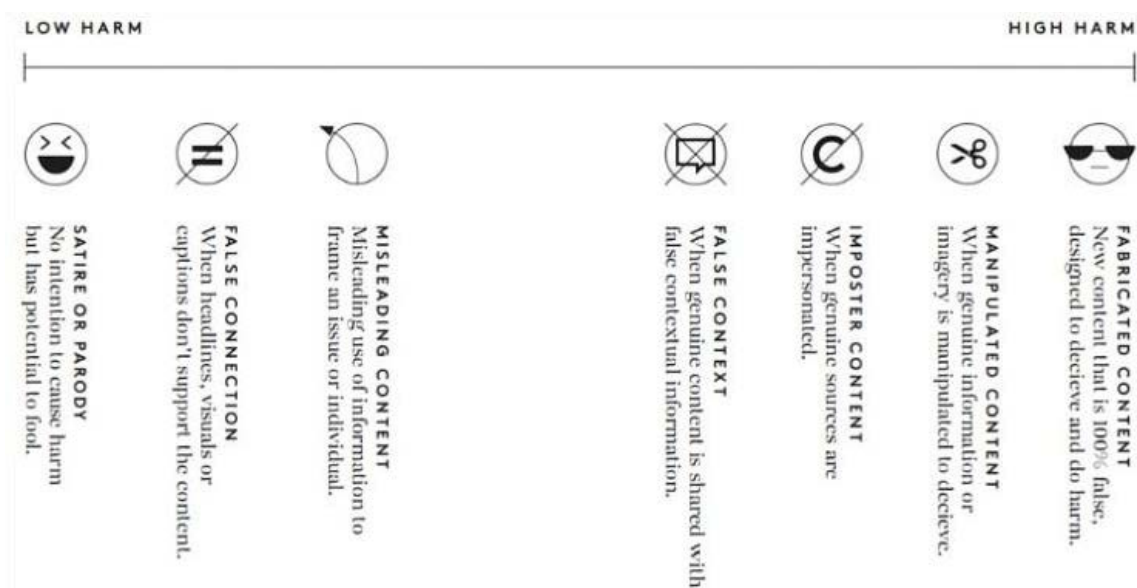

Рис. 2. Фейки: от сатиры и пародии – к сфабрикованному контенту

Fig. 2. Fakes: from satire and parody to fabricated content

Источник: адаптировано авторами с сайта First Draft News. URL: <https://medium.com/1st-draft/fake-news-its-complicated-d0f773766c79>

Source: adapted by the authors from First Draft News. URL: <https://medium.com/1st-draft/fake-news-its-complicated-d0f773766c79>

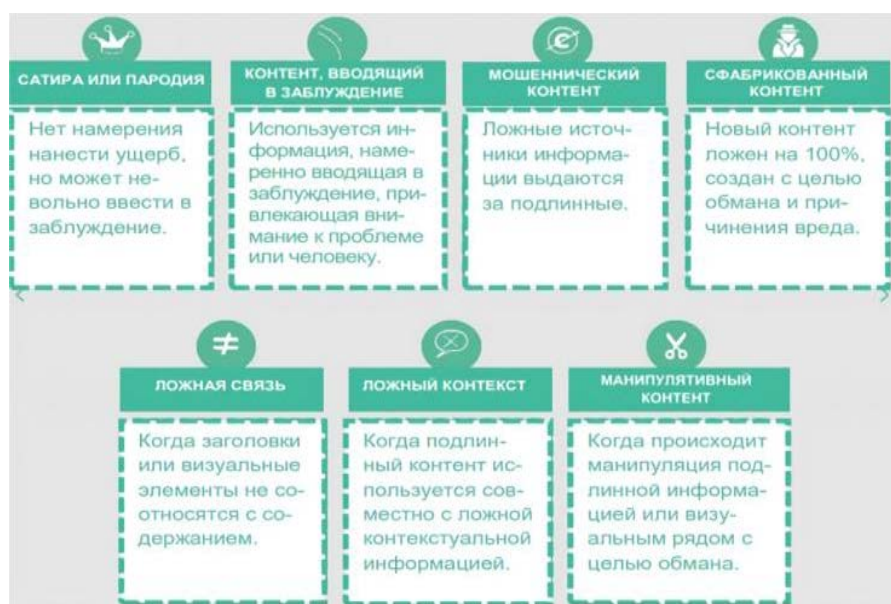

Рис. 3. Семь категорий «информационного беспорядка»

Fig. 3. Seven categories of “information clutter”

Источник: адаптировано авторами с сайта First Draft News. URL: <https://medium.com/1st-draft/fake-news-its-complicated-d0f773766c79>

Source: adapted by the authors from First Draft News. URL: <https://medium.com/1st-draft/fake-news-its-complicated-d0f773766c79>

Таблица 1. Термины и концепции, связанные с фейковыми новостями

Table 1. Terms and concepts related to fake news

Термин/концепция	Подлинность	Намерение	Степень вреда
Вводящие в заблуждение новости	Недостоверные	Ввести общественность в заблуждение	Намеренно составлены, большое влияние
Ложные новости	Недостоверные	Распространение чужих ошибок	Имеют определенное влияние
Сатира и пародия	Неоднозначно	Развлечение обществ	Низкая степень влияния
Дезинформация	Недостоверная	Ввести общественность в заблуждение	Злонамеренное распространение, влияние на общество и массы
Избирательное восприятие	Обычно достоверно	Ввести общественность в заблуждение	Селективное восприятие пользователем, индивидуальное влияние
Кликбейт	Обычно недостоверно	Клики для получения прибыли	Сенсационные заголовки, умеренное влияние
Ложные слухи	Недостоверные	Привлечение внимания пользователей, введение в заблуждение	Большое влияние, влияет на психическое и физическое здоровье масс

Источник: составлено авторами на основе материалов [7–17].

Source: compiled by the authors based on sources [7–17].

2. Механизмы распространения фейковых новостей на платформах Weibo и WeChat.

2.1. Структура распространения в Weibo. Согласно годовому отчёту Weibo, в декабре 2023 г. месячная аудитория активных пользователей Weibo составила 598 миллионов человек, что на 11 миллионов больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Среднесуточная аудитория активных пользователей составила 257 миллионов человек, что на 5 миллионов больше по сравнению с предыдущим годом¹. Такой огромный объём пользователей свидетельствует об эффективности распространения мобильного Интернета в эпоху новых медиа в Китае, но одновременно с этим скрывает целый ряд проблем. Слухи на Weibo, являясь частью интернет-слухов, постепенно проникают в общественную сферу благодаря ложному контенту, и их связь с общественными событиями становится всё более тесной. Это не только усугубляет панику и вызывает когнитивные искажения у пользователей, но также может спровоцировать кризис общественного мнения, усиливая социальное противостояние и конфликты.

Weibo представляет собой социальную сеть, основанную на контентных связях, структура распространения которой описывается как «личный центр» + «контентная ассоциация» (рис. 4). «Личный центр» в данном контексте означает модель распространения и социальную сеть, построенную вокруг личного аккаунта пользователя. Это подчёркивает роль индивидуального пользователя как центрального узла, через который происходит создание, обмен и обсуждение контента. Аккаунт пользователя становится отправной точкой, с которой информация распространяется на подписчиков, а затем через взаимодействия (лайки, репосты, комментарии) передаётся более широкой аудитории. Данная структура играет ключевую

роль в распространении фейковых новостей. В Weibo фейковые новости благодаря привлекательному содержанию быстро привлекают внимание пользователей, и каждый «личный центр» (аккаунт в Weibo) может стать узлом распространения. В силу особенностей распространения в Weibo, фейковые новости не зависят от тесных социальных связей, а распространяются через «слабые связи», формируя сеть распространения, основанную на контенте.

Контентные связи в Weibo могут быть как двусторонними, так и односторонними. Структура распространения в Weibo указывает на то, что качество социальной сети напрямую определяет охват информации, распространяемой пользователем, а также объём информации, которую они получают. Каждая связь представляет собой канал распространения, и чем больше таких связей, тем шире, теоретически, канал распространения информации. Открытая структура связи способствует широкому распространению фейковых новостей. Несмотря на то, что теоретически начальные условия для каждого «личного центра» одинаковы, пользователи с высоким социальным статусом или влиянием могут быстро стать ядром распространения информации. Таким образом, фейковые новости, получившие поддержку от популярных пользователей или лидеров мнений, приобретают значительно больший охват. Обычные пользователи имеют ограниченные возможности для распространения, поскольку их связи часто основаны на существующих социальных отношениях, однако в определённых условиях они также могут способствовать широкому распространению фейковых новостей через лидеров мнений.

Таким образом, структура «личный центр + контентная ассоциация» в Weibo создаёт благоприятные условия для распространения фейковых новостей. Распространение через слабые связи, основанное на контенте, открытая структура социальной сети и поддержка лидеров мнений усиливают охват и влияние фейковых новостей на платформе Weibo.

Кроме того, хотя связи между пользователями Weibo не ограничиваются контентом,

¹ 微博. 2023 年四季度及全年财报发布 // 每日经济新闻. 2023. (Компания Weibo. Публикация финансового отчёта за IV квартал и полный год 2023 // Ежедневные экономические новости. 2023.) URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1793496260744097410&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 30.03.2025).

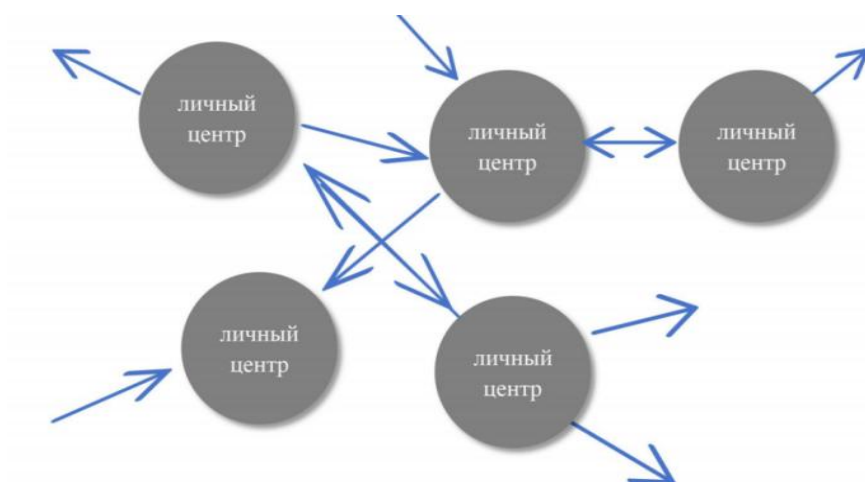

Рис. 4. Контентные связи в Weibo: «личный центр + контентная ассоциация»

Fig. 4. Content connections in Weibo: “personal center + content association”

Источник: построено авторами.

Source: compiled by the authors.

основой их отношений всё же остаётся контент, особенно тот, который привлекает внимание и вызывает эмоции. Поэтому фейковые новости способны вызывать массовые репосты и комментарии благодаря темам с высоким потенциалом распространения. Даже если пользователи не делятся или не комментируют фейковые новости, многие продолжают получать психологическое удовольствие от просмотра и отслеживания такого контента, что способствует дальнейшему распространению фейковых новостей по цепочке контента.

2.2. Структура распространения в Wechat. По данным исследования, проведённого в 2024 г. компанией “We are Social”, WeChat остаётся ведущей социальной платформой в Китае, насчитывая 1,34 миллиарда ежемесячных активных пользователей по всему миру. Это делает её одной из самых популярных социальных сетей как на национальном, так и на международном уровне. Более 87,3 % китайских интернет-пользователей в возрасте от 16 до 64 лет регулярно используют WeChat, что укрепляет её позицию как самой востребованной платформы в стране. В то же время Sina Weibo демонстрирует стабильный рост, достигая 605 миллио-

нов ежемесячных активных пользователей, что составляет 46,8 % от числа интернет-пользователей в том же возрасте. Несмотря на меньшую аудиторию по сравнению с WeChat, Weibo остаётся важной площадкой для обмена новостями и общественных дискуссий, показывая рост на 3,6 % за последний год².

WeChat, являющийся относительно закрытой и частной социальной платформой, в распространении информации опирается на сильные реляционные сети и реальные социальные отношения. По сравнению с Weibo, которая является платформой со слабыми отношениями, где контент является связующим звеном, распространение контента в WeChat в большей степени опирается на сильные сети отношений между людьми, особенно через структурированный механизм распространения информации в кругу друзей и групповых чатах WeChat. Такая опора на реальные социальные отношения делает распространение информации на платформе WeChat в высшей степени доверительным и приватным, поскольку зачастую

² We Are Social. Digital 2024 China // We Are Social. 2024. URL: <https://wearesocial.com/cn/blog/2024/01/digital-2024> (дата обращения: 30.04.2025).

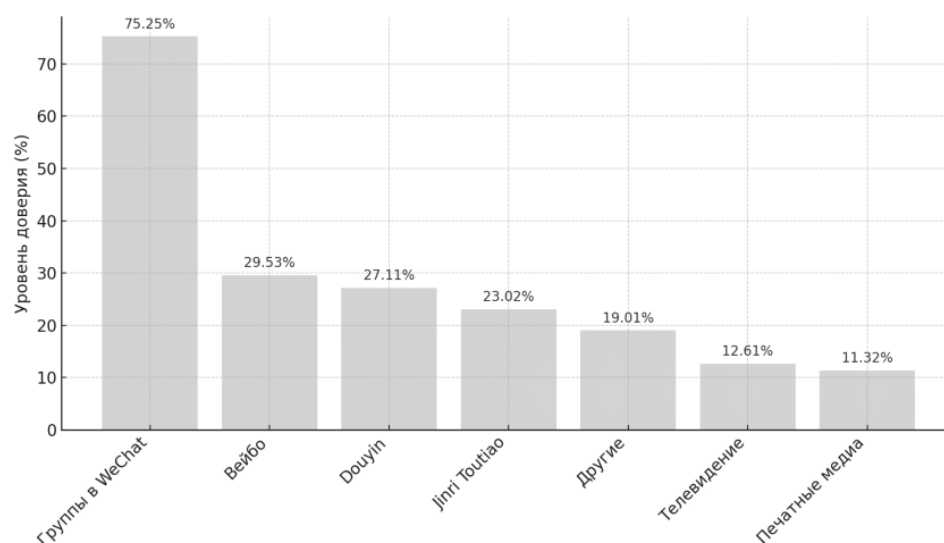

Рис. 5. Уровень доверия интернет-пользователей к различным медиа

Fig. 5. Trust level of Internet users in various media

Источник: адаптировано авторами по данным «Синяя книга новых медиа: доклад о развитии новых медиа в Китае № 11» [21]. URL: https://www.pishu.com.cn/skwx_ps/bookDetail?SiteID=14&ID=11637615

Source: adapted by the authors from “The Blue Book of New Media: A Report on New Media Development in China No. 11” [21]. URL: https://www.pishu.com.cn/skwx_ps/bookDetail?SiteID=14&ID=11637615

принятие и распространение контента пользователями основано на доверии к отправителю, сопровождаемом высокой степенью эмоциональной привязанности. В связи с этим коммуникация, ориентированная на сеть знакомств, делает распространение фальшивых новостей в WeChat более коварным и убедительным, облегчая быстрое распространение ложной информации через WeChat.

Согласно докладу China New Media Development Report No. 11³, опубликованному в 2020 г., было проведено ранжирование доверия нетизенов к различным СМИ, и выяснилось, что доверие опрошенных нетизенов к группам WeChat достигает 75 %, значительно превышая доверие к таким социальным платформам, как Weibo и Douyin (рис. 5). Для борьбы с распространением

слухов платформа WeChat создала специальные публичные номера для разоблачения слухов (например, “WeChat Security Center”, “Rumour Filter”, “All People Compare-Tencent News” и т. д.), а также соответствующие апплеты (например, “WeChat Rumour Dispelling Assistant”, “Tencent Comparison and Dispelling Rumours” и т. д.), которые вместе составляют матрицу разгона слухов, позволяющую справиться с распространением фальшивых новостей. Сравнив различные механизмы распространения на платформах WeChat и Weibo, мы обнаружили, что фейковые новости на Weibo и WeChat имеют явные отличительные особенности. Мы провели обобщение по таким аспектам, как характер новостей, способы распространения и эффекты распространения. В табл. 2 представлены различия в распространении фейковых новостей на Weibo и WeChat.

Типы фейковых новостей разнообразны и включают в себя политические слухи, разновидности экономического мошенничества и дезинформацию в ситуации кризиса. Разные типы фейков демонстрируют уникальные

³ 唐绪军, 黄楚新, 吴信训. 新媒体蓝皮书: 中国新媒体发展报告 No. 11 [电子资源]. 1 июля 2020. (Тан Сюцзюнь, Хуан Чусинь, У Синьсюнь. Синяя книга новых медиа: доклад о развитии новых медиа в Китае. 2020. № 11. 1 июля. URL: https://www.pishu.com.cn/skwx_ps/bookDetail?SiteID=14&ID=11637615 (дата обращения: 30.03.2025).

Таблица. 2. Сравнение фейковых новостей в Weibo и WeChat
Table 2. Comparison of fake news on Weibo and WeChat

Область сравнения	Фейковые новости в Weibo	Фейковые новости в WeChat
Характер новостей	Связаны с общественными темами, включают публичные обсуждения	Связаны с личными темами, касаются личной жизни
Способ распространения	Распространяются через слабые социальные связи, зависят от обсуждений и репостов	Распространяются через реальные социальные связи, имеют ограниченный охват, характеризуются групповым распространением
Эффект распространения	Легко идентифицируются, платформа открыта и обладает зрелым механизмом распознавания	Высокая степень обмана, зависят от реальных социальных связей, выраженный эффект дезинформации

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

особенности распространения в зависимости от платформы и контекста. Мы выбрали несколько примеров фейковых новостей о российско-китайских отношениях на китайских социальных платформах за последние годы, чтобы проанализировать их и выявить особенности распространения подобных фейков на WeChat и Weibo.

2.3. Анализ случаев: распространение и опровержение фейков о пошлинах на китайские товары. На платформе WeChat широко распространилась фейковая новость о том, что «Россия планирует ввести пошлину до 55,65 % на отдельные китайские товары». Эта дезинформация получила значительный отклик в обществе и активно обсуждалась. Слух опирался на текущую международную ситуацию, гиперболизируя детали, и использовал броские заголовки для манипуляции общественным мнением. Некоторые источники представили это как «предательство» или «удар в спину», привязывая к проблеме вопросы национальной принадлежности. Даже более нейтральные источники включали в заголовок слово «отдельные», чтобы подчеркнуть направленность данного решения на китайского производителя.

19 декабря 2024 г. WeChat-аккаунт «Глобальная юридическая служба» опубликовал статью с заголовком «Россия повсеместно повышает пошлину на китайские товары до 55,65 %» (рис. 6), что усилило социальную напряжённость относительно торго-

вых отношений между Китаем и Россией. Эта дезинформация усилила тревожность бизнеса и в некоторой степени повлияла на общественное мнение о китайско-российском экономическом сотрудничестве. Фейк широко распространялся через группы друзей в WeChat и в личных беседах, а высокая степень доверия пользователей к информации, исходящей от знакомых, способствовала ещё большему распространению и искажению фактов. Параллельно фейк распространялся и на платформе Weibo, где через популярные темы и теги, такие как «экономическая борьба», он быстро привлёк внимание, получив широкое распространение среди блогеров и СМИ в финансовой сфере.

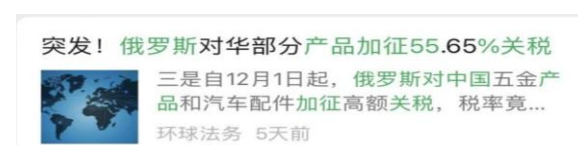

Рис. 6. Внимание! Россия повышает тарифы на 55,65 % на некоторые китайские товары
Fig. 6. Attention! Russia raises tariffs by 55.65 % on some Chinese goods

Источник: скриншот авторов из официального WeChat-аккаунта «Глобальная юридическая служба». (19.12.2024). URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/MBRLDJJEdti6qvFOLFDn9Q>

Source: authors' screenshot from the official WeChat account of "Global Legal Services". (19.12.2024). URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/MBRLDJJEdti6qvFOLFDn9Q>

Российская таможня повысила пошлину на китайскую мебельную фурнитуру с нуля до 55%. Мера приведет к банкротству импортеров мебельных комплектующих, а также к подорожанию отечественной мебели минимум на 15%, предупреждает Ассоциация предприятий мебельной и деревообрабатывающей отрасли России

Российская таможня резко повысила пошлину на импорт мебельной фурнитуры из Китая, говорится в сообщении Ассоциации предприятий мебельной и деревообрабатывающей отрасли России (АМДПР), с которым ознакомился Forbes.

С осени 2024 года Владивостокская таможня, через которую ввозится около 90% китайской мебельной фурнитуры, начала проводить переквалификацию этого товара, изменяя его код в ТН ВЭД (классификатор товаров, применяется таможенными органами Евразийского экономического союза — ЕАЭС) и применяя новые пошлины. Как поясняется в документе, таможенники начали относить технологическую мебельную фурнитуру, содержащую круглые или вращающиеся элементы, к категории подшипников. В результате пошлина на нее выросла с нуля до 55,65%.

Рис. 7. Бизнес предупредил о подорожании мебели на 15 % из-за роста пошлин на фурнитуру из КНР

Fig. 7. Businesses warned of a 15 % rise in furniture prices due to increased duties on fittings from China

Источник: скриншот авторов с сайта Forbes.ru, раздел «Бизнес», опубликовано 19.12.2024. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/525916-biznes-predupredil-o-podorozanii-mebeli-na-15-iz-za-rosta-poslin-na-furnituru-iz-knr>
Source: authors' screenshot from Forbes.ru website, section "Business", published on 19.12.2024. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/525916-biznes-predupredil-o-podorozanii-mebeli-na-15-iz-za-rosta-poslin-na-furnituru-iz-knr>

На самом деле эта информация возникла в результате переклассификации российской таможней отдельных видов мебельной фурнитуры (например, направляющих и рельсов), что привело к увеличению ставки пошлины с 0 до 55,65 %. Однако эта корректировка касалась только порта Владивостока, крайне ограниченного круга товаров и не распространялась на другие категории товаров, экспортируемых из Китая в Россию. По данным Forbes, тарифная политика российской таможни в отношении китайской мебельной фурнитуры была скорректирована, в основном это касается направляющих и рельсов в мебельной фурнитуре, которые были переклассифицированы как «подшипники», что привело к увеличению тарифов с 0 до 55,65 % (рис. 7). Данное изменение не означает, что Россия вводит тарифы на всю китайскую продукцию или на широкий спектр товаров, а скорее означает, что классификация и тарифные ставки были скорректированы для конкретных товаров.

Фейк о передаче Россией китайских территорий.

В последние годы слухи о том, что «Россия вернула Китаю территории», часто распространяются в приграничных районах между Китаем и Россией. Эти слухи затрагивают такие исторически чувствительные регионы, как Владивосток, Сахалин и остров Большой Уссурийский (Хэйсяцзы). Фейки опираются на смутные воспоминания о прошлом и используют эмоциональную составляющую для манипуляции фактами и формирования ложного восприятия.

19 мая 2023 г. WeChat-аккаунт «观察者网» (интернет-портал "Observer") опубликовал статью с заголовком «Спустя 163 года Китай снова «получил Владивосток»?» в формате вопроса (рис. 8), что ввело в заблуждение некоторых пользователей. Они ошибочно полагали, что Россия вернула Владивосток Китаю.

На самом деле Россия открыла порт Владивосток для китайских товаров исклю-

чительно в рамках экономического сотрудничества и транзита, что никак не связано с передачей территорий.

Рис. 8. «Спустя 163 года Китай снова «владеет» Владивостоком»?

Fig. 8. “After 163 years, China “owns” Vladivostok again”?

Источник: скриншот авторов из официального WeChat-аккаунта «观察者网» (интернет-портал “Observer”) (19.05.2023). URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/nPh1ulX7bKzfeQJQYdcLww>
Source: authors’ screenshot from the official WeChat account «观察者网» (Internet portal “Observer”) (19.05.2023). URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/nPh1ulX7bKzfeQJQYdcLww>

В основе распространения фейковых новостей, как оказалось, лежит опубликованный 9 мая 2023 г. на официальном сайте Главного таможенного управления КНР бюллетень № 44 «Объявление о дальнейшем расширении сферы трансграничных перевозок товаров внутренней торговли в провинции Цилинь», в котором говорится об открытии Россией порта Владивосток для Китая в качестве перевалочного торгового порта, а не о том, что утверждали социальные медиа-платформы (рис. 9). Эти и подобные фейковые новости в основном распространяются через аккаунты, периодически поднимающие горячие темы на Weibo, которые быстро распространяются через слабую сеть отношений платформы Weibo, привлекая большое количество пользователей к обсуждению и даже формируя эффект вирусного распространения. На платформе WeChat соответствующие фейковые новости распространяются в основном через группы WeChat и дружеское окружение, а доверительные отношения между знакомыми делают инфор-

Рис. 9. Объявление таможен КНР № 44 2023 г.

Fig. 9. PRC Customs Announcement No. 44, 2023

Источник: скриншот авторов с официального сайта Генеральной таможенной администрации КНР. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/2480148/5008565/index.html>

Source: authors’ screenshot from the official website of the General Administration of Customs of the PRC. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/2480148/5008565/index.html>

мацию более легко распространяемой, особенно когда речь идёт о национальных чувствах и исторических вопросах, слухи, скорее всего, будут бродить в кругу друзей, а сфера распространения будет шире.

Фейк о передаче Китаю Сибири и Дальнего Востока.

В сентябре 2024 г. на платформе Weibo появился видеоролик, опубликованный аккаунтом “Observer” (рис. 10), утверждающий, что «Китай возьмёт под контроль Сибирь и Дальний Восток». Аналогичный фейк появился и на WeChat.

Рис. 10. В России распространяются слухи о «захвате Китаем Сибири и Дальнего Востока», отвечает посол Китая в России

Fig. 10. Rumors are spreading in Russia about “China’s takeover of Siberia and the Far East,” responds China’s ambassador to Russia

Источник: скриншот авторов из Weibo-аккаунта “Observer” (сентябрь 2024). URL: <https://weibo.com/1887344341/5077764074375335>

Source: authors’ screenshot from the Weibo account “Observer” (September 2024). URL: <https://weibo.com/1887344341/5077764074375335>

Китайский посол в России Чжан Ханьхуэй в интервью для российских СМИ опроверг этот слух, заявив: «Этот слух – абсурдная выдумка, намеренно созданная недоброжелателями. Российско-китайские отношения прошли проверку временем и в настоящее время находятся на самом высоком уровне в истории. Политическое доверие между странами продолжает углубляться, а экономическое сотрудничество даёт ощутимые результаты» (рис. 11).

Фейковые новости о российско-китайских отношениях, рассмотренные выше, касаются экономики, политики и территориальных вопросов между двумя странами. Анализ этих фейков показывает, что социальные медиа платформы способствуют их

Рис. 11. Письменное интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ Чжан Ханьхуэя
Fig. 11. Written interview with Zhang Hanhui, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the People’s Republic of China to the Russian Federation

Источник: скриншот автора с сайта MirNov.ru, раздел “Welcome China” (публикация неизвестна). URL:

<https://mirnov.ru/welcome-china/pismennoe-intervyu-chrezvychainogo-i-polnomochnogo-posla-kr-v-rf-chzhan-hanhueya.html>

Source: author’s screenshot from MirNov.ru website, section “Welcome China” (publication unknown) URL: <https://mirnov.ru/welcome-china/pismennoe-intervyu-chrezvychainogo-i-polnomochnogo-posla-kr-v-rf-chzhan-hanhueya.html>

быстрому распространению. Как видим, на платформе WeChat фейковые новости распространяются через «сильные связи» – доверительные отношения между пользователями, что делает процесс опровержения сложнее из-за закрытого характера платформы. На Weibo, напротив, фейки распространяются через «слабые связи» и популярные темы, быстро охватывая широкую аудиторию благодаря открытости платформы, однако, они легче поддаются опровержению.

В процессе анализа также выяснилось, что фейковые новости, особенно затрагивающие чувствительные темы, такие как национальные чувства, международные отношения и исторические вопросы, имеют тенденцию к быстрому распространению, активизируя эмоциональную реакцию пользователей. Это особенно заметно в вопросах, касающихся российско-китайских отношений.

Для противодействия распространению фейковых новостей крайне важно сотрудничество платформ, пользователей и правительства. В будущем можно рассмотреть возможность создания совместного российско-китайского механизма опровержения фейков, который позволит охватить большую аудиторию и снизить вероятность дальнейшего распространения ложной информации.

3. Влияние поведения пользователей и социальных отношений на распространение фейковых новостей.

Поведение пользователей и социальные отношения играют важную роль в распространении фальшивых новостей. Weibo, как платформа микроблогов, имеет открытую структуру и частое взаимодействие пользователей. Ряд исследователей отмечают, что пользователи микроблогов с большей вероятностью будут делиться неподтверждёнными новостями из социального одобрения и эмоционального побуждения, особенно в специфических контекстах (например, кризисные события или срочные новости) [19]. Кроме того, структура отношений и поведение взаимодействия в социальных сетях также влияют на распространение дезинформации: D. Wang, Y. Qian исследовали эффект эхо-камеры в микроблогах и обнаружили, что, когда взаимодействие пользователей

ограничивается теми, кто разделяет то же мнение, информация принимается или отвергается быстрее, что ещё больше усугубляет распространение новости [20]. Кроме того, открытость микроблогов и их большая пользовательская база делают распространение фейков особенно быстрым на ранних стадиях распространения.

По сравнению с Weibo, WeChat, как социальное приложение, основанное на сильных связях между пользователями, полагается на эту главную характеристику, используемую для распространения фейковых новостей, задействуя цепочку доверия между знакомыми. Поскольку отправители часто являются друзьями, родственниками или коллегами, получатели склонны верить в подлинность информации, что приводит к быстрому распространению фейковых новостей в ленте WeChat. Поскольку WeChat представляет собой достаточно приватную социальную платформу, содержание, публикуемое в ленте, обладает свойством «избирательного представления». Пользователи могут сами выбирать делиться ли информацией, и она обычно упакована в формате текста и изображений, который вызывает высокое доверие, чтобы усилить убедительность.

Многие пользователи пересылают информацию, которой поделились друзья и родственники, из-за эмоциональной идентификации или нежелания подвергать сомнению опасения друг друга, поэтому такой способ распространения через прочные социальные связи, эмоциональную идентификацию и закрытые сети позволяет фальшивым новостям быстро распространяться в кругу друзей WeChat, что затрудняет своевременное выявление и пресечение дальнейшего распространения фальшивых новостей.

4. Меры по противодействию фейковым новостям на платформах социальных сетей.

Для создания здоровой среды распространения информации в Интернете социальные медиа-платформы должны нести определённую социальную ответственность. Во-первых, платформы могут начать с контроля источников информации, то есть проверять информацию с самого начала, чтобы

обеспечить её достоверность, а также совершенствовать механизм проверки контента и систему публикации информации. Одновременно необходимо усилить меры контроля, установить строгие стандарты, чтобы гарантировать законность, соответствие нормам и достоверность публикуемого контента. В отношении распространителей ложной информации платформы могут после проверки рассмотреть возможность удаления их контента, а в случае серьёзных нарушений – применять меры, такие как временный запрет на публикации или блокировка аккаунта.

Чтобы лучше контролировать распространение фейковых новостей в Сети, платформы также могут внедрить систему жалоб пользователей, используя усилия общественности для поддержания интернет-среды. В процессе рассмотрения жалоб платформа должна специально помечать контент, чтобы предупредить пользователей о необходимости обращать внимание на достоверность информации.

Внедрение технологии блокчейн для улучшения отслеживания информации, благодаря его децентрализованной природе, означает, что нет единого органа, контролирующего всю систему, что, собственно, и помогает создать более справедливую и прозрачную сетевую среду. Технология «розданной» книги позволяет всем участникам получить доступ к одной и той же копии данных, что повышает прозрачность данных и облегчает выявление любых попыток манипулирования информацией [21]. Например, её неизменность обеспечивает последовательность и точность информации, что помогает предотвратить введение в заблуждение общественности издателями ложной информации путём фальсификации данных, что позволяет сделать новости и комментарии более правдивыми и достоверными. Технология блокчейн также может эффективно проверять личности участников и снижать уровень анонимности, что позволяет эффективно пресекать нечестное поведение, бороться с анонимной деятельностью киберсквоттеров, отслеживать неточную и конфиденциальную информацию и создавать надёжную сеть доверия.

Наконец, платформы должны в полной мере использовать преимущества Интернета, чтобы своевременно распространять опровержения, лучше всего ещё до того, как слухи успеют широко распространиться, чтобы общественность как можно раньше получала доступ к информации, опровергающей ложные утверждения. Чем быстрее публика получает доступ к опровержению, тем лучше оно закрепляется в сознании людей, что способствует дальнейшей борьбе с ложной информацией [22]. Кроме того, доверие пользователей социальных сетей к верифицированным аккаунтам свидетельствует о доверии пользователей к платформе. Чтобы поддерживать это доверие, социальные медиа-платформы должны усилить механизм верификации и повысить стандарты, чтобы обеспечить достоверность аккаунтов и их контента. Платформы также могут своевременно добавлять функции уведомлений, чтобы активным образом информировать пользователей о текущих горячих событиях и опровержениях, что поможет углубить понимание истины и повысить значимость фактической информации для пользователей. Что касается нас самих, то нам следует постоянно повышать свою медиаграмотность, особенно развивать способность различать информацию, рационально анализировать различные сведения в Интернете и не относиться легкомысленно к распространению непроверенных новостей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фейковые новости являются нарушением принципа достоверности новостей, а социальные сети повышают риск их распространения, что представляет собой серьёзную проблему для общества, особенно в условиях быстрого развития глобальных информационных технологий, когда негативное влияние фейковых новостей становится всё более значительным. Отметим постоянное движение от среды, в которой аудитория ранее находила новости, обращаясь непосредственно к различным вещательным и печатным каналам, веб-сайтам и информационным бюллетеням, к современным мобильным

приложениям и оповещениям, как части экосистемы, характеризующейся «распределённым обнаружением». В ней прямой доступ по-прежнему важен, но он всё больше дополняется тем, что люди находят новости через поисковые системы, социальные сети, агрегаторы.

Если Weibo опирается на слабую сеть отношений, основанных на контенте, что ускоряет распространение ложной информации, то WeChat обеспечивает более высокую степень доверия к фейковым новостям. Анализ показал, что в будущем социальные медиа-платформы должны продолжать оптимизировать свои механизмы по предотвраще-

нию распространения фейков, укрепляя аудит и отслеживаемость информации за счёт использования искусственного интеллекта, блокчейна и других новых технологий. Кроме того, образовательные организации и политические структуры должны способствовать популяризации медиаграмотности среди всего населения для повышения разборчивости и осведомлённости нетизенов в вопросах поиска и отбора информации. Только совместными усилиями двух сторон можно эффективно противостоять угрозе фейковых новостей, создав более прозрачную, надёжную и здоровую экосистему социальной информации для устойчивого развития общества.

Список источников

1. Munadhil A.M., Muzykant V.L. Fake news on Covid-19 in Indonesia // *Pandemic Communication and Resilience* / D.M. Berube (ed.). Cham: Springer, 2021. P. 363-378. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77344-1_22
2. 党留新. 社交网络中的假新闻检测系统 [D]. 成都: 电子科技大学, 2021. (Дан Лю Синь. Система обнаружения фейковых новостей в социальных сетях. Чэнду: Университет электронной науки и технологий Китая, 2021.)
3. Muzykant V.L., Hossain B. Shifting Narratives: Russia's Image in South Asian Media in 2022–2024 (by the Example of the Mass Media in People's Republic of Bangladesh) // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2024. Т. 13. № 4. С. 710-722. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13\(4\).710-722](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13(4).710-722), <https://elibrary.ru/sxklif>
4. Манойло А.В., Попадюк А.Э. Зарубежные научные подходы к исследованию «фейковых новостей» в мировой политике // *Россия и современный мир*. 2020. № 2 (107). С. 285-300. <https://doi.org/10.31249/rsm/2020.02.17>, <https://elibrary.ru/raokwi>
5. Guo L., Zhang Y. Information flow within and across online media platforms: An agenda-setting analysis of rumor diffusion on news websites, Weibo, and WeChat in China // *Journalism Studies*. 2020. Vol. 21. № 15. P. 2176-2195. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2020.1827012>, <https://elibrary.ru/vizezp>
6. Zhou X.Y., Zafarani R. A survey of fake news: Fundamental theories, detection methods, and opportunities // *ACM Computing Surveys*. 2020. Vol. 53. № 5. P. 1-40.
7. Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31. № 2. P. 211-236. <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>, <https://elibrary.ru/yfkydz>
8. Lazer D.M.J., Baum M.A., Benkler Y. et al. The science of fake news // *Science*. 2018. Vol. 359. № 6380. P. 1094-1096. <https://doi.org/10.1126/science.aao2998>
9. Shu K., Sliva A., Wang S. et al. Fake news detection on social media: A data mining perspective // *ACM SIGKDD Explorations Newsletter*. 2017. Vol. 19. № 1. P. 22-36. <https://doi.org/10.1145/3137597.3137600>
10. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // *Science*. 2018. Vol. 359. № 6380. P. 1146-1151. <https://doi.org/10.1126/science.aap9559>
11. Chen Y., Conroy N.J., Rubin V.L. Misleading online content: Recognizing clickbait as “false news” // *Proceedings of the 2015 ACM Workshop on Multimodal Deception Detection*. 2015. P. 15-19.
12. Tandoc J.E., Lim Z.W., Ling R. Defining “fake news”: A typology of scholarly definitions // *Digital Journalism*. 2018. Vol. 6. № 2. P. 137-153.
13. Kshetri N., Voas J. The economics of “fake news” // *IT Professional*. 2017. Vol. 19. № 6. P. 8-12. <https://doi.org/10.1109/MITP.2017.4241459>, <https://elibrary.ru/yfyifv>
14. Guess A., Lyons B. Misinformation, disinformation, and online propaganda // *Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform* / N. Persily, J. Tucker (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 10-33. <https://doi.org/10.1017/9781108890960.003>

15. Asudeh A., Jagadish H. V., Wu Y. et al. On detecting cherrypicked trendlines // Proceedings of the VLDB Endowment. 2020. Vol. 13. № 6. P. 939-952. <https://doi.org/10.14778/3380750.3380762>, <https://elibrary.ru/xwxiis>
16. Chen Y., Conroy N.J., Rubin V.L. Deception detection for news: Three types of fakes // Proceedings of the 78th Association for Information Science and Technology. 2015. P. 1-4.
17. Zubiaga A., Aker A., Bontcheva K. et al. Detection and resolution of rumours in social media: A survey // ACM Computing Surveys. 2018. Vol. 51. № 2. P. 1-36. <https://doi.org/10.1145/3161603>
18. 王剑, 王玉翠, 黄梦杰. 社交网络中的虚假信息: 定义、检测及控制 [J]. 计算机科学, 2021, 48(8):263-277. (Ван Цзянь, Ван Юцуй, Хуан Мэнцзе. Ложная информация в социальных сетях: определение, обнаружение и контроль // Компьютерные науки. 2021. Т. 48. № 8. С. 263-277.)
19. Dong L., Nor N.H.M., Bai G.K., Adzmi A.M., Rais S.S.A. Fake news sharing among Weibo users in China // Jurnal Komunikasi: Malaysian Journal of Communication. 2023. Vol. 39. № 4. P. 284-305 <https://doi.org/10.17576/jkmjc-2023-3904-15>, <https://elibrary.ru/bbfmgh>
20. Wang D., Qian Y. Echo chamber effect in rumor rebuttal discussions about COVID-19 in China: Social media content and network analysis study // Journal of Medical Internet Research. 2021. Vol. 23. № 11. P. e27009. <https://doi.org/10.2196/27009>, <https://elibrary.ru/hrynpz>
21. 袁帆, 严三九. 从“点式”到“链式”: 区块链对新闻透明的再推进 [J]. 中国编辑, 2019, (03):14-19. (Юань Фань, Ян Саньцзюнь. От «точечного типа» к «цепному типу»: блокчейн-технология вновь продвигает прозрачность новостей // Китайский редактор. 2019. № 3. С. 14-19.)
22. 陈旭. 官方辟谣平台发展对策研究 [J]. 辽宁师专学报(社会科学版), 2022, (04):137-140. (Чэнь Сюй. Исследование мер по развитию официальных платформ опровержения слухов // Вестник Ляонинского педагогического колледжа (социальные науки). 2022. № 4. С. 137-140.)

References

1. Munadhil A.M., Muzykant V.L. Fake news on Covid-19 in Indonesia. *Pandemic Communication and Resilience*. Cham, Springer, 2021, pp. 363-378. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77344-1_22
2. 党留新. 社交网络中的假新闻检测系统 [D]. — 成都: 电子科技大学, 2021. (Dang Liu Xin. *Fake news detection system in social media*. Chengdu, University of Electronic Science and Technology of China Publ., 2021.) (In Chinese)
3. Muzykant V.L., Hossain B. Shifting Narratives: Russia's Image in South Asian Media in 2022–2024 (by the Example of the Mass Media in People's Republic of Bangladesh). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2024, vol. 13, no. 4, pp. 710-722. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13\(4\).710-722](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13(4).710-722), <https://elibrary.ru/sxklif>
4. Manoilo A.V., Popadyuk A.E. Foreign scientific approaches to the study of “fake news” in world politics. *Rossiya i sovremenniy mir = Russia and the Contemporary World*, 2020, no. 2 (107), pp. 285-300. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/rsm/2020.02.17>, <https://elibrary.ru/raokwi>
5. Guo L., Zhang Y. Information flow within and across online media platforms: An agenda-setting analysis of rumor diffusion on news websites, Weibo, and WeChat in China. *Journalism Studies*, 2020, vol. 21, no. 15, pp. 2176-2195. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2020.1827012>, <https://elibrary.ru/vizezp>
6. Zhou X.Y., Zafarani R. A survey of fake news: Fundamental theories, detection methods, and opportunities. *ACM Computing Surveys*, 2020, vol. 53, no. 5, pp. 1-40.
7. Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election. *Journal of Economic Perspectives*, 2017, vol. 31, no. 2, pp. 211-236. <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>, <https://elibrary.ru/yfkydz>
8. Lazer D.M.J., Baum M.A., Benkler Y. et al. The science of fake news. *Science*, 2018, vol. 359, no. 6380, pp. 1094-1096. <https://doi.org/10.1126/science.aao2998>
9. Shu K., Sliva A., Wang S. et al. Fake news detection on social media: A data mining perspective. *ACM SIGKDD Explorations Newsletter*, 2017, vol. 19, no. 1, pp. 22-36. <https://doi.org/10.1145/3137597.3137600>
10. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online. *Science*, 2018, vol. 359, no. 6380, pp. 1146-1151. <https://doi.org/10.1126/science.aap9559>
11. Chen Y., Conroy N.J., Rubin V.L. Misleading online content: Recognizing clickbait as “false news”. *Proceedings of the 2015 ACM Workshop on Multimodal Deception Detection*, 2015, pp. 15-19.
12. Tandoc J.E., Lim Z.W., Ling R. Defining “fake news”: A typology of scholarly definitions. *Digital Journalism*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 137-153.

13. Kshetri N., Voas J. The economics of “fake news”. *IT Professional*, 2017, vol. 19, no. 6, pp. 8-12. <https://doi.org/10.1109/MITP.2017.4241459>, <https://elibrary.ru/yfyfiv>
14. Guess A., Lyons B. Misinformation, disinformation, and online propaganda. *Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform*. Cambridge, Cambridge University Press, 2020, pp. 10-33. <https://doi.org/10.1017/9781108890960.003>
15. Asudeh A., Jagadish H. V., Wu Y. et al. On detecting cherrypicked trendlines. *Proceedings of the VLDB Endowment*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 939-952. <https://doi.org/10.14778/3380750.3380762>, <https://elibrary.ru/xwxiis>
16. Chen Y., Conroy N.J., Rubin V.L. Deception detection for news: Three types of fakes. *Proceedings of the 78th Association for Information Science and Technology*, 2015, pp. 1-4.
17. Zubiaga A., Aker A., Bontcheva K. et al. Detection and resolution of rumours in social media: A survey. *ACM Computing Surveys*, 2018, vol. 51, no. 2, pp. 1-36. <https://doi.org/10.1145/3161603>
18. 王剑, 王玉翠, 黄梦杰. 社交网络中的虚假信息: 定义、检测及控制 [J]. 计算机科学, 2021, 48(8):263-277. (Wang Jian, Wang Yu Cui, Huang Meng Jie. False information in social networks: definition, detection and control. *Komp'yuternye nauki = Computer Science*, 2021, vol. 48, no. 8, pp. 263-277.) (In Chinese)
19. Dong L., Nor N.H.M., Bai G.K., Adzmi A.M., Rais S.S.A. Fake news sharing among Weibo users in China. *Jurnal Komunikasi: Malaysian Journal of Communication*, 2023, vol. 39, no. 4, pp. 284-305 <https://doi.org/10.17576/jkmjc-2023-3904-15>, <https://elibrary.ru/bbfmggh>
20. Wang D., Qian Y. Echo chamber effect in rumor rebuttal discussions about COVID-19 in China: Social media content and network analysis study. *Journal of Medical Internet Research*, 2021, vol. 23, no. 3, p. e27009. <https://doi.org/10.2196/27009>, <https://elibrary.ru/hrynpz>
21. 袁帆, 严三九. 从“点式”到“链式”: 区块链技术对新闻透明的再推进 [J]. 中国编辑, 2019, (03):14-19. (Yuan Fan, Yan San Jiu. From “dot-type” to “chain-type”: blockchain technology once again advances news transparency. *Kitaiskii redactor = Chinese Editor*, 2019, no. 3, pp. 14-19.)
22. 陈旭. 官方辟谣平台发展对策研究 [J]. 辽宁师专学报(社会科学版), 2022, (04):137-140. (Chen Xu. Research on measures for the development of official rumor refutation platforms. *Vestnik Lyaoninskogo pedagogicheskogo kolledzha (sotsial'nye nauki) = Bulletin of Liaoning Teachers College (Social Sciences)*, 2022, no. 4, pp. 137-140.)

Информация об авторах

МУЗЫКАНТ Валерий Леонидович, доктор социологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-9422-351X>, Scopus Author ID: 57194704701, ResearcherID: AAE-1181-2020, muzykant-vl@rudn.ru

ЯНЬ Яогуан, аспирант, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0008-2938-602X>, yanyg1997@gmail.com

Для контактов:

Музыконт Валерий Леонидович
e-mail: muzykant-vl@rudn.ru

Поступила в редакцию 16.04.2025
Поступила после рецензирования 07.05.2025
Принята к публикации 29.05.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Valerii L. Muzykant, Dr. Sci. (Sociology), Professor of Mass Communications Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-9422-351X>, Scopus Author ID: 57194704701, ResearcherID: AAE-1181-2020, muzykant-vl@rudn.ru

Yan Yaoguang, Post-Graduate Student, Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0008-2938-602X>, yanyg1997@gmail.com

Corresponding author:

Valerii L. Muzykant
e-mail: muzykant-vl@rudn.ru

Received 16.04.2025
Revised 07.05.2025
Accepted 29.05.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 070.48-053.2(476)(043.3)

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-418-427>

Шифр научной специальности 5.9.9

Детская газета в цифровой медиасреде: особенности и стратегии продвижения контента

Светлана Вячеславовна Харитонова

Белорусский государственный университет

220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4

 sveta_har@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. С учётом положительной динамики в ежегодном измерении количества интернет-пользователей и численности подписчиков социальных медиа в исследовании была поставлена цель выявить особенности и наиболее эффективные подходы к продвижению медиаконтента на официальных веб-платформах старейшей белорусской газеты для детей «Зорька». **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалами исследования послужили публикации детской газеты «Зорька» на сайте, в социальных сетях и в телеграм-аккаунте издания в период с 8 января по 4 февраля 2025 г. В работе применены методы теоретического и эмпирического исследований, частнонаучные и общелогические методы. Ключевым методологическим инструментом в изучении содержания публикаций веб-платформ выступил контент-анализ. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Отражены результаты сравнительного анализа редакционных практик взаимодействия детского СМИ и социальных сетей. Количественно-качественное сравнение проводилось по нескольким критериям – характеру представленной информации и показателям вовлечённости аудитории. Критериями для дифференциации послужили целевые особенности публикации, форматы постов, наличие прямой отсылки к основной медиаплатформе и хэштегов. Выявлена специфика дистрибуции медиаконтента на цифровых веб-платформах, приведены данные анализа вовлечённости целевой медиа аудитории. На основе результатов контент-анализа телеграм-канала детского издания определены визуальные и содержательные особенности публикаций. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Установлено, что ряд аккаунтов газеты «Зорька» находится в поиске оптимальной стратегии создания удерживающего внимание медиа аудитории контента. В телеграм-аккаунте «Зорька» использует информационную контент-стратегию, для которой характерны превалирование природной тематики, нейтральная тональность публикаций и минимальное количество вовлекающих постов.

Ключевые слова: детская газета, сайт, социальные сети, медиа, медиаконтент, контент-стратегия, вовлечённость

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: С.В. Харитонова – создание концепции и дизайн исследования, анализ научной литературы, подбор первичного материала, анализ и интерпретация данных, обработка результатов исследования, написание черновика рукописи, редактирование.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Харитонова С.В. Детская газета в цифровой медиасреде: особенности и стратегии продвижения контента // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 418-427. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-418-427>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-418-427>

OECD 5.08; ASJC 3315

Children's newspaper in the digital media environment: features and strategies for promoting content

Sviatlana V. Kharytonova

Belarusian State University

4 Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus

 sveta_har@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. Taking into account the positive dynamics in the annual measurement of the number of Internet users and the number of social media subscribers, the study aims to identify the features and most effective approaches to promoting media content on the official web platforms of the oldest Belarusian children's newspaper "Zorka". **MATERIALS AND METHODS.** The research material are publications of the children's newspaper "Zorka" on the website, in social networks and in the Telegram account of the publication in the period from January 8 to February 4, 2025. The work uses methods of theoretical and empirical research, specific scientific and general scientific methods. The key methodological tool in studying the content of publications of web platforms is content analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** The study reflects the results of a comparative analysis of the editorial practices of interaction between children's media and social networks. The quantitative and qualitative comparison is carried out according to several criteria: the nature of the information presented and audience engagement indicators. The criteria for differentiation are the target features of the publication, post formats, the presence of a direct link to the main media platform and hashtags. The specifics of media content distribution on digital web platforms are revealed, and the data on the analysis of the target media audience engagement are presented. Based on the results of the content analysis of the children's publication's Telegram channel, the visual and content features of the publications are determined. **CONCLUSION.** It has been established that a number of Zorka newspaper accounts are looking for an optimal strategy for creating content that will hold the attention of the media audience. In the Zorka Telegram account, the information content strategy is used, which is characterized by the prevalence of natural themes, a neutral tonality of publications and a minimum number of engaging posts.

Keywords: children's newspaper, website, social networks, media, media content, content strategy, engagement

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: S.V. Kharytonova – research concept development and design, scientific literature analysis, primary material sourcing, data analysis and interpretation, research results processing, writing – original draft preparation, manuscript revision.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Kharytonova, S.V. Children's newspaper in the digital media environment: features and strategies for promoting content. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):418-427. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-418-427>

ВВЕДЕНИЕ

Стремительный рост популярности социальных сетей в Беларуси отмечается в 2013–2014 гг. Этот период совпадает с фазой увеличения масштабов онлайн-взаимодействия в группах и сообществах среди белорусского детско-юношеского населения: у 70,1 % пользователей 6–17 лет и 96,1 % молодёжи 15–24 лет социальные медиа стали основным средством цифрового общения с друзьями¹.

Результаты современных глобальных исследований указывают на положительную динамику в ежегодном измерении количества интернет-пользователей. За последние 12 месяцев их численность в мире выросла на 1,8 %². В Беларуси на начало 2024 г. этот показатель составил 8,48 миллиона человек – всего 89,5 % от общей численности населения. При этом доля активных пользователей социальных сетей за последний год увеличилась на 1,4 миллиона, достигнув значения в 5,63 миллиона³.

Общемировая тенденция увеличения количества пользователей социальных медиа распространилась на отечественную детско-юношескую медиа аудиторию. Согласно официальной информации Национального статистического комитета Республики Беларусь, контингент детей в возрасте 6–17 лет, использовавших сеть Интернет для онлайн-общения в группах и сообществах, составил 76,6 %, а в целях просмотра фильмов, прослушивания музыки, игр в компьютерные игры и скачивания информации – 97,9 %⁴.

¹ Дети и молодёжь Республики Беларусь: стат. сб. Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. С. 77-78.

² Digital 2024: Global Overview Report // Datareportal.com. 31.01.2024. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (accessed: 04.02.2025).

³ Digital 2024: Global Overview Report // Datareportal.com. 31.01.2024. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-belarus?rq=belarus> (accessed: 04.02.2025).

⁴ Удельный вес интернет-пользователей по целям выхода в сеть Интернет (6–17 лет) по территории Республики Беларусь // Нац. стат. комитет Республики Беларусь. 01.01.2025. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10306000017> (дата обращения: 04.02.2025).

Данные сопоставительного анализа показывают, что за последние 10 лет белорусская интернет-аудитория детей всё больше выбирает социальные сети в качестве предпочтительных источников информации и коммуникации [1; 2]. Сходные тенденции в цифровом медиапотреблении и распространении цифрового медиаконтента описывают А. Градюшко [3–6], Е. Зверева, В. Хворова [7], Д. Дунас, Д. Бабына, О. Бойко, Е. Сидоров [8], А. Толоконникова [8; 9]. В научном медиадискурсе обоснованно ставится вопрос о приоритетности повестки дня, формируемой молодёжными сообществами: «...повестка дня традиционных СМИ сегодня может оставаться за пределами внимания молодых людей, в то время как новостную картину у подрастающего поколения формируют сообщества социальных сетей и телеграм-каналов [9].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Необходимость расширения охвата потенциальной юной медиа аудитории и повышения интерактивности с читателями в онлайн-среде белорусских детских СМИ актуализирует изучение редакционных практик взаимодействия с популярными социальными сетями и мессенджерами.

С целью выявления наиболее эффективных подходов к дистрибуции медиаконтента на веб-платформах был проведён анализ отечественного СМИ для детей по ряду показателей его представленности в Интернете. Для сопоставительного исследования была выбрана единственная республиканская газета для младших и средних школьников «Зорька», которая в начале 2025 г. отметила своё 80-летие. Количественно-качественное сравнение официальных веб-платформ издания (сайт, все аккаунты в социальных сетях и Телеграме) проводилось по нескольким критериям – характеру представленной информации и показателям вовлечённости аудитории. Критериями для дифференциации послужили целевые особенности публикации (информационный, рекламный, развлекательный, познавательный, просветительский, вовлекающий), форматы постов (иллюстра-

ции, текст, видео, опрос, конкурс, тест), наличие прямой отсылки к основной медиаплатформе (газете, сайту) и хэштегов.

Для определения контент-стратегии, используемой детским СМИ на наиболее обновляемой общественной интернет-площадке, был проведён контент-анализ публикаций, размещённых в телеграм-канале t.me/gazeta_zorka с 8 января по 4 февраля 2025 г. – в период, не зависящий от сезонных факторов и праздничных дат. Суммарно эмпирическую базу исследования составили 584 публикации. Методика контент-анализа позволила определить визуально-семантические особенности публикаций телеграм-канала республиканской детской газеты. Исследование сайта проводилось на основе данных инструментов веб-аналитики. Изучение аккаунтов в социальных медиа выполнено с помощью сервиса Popsters.

В исследовании применена общенаучная методология, включающая в себя методы теоретического и эмпирического исследований, частнонаучных и общелогических методов. Количественные и качественные методы теоретического исследования легли в основу теоретико-журналистского подхода, ключевым методологическим инструментом которого в изучении содержания публикаций социальных сетей детских медиа выступает метод контент-анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Газета «Зорька» – единственное республиканское периодическое издание для детей возрастной группы 7+, которое впервые вышло в 1945 г. и на протяжении 16 последних лет продвигает медиаконтент на различных веб-ресурсах и в социальных сетях. Сегодня газета имеет собственный сайт, а также активные сообщества и каналы на социальных интернет-платформах (табл. 1).

Так, с 1945 по 2008 г. газета выходила исключительно в печатном виде. В 2009 г. у принт-версии «Зорьки» был разработан собственный сайт zorika.by, а в марте 2010 г. открыт аккаунт издания ВКонтакте. В январе 2018 г. запущен свой канал на «Ютьюб». В ноябре 2021 г. газета появилась в ТикТок, и с июня 2023 г. «Зорька» ведёт свой телеграм-канал. Планомерное интернет-продвижение медиаконтента для детей за последние 3 года позволило изданию привлечь потенциальную читательскую аудиторию и увеличить тираж печатной версии в 2,5 раза (<https://www.youtube.com/live/J5h8v38kQFU?t=475s>).

Определим, насколько успешно детское медиа реализует свой потенциал в цифровой среде в соответствии с наиболее релевантными показателями эффективности: количество уникальных посетителей в сутки; наличие

Таблица 1. Хронология продвижения контента газеты «Зорька» на различных медиаплатформах
Table 1. Chronology of promotion of the content of the newspaper “Zorka” on various media platforms

Год создания	Медиаплатформа	Количество постов в исследуемый период
2009	Сайт zorika.by	435
2010	ВКонтакте	34
2018	Ютьюб	3
2021	ТикТок	24
2023	Телеграм-канал	55

Источник: составлено автором на основе данных контент-анализа аккаунтов детской газеты «Зорька».
Source: compiled by the author based on data from a content analysis of the accounts of the children's newspaper “Zorka”.

аккаунтов в социальных сетях с вовлечённой аудиторией; качество контента и дизайн.

Несмотря на достаточно широкую представленность детского медиа в Сети, характер транслируемой информации на различных веб-ресурсах специфичен. Сайт zorika.by содержательно и структурно отражает основные тематические направления print-версии издания, одновременно предлагая детской аудитории дополнительные мультимедийные возможности. Редакция придерживается девиза сайта – «читай, смотри, слушай!» и помогает юным корреспондентам создавать и публиковать детский контент в многообразии медиаформатов – эссе, заметок, интервью, фотографий, видео- или аудиоподкастов. Благодаря своей основной веб-платформе «Зорька» расширяет спектр медийных возможностей печатной версии издания и ежедневно публикует онлайн до 15 уникальных новостных материалов.

Согласно данным сервиса веб-аналитики Similarweb в январе 2025 г. сайт белорусской газеты «Зорька» посетили в среднем 73 человека в сутки и более 2 тысяч в месяц⁵. При этом более половины входящего трафика пользователей zorika.by произведено с мобильного телефона (53,97 %), а среднее время их присутствия на сайте составило 40 секунд при просмотре более двух веб-страниц. Для сравнения – в предъюбилейный декабрьский месяц сайт посетили более 8500 человек. Счётчик статистики, размещённый на zorika.by, фиксировал 250 посетителей веб-ресурса в месяц⁶. Относительные показатели посещаемости основной онлайн-платформы детского издания ставят вопрос о вовлечённости медиа аудитории.

«Время чтения и процент доскроллов материала» является одним из важнейших признаков вовлечённости посетителей сайта

и свидетельствует о качестве его вёрстки и структуры [10, с. 53]. Среди факторов, выделенных М. Любимцевой, на время чтения и дочитываемость материалов на сайте, помимо интересов читателей, значимости темы, заголовка, времени публикации, влияют объём публикации, соотношение текста к визуальным элементам и наличие динамических элементов [10, с. 67-68]. Эти аспекты в медиапроизводстве детского СМИ учитываются не в полной мере.

Несмотря на адаптацию сайта zorika.by под чтение на мобильных устройствах и достаточно высокую степень визуализации публикаций (каждая сопровождается фотографией или рисунком), контент-анализ материалов по ряду выделенных выше критериев показал, что в исследуемый период среднее количество символов в онлайн-публикациях составило 1368 знаков. При этом минимальный объём медиатекстов насчитывал 300 символов, а максимальный – 4400. При переходе по ссылке zorika.by на интересующий текст обнаруживается дублирование визуально-семантических приёмов подачи материалов печатной версии газеты: на сайте традиционно публикуются статичные групповые фотопортреты (с минимальным включением мультимедийных динамических элементов); преобладают информационные материалы с жанровыми характеристиками отчётов, заметок, интервью, репортажей; используются клишированные и малоинформативные заголовки («Космос наш!», «Будущее за нами!», «Не забудем никогда», «Каляда-калядачка», «Праздничные чудеса», «Праздничный урок», «Большие игры», «Наши достижения» и т. п.).

Анализ представленности детского СМИ в социальных сетях позволил выделить ряд особенностей в интернет-продвижении его медиаконтента.

Согласно результатам мониторинга Brand Analytics в январе 2025 г., «Ютуб» и ВКонтакте имели достаточно высокую популярность у белорусских интернет-пользователей до 18 лет – 4,2 и 5,68 % соответственно⁷. Показатели

⁵ Website analysis overview // Similarweb. 12.02.2025. URL: https://pro.similarweb.com/#/digitalsuite/websiteanalysis/overview/website-performance/*999/1m?webSource=Total&key=zorika.by (accessed: 12.02.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁶ Статистика сайта «Зорька. Детская газета» // LiveInternet. 12.02.2025. URL: <https://www.liveinternet.ru/stat/zorika.by/index.html?date=2025-01-31&period=month> (дата обращения: 12.02.2025).

⁷ Статистика социальных сетей // Brand Analytics Forum. 12.02.2025. URL: <https://brandanalytics.ru/statistics/author/vk/202501/113> (дата обращения: 12.02.2025).

затели вовлечённости аудитории социальных сетей детского издания при этом демонстрировали относительно невысокие значения.

По данным статистики посещаемости LiveInternet, в ноябре 2024 – январе 2025 г. максимальное количество переходов на сайт zorika.by осуществлялось медиа аудиторией из ВКонтакте (90 %)⁸. Высокий процент переходов объясняется тем, что практически каждый новостной пост в социальной сети содержит ссылку на сайт газеты. Кроме того, страничка ВКонтакте насчитывает 2262 участника и является наиболее посещаемой по сравнению с официальным аккаунтом «Ютьюб» (573 подписчика) – он демонстрирует минимальный уровень популярности у посетителей. К примеру, в январе 2025 г. «Зорька» разместила всего 3 поста на «Ютьюб» и 34 ВКонтакте. На новостную публикацию ВКонтакте реагируют 8–15 пользователей детского медиа, на «Ютьюб» – менее 1.

Более 1655 подписчиков насчитывает аккаунт газеты в ТикТок. В исследуемый период на своей страничке [@gazeta_zorka](https://www.tiktok.com/@gazeta_zorka) разместила 24 видео продолжительностью от 12 секунд до 3 минут 39 секунд. При этом количество просмотров оказалось не связанным с длительностью, тематикой или характером размещённых роликов. Так, наибольшие значения в январе получили рекламное («Новое шоу в Белгосцирке», 839 просмотров, 18 секунд), информационное («Юбилейные встречи продолжаются», 619 просмотров, 12 секунд) и просветительское (патриотический подкаст «Голос поколений», 735 просмотров, 2 минуты) видео. В среднем количество просмотров роликов с различными целевыми характеристиками в детском ТикТок-канале достигает 300. Среди них – видеоанонсы печатных номеров газеты, объявления о конкурсах, викторины и видеоотчеты.

За два года относительно новая для детского издания медиаплатформа Телеграм собрала на своей площадке 429 подписчиков, увеличив их количество к началу февраля 2025 г. на 72 человека. По сравнению с акка-

унтами в других социальных сетях в своем телеграм-канале t.me/gazeta_zorka «Зорька» размещает наибольшее количество публикаций в месяц.

С опорой на предложенную российскими учёными матрицу изучения медиаконтента соцсетей [11] нами был проведён контент-анализ постов t.me/gazeta_zorka в период с 5 января по 4 февраля 2025 г. В соответствии с целью исследования выбирались наиболее релевантные категории – тематика, целевая направленность, жанровые характеристики, тональность публикации, тип заголовка, вид иллюстрации, формат, наличие хэштегов, количество комментариев, реакций, просмотров и наличие ссылки на сайт. Результаты анализа, во-первых, позволили выделить приоритетные темы медиаконтента канала и выявить структурно-содержательную специфику их освещения, во-вторых – установить особенности редакционных телеграм-новостей, вызвавших наибольший или наименьший резонанс у детской аудитории.

Полученные в ходе контент-аналитического исследования сведения показали, что в 55 публикациях природная тематика (43,6 %) выступает приоритетной в медиаконтенте телеграм-канала, значительно уступая вопросам деятельности редакции (14,5 %) и образования (12,7 %). К примеру, публикации с жанровыми характеристиками заметки «Ленивцы – чемпионы по медленности», «Самая высокая гора: Эверест против Мауна-Кеа», «Бамбук: рекордсмен по скорости роста», «Долгожители-крокодилы: секрет долголетия», «Синий кит: гигант океана», «Слоны: коммуникация на расстоянии», «Змеи: выживание без еды», «Птичьи песни: разнообразие звуков» в нейтральной тональности ежедневно информируют школьников о малоизвестных фактах из жизни животных и природы в рубрике канала с хэштегом #любопытно (табл. 2).

Более 76,3 % постов канала носят жанровые характеристики заметки. Элементы отчёта, анонса, конкурса и опроса применяются в 5,4 % контента, рассказа – в 3,6 % и подборки – в 1,8 %.

⁸ Статистика сайта «Зорька. Детская газета» // LiveInternet. 12.02.2025. URL: <https://www.liveinternet.ru/stat/zorika.by/index.html?date=2025-01-31&period=month> (дата обращения: 12.02.2025).

Таблица 2. Категории контент-анализа, характеризующие структурно-содержательную специфику публикаций**Table 2.** Categories of content analysis characterizing the structural and substantive specificity of publications

Категории контент-анализа	Подкатегории анализа с максимальными значениями	Доля постов (от общего числа), %
Тема	Природа и животный мир	43,6
Целевая направленность	Информационная (сообщение новой информации)	85,4
Жанровые характеристики	Заметки	76,3
Тональность публикации	Нейтральная	81,8
Тип заголовка	Информационный	74,5
Формат публикации	Текст + иллюстрация	94,5
Вид иллюстрации	Рисунок	56,3

Источник: составлено автором на основе данных контент-анализа аккаунтов детской газеты «Зорька».
Source: compiled by the author based on data from a content analysis of the accounts of the children's newspaper "Zorka".

Цель вовлечения медиа аудитории во взаимодействие с предложенным контентом выявлена лишь в 7,2 % публикаций. В их заголовках содержатся вопросительные, призывные или кликбейтные элементы: «Минск, готов к интеллектуальному приключению?»; «Более 70 событий за неделю. Чем удивит «Марафон единства» в Минске?»; «Участники онлайн-встречи, голосуйте за свой район!»; «Проверим твою внимательность? У тебя всего 24 часа...»

Преобладающее количество публикаций, всего 85,4 %, ориентировано на сообщение подписчикам канала новых фактов и сведений в информационном (74,5 %) – «Третьеклассники школы № 14 г. Полоцка побывали в Центре МЧС Новополоцка»; «Прямо сейчас в детской библиотеке № 5 г. Минска проходит творческая встреча с газетой «Зорька»»; «В яслях-саду № 186 прошло супер-полезное занятие по безопасности дорожного движения» – или пустом типах заголовков (20 %): «Ярко, круто, познавательно»; «Отличные новости из Молодечненского центра творчества «Маладзік»; «Самые большие вулканы»; «Конкурс для рукодельников»; «Вежливый патруль работает в Полоцке»; «Млечный путь: наш звёздный дом»; «Добрые дела активистов Молодёжного парламента». При этом значительную долю (81,8 %) содержания детского телеграм-

канала определяет нейтральная тональность, ей противопоставлены всего 12,7 % позитивно окрашенных постов.

Вторая по приоритетности категория анализа – формат публикации – воплощена в иллюстративно-текстовом сочетании, используемом в 94,5 % публикаций. Причём наиболее популярным видом иллюстрации в 56,3 % новостей выступает рисунок (не фотография (38,1 %)), а наименее распространённым форматом – «текст» (3,6 %) и «текст + видео» (1,8 %). Редко варьируя тип иллюстраций, вид мультимедийных элементов и формат подачи новостей, авторы медиаресурса сталкиваются с дилеммой удержания медиа аудитории на канале. Так, количество просмотров телеграм-новостей в исследуемый период составило в среднем 219. За месяц эта цифра всего дважды увеличивалась до значений в 578 и 806 и исключительно в публикациях с вовлекающим контентом (посты о новом конкурсе для детей и их участии в голосовании за свой район).

По данным системы Popsters коэффициент привлекательности контента для медиа аудитории LR (Love Rate), учитывающий количество лайков, подписчиков и публикаций за анализируемый период, равен в телеграм-канале для детей 0 %. При этом метрика, анализирующая количество комментариев и оценивающая степень вовлечённости

подписчиков в коммуникацию, TR (Talk Rate) – насчитывает всего 0,17 %. Эти показатели демонстрируют невысокую степень эффективности публикуемого на канале контента, что подтверждается высоким коэффициентом видимости VR day (Visibility Rate a day) – 123 %, указывающим на общее количество подписчиков и просмотров публикаций, и, соответственно, низким коэффициентом вовлечённости пользователей у конкретного поста ER post (Engagement Rate) (2,6 %).

Качественный анализ постов телеграм-канала за месяц показал, что всего 10 из 55 получили комментарии подписчиков. Все публикации с комментированной обратной связью от медиа аудитории были посвящены новостям о деятельности газеты «Зорьки» и инициированным ею активностям: *«Тепло и душевно газета «Зорька» отметила свой юбилей»*; *«Прямо сейчас в детской библиотеке № 5 проходит творческая встреча с газетой»*; *«Конкурс для рукодельников»*; *«Ярко, круто, познавательно»*, – а также имели максимальное количество лайков на канале (15–20 при среднем количестве – 7). К нулевым значениям приближено количество высказываний подписчиков по самой распространённой тематике аккаунта – о природе и животном мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Численные показатели исследования специфики интернет-продвижения медиаконтента «Зорьки» свидетельствуют о широких, но не используемых в полной мере возможностях привлечения потенциальной детской аудитории в онлайн-среде. Невысокая степень лояльности интернет-пользователей детской газеты обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, с учётом научных данных о растущем включении юной аудитории в онлайн-среду через смартфон, об ухудшении лёгкости восприятия объёмных материалов с минимумом визуальных вставок, а также о способности изображений (а не текстов) привлекать и удерживать внимание медиа аудитории на мобильном устройстве [10, с. 73], актуализируется необходимость поис-

ка редакцией газеты «Зорька» оптимальной стратегии в создании удерживающего внимание иллюстративного и заголовочного комплекса, а также читабельной «длины» материала для сайта zorika.by, которая была бы достаточной, с одной стороны, для раскрытия темы, а с другой – для сохранения интереса читателя.

Во-вторых, несмотря на систематическое обновление информации, публикации на сайте «Зорьки» и в ВКонтакте визуально и содержательно идентичны. Качественный уникальный редакционный контент для каждой из веб-платформ не производится. Они содержат малое количество мультимедийных форматов, а также дублирует традиционную композицию материала, заимствованную из печатной версии газеты, – заголовок, фотография, текстовая публикация. С учётом востребованности у целевой детской аудитории ВКонтакте, возникает необходимость трансляции в соцсети уникального новостного и вовлекающего мультимедийного контента (с оригинальными фото, видео или рисунками), который мог бы обеспечить высокие показатели вовлечённости юной медиа аудитории.

В-третьих, аккаунты в цифровых видеоплатформах «Ютьюб» и ТикТок, которые способны в динамичной визуальной форме привлечь широкую детскую аудиторию, не сформировали целостной и оригинальной стратегии в трансляции информационного, рекламного, развлекательного, познавательного, просветительского и вовлекающего медиаконтента.

В-четвёртых, выбор информационной контент-стратегии в телеграм-канале «Зорьки» с доминирующей природной тематикой и нейтральной тональностью публикаций требует пересмотра в пользу новостных, позитивных, вовлекающих постов о событиях из жизни детской аудитории газеты.

В-пятых, выстраивание логики в распределении статичных и динамических иллюстративно-текстовых компонентов, а также повышение их многообразия могло бы положительно повлиять на целостность контент-стратегии телеграм-канала и вовлечённость аудитории.

Список источников

1. Харитонова С.В. Контент-стратегии белорусских медиа для детей в социальных сетях // Филология и человек. 2022. № 3. С. 179-187. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)3-15](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)3-15), <https://elibrary.ru/smqaup>
2. Харитонова С.В. Детские медиа Беларуси в цифровой среде: количественно-качественный анализ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 2 (44). С. 41-47. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10205>, <https://elibrary.ru/rqgoooq>
3. Градюшко А.А. Парадоксы мобильной журналистики: власть платформ и алгоритмов // Коммуникация в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2024. С. 6-8. <https://elibrary.ru/bbeuxc>
4. Градюшко А.А. Приёмы адаптации масс-медийного текста для цифровых платформ // Вестник БГПУ. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2022. № 3. С. 107-110. <https://elibrary.ru/hzxpig>
5. Градюшко А.А. Производство и распространение контента на цифровых платформах: оценка вовлечённости аудитории // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2022. № 2 (261). С. 43-49. <https://doi.org/10.52065/2520-6729-2022-261-2-43-49>, <https://elibrary.ru/gwolei>
6. Градюшко А.А. Платформизация в цифровой журналистике: новые стратегии медиапроизводства // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2023. № 1 (267). С. 34-40. <https://doi.org/10.52065/2520-6729-2023-267-1-5>, <https://elibrary.ru/kulihl>
7. Зверева Е.А., Хворова В.А. Поколения Y и Z: особенности медиапотребления // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 6. С. 131-140. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-131-140>, <https://elibrary.ru/anhwkm>
8. Дунас Д.В., Толоконникова А.В., Бабына Д.А., Бойко О.А., Сидоров Е.А. Повестка дня в социальных медиа и федеральных информагентствах: тематический разрыв и смысловое единство (на примере «цифровой молодёжи» России) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 18. № 1. С. 178-193. <https://elibrary.ru/ldwptk>
9. Толоконникова А.В. Изучение повестки дня молодёжных медиаресурсов через призму медиаметрии // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Москва: Моск. гос. ун-т им. Ломоносова, 2023. С. 315-316. <https://elibrary.ru/nlwrwl>
10. Любимцева М.А. Факторы, влияющие на время чтения и дочитываемость материалов онлайн-медиа (кейс Lady.mail.ru) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 2. С. 53-84. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2020.5384>, <https://elibrary.ru/fmssdj>
11. Дунас Д.В., Салихова Е.А., Толоконникова А.В., Бабына Д.А. Установление повестки дня и эффект фрейминга: о необходимости концептуального единства в медиаисследованиях «цифровой молодёжи» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. № 4. С. 47-78. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2022.4778>, <https://elibrary.ru/saknbb>

References

1. Kharitonova S.V. Content strategies of Belarusian media for children in social networks. *Filologiya i chelovek* = *Philology & Human*, 2022, no. 3, pp. 179-187. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)3-15](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)3-15), <https://elibrary.ru/smqaup>
2. Kharitonova S.V. Children's media of Belarus in the digital environment: quantitative and qualitative analysis. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* = *Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2022, no. 2 (44), pp. 41-47. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10205>, <https://elibrary.ru/rqgoooq>
3. Gradyushko A.A. Paradoxes of mobile journalism: the power of platforms and algorithms. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Kommunikatsiya v sovremennom mire»* = *Proceedings of the International Scientific-Practical Conference "Communication in a Modern World"*. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2024, pp. 6-8. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bbeuxc>
4. Gradyushko A.A. Ways of adapting mass media text to digital platforms. *Vestnik BGPU. Seriya 1. Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya* = *BSPU Bulletin. Series 1. Pedagogic. Psychology. Philology*, 2022, no. 3, pp. 107-110. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hzxpig>
5. Gradyushko A.A. Production and distribution of content on digital platforms: evaluation of audience engagement. *Trudy BGTU. Seriya 4: Print- i mediatekhnologii* = *Proceedings of BSTU. Issue 4. Print- and Mediatechnologies*, 2022, no. 2 (261), pp. 43-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.52065/2520-6729-2022-261-2-43-49>, <https://elibrary.ru/gwolei>

6. Gradyushko A.A. Platformization in digital journalism: new strategies for media production. *Trudy BGTU. Seriya 4: Print- i mediatekhnologii = Proceedings of BSTU. Issue 4. Print- and Mediatechnologies*, 2023, no. 1 (267), pp. 34-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.52065/2520-6729-2023-267-1-5>, <https://elibrary.ru/kulihl>
7. Zvereva E.A., Khvorova V.A. Generation Y and Z: features media consumption. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya = Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 6, pp. 131-140. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-131-140>, <https://elibrary.ru/anhwkm>
8. Dunas D.V., Tolokonnikova A.V., Babyna D.A., Boyko O.A., Sidorov E.A. The agenda in social media and federal news agencies: thematic gap and semantic unity (the example of Russia's "Digital Youth"). *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2025, vol. 18, no. 1, pp. 178-193. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ldwptk>
9. Tolokonnikova A.V. Examining the youth media agenda through the prism of mediametrics. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Zhurnalistika v 2022 godu: tvorchestvo, professiya, industriya» = Proceedings of the International Scientific-Practical Conference "Journalism in 2022: Creativity, Profession, Industry"*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2023, pp. 315-316. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nlwrwl>
10. Lyubimtseva M.A. Factors affecting reading time and scroll depth of online media articles (the case of Lady.mail.ru). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Lomonosov Journalism Journal*, 2020, no. 2, pp. 53-84. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2020.5384>, <https://elibrary.ru/fmssdj>
11. Dunas D.V., Salikhova E.A., Tolokonnikova A.V., Babyna D.A. Agenda setting and the framing effect: on the need for conceptual unity in media studies of digital youth. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Lomonosov Journalism Journal*, 2022, no. 4, pp. 47-78. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2022.4778>, <https://elibrary.ru/saknbb>

Информация об авторе

ХАРИТОНОВА Светлана Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой периодической печати и веб-журналистики, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь, <https://orcid.org/0000-0001-9024-6474>, sveta_har@mail.ru

Поступила в редакцию 28.02.2025

Поступила после рецензирования 03.04.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Sviatlana V. Kharytonava, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Periodicals and Web Journalism Department, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, <https://orcid.org/0000-0001-9024-6474>, sveta_har@mail.ru

Received 28.02.2025

Approved 03.04.2025

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 008; 261.6

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-428-439>

Шифр научной специальности 5.10.1

Почитание преподобной Марфы (Апариной) в Тамбовской митрополии

Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Сергей Иванович Васнев)

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования

«Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3

 admin@eparhia-tmb.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Рассмотрена традиция почитания преподобной Марфы Тамбовской в Тамбовской митрополии в контексте сохранения и развития традиций русской национальной духовной культуры, что является актуальным на фоне общемировой тенденции к ослаблению национальной и религиозной идентичности. Цель исследования состоит в систематизации и последовательном изложении сведений о жизненном подвиге, обретении мощей, церковной канонизации и почитании преподобной Марфы (Апариной) в Тамбовской митрополии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом исследования послужили богослужебные тексты и церковные документы (жизнеописание, акафист, молитвы преподобной Марфе Тамбовской, журналы заседания Священного синода), публикации в журнале «Тамбовские епархиальные ведомости» (2006–2023). Используются историко-хронологический, идеографический методы, а также контент-анализ. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Почитание преподобной Марфы в Тамбовской епархии началось сразу после её преставления и не ослабевало даже в годы советской власти: её могилу на Крестовоздвиженском кладбище города Тамбова всегда посещали люди, которым она являла чудеса исцелений. В 1988 г. преподобная Марфа была прославлена в лике святых для местного почитания. 1 июля 2006 г. в Вознесенском монастыре состоялись торжества в честь обретения её мощей. В честь святой в Тамбовской митрополии освящены два храма. Имя блаженной старицы носит областной Перинатальный центр города Тамбова. Почитание преподобной Марфы распространяется в настоящее время в Русской православной церкви за границей. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Почитание преподобной Марфы в широких общественных кругах свидетельствует о том, что на Тамбовской земле сохраняются ценности национальной духовной культуры.

Ключевые слова: Тамбовская епархия, преподобная Марфа Тамбовская, город Кирсанов, Тамбовский Вознесенский женский монастырь, обретение мощей, прославление, почитание

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: С.И. Васнев – разработка концепции исследования, анализ документов и литературы, сбор и обработка материала, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Феодосий (Сергей Иванович Васнев), митрополит Тамбовский и Рассказовский. Почитание преподобной Марфы (Апариной) в Тамбовской митрополии // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 428-439. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-428-439>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-428-439>

OECD 5.09; ASJC 3316

Veneration of St. Marfa (Aparina) in the Tambov Archdiocese

Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Theodosius (Sergey Ivanovich Vasnev)

Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church

3 M. Gorkiy St., Tambov, 392000, Russian Federation

 admin@eparhia-tmb.ru

Abstract

INTRODUCTION. The tradition of veneration of St. Marfa of Tambov in the Tambov Archdiocese in the context of preserving and developing the traditions of Russian national spiritual culture is examined, which is very relevant against the background of the global trend towards the weakening of national and religious identity. The purpose of the study is to systematize and consistently present information about the life's exploits, acquisition of relics, church canonization and the veneration of St. Marfa (Aparina) in the Tambov Archdiocese. **MATERIALS AND METHODS.** The research material includes liturgical texts and church documents (biography, Akathist, prayers of St. Marfa of Tambov, journals of the Holy Synod), and publications in the Tambov Diocesan Gazette (2006–2023). The research uses historical-chronological, ideographic methods, as well as content analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** Veneration of St. Marfa in the Tambov diocese began immediately after her repose and did not weaken even during the years of Soviet rule: her grave at the Holy Cross Cemetery in Tambov was always visited by people to whom she performed miracles of healing. In 1988, St. Marfa was glorified as a saint for local veneration. On July 1, 2006, celebrations were held at the Holy Ascension Convent in honor of the finding of her relics. Two churches were consecrated in honor of the saint in the Tambov Archdiocese. The name of the blessed old woman is borne by the regional Tambov Perinatal Center. Veneration of St. Marfa is currently spreading in the Russian Orthodox Church Outside of Russia. **CONCLUSION.** The veneration of St. Marfa in wide public circles testifies that the values of national spiritual culture are preserved on the Tambov land.

Keywords: Tambov diocese, Venerable Marfa of Tambov, Kirsanov city, Tambov Holy Ascension Convent, discovery of relics, glorification, veneration

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: S.I. Vasnev – research concept development, documents and literature analysis, material collection and processing, writing – manuscript draft preparation.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Theodosius (Sergey Ivanovich Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo. Veneration of St. Marfa (Aparina) in the Tambov Archdiocese. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):428-439. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-428-439>

ВВЕДЕНИЕ

Традиция почитания святых берёт свое начало с первых веков христианства и формируется на Востоке из почитания святых Ветхого Завета, апостолов, а затем первомучеников за Христа. После прекращения гонений на христиан и с развитием монашества возникает почитание подвижников благочестия – людей, наиболее приблизившихся к Богу, в лике святителей и преподобных. Примерно с X века начинают формироваться святы – дни памяти святых, а также появляется практика включения в богослужение молебных канонов особо чтимым святым. С XI века на Руси возникает житийная литература как особый повествовательно-назидательный жанр.

Жития святых на протяжении тысячелетней истории России являлись образцом для подражания и духовного роста людей. И.В. Семененко-Басин отмечает, что «на протяжении XX века канонизация святых оставалась в Русской Церкви одной из традиционных форм воспроизводства религиозно-этических норм сообщества и основных конвенций религиозной культуры» [1, с. 231]. Таким образом, традиция почитания святых в Церкви развивалась в течение нескольких веков и составляет особый пласт христианской духовной культуры. В последнее время тема канонизации святых постепенно приобретает интерес как среди светских, так и церковных исследователей. Примером может служить исследование С.Л. Фирсова, посвящённое истории канонизации святителя Митрофана Воронежского [2].

Для современной России вопрос сохранения православных традиций и духовно-нравственных ценностей на фоне процессов, происходящих в мировом социально-политическом пространстве, остаётся по-прежнему актуальным. Без осознания ценности православной веры и культуры, ставшей духовным оплотом государства Российского, без почтительного отношения к памяти подвижников благочестия невозможно сохранить самобытность нашего народа. Вместе с тем существует необходимость разъяснить понятие «канонизация» с позиций православной

теологии, так как дефиниции, данные светскими учёными, нередко искажают его смысл. Так, например, Т.В. Юрьева даёт следующее культурологическое определение: «Канонизация – процесс создания образа святого, и это художественный образ, поскольку создаётся он в произведениях искусства: в литургии, житии и иконографии... И здесь мы прослеживаем логику совершенно специфичную, т. к. образ святого носит только имя и воплощает частичную фактологию исторического персонажа» [3, с. 144]. Следует подчеркнуть несостоятельность подобной трактовки. Во-первых, литургия и житие являются строго каноническими жанрами религиозного стиля и выполняют разные функции: литургия есть текст православного общественного Богослужения, который отражает сущность происходящего в храме священнодействия и способствует соединению человека с Богом; житие же стоит ближе к литературным жанрам, так как содержит жизнеописание христианского подвижника, однако оно не содержит фантазийных художественных образов, а напротив, преследует цель отразить наиболее существенные реальные черты личности святого, его праведной жизни с целью сохранения и передачи его духовного опыта последующим поколениям. Таким образом, литургия не имеет отношения к созданию образа святого, а житие, как и иконографическое изображение, действительно, непосредственно связаны с процессом канонизации, то есть церковного прославления святого. При этом сам этот процесс не преследует цели «представить святость и святых... как нечто архаичное и полуполюбопытное, случившееся столетия назад и осевшее лишь в глубинах символической культурной памяти», а представляет святость как явление, которое «оказывало наших недавних предков и, возможно, окружает нас самих и существует ещё в пределах живого дискурса» [4]. Иными словами, канонизация не только содействует прославлению, то есть увековечению памяти духовного подвижника в церковном сообществе, но и подтверждает факт его обожения, то есть обретения им подобия Божия, утраченного людьми со времён грехопадения прародителей Адама и Евы.

В истории Тамбовской епархии наиболее значимыми событиями, связанными с прославлением святых, являются канонизации преподобного Серафима Саровского (1903), святителя Питирима Тамбовского (1914) и преподобной Марфы Тамбовской (1988). Обретение святых мощей и прославление преподобного Серафима Саровского и святителя Питирима Тамбовского неоднократно становились предметом изучения, отражены в научных статьях и монографиях, тогда как к истории канонизации и увековечения памяти преподобной Марфы на Тамбовской земле исследователи обращаются не так часто.

Цель исследования – систематизировать и последовательно изложить сведения о жизни и духовном подвиге, об обретении мощей, церковной канонизации и почитании преподобной Марфы (Апаринной) в Тамбовской митрополии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основным материалом исследования послужили богослужебные тексты и церковные документы (жизнеописание, акафист, молитвы преподобной Марфе Тамбовской, журналы заседания Священного синода Русской православной церкви), а также публикации в энциклопедических изданиях и журнале «Тамбовские епархиальные ведомости» (2006–2023), отражающие события, связанные с подготовкой к канонизации и почитанием святой на Тамбовской земле.

В работе используются историко-хронологический, идеографический методы для создания целостного описания истории обретения мощей и почитания преподобной Марфы Тамбовской, а также контент-анализ для отбора сведений, относящихся к предмету исследования, из архивных, публицистических и нарративных источников.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Житие преподобной Марфы Тамбовской повествует, что она родилась в провинциальном городке Саранске около 1740 г. у благочестивых дворян Петра и Мелании Апаринных [5, с. 11]. Она была старшим ребёнком в

семье, в которой воспитывалось ещё трое детей: Иван, Сергей и Пелагея. Уже в раннем возрасте Марфа стремилась к уединению и молитве, питалась постной пищей, не вкушала даже рыбы и растительного масла. Ночью она просыпалась и долго молилась, стоя на коленях перед иконами, ощущая благодать и радость во время предстояния перед Богом. О ночных бдениях девочки стало известно Мелании Гавриловне. Марфа рассказала матери, как ночью ей является «светлый юноша» и призывает молиться. После смерти отца, около 1780 г., Марфа вместе с матерью Меланией Гавриловной, братьями и сестрой переехала в город Кирсанов Тамбовской губернии.

Со временем у Марфы возникло желание принять монашество, и она не раз просила мать благословить её на это. Однако Мелания Гавриловна не решалась отпустить дочь в монастырь, уверяя её, что ходить в храм и молиться она может, оставаясь и в семье. Марфа не могла ослушаться матери и со смирением продолжала жить дома. Она была кроткой, любвеобильной и не гнушалась выполнять работы по дому вместе с прислугой. Нередко будущая подвижница покрывала оплошности других, брала вину на себя и тем самым избавляла их от наказания. Таким отношением она обрела любовь не только своих домашних, но и горожан. Преподобная стремилась помогать людям и говорила: «Милосердный Бог и по милостыням от грехов избавляет» [5, с. 12]. Она с усердием заботилась о благолепии храмов, занималась шитьём церковных облачений, любила читать жития святых.

После кончины матери Марфа стала управлять домашним хозяйством. Её доброе сердце привлекало к ней одиноких женщин и девиц, искавших спасения; все увидели в ней мудрую наставницу. Через некоторое время в доме образовалась небольшая община под руководством преподобной. Её первой помощницей стала младшая сестра Пелагея. Периодически Марфа выезжала из Кирсанова в Тамбов, где останавливалась у родного брата Сергея, а также паломничала по монастырям России. «Не раз бывши в Тихвине, она возымела особое христианское усердие к

чудотворной иконе Божией Матери – Тихвинской» [6, с. 13]. После очередной поездки в Тихвин она приобрела список этой иконы в Кирсанове и благословила им сестёр общины, которую затем назвали Тихвинской. В одну из паломнических поездок к святыням Киево-Печерской Лавры над Марфой был тайно совершён постриг, в котором ей было дано имя Маргарита.

Незадолго до своей кончины преподобная Марфа беспокоилась будущим кирсановской общины. Она пригласила одну из своих ближайших учениц Татьяну Пахомову и просила её принять на себя попечение о насельниках. Татьяна исполняла просьбу Марфы, как могла, поскольку текущими хозяйственными делами общины при ней продолжала заниматься младшая сестра Марфы, Пелагея Апарина, властная и строгая по характеру.

Перед своим последним отъездом из Кирсанова в Тамбов Марфа просила сестёр исполнять монашеский устав Саровской обители, которая славилась духовными подвигами своих старцев: «Не плачьте, сёстры! Когда будет у вас монастырь, то и я, по воле Божией, буду жить с вами, если не телом, то духом. Умоляю вас, не оставляйте правил послушания и любите друг друга. Почитайте вашу начальницу, как мать, и помогайте ей молитвами и трудами. В трудах будьте терпеливы и призывайте на помощь Пресвятую Богородицу: Она ваша покровительница» [5, с. 22]. Старица завещала им похоронить её на Крестовоздвиженском кладбище города Тамбова, слева от алтаря кладбищенского храма, рядом с могилой своего духовника священника Гавриила, служившего штатным клириком Михаило-Архангельского храма города Тамбова, разрушенного в 1930-е гг.

Во время пребывания в Тамбове, в августе 1800 г., у преподобной резко ухудшилось состояние здоровья. В это время при ней неотлучно находились насельницы Тамбовского Вознесенского женского монастыря. Чувствуя, что приближается час её перехода в вечность, блаженная старица причастилась Святых Христовых Таин. В минуту её смерти Господь явил чудо, о котором рассказала насельница Вознесенской женской обители

монахиня Мавра, молившаяся у одра умирающей. По её словам, перед смертью подвижницу осенило облако, и она увидела, как «Господь благословляет болящую правою рукой своею, другою рукой указывает на небо. Здесь же видала я юношу пресветлого, держащего в руке ветвь несказанной красоты. Ветвь эту он дал Марфе, и она, приняв её, просветился ликом и испустила дух» [5, с. 25]. «После кончины на теле Марфы были обнаружены железные вериги с крестом, ключ от замка которых так и не нашли. Отпевание Марфы состоялось в Вознесенском женском монастыре, а погребение – на Воздвиженском кладбище города Тамбова» [7, с. 231].

И после своей кончины блаженная Марфа не оставляла тех, кто с верой обращался к ней. Ее почитание в Тамбовской епархии никогда не ослабевало: могилу на Крестовоздвиженском кладбище города Тамбова даже в годы советской власти всегда посещали люди, которым она являла чудеса исцелений. Приведём некоторые из них. Жительница города Тамбова, Варвара Васильевна Малофеева, 54 лет, в 1978 г. сильно заболела и не могла ходить. Она вспомнила, что однажды почитательница Марфы рассказала ей, как по молитвам святой исцелился от алкогольной зависимости её сын. Варвара попросила своих родственников ежедневно привозить её на могилку подвижницы, где она усердно молилась. Вскоре болезнь отступила, и женщина смогла передвигаться самостоятельно.

Другая жительница Тамбова, Наталья Алексеевна Вислобокова, 1927 г. рождения, в сентябре 1998 г. страдала ущемлением нервов. Нестерпимые боли в ногах не позволяли ей передвигаться даже по дому, из-за чего она сильно переживала. После того как больная при помощи родных посетила место погребения святой, где просила преподобную помолиться о своём выздоровлении, боль прекратилась, и она снова начала ходить.

Проживавшая в посёлке Новая Ляда Тамбовского района Надежда Михайловна Летягина, 1953 г. рождения, долгое время страдала кровотечением. Лечащий врач, как ни старался, ничего сделать не мог. Болезнь прогрессировала. Надежда Михайловна по совету знакомых поехала на Воздвиженское

кладбище к преподобной Марфе, которую сердечно молила об исцелении. Уже после первого посещения могилки она выздоровела. Надежда Михайловна, её знакомые и лечащий врач считали произошедшее чудом, совершённым по молитвам тамбовской подвижницы.

В 1988 г. преподобная Марфа была прославлена в лике святых для местного почитания. Об этом в год 1000-летия Крещения Руси епископ Тамбовский и Мичуринский Евгений (Ждан) ходатайствовал перед Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Пименом. В 1999 г. переиздали с дополнениями первое жизнеописание преподобной, составленное протоиереем Иоанном Сладкопевцевым ещё в 1861 г. [8].

В 2005 г. настало время для обретения её честных мощей. На это было получено благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Городские власти выдали письменное разрешение для проведения раскопок на Воздвиженском кладбище города Тамбова. Была образована специальная Епархиальная комиссия, в которую вошли: протоиерей Николай Засыпкин – председатель комиссии; священник Виктор Лисюнин – секретарь комиссии; священник Георгий Неретин – ключарь Вознесенского женского монастыря города Тамбова; А.Ю. Ильин – глава города Тамбова; С.А. Чеботарёв – советник главы администрации Тамбовской области; послушница Нина Ковылова – исполняющая обязанности благочинной Вознесенского женского монастыря города Тамбова; О.Ю. Лёвин – заведующий историко-архивным отделом Тамбовской епархии; С.А. Беляев – известный российский археолог, который имел большой опыт проведения археологических работ и не раз участвовал в освидетельствовании останков подвижников во время проведения раскопок, в том числе в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

В четверг, 22 сентября 2005 г., после получения необходимых разрешений, начались работы на Воздвиженском кладбище в присутствии всех членов Епархиальной комиссии, духовенства и верующих тамбовчан. На могилке преподобной Марфы епископ Там-

бовский и Мичуринский Феодосий совершил молебен. В ночь с 22 на 23 сентября под руководством священника Георгия Неретина работники Вознесенского женского монастыря при участии воспитанников Тамбовской духовной семинарии произвели демонтаж металлической сени, сооружённой в 2002 г. После этого место погребения было расчищено и приготовлено для работ.

23 сентября множество народа собралось на кладбище. К раскопкам приступили под непрекращающееся пение и чтение акафистов. Особое волнение и трепет наполняли членов Епархиальной комиссии, духовенство и всех присутствующих, наблюдавших за проведением работ. Когда прошли около метра вглубь от поверхности могилы, с южной стороны обнаружили фрагменты костей, расположенных беспорядочно по её периметру. По мнению членов комиссии, это были останки людей, которых захоронили рядом значительно позже. В ходе раскопок встречались также осколки кирпичей и щебня. Из-за этого возникла тревога, что могила преподобной Марфы в советское время, возможно, была вскрыта. Кто-то вспомнил, что в городе Тамбове бытовало мнение о повреждении могилы святой в годы гонений на Церковь и перенесении надгробного камня в другое место.

Между тем раскопки продолжались. Через полметра появилась кладка из кирпичей, уложенных плашмя в виде правильного прямоугольника. Члены комиссии разобрали этот ряд, а затем следующий, где кирпичи лежали ребром, потом ещё один ряд кирпичей, лежавших плашмя, но никаких признаков захоронения не обнаружили. Волнение у участников раскопок нарастало. Вскоре был обнаружен склеп прямоугольной формы длиной более 2 метров, выложенный кирпичом вглубь на 80 см. Своды склепа обрушились, и кирпичи попеременно с глиной и землей оказались внутри гроба. Для комиссии было очевидно, что склеп рухнул от длительного давления грунта и могильного камня, а не от некоего внешнего воздействия.

К 19:00 члены комиссии нашли первые кости скелета и начали аккуратно очищать их от грунта. Через несколько минут стало

ясно, что это женский скелет, находился в неповрежденном состоянии. На нём сохранилась часть монашеского облачения и вериги. Они представляли собой тяжёлые железные цепи с крестом на груди и массивным поясом, запертым на замок. Здесь же были обнаружены остатки кожаных чёток-лестницы, несколько чёток с шариками, выточенными из прочной древесины. Всё это свидетельствовало о том, что были найдены именно честные мощи преподобной Марфы. Святая лежала так, как её похоронили 205 лет назад: со сложенными крестообразно на груди руками, заключённая в вериги, которые она носила тайно. Из жития известно, что подвижницу положили в гроб в веригах, так как не могли найти ключ от замка, чтобы снять их. Вериги стали неоспоримым свидетельством принадлежности обретенных мощей преподобной Марфе. Об этом комиссия сообщила всем присутствующим при раскопках, и у многих на глазах появились слёзы радости. «Духовную радость, которую испытали духовенство и тамбовчане, когда был установлен этот факт, можно сравнить лишь с тем, как радовались наши отцы и деды, когда обрели мощи небесного покровителя Тамбовской земли – святителя Питирима. Хотя, вероятно, она была ещё сильнее, ведь тогда не возникало столько вопросов о месте захоронения угодника Божия, поскольку он был погребён в Спасо-Преображенском кафедральном соборе города Тамбова» [9, с. 13]. Всю ночь священнослужители и студенты Тамбовской духовной семинарии читали и пели акафисты у честных мощей преподобной Марфы.

В субботу, 24 сентября, всё духовенство епархии прибыло на Воздвиженское кладбище, где уже собралось много молящихся. В это время, разобрав часть южной стенки склепа, рабочие подвели под останки железный лист и со всеми мерами предосторожности переложили их в гроб. Когда его начали поднимать из могилы, на кладбище раздалось тысячеголосное пение: «Ублажаем тя, преподобная мати наша Марфо...». После молебна духовенство и народ торжественным крестным ходом направились в Тамбовский Вознесенский женский монастырь.

Священники по очереди несли гроб, студенты по пути следования крестного хода разбрасывали лепестки цветов, которые затем верующие собирали на память. Около монастыря все запели «Воскресение Твоё, Христе Спасе», а некоторые участники радостно приветствовали друг друга словами пасхального приветствия: «Христос воскрес!» – и получали жизнеутверждающий ответ: «Воистину воскрес!» Мощи преподобной Марфы были «установлены в алтаре Скорбященского храма с правой стороны» [5, с. 61]. Большой овальный камень, лежавший на могиле подвижницы более двух веков, установили на небольшом возвышении справа от главного входа в храм.

В этот же день члены комиссии составили и подписали «Акт об обретении честных останков преподобной Марфы Тамбовской» [5, с. 59-62], отражавший историческое событие, исполнителями которого они являлись. «Таким образом, двухвековое почитание места на Воздвиженском кладбище города Тамбова, обозначенного камнем и памятником, как могила преподобной Марфы, обнаруженные останки с веригами и фрагментами монашеского облачения, соответствующие описанию погребения преподобной Марфы, и отсутствие каких-либо свидетельств об иных женских монашеских захоронениях в этом месте позволили членам комиссии прийти к единодушному и единогласному убеждению, что обнаруженные останки принадлежат преподобной Марфе (Апаринной)» [5, с. 61].

Почти год святые мощи преподобной находились в алтаре Скорбященского храма Вознесенской обители. Всё это время ежедневно служился акафист, в котором верующие воспевали: «Радуйся, преподобная мати Марфо, всех страждущих предивная утешительнице!» [10].

В начале 2006 г. в южной части храма была расширена солея, изготовлена резная деревянная «рака для святых мощей преподобной» [11]. В церковном Художественно-производственном предприятии «Софрино» сделали металлический позолоченный ковчег-витрину со стеклом для хранения железных вериг и чёток. Московские художники

по эскизу епископа Феодосия впервые написали несколько поясных икон Марфы.

1 июля 2006 г. в Вознесенском монастыре состоялись торжества в честь обретения мощей преподобной. «Под колокольный звон верующие... встречали архиепископа Рязанского и Касимовского Павла, епископа Брянского и Севского Феофилакта и епископа Тамбовского и Мичуринского Феодосия. По окончании богослужения был совершён крестный ход с мощами вокруг храма, по завершении которого архиепископ Павел зачитал послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II» [12, с. 7] «епископу Тамбовскому и Мичуринскому Феодосию, боголюбивому клиру, благочестивым мирянам, всем жителям земли Тамбовской» [5, с. 5]. В послании, в частности, говорилось: «Святым мощам преподобной Марфы, почитание которых благословляется для всенародного поклонения, отныне будут стремиться паломники с упованием на её молитвенное предстательство. Верю, что обретенная святыня по милости Божией станет неоскудевающей врачебницей для всех притекающих за духовным укреплением и помощью в Тамбовский Вознесенский женский монастырь, сестры которого будут с любовью их принимать и вместе с ними едиными устами и единым сердцем возносить молитвы своей небесной покровительнице» [5, с. 5-7]. С архиерейским посланием к тамбовской пастве обратился также инициатор обретения святых мощей преподобной Марфы епископ Феодосий, подчеркнувший, что подвижница своими усердными «трудами милосердия и смиренным монашеским житием... стяжала славу духовной наставницы и руководительницы тех людей, которые стремились идти по душеспасительному пути веры. С кротостью... несла она свой крест по окормлению страждущих душ, алчущих духовной радости и утешения. С любовью и вниманием относилась [преподобная Марфа] к людям, помогая им словом и делом, укрепляя в вере и благочестии, призывая не оставлять дела милосердия. За свою праведную жизнь святая была удостоена Богом многих духовных дарований» [5, с. 8-10].

«30–31 августа 2014 г. состоялся Перво-святительский визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Тамбовскую митрополию. Целью Патриаршего посещения Тамбовской земли стало участие Предстоятеля... в торжествах, посвящённых 100-летию со времени канонизации святителя Питирима Тамбовского, чудотворца» [13, с. 2]. В ходе визита «Святейший Патриарх освятил Вознесенский собор Вознесенского женского монастыря города Тамбова и совершил Всенощное бдение в новоосвящённом храме» [13, с. 12]. После богослужения «в монастырском храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» Святейший Патриарх поклонился мощам преподобной Марфы Тамбовской» [13, с. 17].

27 декабря 2015 г. митрополитом Тамбовским Феодосием освящён малым чином первый на Тамбовской земле каменный храм в честь преподобной Марфы в селе Лавровка Мордовского района [14]. Домовый храм в честь блаженной старицы был освящён епископом Мичуринским и Моршанским Гермоном (Серым) в двухэтажном келейном корпусе Никольского Мамонтовского женского монастыря Мичуринской епархии.

16 июля 2018 г. в городе Тамбове митрополит Феодосий торжественно освятил современный областной Перинатальный медицинский центр, которому распоряжением губернатора Тамбовской области А.В. Никитина присвоено имя преподобной Марфы. В открытии центра приняли участие полномочный представитель президента в Центральном Федеральном округе И.О. Щёголев, генеральный директор государственной корпорации «Ростехнологии» С.В. Чемезов и другие высокие гости [15]. Медицинский центр освящён в честь тамбовской подвижницы потому, что она почитается многими людьми, воцерковленными и ещё находящимися на пути к храму, как скорая помощница готовящимся вступить в брак, а также тем счастливым парам, которые ожидают рождения ребенка. Она подаёт помощь и покровительство родителям и укрепляет любовь в семьях.

Почитание преподобной Марфы началось и за пределами нашего отечества. В 2020 г. Священный синод Русской православной церкви за границей обратился к митрополиту Феодосию с просьбой передать частицу мощей преподобной Марфы в США. «1 февраля, в день 11-й годовщины интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в Храме Христа Спасителя состоялась передача иконы с частицей мощей преподобной Марфы делегации Русской православной церкви за границей» [16], которую «возглавил митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Иларион, Первоиерарх Русской зарубежной церкви» [16].

Частицы святых мощей преподобной Марфы Тамбовской епархией также были переданы и хранятся в настоящее время в следующих храмах Русской православной церкви: «в одесском в честь Иверской иконы Божией Матери монастыре, в храмах вмч. Димитрия Солунского в пос. Восточном г. Москвы, Владимирской иконы Божией Матери в г. Твери, Воскресения Христова в пос. Алексеевское Республики Татарстан» [7].

16 мая 2023 г. Священный синод Русской православной церкви на своём заседании утвердил обновлённый список Собора Тамбовских святых, прославленных в последние годы, в который так же, как и в 1988 г., была включена преподобная Марфа Тамбовская¹. Ныне память святой совершается 10 августа – в день Собора Тамбовских святых, 1 сентября – в день её кончины и 24 сентября – в день обретения её честных мощей.

В настоящее время в Вознесенском женском монастыре каждый четверг при участии настоятельницы игумении Тавифы (Ковыловой) и сестёр обители служитя акафист. Ежегодно 24 сентября, в день обретения мощей подвижницы, митрополит Феодосий совершает в обители Божественную литургию, а после литургии – «молебен с крестным ходом по территории обители» [17]. В этот

день к молитвенному предстательству блаженной притекают верующие не только Тамбовской митрополии. К ней приходят богомольцы и из других епархий нашей Церкви и благодарят Бога за «благодатную возможность поклониться мощам подвижницы, а также её веригам, которые свидетельствуют о святости жизни преподобной» [18, с. 33].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Почитание преподобной Марфы не только в среде православных верующих, но и в широких общественных кругах свидетельствует о том, что на Тамбовской земле сохраняются ценности национальной духовной культуры. С уверенностью можно сказать, что преподобная Марфа Тамбовская, как и многие другие святые земли нашей, в том числе новомученики и исповедники, возносят «свои молитвы у Престола Божия за тамбовскую паству, чтобы она хранила духовно-нравственные традиции, чтит свои святыни и была поборницей православной христианской веры» [19, с. 143]. Все чада Русской православной церкви с благоговением и любовью хранят и почитают честные мощи святых, ибо они являются знаком таинственного, но осязаемого действия Божественной благодати в этом мире и живительным источником духовной крепости для всех людей. В настоящее время Россия живёт «в условиях очернения нашей... истории и духовной культуры, нивелирования их всемирного значения» [20, с. 124], и поэтому мы должны объединить усилия в жертвенном подвиге защиты нашего Отечества. Любовь к Богу и людям, православным святым и святыням, родной земле – это экзистенциальные духовные ценности и фундаментальные основания жизни, о которых великий русский поэт написал такие проникновенные строки:

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века,
По воле Бога Самого,

¹ Журналы заседаний Священного синода Русской православной церкви. 2023. 16 мая. № 31 // Русская православная церковь: официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6027150.html> (дата обращения: 20.02.2024).

Самостоянье человека,
Залог величия его.

...

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Какпустыня.
И как алтарь без божества.
А.С. Пушкин

Список источников

1. Семененко-Басин И.В. «Необычный святой» в исторической памяти сообщества: случай Бориса Талантова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 8-2. С. 229-240. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2019-8-229-240>, <https://elibrary.ru/xbubdi>
2. Фирсов С.Л. Святой империи. К истории канонизации святителя Митрофана Воронежского в 1832 г. // Христианское чтение: научный журнал Санкт-Петербургской духовной академии. 2020. № 4. С. 184-198. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2020_4_184, <https://elibrary.ru/enayop>
3. Юрьева Т.В. Канонизация святых Русской Церкви как культурологическая проблема // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2015. № 2 (42). С. 140-148. <https://elibrary.ru/tzhntv>
4. Батищев Р.Ю., Беляев Е.В., Линченко А.А. Русская православная церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации // Studia Humanitatis. 2018. № 1. С. 23. <https://elibrary.ru/xoblep>
5. Жизнеописание преподобной Марфы Тамбовской / под общ. ред. еп. Тамбовского и Мичуринского Феодосия. Тамбов: Тамбов. епархия Моск. Патриархата, 2007. 117 с.
6. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Козельск: Введен. Оптина пустынь, 1996. Сентябрь. С. 624.
7. Кочетов Д.Б. Марфа (Апарина) // Православная энциклопедия. Т. 44. Москва: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2016. С. 231-232.
8. Сладкопевцев И.М., прот. Сказание о жизни и кончине Марфы Петровны Апаринной, первоначальницы женского монастыря в г. Кирсанове // Странник. 1861. Декабрь, отд. 1. С. 199-209.
9. Праздник обретения мощей преподобной Марфы Тамбовской в Вознесенском женском монастыре // Тамбовские епархиальные ведомости. 2022. № 10 (178). С. 10-13.
10. Преподобная Марфа Тамбовская. Акафист. Молитва. Служба. Жизнеописание. Тамбовская епархия Московского Патриархата, 2007. С. 64.
11. Лёвин О.Ю., Просветов Р.Ю. Марфа Тамбовская (Апарина Марфа Петровна) // Тамбовская энциклопедия. Тамбов: Центр поддержки музейного дела «Провинциальные усадьбы», 2020. С. 467.
12. Обретение святых мощей преподобной Марфы Тамбовской // Тамбовские епархиальные вести. 2006. № 5 (91). С. 1-7.
13. Первоосвятительский визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Тамбовскую митрополию // Тамбовские епархиальные ведомости. 2014. № 9 (81). С. 1-48.
14. Освящение храма в честь преподобной Марфы Тамбовской // Тамбовские епархиальные ведомости. 2016. № 1 (97). Ст. 33.
15. Митрополит Феодосий освятил Перинатальный центр имени преподобной Марфы Тамбовской в городе Тамбове // Тамбовские епархиальные ведомости. 2018. № 8 (128). Ст. 6.
16. Икона с частицей мощей преподобной Марфы Тамбовской передана делегации Русской православной церкви за рубежом // Тамбовские епархиальные ведомости. 2020. № 2 (146). Ст. 9.
17. Праздник обретения мощей преподобной Марфы Тамбовской // Тамбовские епархиальные ведомости. 2023. № 10 (190). С. 26.
18. День памяти преподобной Марфы Тамбовской в Вознесенском женском монастыре // Тамбовские епархиальные ведомости. 2021. № 9 (165). С. 32-33.
19. Феодосий (Васнев С.И.), митр. Тамбовский и Рассказовский. Духовно-нравственная и социальная проблематика в гомилетическом наследии тамбовского периода (1910–1912 гг.) священномученика Кирилла (Смирнова) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 3 (24). С. 133-149. https://doi.org/10.51216/2687-072X_2023_3_133, <https://elibrary.ru/pyyhlg>
20. Феодосий (Васнев С. И.), митр. Тамбовский и Рассказовский. Антисектантская деятельность священномученика Кирилла (Смирнова) в Тамбовской епархии (на материале проповедей 1910–1915 гг.) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 112-128. https://doi.org/10.51216/2687-072X_2023_4_112, <https://elibrary.ru/jqkrbe>

References

1. Semenenko-Basin I.V. "Strange Saint" in the historical memory of the community: the case of Boris Talantov. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya = RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2019, no. 8-2, pp. 229-240. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2019-8-229-240>, <https://elibrary.ru/xbubdi>
2. Firsov S.L. Imperial saint. toward a history of the canonization of St. Metrophanes of Voronezh in 1832. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*, 2020, no. 4, pp. 184-198. (In Russ.) https://doi.org/10.47132/1814-5574_2020_4_184, <https://elibrary.ru/enayop>
3. Yureva T.V. Canonization of the Russian church saints as a cultural problem. *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya = Humanitarian Vector. Series: Philosophy, Cultural Studies*, 2015, no. 2 (42), pp. 140-148. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tzhntv>
4. Batishchev R.Yu., Belyaev E.V., Linchenko A.A. Russian orthodox church as the actor of modern politics of memory: the canonization discourse. *Studia Humanitatis*, 2018, no. 1, 23 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xoblcj>
5. Theodosius, mitropolit Tambovskiy i Rasskazovskiy (gen. ed.). *Life of the Venerable Martha of Tambov*. Tambov, Tambovskaya eparkhiya Moskovskogo Patriarkhata Publ., 2007, 117 p. (In Russ.)
6. *Life Descriptions of Domestic Ascetics of Piety of the XVIII and XIX Centuries*. Kozelsk, Vvedenskaya Optina pustyn Publ., 1996, September, p. 624. (In Russ.)
7. Kochetov D.B. *Marfa (Aparina). Orthodox Encyclopedia*. Vol. 44. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia ehntsikl.» Publ., 2016, pp. 231-232. (In Russ.)
8. Sladkopevtsev I.M., archpriest. Tale of the life and death of Martha Petrovna Aparina, the original founder of the nunnery in the town of Kirsanov. *Strannik = Wanderer*, 1861, December, unit 1, pp. 199-209. (In Russ.)
9. Celebration of the finding of the relics of St. Martha of Tambov in the Ascension Nunnery. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti = Tambov Diocesan Gazette*, 2022, no. 10 (178), pp. 10-13. (In Russ.)
10. *Venerable Martha of Tambov. Akathist. Prayer. Service. Life Description*. Tambovskaya eparkhiya Moskovskogo Patriarkhata Publ., 2007, p. 64. (In Russ.)
11. Levin O.Yu., Prosvetov R.Yu. *Marfa of Tambov (Aparina Marfa Petrovna). Tambovskaya ehntsiklopediya*. Tambov, Tsentr podderzhki muzeinogo dela «Provintsialnye usadby» Publ., 2020, p. 467. (In Russ.)
12. Retrieval of the holy relics of St. Martha of Tambov. *Tambovskie eparkhial'nye vesti = Tambov Diocesan Gazette*, 2006, no. 5 (91), pp. 1-7. (In Russ.)
13. The visit of His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Russia to the Tambov Metropolis. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti = Tambov Diocesan Gazette*, 2014, no. 9 (81), pp. 1-48. (In Russ.)
14. The consecration of the church in honor of the Monk Martha of Tambov. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti = Tambov Diocesan Gazette*, 2016, no. 1 (97), Art. 33. (In Russ.)
15. Metropolitan Theodosius consecrated the Perinatal Center named after St. Martha of Tambov in the city of Tambov. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti = Tambov Diocesan Gazette*, 2018, no. 8 (128), Art. 6. (In Russ.)
16. Icon with a part of the relics of St. Martha of Tambov handed over to the delegation of the Russian Orthodox Church Outside of Russia. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti = Tambov Diocesan Gazette*, 2020, no. 2 (146), Art. 9. (In Russ.)
17. Celebration of the finding of the relics of the Venerable Martha of Tambov. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti = Tambov Diocesan Gazette*, 2023, no. 10 (190), p. 26. (In Russ.)
18. Memorial Day of St. Martha of Tambov in the Ascension Nunnery. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti = Tambov Diocesan Gazette*, 2021, no. 9 (165), pp. 32-33. (In Russ.)
19. Theodosius (Sergey Ivanovich Vasnev), mitropolit Tambovskiy i Rasskazovskiy. Spiritual, moral and social problems in the homiletic heritage of holy Martyr Kirill (Smirnov) during the Tambov period (1910–1912). *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii = Theological Collection of Tambov Theological Seminary*, 2023, no. 3 (24), pp. 133-149. (In Russ.) https://doi.org/10.51216/2687-072KH_2023_3_133, <https://elibrary.ru/pyyhlq>
20. Theodosius (Sergey Ivanovich Vasnev), mitropolit Tambovskiy i Rasskazovskiy. Anti-sectarian activities of holy Martyr Kirill (Smirnov) in Tambov diocese (based on sermons of 1910–1915). *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii = Theological Collection of Tambov Theological Seminary*, 2023, no. 4 (25), pp. 112-128. (In Russ.) https://doi.org/10.51216/2687-072KH_2023_4_112, <https://elibrary.ru/jqkrbe>

Информация об авторе

ФЕОДОСИЙ (ВАСНЕВ Сергей Иванович), митрополит Тамбовский и Рассказовский, доктор теологии, кандидат богословия, управляющий Тамбовской епархией, профессор, Тамбовская духовная семинария, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>, admin@eparhia-tmb.ru

Поступила в редакцию 05.03.2025

Поступила после рецензирования 19.04.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Information about the author

Theodosius (Sergey I. Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo, Dr. Sci. (Theology), Cand. Sci. (Theology), Tambov Diocese Administrator, Professor, Tambov Theological Seminary, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>, admin@eparhia-tmb.ru

Received 05.03.2025

Revised 19.04.2025

Accepted 29.05.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-440-451>

Шифр научной специальности 5.9.5

Функционирование местоимений в объективации языковой личности М. Полознева (на материале повести А.П. Чехова «Моя жизнь»)

Валентина Артуровна Тамазян

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
140410, Российская Федерация, Московская обл., г. Коломна, ул. Зелёная, 30

 tamazyan.valentina@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Антропологическая парадигма современного научного знания актуализирует изучение языка в тесной взаимосвязи с конкретным носителем, то есть языковой личностью. Этим фактом определяется научная проблема исследования, которая заключается в обращении к изучению интегративного понятия «языковая личность» применительно к персонажу художественного произведения. Цель исследования заключается в анализе функционирования местоимений (слов указующих) в структуре языковой личности персонажа художественного текста. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования является текст повести А.П. Чехова «Моя жизнь», на основе анализа которого осуществляется исследование языковой личности Михаила Полознева. Используются методы сплошной выборки, сравнения, описания, сопоставления, а также статистический метод. На основе метода сплошной выборки выявлено общее количество местоимений (слов указующих) в индивидуальном лексиконе М. Полознева, а также проанализировано их функционирование на всех уровнях языковой личности. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Проанализировано и описано функционирование 90 слов указующих (местоимений) с общим числом употреблений 3603 в индивидуальном лексиконе М. Полознева, что позволило сделать ряд выводов о специфике языковой личности персонажа. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Сформулированы выводы о том, что местоимения (слова указующие) выступают средством объективации миромоделирующих категорий в структуре языковой личности персонажа, а их синтагматические связи с концептуально значимыми единицами индивидуального лексикона формируют представление о картине мира главного героя.

Ключевые слова: индивидуальный лексикон, картина мира, языковая личность, местоимения, функционирование, А.П. Чехов, Моя жизнь

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: В.А. Тамазян – идея, обзор научной литературы, анализ художественного текста, статистическая обработка данных, написание черновика рукописи, доработка рукописи по результатам рецензирования.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тамазян В.А. Функционирование местоимений в объективации языковой личности М. Полознева (на материале повести А.П. Чехова «Моя жизнь») // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 440-451. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-440-451>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-440-451>

OECD 6.02.; ASJC 1203

Pronouns functioning in the objectification of the linguistic personality of M. Poloznev (based on the story by A.P. Chekhov “My Life”)

Valentina A. Tamazyan

State University of Humanities and Social Studies
30 Zelyonaya St., Kolomna, Moscow Region, 140410, Russian Federation
 tamazyan.valentina@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The anthropological paradigm of modern scientific knowledge actualizes the study of language in close connection with a specific carrier, that is, a linguistic personality. This fact determines the scientific problem of the research, which consists in addressing the study of “linguistic personality” integrative concept in relation to the character of a work of art. The goal of the study is to analyze the functioning of pronouns (indicative words) in the structure of the linguistic personality of a fiction text character. **MATERIALS AND METHODS.** The material of the study is the text of A.P. Chekhov’s story “My Life”, based on the analysis of which the study of the linguistic personality of Mikhail Poloznev is carried out. The paper uses continuous sampling, comparison, description, juxtaposition methods as well as the statistical method. The object of the study is indicating words (pronouns), which are studied from their functional load position at all levels of the structure of the linguistic personality of the character. Based on the continuous sampling method, the total number of pronouns (indicative words) in the individual lexicon of M. Poloznev is identified, and their functioning at all levels of the linguistic personality is analyzed. **RESULTS AND DISCUSSION.** The functioning of 90 indicative words (pronouns) with a total of 3603 uses in the individual lexicon of M. Poloznev is analyzed and described, which allowed us to draw a number of conclusions about the specifics of the character’s linguistic personality. **CONCLUSION.** Conclusions are formulated that pronouns (indicative words) act as a means of objectifying world-modeling categories in the structure of the character’s linguistic personality, and their syntagmatic connections with conceptually significant units of the individual lexicon form an idea of the world picture of the protagonist.

Keywords: individual lexicon, picture of the world, linguistic personality, pronouns, functioning, A.P. Chekhov, My Life

Funding. This research received no external funding.

Authors’ Contribution: V.A. Tamazyan – idea, scientific literature review, literary text analysis, statistical data processing, writing – original draft preparation, manuscript revision upon review results.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Tamazyan, V.A. Pronouns functioning in the objectification of the linguistic personality of M. Poloznev (based on the story by A.P. Chekhov “My Life”). *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):440-451. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-440-451>

ВВЕДЕНИЕ

«На сегодняшний день представляется возможным констатировать, что понятие «личность» является центральным <...> в целом ряде наук как дисциплинарного, так и междисциплинарного цикла, таких, как философия, психология, социология, антропология, филология, <...> этнолингвистика, лингводидактика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология и многих других»¹. Неудивительно, что в рамках когнитивной лингвистики, лингвоперсонологии, лингвокультурологии, лингводидактики и других наук возникло понятие «языковая личность», ориентированное на раскрытие личности через призму языка. Иначе говоря, «каждый носитель языка является обладателем некой внутренней системы, которая позволяет ему строить и воспринимать тексты на данном языке» [1, с. 3], где «абстрактная «языковая система» обретает статус своеобразного фона, а... объектом изучения становится естественная система – словарь и грамматика, «присвоенные» носителям языка, а также сами носители языка – языковые личности» [1, с. 3]. Актуальность статьи обусловлена «обращением к языковой личности персонажа художественного произведения, которая привлекает пристальное внимание лингвистов, что находит отражение в разнообразии подходов к её изучению» [2, с. 90].

Ведущие модели теории языковой личности были разработаны Г.И. Богиним, А.А. Ворожбитовой, Ю.Н. Карауловым² и др. В трудах Т.Г. Винокур, С.Г. Воркачёва, В.И. Карасика, Л.П. Клобуковой, В.А. Масловой, С.Е. Никитиной³ Е.М. Дубровской,

О.А. Кадилиной, Е.Н. Рядчиковой, Ю.В. Казарина отражены различные подходы к её анализу, в частности, культурологический, лингвокультурологический, коммуникативный и т. п. [3–5]. Особое внимание обратим на работы, посвящённые проблеме анализа языковой личности в художественном тексте, среди которых считаем необходимым выделить исследования А.Ю. Богомоллова, В.В. Волкова, А.А. Смирновой⁴, М.А. Дубовой, Н.В. Карпинской, В.А. Масловой, Е.Н. Рядчиковой, К.Я. Сигала, С.С. Тахтаровой, А.И. Тимофеевой, О.В. Шаталовой, О.С. Шуруповой [6–15] и других учёных.

Наш научно-исследовательский интерес связан с языковой личностью персонажа художественного текста, анализируя которую мы будем придерживаться следующих положений:

– языковая личность персонажа художественного текста (художественный образ) «отождествляется с реальной личностью»⁵;

– «при рассмотрении языка конкретного персонажа мы должны отвлечься от самой личности автора, действительного создателя данного текста»⁶.

Подчеркнём, что при реконструкции языковой личности на вербально-семанти-

ская парадигма. URL: http://library.lgaki.info:404/2020/Воркачев_Лингвокультурология.pdf (дата обращения: 03.12.2023); Карасик В.И. Языковые ключи. Москва: Гнозис, 2009. 406 с.; Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики. URL: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_01_02klobukova.pdf (дата обращения: 03.12.2023); Маслова В.А. Лингвокультурология. Москва: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.; Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность: сб. ст. Москва: Наука, 1989. С. 34–40.

⁴ Богомоллов А.Ю. Языковая личность персонажа в аспекте психоэтики (на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2005. 22 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003250894>; Волков В.В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагматистика текста. Москва: ФЛИНТА, 2019. 148 с.; Смирнова А.А. Языковая личность персонажа литературного произведения и психотип человека (на примере произведений М.А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011. 22 с.

⁵ Смирнова А.А. Языковая личность персонажа литературного произведения и психотип человека (на примере произведений М.А. Булгакова).

⁶ Там же.

¹ Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. Москва: Гнозис, 2017. С. 196.

² Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов. URL: <https://studfile.net/preview/3299583/> (дата обращения: 03.12.2023); Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление. Москва: Высш. шк., 2005. 367 с.; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: ЛИБРОКОМ, 2019. 264 с.

³ Винокур Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность: сб. ст. Москва: Наука, 1989. С. 11–34; Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: антропоцентриче-

ческом уровне мы имеем дело с индивидуальным лексиконом персонажа («репрезентированный в тексте словарь изображаемой языковой личности, или индивидуальная лексическая система («присвоенный язык»), являющаяся средством экспликации индивидуального образа мира»)⁷.

Отличительными чертами индивидуального лексикона персонажа, в отличие от реально функционирующей языковой личности носителя языка, являются: «наблюдаемость единицы хранения информации, где слово выступает единицей индивидуального лексикона; закрытость списка, то есть все лексические единицы, используемые языковой личностью персонажа, могут быть подвергнуты детальному анализу; статичность системы, то есть словарь персонажа не обладает динамичностью» [1, с. 20].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В рамках нашего исследования считаем целесообразным придерживаться подхода, согласно которому «весь словарный состав языка... делится на четыре основных макрокласса: слова указующие; слова именующие; слова собственно связующие; слова собственно классифицирующие» [1, с. 23-24]. В соответствии с поставленной целью наше внимание будет акцентировано на словах указующих, то есть местоимениях, поскольку «они обозначают смыслы, восходящие к глобальным понятиям материального и духовного мира, углубляют, дифференцируют, сопоставляют и сочленяют эти смыслы»⁸. По мнению Н.Ю. Шведовой, «исходные местоимения, возглавляющие и организующие весь этот класс, означают и осмысливают такие понятия, которые относятся к самим основам материального и духовного мира; это понятия о времени и пространстве, о живом существе, предмете, явлении, признаке»⁹ и т. п.

Таким образом, цель нашего исследования заключается в анализе функционирования местоимений (слов указующих) в струк-

туре языковой личности персонажа художественного текста, а именно М. Полознева, на материале повести А.П. Чехова «Моя жизнь», выступающих средствами объективации миромоделирующих категорий в картине мира персонажа, что предполагает последовательное решение следующих задач:

- на основе метода сплошной выборки выделить макроклас слов указующих в индивидуальном лексиконе М. Полознева;
- рассмотреть их функционирование в дискурсе языковой личности М. Полознева;
- обозначить основные синтагматические связи слов указующих с единицами индивидуального лексикона, которые обладают концептуальной значимостью для языковой личности персонажа в художественном тексте.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Повесть А.П. Чехова «Моя жизнь» была написана в 1896 г. и принадлежит к позднему периоду творчества писателя. По мнению А.П. Чудакова, в рассказах и повестях А.П. Чехова «в зависимости от характера речи рассказчика среди произведений от 1-го лица можно выделить три разновидности»¹⁰:

- «рассказ с установкой на чужую речь, то есть рассказчиком выступает лицо, обладающее яркой социально-психологической и языковой определённойностью;
- рассказ с установкой на устную речь, то есть рассказчику свойственна устно-разговорная речь с соблюдением норм литературного языка, и его речь не ощущается как чужая;
- рассказ, где нет установки ни на чужую, ни на устную речь, то есть рассказчик совершенно открыто выступает в роли писателя, его речь сближается с речью повествователя»¹¹.

Мисаил Полознев относится к третьему типу рассказчика, по этой причине ведущее место в тексте повести занимают «текстовые фрагменты, репрезентирующие прямые вы-

⁷ Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Москва: Азбуковник, 1998. 176 с.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Москва: Наука, 1971. 290 с.

¹¹ Там же.

сказывания персонажа (персонажная субъектная речевая сфера)» [1, с. 16-17].

В ходе анализа индивидуального лексикона М. Полознева нами было выявлено, что им используются 3722 слова различной частеречной принадлежности, суммарное употребление которых составляет 14993. «В состав текстового лексического объединения «слова указующие» [1, с. 31] (местоимения) входит 90 единиц с общим числом употреблений 3603. Среди них ведущее место занимают слова, «указывающие на предмет» с общим количеством употреблений 2277, что составляет 63,2 % от общей частотности «слов указующих», которые «объединяются вокруг двух центральных точек: смыслового исхода «кто»... и смыслового исхода «что» [1, с. 32] – и разделены на следующие группы: «указание на уверенное знание», «указание на неопределённое знание», «указание на незнание» согласно семантической классификации Н.Ю. Шведовой¹². В табл. 1–3 (внутри скобок) указан индекс частотности каждого местоимения.

Функционирование слов, указывающих на предмет, в объективации языковой личности М. Полознева. Отметим, что в индивидуальном лексиконе М. Полознева преобладают *кто-указатели*, где на 16 единиц приходится 2094 употребления, тогда как *что-указатели*, представленные 9 единицами, насчитывают всего 183 употребления. Среди слов указующих преобладает группа «уверенное знание» (сравним показатели: уверенное знание – 16/2192; неуверенное знание – 7/44; незнание – 2/41), что свидетельствует о том, что М. Полознев обладает «высокой степенью уверенности в том, что он говорит» [1, с. 33].

Отметим, что концептуально значимыми в картине мира персонажа являются лексемы *жизнь* (ИЧ – 43), *труд* (ИЧ – 20), *справедливость* (ИЧ – 2), *совесть* (ИЧ – 3), *правда* (ИЧ – 4), последние три выделены нами как концептуально значимые из-за индивидуальных смыслов, накладываемых на них языковой личностью персонажа, постоянная внутренняя рефлексия которого при-

водит его к мысли о том, что только физический труд и жизнь мужицкая позволяют жить по совести и правде. «Таким образом, *праздная, беззаботная жизнь*, которую ведёт отец и призывает вести Мисаила, ассоциирующаяся в сознании последнего с умственным трудом, и рабочая, каторжная жизнь, характеризующая выбранный героем физический труд, явно антонимичны, как противоположны мировоззрения и жизненные ценности отца и сына»¹³, чем и обусловлено преобладание *кто-указателей* в индивидуальном лексиконе персонажа. Мы видим, что именно стремление найти единомышленников и собственный жизненный путь заставляет Мисаила менять социальное положение, круг общения, сферу профессиональной деятельности и определяет его как языковую личность экстравертного типа, то есть он открыт новым знакомствам и обществу, так как люди его сословия не принимают Мисаила из-за его жизненных ориентиров.

Обратимся к анализу функционирования личных местоимений в дискурсе персонажа. Ведущее место среди них занимает местоимение *я* (ИЧ – 885), что обусловлено преобладанием интериоризованной речи персонажа и позволяет отнести М. Полознева к монологическим героям, а также может быть обусловлено спецификой повествовательной структуры произведения. Личные местоимения *ты* (ИЧ – 8) и *вы* (ИЧ – 23) используются Мисаилом в диалогах, причём местоимение *ты* характеризует исключительно диалоги Мисаила с сестрой и женой, так как это самые близкие люди в жизни героя. Что касается местоимений *он* (ИЧ – 341), *она* (ИЧ – 429) и *они* (ИЧ – 77), то в большинстве своём они обозначают лиц, окружающих Мисаила (отца, доктора Благово, сестру, жену, рабочих, мужиков, дворян), то есть указывают на «*одушевлённый предмет*». Однако местоимения третьего лица, как и местоимение

¹² Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Москва: Азбуковник, 1998. 176 с.

¹³ Тамазян В.А. Особенности функционирования лексемы «жизнь» в повести А.П. Чехова «Моя жизнь» // Лексикология и грамматика русского языка и стилистика художественного текста: сб. тр. по материалам Всерос. конф. студентов и аспирантов, посвящ. 140-летию со дня рождения Л.В. Щербы. Москва: ИИУ МГОУ, 2021. С. 68-72. <https://elibrary.ru/ohryqt>

Таблица 1. «Слова – указатели на предмет»
Table 1. “Words are pointers to the subject”

Семантическое подмножество	Указание на уверенное знание	Указание на неопределённое знание	Указание на незнание
Смысловой исход «кто»	<i>все (19), вы (23), друг друга (9), кто (9), мы (180), он (341), она (429), они (77), сам (17), себя (72), ты (8), я (885)</i>	<i>кто-нибудь (2), кто-то (5), один (3)</i>	<i>никто (15)</i>
Смысловой исход «что»	<i>все (74), вся (10), оно (4), что (35)</i>	<i>кое-что (1), нечто (2), что-то (21), что-нибудь (10)</i>	<i>ничто (26)</i>

Источник: составлено автором на основе подхода, предлагаемого авторами-составителями «Русского семантического словаря» (Русский семантический словарь / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: РАН. Ин-т рус. яз., 2002. Т. 1. 807 с.)

Source: compiled by the author based on the approach proposed by the compiling authors of the Russian Semantic Dictionary. (Russian Semantic Dictionary. N.Y. Shvedova (gen. ed.) Moscow, RAS, Russian Language Institute, 2002, vol. 1, 807 p.)

один (ИЧ – 3), могут использоваться «в качестве средств указания и на «неодушевлённый» предмет» [1, с. 33]: *Город наш существует уже сотни лет, и за всё время он не дал родине ни одного полезного человека*¹⁴.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают местоимения *мы* (ИЧ – 180) и *они* (ИЧ – 77), которые в дискурсе языковой личности М. Полознева используются с целью привлечения героем себя к конкретной социальной группе / лицу или в качестве отчуждения и отделения себя от той или иной социальной группы. Приведём несколько примеров: *Пока стояла жаркая и сухая погода, мы (с ребятами) исполняли разные наружные работы; Ели мы, маляры, очень мало*¹⁴; *Мы (с Марией Викторовной) осматривали наше хозяйство и решали, где будет чья комната...; ...и я спрашивал, чем же эти глупые, жестокие, ленивые, нечестные люди лучше пьяных... мужиков или... чем лучше они (дворяне) животных...*¹⁵ и т. п.

Таким образом, в «мир Мы» [1, с. 40] включается несколько субъектов либо их совокупность, то есть свои: Мария Викторовна, доктор Благово, Клеопатра, рабочие, маляры, – а в «Мир ОНИ» – все остальные, т. е. те, с кем утрачены всякие связи (чужие)» [1, с. 40].

¹⁴ Чехов А.П. Степь; Скучная история; Три года; Моя жизнь: повести. Москва: Время, 2019. 480 с.

¹⁵ Там же.

«Лексико-грамматическое подмножество «слова, указывающие на непроцессуальный признак» [1, с. 40] включает 23 единицы с общим числом употребления 944, что составляет 26,2 % от общего числа употреблений «слов указующих», представленных тремя смысловыми исходами: «чей», указывающего на принадлежность; смыслового исхода «какой/каков», указывающего на «признак открываемый или приписываемый»; смыслового исхода «сколько», указывающего на количественный признак» [1, с. 40].

Функционирование слов, указывающих на непроцессуальный признак, в объективации языковой личности М. Полознева. Отметим, что и среди слов, указующих на «непроцессуальный признак», преобладает группа «уверенное знание» (сравним показатели: уверенное знание – 14/837; неуверенное знание – 8/105; незнание – 1/2), что подтверждает нашу мысль об уверенности Миши в предмете его речи.

Среди слов, указующих на «непроцессуальный признак», важное место занимает семантическое подмножество смыслового исхода «чей» с общим значением принадлежности как «владения или как отнесенности, исхождения от кого-чего-нибудь, либо обращённости к кому-чему-нибудь»¹⁶.

¹⁶ Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл.

Таблица 2. «Слова – указатели на «непроцессуальный признак»
Table 2. “Index words for a non-procedural feature”

Семантическое подмножество	Указание на уверенное знание	Указание на неуверенное знание	Указание на незнание
Смысловый исход «чей»	<i>ваши (5), его (45), её (46), их (24), мой (107), наш (88), свой (103)</i>	<i>чей (2)</i>	–
Смысловый исход «какой / каков»	<i>какой (23), который (42), самый (24), такой (42), тот (69), этот (217)</i>	<i>всякий (6), другой (32), иной (2), каждый (30), какой-нибудь (11), какой-то (19), некоторый (3)</i>	<i>никакой (2)</i>
Смысловый исход «сколько»	<i>сколько (2)</i>	–	–

Источник: как в табл. 1.
Source: as in table 1.

При описании и анализе лексико-грамматических классов «Имена существительные» и «Глаголы» нами были выделены преобладающие лексико-семантические группы в индивидуальном лексиконе персонажа: «Человек/лицо», «Время» и «Пространство» и некоторые другие, которые выступают миромоделирующими категориями в картине мира Мисаила Полознева. Принадлежность лица «миру» самого Мисаила находит отражение в употреблении им личных местоимений, однако ведущую роль в формировании принадлежности явлений, событий, понятий, представлений в картине мира персонажа играют именно притяжательные местоимения. Неприятие умственного труда высшего сословия, выступающего олицетворением праздной и беззаботной жизни, приводит Мисаила к конфронтации с отцом, семьёй Ажогиных, дворянством и т. п., что находит отражение в противопоставлении героем умственного труда – физическому, совести и правды – обману и лжи, его жизни – чужой и т. п., поэтому жизнь Мисаила противопоставлена жизни других людей: *моя жизнь, их жизнь, ваша жизнь, её жизнь*, где осмысление «чужой» жизни убеждает Мисаила в правомерности собственных жизненных установок. Проиллюстрируем сказанное текстовыми фрагментами: *...ставши рабочим, я уже видел нашу городскую жизнь только с её изнанки, почти каждый день мне прихо-*

*дилось делать открытия, приводившие меня просто в отчаяние*¹⁷; *Это было самое счастливое время моей жизни*¹⁸; *...и я спрашивал, чем же эти глупые, жестокие, ленивые, нечестные люди лучше пьяных и суеверных куриловских мужиков, ...которые тоже приходят в смятение, когда какая-нибудь случайность нарушает однообразие их жизни, ограниченной инстинктами*¹⁹; – *Сознаю, я виноват во многом, но зачем же эта ваша жизнь, которую вы считаете обязательной и для нас, – зачем она так скучна, так бездарна...*²⁰ (диалог Мисаила с отцом) и др.

Отметим, что М. Полознев отказывается от своего социального положения, кардинально меняет род своей деятельности именно из-за неприятия им специфики существования людей своего сословия, то есть центральными вопросами в картине мира персонажа выступают вопросы экзистенциальные. Мисаил, сближаясь с доктором Благово, Марией Викторовной, осознает, что они лишь создавали видимость восхищения его действиями и поступками, но не разделяли его убеждений, целей и установок. А так как у Марии Викторовны и доктора Благово нет тех морально-нравственных установок, которые определяют существование самого Ми-

¹⁷ Чехов А.П. Степь; Скучная история; Три года; Моя жизнь: повести.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

саила на высшем, мотивационном уровне языковой личности, отношения между ними рушатся: *Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик, идя за своею сохой, и как бы он не дурманил себя водкой... чувствуешь, что в нём есть то нужное и важное, чего нет, например, в Маше и докторе, а именно, он верит, что главное на земле – правда и что спасение его... в одной лишь правде, и... больше всего на свете он любит справедливость*²¹.

По этой причине мы наблюдаем происходящий в языковой личности персонажа переход от экстравертного типа к интровертному, что и находит отражение в противопоставлении притяжательных местоимений *мой, наш – его, её, их*. В свою очередь, синтагматические связи притяжательных местоимений с лексемами *жизнь* и *жить*, которые являются концептуально значимыми в картине мира персонажа не только по причине своей частотности, но и вследствие особого индивидуального смысла, присвоенного им непосредственно личностью самого Мисаила, подтверждают нашу мысль о том, что именно специфика существования героя и окружающего его общества противопоставлены друг другу, поэтому из индивидуального лексикона М. Полознева исчезает притяжательное местоимение *наш*, объективируя барьер между Мисаилом и окружающими людьми: *Я постарел, стал молчалив, суров, строг, редко смеюсь... нагоняю на ребят скуку своими бесполезными наставлениями*²².

Важно отметить, что единственные люди, к которым Мисаил испытывает тёплые чувства, – это рабочие. Их он ласково называет *«ребятами»*. Мисаил отождествляет себя с ними по причине того, что им свойственны те же морально-нравственные установки, которые определяют бытие самого героя (*справедливость, совесть, правда*).

«Лексико-грамматическое подмножество «слова, указывающие на признак другого признака или ситуативное состояние» [1, с. 45], составляет 42 единицы с общим числом употребления 382, что составляет 10,6 %

от общего числа употреблений «слов указующих», представленных пятью смысловыми исходами.

Функционирование слов, указывающих на признак признака или состояние, в объективации языковой личности М. Полознева. Слова, указывающие на временной промежуток, представлены 16 единицами с общим числом употребления 186. Большинство из них свидетельствует о том, что временные рамки Мисаилу известны и осознаваемы им. Если говорить о специфике восприятия времени героем, то для него характерно частое обращение к прошлому, как к ближнему, так и дальнему с проекцией его в настоящее и как следствие – будущее: *Прежде, когда я был моложе, мои родные и знакомые знали, что со мною делать, ...теперь же, когда мне минуло двадцать пять и показалась даже седина в висках, всё земное для меня... было исчерпано, и уже мне не советовали, а лишь вздыхали*²³ и др.

Сложности во взаимоотношениях между Полозневыми (отцом и сыном) берут своё начало в детстве Мисаила (прошлое), продолжают в настоящем и приводят к окончательному разрыву в будущем.

Слова, указывающие на пространственные ориентиры, представлены 13 единицами с общим числом употребления 53. Большинство из них свидетельствует о том, что пространственные ориентиры и границы Мисаилу известны и осознаваемы им, то есть отражают «его уверенную ориентацию в пространстве» [1, с. 48].

Обобщая все сказанное, отметим, что анализ функционирования слов указующих в дискурсе М. Полознева позволил сделать выводы о том, что преобладающее положение среди них занимает «текстовое смысловое объединение «уверенное знание» – 58 единиц (64,45 % от общего числа указующих слов) с частотностью 3349, что составляет 92,95 % от общего употребления слов указующих; далее следует текстовое объединение «неуверенное знание» – 25 единиц (27,78 % от общего числа указующих слов) с

²¹ Чехов А.П. Степь; Скучная история; Три года; Моя жизнь: повести.

²² Там же.

²³ Там же.

Таблица 3. «Слова – указатели на признак признака или состояние»
Table 3. “Words are pointers to a feature of a feature or condition”

Семантическое подмножество	Указание на уверенное знание	Указание на неуверенное знание	Указание на незнание
Смысловой исход «когда»	<i>всегда (7), всякий раз (12), давеча (3), иногда (10), когда (7), пока (3), после (10), потом (45), прежде (1), раз (19), сейчас (4), теперь (49)</i>	<i>когда-либо (1), когда-нибудь (1), когда-то (10)</i>	<i>никогда (4)</i>
Смысловой исход «где»	<i>езде (1), вот (8), всюду (1), здесь (4), сюда (2), там (13), туда (1), тут (14)</i>	<i>где-то (3), кое-где (1), куда-нибудь (2), куда-то (2)</i>	<i>некуда (1)</i>
Смысловой исход «зачем / почему»	<i>отчего (2), затем (3), зачем (4)</i>	<i>почему-то (12)</i>	<i>незачем (1)</i>
Смысловой исход «как»	<i>ни разу (2), так (39)</i>	<i>как-нибудь (3), как-то (18)</i>	<i>никак (3)</i>
Смысловой исход «насколько»	<i>весь (46), всего (4), совсем (6)</i>	–	–

Источник: как в табл. 1.
Source: as in table 1.

частотностью 202, что составляет 5,6 % от общего употребления слов указующих, наконец, текстовое объединение «незнание» – 7 единиц (7,77 % от общего числа указующих слов) с частотностью 52, что составляет 1,45 % от общего употребления слов указующих.

Остановимся подробнее на анализе текстовых смысловых объединений «неуверенное знание» и «незнание». Их наличие свидетельствует об отсутствии у Мисаила Полознева отдельных знаний и представлений о лицах, предметах и их признаках из-за смены социального положения, круга общения, социальной роли и т. п. При этом, подчеркнём, жизненные установки персонажа остаются неизменными вне зависимости от внешних факторов, то есть жизнь, выстроенная по законам совести и правды, – это основа картины мира персонажа. Заметим, что «неуверенное знание» и «незнание» у Мисаила связаны, в первую очередь, с людьми, что подтверждает нашу мысль о том, что герой изначально представлял собой личность экстравертного типа и стремился к людям, однако их качества, действия, поступки отталкивали его от них. Особое внимание мы обра-

щаем на то, что «предметом» постоянной рефлексии Мисаила выступают люди, и только когда они разочаровывают его, он закрывается от внешнего мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги всему вышесказанному, отметим, что цель нашего исследования заключалась в анализе функционирования местоимений (слов указующих) в объективации языковой личности персонажа художественного текста, а именно М. Полознева, на материале повести А.П. Чехова «Моя жизнь». В ходе проведённого исследования нами были получены следующие результаты:

- выявлено, проанализировано и описано функционирование 90 слов указующих (местоимений) с общим числом употреблений 3603 в индивидуальном лексиконе М. Полознева;

- ведущее место среди них занимает «текстовое смысловое объединение «уверенное знание», свидетельствующее об уверенности Мисаила в предмете его речи;

- наличие текстовых смысловых объединений «неуверенное знание» и «незна-

ние» обусловлено сменой персонажем социального положения, рода занятий, окружения;

– выявлены превалирующие лексико-семантические группы в индивидуальном лексиконе персонажа: «Человек/лицо», «Время» и «Пространство», в репрезентации которых участвуют слова указующие (местоимения);

– проведён анализ группы личных и притяжательных местоимений, которые используются в индивидуальном лексиконе персонажа с целью включения себя к конкретной социальной группу / группу лиц

или в качестве отчуждения и отделения себя от той или иной социальной группы: «Мир Я», «Мир МЫ», «Мир ОНИ»;

– выявлено превалирование личного местоимения Я (ИЧ – 885) в индивидуальном лексиконе персонажа, что явилось основанием отнесения его к монологическим героям;

– средства репрезентации языковой личности Мисаила Полознева в тексте повести А.П. Чехова «Моя жизнь» «позволяют наблюдать особенности проявления индивидуального сознания» [6, с. 450] героя.

Список источников

1. Чурилина Л.Н. Языковая личность в художественном тексте. Москва: ФЛИНТА, 2022. 239 с.
2. Дубова М.А., Тамазян В.А. Глаголы мысли как способ характеристики героя-интеллигента в малой прозе А.П. Чехова и А.И. Куприна // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 9. С. 88-104. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-88-123>, <https://elibrary.ru/urmodu>
3. Дубровская Е.М. Современное состояние теории лингвокультурных типажей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 394-414. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-394-414>, <https://elibrary.ru/pfwygz>
4. Кадилина О.А., Рядчикова Е.Н. Сильная, слабая и усреднённая языковая личность в коммуникативно-прагматическом и лингвокультурном аспектах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 4. С. 859-882. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882>, <https://elibrary.ru/yphabv>
5. Казарин Ю.В. Лингвистический анализ текста. Москва: Юрайт, 2020. 132 с.
6. Дубова М.А. Концепт «Мыслительная деятельность» как компонент языковой личности героя в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Неофилология. 2021. Т. 7. № 27. С. 444-452. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452>, <https://elibrary.ru/ifidqe>
7. Дубова М.А., Ларина Н.А. Средства лексической репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И.А. Бунина // Научный диалог. 2021. № 10. С. 191-212. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-191-212>, <https://elibrary.ru/bmooap>
8. Карпинская Н.В., Шкуран О.В., Шкуран С.А. Характеристика соматической фразеологии в романе Е. Водолазкина «Лавр»: семантика, функциональный потенциал, частотность употребления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1253-1270. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1253-1270>, <https://elibrary.ru/awxhmg>
9. Маслова В.А. Русская языковая и поэтическая картины мира: сущность и дифференциация // Русский тест: теория и практика. 2023. Т. 9. № 1. С. 5-11.
10. Рядчикова Е.Н., Кадилина О.А., Бальян А.М. Алиса из сказок Л. Кэрролла как персонаж и как языковая личность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 1. С. 64-77. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-64-77>, <https://elibrary.ru/wipwke>
11. Сигал К.Я. Об одном лексико-синтаксическом маркере языковой личности персонажа // Научный диалог. 2021. № 2. С. 127-146. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-2-127-146>, <https://elibrary.ru/zuaabf>
12. Тахтарова С.С., Павлов Д.В. Феномен языковой личности персонажа (на материале романа Энтони Бёрджесса «Однорукий аплодисмент») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 1 (154). С. 198-203. <https://elibrary.ru/mxmoqh>
13. Тимофеева А.И. Образ и языковая личность учителя (на примере рассказов А.П. Чехова «Учитель словесности» и «Скучная история») // Дискурс профессиональной коммуникации. 2020. Т. 2. № 3. С. 85-99. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-3-85-99>, <https://elibrary.ru/xkqhgn>

14. Шаталова О.В. Слово ясно как лексико-синтаксический маркер языковой личности героя романа Е. Замятина «Мы» // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 8. С. 121-138. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-121-138>, <https://elibrary.ru/olzobd>
15. Шурупова О.С. Речевой портрет маленького человека (на материале повести Л.К. Чуковской «Софья Петровна») // Русская речь. 2022. № 5. С. 104-114. <https://doi.org/10.31857/S013161170022858-2>, <https://elibrary.ru/xlmnam>

References

1. Churilina L.N. *Linguistic Personality in a Literary Text*. Moscow, FLINTA Publ., 2022, 239 p. (In Russ.)
2. Dubova M.A., Tamazyan V.A. Verbs of thought as a way of characterizing hero-intellectual in short prose of A.P. Chekhov and A.I. Kuprin. *Nauchnyi dialog*, 2022, vol. 11, no. 9, pp. 88-104. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-88-123>, <https://elibrary.ru/urmodu>
3. Dubrovskaya E.M. The current state of the theory of linguocultural types. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2024, vol. 15, no. 2, pp. 394-414. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-394-414>, <https://elibrary.ru/pfwygz>
4. Kadilina O.A., Ryadchikova E.N. Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspects. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 859-882. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882>, <https://elibrary.ru/yphabv>
5. Kazarin Yu.V. *Linguistic Analysis of the Text*, Moscow, LLC "Publishing House Yurayt", 2020, 132 p. (In Russ.)
6. Dubova M.A. The concept of "Mental activity" as a component of the hero's linguistic personality in the novel by I.A. Bunin's "Life of Arseniev". *Neofilologiya = Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 444-452. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452>, <https://elibrary.ru/ifidqe>
7. Dubova M. A., Larina N.A. Means of lexical representation of spatial continuum in early stories of I.A. Bunin. *Nauchnyi dialog*, 2021, no. 10, pp. 191-212. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-191-212>, <https://elibrary.ru/bmoap>
8. Karpinskay N.V., Shkuran O.V., Shkuran S.A. Characteristics of somatic phraseology in E. Vodolazkin's novel "Lavr": semantics, functional potential, frequency of use. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 1253-1270. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1253-1270>, <https://elibrary.ru/awxhmg>
9. Maslova V.A. Linguistic and poetic picture of the world: essence and differentiation. *Russkii test: teoriya i praktika = Russian Language: Research, Testing and Practice*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 5-11. (In Russ.)
10. Ryadchikova E.N., Kadilina O.A., Balian A.M. Alice from the tales of L. Carroll as a character and linguistic personality. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 64-77. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-64-77>, <https://elibrary.ru/wipwke>
11. Seagal K.Ya. "Fact" as a lexico-syntactic marker of the character's linguistic personality. *Nauchnyi dialog*, 2021, no. 2, pp. 127-146. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-2-127-146>, <https://elibrary.ru/zuaabf>
12. Tahtarova S.S., Pavlov D.V. The phenomenon of the linguistic personality of the character (based on the novel "One hand clapping" by Anthony Burgess). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = "Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University"*, 2021, no. 1 (154), pp. 198-203. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mxmogh>
13. Timofeeva A.I. Image and linguistic personality of the teacher (based on short stories by Anton Chekhov). *Diskurs professional'noi kommunikatsii = Professional Discourse & Communication*, 2020, vol. 2, no. 3, pp. 85-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2020-2-3-85-99>, <https://elibrary.ru/xkqghn>
14. Shatalova O.V. Word "Yasno" [clear] as a lexical-syntactic marker of linguistic personality in novel "We" by E. Zamyatin. *Nauchnyi dialog*, 2022, vol. 11, no. 8, pp. 121-138. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-121-138>, <https://elibrary.ru/olzobd>

15. Shurupova O.S. Speech portrait of a small person (on the material of the story “Sofya Petrovna” by L.K. Chukovskaya). *Russkaya Rech’* = *Russian Speech*, 2022, no. 5, pp. 104-114. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013161170022858-2>, <https://elibrary.ru/xlmnam>

Информация об авторе

ТАМАЗЯН Валентина Артуровна, аспирант, кафедра русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Московская обл., Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-3028-7906>, tamazyan.valentina@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.10.2024

Поступила после доработки и рецензирования 09.04.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Valentina A. Tamazyan, Post-Graduate Student, Russian Language and Literature Department, State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Moscow Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-3028-7906>, tamazyan.valentina@yandex.ru

Received 19.10.2024

Approved after reviewing and revision 09.04.2025

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-452-464>

Шифр научной специальности 5.9.1

Рецепция творчества В.М. Шукшина в Китае: проблемы изучения и влияния

Сыцзя Шао

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 1042205287@pfur.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Исследование посвящено изучению рецепции творчества Василия Шукшина в китайском литературном процессе, что не нашло достаточного освещения в научной литературе. История чтения и исследования творчества В.М. Шукшина в Китае насчитывает более пятидесяти лет. Сегодня отмечается необходимость в проведении анализа того, как воспринимаются и интерпретируются произведения В.М. Шукшина в китайском контексте. Цель исследования – провести комплексный анализ исследовательской деятельности китайских учёных и литературоведов, изучающих аспекты творчества В.М. Шукшина. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили публикации китайских учёных и литераторов, отразивших стремление познать многогранность таланта творческого наследия и художественный мир Шукшина, а также китайские диссертации и монографии о творчестве В.М. Шукшина. Использованы социологический, культурно-исторический методы, применяются стратегии рецептивной критики, компаративный анализ. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Анализ исследования китайскими литературоведами творческого наследия В.М. Шукшина демонстрирует научные достижения китайского шукшиноведения как результат его предшествующего развития. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Выявлены основные темы в произведениях Шукшина и подходы к изучению его творчества, используемые китайскими исследователями, находившимися под влиянием многогранного таланта алтайского писателя. Китайское шукшиноведение находится на новом подъёме, что выражается в постоянном обращении китайских литераторов к осмыслению всего творчества Шукшина как части мировой культуры. Перспектива изучения творчества В.М. Шукшина в Китае видится в более глубоком рассмотрении рецепции русской литературы в Китае.

Ключевые слова: шукшиноведение, китайский литературный процесс, рецепция, компаративистика, русская литература, Василий Макарович Шукшин

Финансирование. Данное исследование было поддержано Китайским советом по стипендиям (China Scholarship Council) в рамках программы «Стипендия Правительства КНР и РФ», № 202007197049, до 2025 года.

Вклад автора: Сыцзя Шао – идея исследования, поиск и анализ научных публикаций китайских учёных, проведение исследования, формулировка выводов и результатов исследования, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сыцзя Шао. Рецепция творчества В.М. Шукшина в Китае: проблемы изучения и влияния // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 452-464. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-452-464>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-452-464>

OECD 6.02; ASJC 1208

Reception of V.M. Shukshin's creative work in China: problems of study and influence

Sijia Shao

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
 1042205287@pfur.ru

Abstract

INTRODUCTION. The research is devoted to the study of the Vasily Shukshin's creative works reception in the Chinese literary process, which has not found sufficient coverage in the scientific literature. The history of reading and studying the works of V. Shukshin in China goes back more than fifty years. Today, the analysis of how the works of V.M. Shukshin are perceived and interpreted in the Chinese context is necessary. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the research activities of Chinese scientists and literary scholars studying aspects of V.M. Shukshin's creative work. **MATERIALS AND METHODS.** The material for the study are the publications of Chinese scientists and writers, reflecting the desire to understand the versatility of the talent of the creative heritage and the artistic world of Shukshin, as well as Chinese dissertations and monographs on V. Shukshin's creative work. The sociological, cultural and historical methods are used, receptive criticism strategies and comparative analysis are applied. **RESULTS AND DISCUSSION.** The analysis of the study of the V.M. Shukshin's creative heritage by Chinese literary scholars demonstrates the scientific achievements of Chinese Shukshin studies as a result of its previous development. **CONCLUSION.** The main themes in Shukshin's works and approaches to studying his work used by Chinese researchers influenced by the multifaceted talent of the Altai writer are revealed. Chinese Shukshin studies are on a new upswing, which is expressed in the constant appeal of Chinese writers to comprehend all of Shukshin's creative work as a part of world culture. The prospect of studying Shukshin's creative work in China is seen in a deeper consideration of the reception of Russian literature in China.

Keywords: Shukshin studies, Chinese literary process, reception, comparative studies, Russian literature, Vasily Makarovich Shukshin

Funding. This research is supported by the China Scholarship Council under the program "Scholarship of the Government of the People's Republic of China and the Russian Federation", No. 202007197049, until 2025.

Author's Contribution: Sijia Shao – research idea, search and analysis of scientific publications of Chinese scientists, investigation, conclusions and research results formulation, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Sijia Shao. Reception of V.M. Shukshin's creative work in China: problems of study and influence. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):452-464. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-452-464>

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость определить аспекты научного интереса к творчеству В.М. Шукшина в Китае вызвана углублением к пониманию его творчества и развитием дальнейших исследований китайских учёных. Цель исследования – провести комплексный анализ исследовательской деятельности китайских учёных и литературоведов, изучающих аспекты творчества В.М. Шукшина.

Произведения В.М. Шукшина в Китае вызывают интерес у многих учёных и читателей с тех пор, как произведения писателя впервые попали в Китай. Было опубликовано множество переводов произведений писателя и научных статей о его творчестве. Информацию о творчестве содержит ряд книг, учебников, справочников по истории советской и русской литературы, написанных на китайском языке. Со временем в Китае исследования творчества В.М. Шукшина расширялись и углублялись, обогащались новыми сведениями.

Рассказы В.М. Шукшина «Калина красная», «Экзамен», «Срезал» включены для чтения и изучения в учебники для студентов-русистов факультетов русского языка в китайских университетах.

Исследователи подчёркивают, что главный герой Шукшина – человек с типично русским характером, указывают на его своеобразный образ «чудика», отмечают языковые особенности произведений писателя.

Чжан Вэй подчёркивал: «Я помню, что в издательстве «Народная литература» вышел сборник рассказов Шукшина. Очень популярный в русской литературе. Китай и СССР – мы социалистические страны, и там появились писатели, совсем не такие, как у нас»¹. В целом, в Китае общая оценка творчества В.М. Шукшина очень высока. Его произведения популярны среди представителей разных поколений и социальных групп.

В 2024 г. исполнилось 95 лет со дня рождения В.М. Шукшина, поэтому можно под-

вести некоторые итоги почти 50-летнему распространению его творчества в Китае.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили китайские научные статьи, диссертации и монографии о творчестве В.М. Шукшина. Основным методом исследования послужил анализ существующей научной литературы, используются социологический, культурно-исторический, статистические методы, применяются стратегии рецептивной критики, используется компаративный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Важным явлением в современном китайском шукшиноведении становится публикация переводов статей (преимущественно русских авторов), посвящённых исследованию творчества В.М. Шукшина. Китайские учёные перевели некоторые классические комментарии российских критиков и литературоведов, например: Фу Лан, Чжан Кай, Чжоу Жунгуан, Чжоу Миньцюань [1–4]. Появление этих работ существенно повлияло на восприятие творчества В. Шукшина китайскими читателями, критиками, учёными и писателями. В целом следует признать, что достижения русских учёных оказали несомненное влияние на китайское шукшиноведение.

Однако до сих пор в Китае существует только одна монография, посвящённая творчеству В.М. Шукшина, написанная на русском языке китайским учёным Ши Хуншэн². На сегодняшний день в Китае о творчестве В.М. Шукшина опубликовано около 80 работ (табл. 1).

Количество работ по исследованию творчества В.М. Шукшина в разные годы различно (рис. 1).

¹张炜.思维的锋刃. 广西师范大学出版社, 2020.
Чжан Вэй. Край мышления. Гуанси: Изд-во Гуансийского пед. ун-та, 2020. С. 12.

²石洪生. 瓦• 马• 舒克申 60年代短篇小说的情节学研究 [M]. 安徽大学出版社, 2004. Ши Хуншэн. Основы русской сюжетологии в художественной практике В. Шукшина (рассказы 60-х годов). Хэфэй: Изд-во Аньхойского ун-та, 2004.

Таблица 1. Количественная характеристика научных статей и магистерских диссертаций, посвящённых изучению творчества В. Шукшина**Table 1.** Quantitative characteristics of scientific articles and master's theses devoted to the study of V. Shukshin's creative work

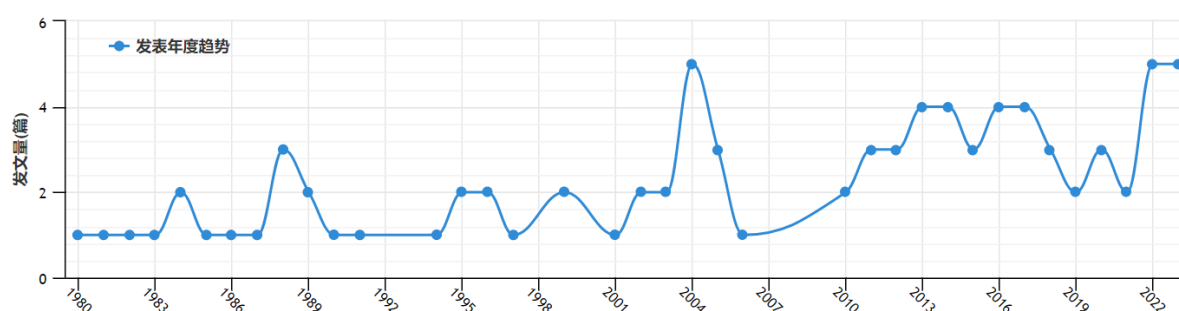
Параметры	Количество
Статей в журналах	54
Магистерских диссертаций	12
Статей на конференциях и др.	14
Итого	80

Примечание: Собранные данные охватывают период с мая 1980 г. по декабрь 2024 г.

Note: The collected data covers the period from May 1980 to December 2024.

Источник: рассчитано и составлено автором по материалам научной базы данных CNKI (China National Knowledge Infrastructure). URL: www.cnki.net.

Source: calculated and compiled by the author based on materials scientific database CNKI (China National Knowledge Infrastructure). URL: www.cnki.net.

Рис. 1. Тенденция публикации статей о творчестве Шукшина**Fig. 1.** Tendency to publish articles on Shukshin's work

Источник: рассчитано и построено автором по материалам китайской научной базы данных CNKI.

Source: calculated and constructed by the author based on Chinese scientific database CNKI.

Исследования творчества В.М. Шукшина распределяются по различным направлениям, в основном в области иностранной литературы, частично в области драматургии и киноискусства, в области языка и литературы (рис. 2).

На современном этапе шукшиноведения выделяются специальные исследования, направленные на изучение тематики произведений, образов персонажей, идиостиля писателя, сопоставительный анализ, в которых даётся общий обзор работ, посвящённых изучению творчества В.М. Шукшина [5; 6].

Исследование тематики творчества В.М. Шукшина. Многие учёные выделяют тематическую группу рассказов В.М. Шукшина, посвящённых описанию деревни, сельских жителей, то есть обращаются к проблеме взаимоотношений города и деревни. Ван Хунци подчёркивает, что В.М. Шукшину «хорошо удаётся тесно интегрировать процесс исследования душ персонажей с фоном современного города и деревни» [7, р. 123]. Учёный расширяет интерпретацию темы города и деревни в произведениях В.М. Шукшина, до осмысления вечных проблем человеческо-

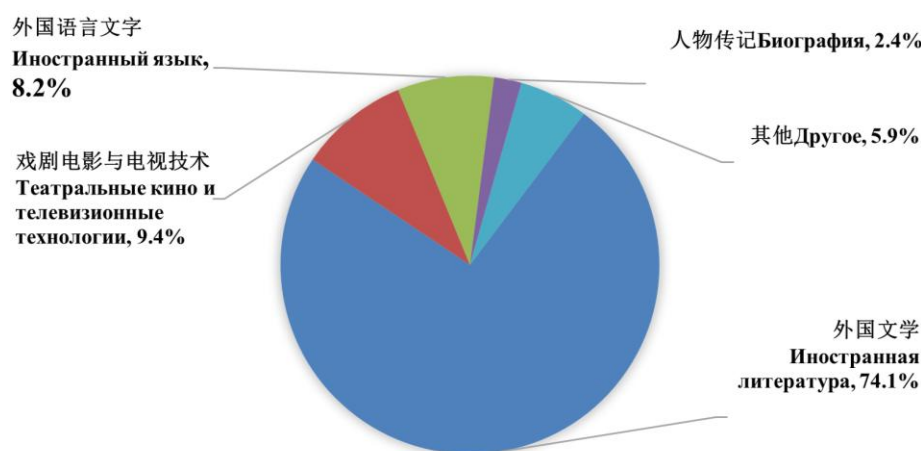

Рис. 2. Сфера исследования творчества Шукшина (80 работ)

Fig. 2. The scope of research of Shukshin's works

Источник: рассчитано и построено автором по материалам китайской научной базы данных CNKI.

Source: calculated and constructed by the author based on Chinese scientific database CNKI.

го бытия, до философского уровня рассмотрения проблем. Эту же точку зрения разделяют и авторы других работ [8; 9].

Китайские учёные считают, что важнейшей темой творчества В.М. Шукшина является исследование нравственных проблем [10–12]. В работе Сунь Тин рассматриваются, что В.М. Шукшин использовал экологические темы для описания угасающей деревенской цивилизации, исчезающих деревень, дезинтегрированных сельских общин, хаотичного городского общества, отчуждённых межличностных отношений и угасание индивидуального самосознания. Сунь Тин показывает, что «тенденция к противостоянию индустриализации, урбанизации и утилитаризму деревенской прозы 1960-х гг. часто можно увидеть в рассказах В.М. Шукшина, отражающихся главным образом в противоположных ценностях городского и сельского жителя» [13, p. 29].

Би Синьюй отмечает, что обращение к теме блудного сына в произведениях В.М. Шукшина характеризуется как традиционным значением, так и уникальным стилем писателя [14]. Анализируя «Любавины» и «Калина красная», Хэ Юньбо также отме-

чает возвращение к традициям русской литературы и фольклора [15].

Ян Цянь рассматривает традиционное выражение культуры и особенности темы времени «деревенщина идёт в город» в рассказах В.М. Шукшина³.

Таким образом, китайские исследователи изучили широкий круг тем в произведениях В.М. Шукшина и наметили путь для более глубокого понимания его творчества.

Исследование персонажей в творчестве В.М. Шукшина. Своеобразие героев В.М. Шукшина привлекает внимание китайских читателей. Образ «чудика» является едва ли не самой важной темой в китайском шукшиноведении. Варианты такого типа героев первыми рассмотрели Ян Шэня и Чжао Шичжана [16]. Появился целый ряд исследований, среди которых выделяется работа Шао Сыцзя и Яо Цзин [17].

Чжан Цзяньхуа даёт характеристики «чудиков» и «чужих». «Чудики» обычно воплощают в себе положительные мировоз-

³ 杨倩. 舒克申短篇小说中“乡下人进城”主题的传统与现代 [D]. 云南大, 2021. Ян Цянь. Традиция и современность темы «Сельские жители едут в город» в рассказах Шукшина. Куньмин: Юньнань. ун-т, 2021.

зренческие качества. Писатель воплощает в них собственные нравственные идеалы, в то время как «чужие» являются объектом нравственного осуждения писателем. Анализируя произведения В.М. Шукшина, Чжан Цзяньхуа высказывает некоторые собственные критические замечания и предложения, указывая, что «некоторые рассказы Шукшина неясны для китайского читателя, а некоторые «чудики» кажутся слишком странными (например, герои рассказов «На кладбище», «Танцующий Шива» [18, р. 92]. Чжан Цзяньхуа проанализирован образ «чудика» с акцентом на трагизм в его судьбе [19].

Исследование образа «чудика» В.М. Шукшина в китайских исследованиях показало, что этот образ рассматривался как поверхностно, так и глубоко, и возводился к архетипу юродивого. Чжу Шиянь трактует идею русского юродства как культурную окраску образа «чудика» с позиции уникального феномена русской духовной культуры. Чжу Шиянь считает, что образ «чудик» имеет богатые историко-культурные коннотации и художественную ценность не только для нашего понимания «культурного течения мысли» в СССР, но и важно для понимания «литературного духа» современного времени и «национального характера» русских» [20, р. 54].

Нин Синь считает, что «чудик» – вариация русского Ивана-дурака и сущности национальной души в новой России. В нём и ему подобных воплощается в значительной степени авторский идеал, несущий в себе искры доброты и красоты⁴. По мнению Нин Синь, «чудики» Шукшина отражают как духовную неудовлетворённость советских людей, так и извечную русскую национальную тоску по смыслу человеческой жизни.

Помимо образа «чудика», внимание исследователей привлекли и другие персонажи В.М. Шукшина. Ши Госюн анализирует типы персонажей в произведениях Шукшина [21]. Чэнь Хуйминь предлагает классификацию типов шукшинских героев: образы честного фермера, образы эгоистичных мещан и

запутавшихся согрешивших людей [22]. В работе Цао Яна были рассмотрены некоторые персонажи произведений Шукшина, например, «негероические» простые люди, «неудобные» крестьяне, защитники традиционного морального духа⁵. Ян Юйбо рассматривал связь между маленькими людьми в произведениях В.М. Шукшина и русской традиционной культурой [23].

Исследование художественных особенностей языка и стиля рассказов В.М. Шукшина. Предметом исследования китайских учёных был идиостиль В.М. Шукшина [24–26], особым образом отбирая языковые средства, писатель объективирует необычный художественный замысел. Ши Хуншэн отмечает, что «Шукшин постоянно меняет угол зрения в соответствии с потребностями повествования, что улучшает читабельность и драматизм текста» [27, р. 8].

Ли Пин, Цзинь Сяомань анализируют текстуальную связность рассказа В.М. Шукшина «Срезал» с точки зрения семантической и грамматической связности [28], выявляется обширный корпус разговорных явлений в произведениях В.М. Шукшина [29–31].

Выделяются работы, которые анализируют философский потенциал произведений В.М. Шукшина. Так, Янь Цзицин анализирует и сопоставляет противоречия между бесконечной природой и короткой жизнью в рассказах В.М. Шукшина и древнекитайских поэмах [32]. Стоит отметить, что преобладающее число научных исследований посвящено рассказу «Солнце, старик и девушка» В.М. Шукшина (6 научных работ).

Сравнительные исследования В. Шукшина и других писателей. Отметим компаративные исследования, в которых китайские учёные сравнивают В.М. Шукшина с русскими и китайскими писателями, чтобы провести сравнительный анализ, выяснить степень актуальности проблематики, расширить научные горизонты и обогатить исследова-

⁴ 宁欣. 俄罗斯文学作品中的圣愚人物形象分析. 辽宁大学, 2012. Нин Синь. Анализ образа юродивых в русской литературе. Шэньян: Ляонин. ун-т, 2012. С. 83.

⁵ 曹阳. 苏联五、六十年代农村题材小说人物探析 [D]. 内蒙古师范大学, 2013. Цао Ян. Анализ персонажей деревенской прозы Советского Союза 1950-х и 1960-х годов. Хоххот: Пед. ун-т Внутренней Монголии, 2013.

тельский уровень представления русской литературы в Китае.

Сравнение В.М. Шукшина с русскими классиками. Китайские литературоведы обнаружили, что произведения В.М. Шукшина унаследовали и развили особенности русских писателей-классиков, и видят источники творческого вдохновения В.М. Шукшина в предшествующей литературной традиции, утверждая, что он унаследовал элементы творческих стилей Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и Ф.М. Достоевского и других. Например, Пэн Кэсюнь сравнивает творчество В.М. Шукшина и Ф.М. Достоевского [33]. По этому пути следуют Ли Цзянь и Ши Хуншэн [34; 35].

Китайские учёные не только сравнивают стиль В.М. Шукшина и русских писателей, но и проводят сравнительные исследования характеров и образов. Например, Ли Юйхань интерпретирует шукшинский образ «чудика» и гоголевский образ «сумасшедшего», проводит их сравнение [36]. Статья Сунь Цинцина посвящена исследованию интертекстуальных связей произведений «Срезал» В.М. Шукшина и «Ревизора» Н.В. Гоголя [37].

Сравнение В.М. Шукшина с русскими деревенскими писателями. В.М. Шукшин хорошо известен в Китае как писатель деревенской прозы. В области сравнительного литературоведения у некоторых учёных, исследующих В.М. Шукшина, появляются новые исследовательские статьи. Они сопоставляют творчество В.М. Шукшина, В.П. Астафьева и В.Г. Распутина⁶ как коренных «сибирских» представителей деревенской прозы [38].

Исследования в сфере деревенской прозы помогают китайским исследователям осмыслить мировое значение национальной культуры и преодолеть узкий культурный национализм и утрату национальных традиций.

Сравнение В.М. Шукшина с современными китайскими писателями. Выделяется направление компаративистского исследования творчества В.М. Шукшина в Китае – это сравнительное изучение творчества В.М. Шукшина и современных китайских писателей. Сюй Сину, Ван Биньбинь считают, что Ф.А. Аб-

рамов, Б.А. Можаев, В.И. Белов, В.П. Астафьев, В.М. Шукшин, В.Г. Распутин, А.В. Вампилов и др., а также китайские писатели Лу Синь, Чжоу Цзожэнь, Фэй Мин, Шэнь Цунвэнь, Чжао Шули, Ван Цзэнци, Лю Шаотан и другие имеют общие черты⁷. Существуют специальные сравнительные исследования⁸.

Ван Юепин выявил различное толкование роли и значения женских судеб в этих двух школах литературы. В качестве примера рассматривается «Калина красная» В.М. Шукшина, исследуются различные женские типы с точки зрения морали и человеческой природы, что, по мнению учёного, сближает его с китайским писателем Шэнь Цунвэнь. Однако «разница в том, что Шэнь Цунвэнь защищает естественное примитивное состояние подчинения судьбе, а Шукшин обвиняет общество в трагедии женщин с чувством социальной ответственности» [39, р. 82].

Сравнение В.М. Шукшина с русскими классиками и китайскими писателями способствует дальнейшему принятию и пониманию китайскими читателями творчества В.М. Шукшина.

Влияние В.М. Шукшина на китайских писателей. Следует особо выделить влияние творчества В.М. Шукшина на китайских писателей. Так, Ван Цзэнци, восхищаясь произведениями В.М. Шукшина, сказал: «Мне нравится Шукшин, и он тоже унаследовал традиции Чехова. ...Я думаю, что Шукшин очень талантлив, полон поэзии и философии»⁹. Сюн Сюйюй подчёркивает: «Многие

⁷ 徐兴无, 王彬彬, 文学研究: 中国文学研究的新视野南京:, 南京大学出版社:, 2020. 223页. Сюй Сину, Ван Бинбин. Литературное исследование – новый взгляд на исследование китайской литературы. Нанкин: Изд-во Нанкин. ун-та, 2020. С. 223.

⁸ 李勤余. 路遥与俄苏文学中的 “乡村—城市” 问题[D]. 华东师范大学, 2018. Ли Цинъюй. Лу Яо и проблема «деревня-город» в русской и советской литературе. Шанхай: Вост.-Кит. пед. ун-т, 2016; 许勃阳. 从道德主题看当代中苏农村小说[D], 西安外国语大学. Сюй Боян. О современных китайско-советских сельских романах с точки зрения моральных тем. Сиань: Сиань. ун-т иностр. яз. 2018.

⁹ 汪曾祺: 汪曾祺散文全编(五), 人民文学出版社, 2019. Ван Цзэнци. Полное собрание прозы Ван Цзэнци (5). Пекин: Изд-во Нар. лит., 2019.

⁶ 赵杨. 拉斯普京作品中的乡土意识 [D]. 上海外国语大学, 2005. Чжао Ян. Тема земли в творчестве В. Распутина. 2005.

работы Ван Цзэнци передают это сложное ощущение жизни, в котором заключено его личное мышление и влияние Шукшина» [40, p. 122].

Писатель Лю Чжаолинь, высоко оценивший произведения В.М. Шукшина, разделяет творческий принцип В.М. Шукшина: на первом месте должна быть жизнь, а не методы творчества. Обычные читатели будут читать литературу не ради техники письма, а для того, чтобы просветиться, понять и насладиться собственной жизнью через литературу¹⁰.

Известный писатель Чэнь Чжунши отмечал: «В начале 1980-х годов мне особенно нравились рассказы советского писателя Шукшина»¹¹. Советская литература, представленная В.М. Шукшиным, оказала влияние на творчество Чэнь Чжунши, который унаследовал некоторые приёмы творчества В.М. Шукшина в своих произведениях. Ван Жэньбао, рассматривая влияние В.М. Шукшина на Чэнь Чжунши, сделал вывод, что «создание рассказа Чэнь Чжунши в начале 1990-х годов представляло собой сознательное и целенаправленное исследование творчества советских писателей «революционного реализма», представленного В.М. Шукшиным»¹².

С. 1966.

¹⁰ 刘兆林: 高窗听雪, 春风文艺出版社, 1998. Лю Чжаолинь. Слушает снег у высокого окна. Изд-во Лит. и искусства Чуньфэн, 1998. С. 288.

¹¹ 陈忠实: 《在自我反省中寻求艺术突破》, 《陈忠实文集》第 7 卷, 广州出版社, 2004. Чэнь Чжунши. В поисках художественных прорывов в саморефлексии. // Собрание сочинений Чэнь Чжунши. Т. 7. Изд-во Гуанчжоу, 2004. С. 3581.

¹² 王仁宝. 现实主义的探寻, 突破与回归——论陈忠实小说与外国文学. 华中师范大学, 2014. Ван Жэньбао. Поиск, прорыв и возвращение реализма – О творчестве Чэнь Чжунши и зарубежной литературе. Ухань: Центр.-Кит. пед. ун-т, 2014. С. 45.

Другие аспекты исследования о творчестве В.М. Шукшина. Кроме того, интерес для учёных представляет такое явление в творчестве В.М. Шукшина, как литературная сказка. Литературная сказка В.М. Шукшина «До третьих петухов» не была переведена на китайский язык, но существует ряд статей, в которых в той или иной мере исследуется это произведение. Так, Ли Хаочжи рассматривал гротескные формы выражения смыслов в повести-сказке «До третьих петухов». Исследователь считает, что «сюжет произведения в целом абсурден, но смысл произведения очень глубок» [41, p. 57].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение творческого наследия В.М. Шукшина в Китае расширяется и углубляется. Работы китайских исследователей не только способствуют более глубокому изучению творчества В.М. Шукшина, но и обогащают представления китайских читателей о русской национальной идентичности.

Китайское шукшиноведение находится на новом подъёме. Однако изучение творчества писателя в Китае по-прежнему имеет большой разрыв с зарубежными странами, особенно с Россией. Можно порекомендовать китайским учёным в большей степени опираться на существующие теоретические и практические исследования современного литературоведения. На сегодняшний день отсутствует полная биография писателя на китайском языке, нет монографии о художественном мире писателя в целом, нет переводов полного собрания его сочинений на китайский язык, отсутствуют исследования на уровне докторских диссертаций, что предполагает для китайских шукшиноведов широкое поле деятельности.

Список источников

1. Л. Бельков, 富澜. 论舒克申的创作. 电影艺术译丛, 1980, (05):146-166. (Л. Белова, переводчик Фу Лан. О творении Шукшина // Серия «Перевод киноискусства». 1980. № 05. С. 146-166.)
2. С. Фрейлих, 张开. 舒克申的创作风格. 世界电影, 1986, (06):69-87. (С. Фрейрих, переводчик Чжан Кай. Творческий стиль В. Шукшина // Мировое кино. 1986. № 06. С. 69-87.)

3. 周荣广. 作家、演员、导演舒克申. 文化译丛, 1987, (04):21-22. (Переводчик Чжоу Жунгуан. Писатель, актёр, режиссёр В. Шукшин // Серия культурных переводов. 1987. № 04. С. 21-22.)
4. 谢尔盖·伊兹加尔舍夫, 周民权, 瓦西里·舒克申——一个紧握双拳的人. 俄罗斯文艺, 2004, (04):53-54. (С. Изгаршев, переводчик Чжоу Миньцюань. Василий Шукшин – мужчина со сжатыми кулаками // Русская литература и искусство. 2004. № 04. С. 53-54.) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2004.04.014>
5. 卢兴举. 简论舒克申的短篇小说. 吉首大学学报(社会科学版), 1985, (03):60-65. (Лу Синцзюй. О рассказах Шукшина // Журнал Университета Цзишоу (Социальные науки). 1985. № 03. С. 60-65.) <http://doi.org/10.13438/j.cnki.jdxb.1985.03.011>
6. 齐广春. 刍议舒克申作品的艺术魅力. 齐齐哈尔师范学院学报(哲学社会科学版), 1990, (03):57-61. (Ци Гуанчунь. О художественном очаровании произведений В. Шукшина // Журнал Цицикарского педагогического университета (философия и социальные науки). 1990. № 03. С. 57-61.) <http://doi.org/10.13971/j.cnki.cn23-1435/c.1990.03.014>
7. 王宏起. 他在城乡交叉地带耕耘——舒克申小说的审美指向. 解放军外国语学院学报, 1999, (1):120-123. (Ван Хунци. Он работает на стыке города и деревни – об эстетическом направлении шукшинской прозы // Журнал Университета иностранных языков НОАК. 1999. № 1. С. 120-123.)
8. 何云波. 乡下人与乡下人的文学——闲话三位苏联作家. 长沙铁道学院学报, 1993, (S1):66-73. (Хэ Юньбо. Сельские жители и литература о сельских жителях – о трех советских писателях // Журнал Чанша Железнодорожного института. 1993. № S1. С. 66-73.) <http://doi.org/10.19713/j.cnki.43-1423/u.1993.s1.011>
9. 金铁峰. 从黑土地上走出的文坛奇才——俄罗斯当代作家舒克申的短篇小说解读. 沈阳师范大学学报(社会科学版), 2004, (01):20-23. (Цзинь Тэфэн. Литературный гений, вышедший из Черноземья – интерпретация рассказов современного русского писателя Шукшина // Журнал Шэньянского педагогического университета (социальные науки). 2004. № 01. С. 20-23.) <http://doi.org/10.19496/j.cnki.sxxb.2004.01.004>
10. 张坤, 罗喜红. 离了土地, 勿失本性——舒克申对农民命运的思考. 青年文学家, 2016, (30):102-103+105. (Чжан Кунь, Ло Сихун. Оставь землю, не теряй сердце – размышления В. Шукшина о судьбе крестьян // Молодые писатели. 2016. № 30. С. 102-103+105.)
11. 陈熙汉. 七十年代苏联文学中的青年道德题材. 扬州师院学报(社会科学版), 1988, (01):65-70. (Чэнь Сихань. Молодёжные нравственные темы в советской литературе 1970-х годов // Журнал Янчжоуского педагогического университета (социальные науки). 1988. № 01. С. 65-70.) <http://doi.org/10.19411/j.cnki.1007-7030.1988.01.012>
12. 何云波, 张铁夫. 寻根, 回到人本身——对当代苏联文学“寻根热”的思考. 外国文学研究, 1989, (03):51-57. (Хэ Юньбо, Чжан Тэфу. В поисках корней, возвращение к людям – мысли о «поиске корней» в современной советской литературе // Исследование зарубежной литературы. 1989. № 03. С. 51-57.) <http://doi.org/10.19915/j.cnki.fl.1989.03.010>
13. 孙婷. 苏联乡村小说中的西伯利亚异质空间——以阿斯塔菲耶夫, 拉斯普京和舒克申作品为例. 俄罗斯文艺, 2019 (1):24-34. (Сунь Тин. Исследования экологических тем в советской деревенской прозе: на примере произведений Астафьева, Распутина и Шукшина // Русская литература и искусство. 2019. № 1. С. 24-34.) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2019.01.005>
14. 毕心雨. 舒克申笔下的浪子回头主题. 新纪实, 2022, (06):52-55. (Би Синьюй. Тема блудного сына в произведениях В. Шукшина // Новый документальный фильм. 2022. № 06. С. 52-55.)
15. 何云波. 文学: 人与土地——对前苏联文学中乡土意识的文化考察. 外国文学评论, 1993, (01):86-93. (Хэ Юньбо. Литература: Люди и земля – Культурное исследование местного самосознания в литературе бывшего Советского Союза // Обзор зарубежной литературы. 1993. № 01. С. 86-93.)
16. 杨申, 赵世章. 苏联当代作家——舒克申的笔下人. 外国问题研究, 1982, (03):87-92. (Ян Шэнь, Чжао Шичжан. О героях из-под пера современного писателя Шукшина // Исследования в области иностранных дел. 1982. № 03. С. 87-92.)
17. 邵思佳, 姚璟. 舒克申“怪人”形象及其创作特点. 名作欣赏, 2018, (36):58-60. (Шао Сыцзя, Яо Цзин. Образ «чудика» В. Шукшина и его художественные характеристики // Оценка шедевров. 2018. № 36. С. 58-60.)
18. 张建华. 谈谈舒克申笔下的“怪人”和“外人”. 苏联文学, 1983, (2):87-92. (Чжан Цзяньхуа. О «чудиках» и «чужих» В. Шукшина // Советская литература. 1983. № 2. С. 87-92.) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.1983.02.012>

19. 张建华. 当代苏联小说悲剧意识的嬗变. 苏联文学, 1988, (02):87-94+84. (*Чжан Цзяньхуа*. Эволюция трагического сознания в современной советской литературе // Советская литература. 1988. № 02. С. 87-94+84.) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.1988.02.013>
20. 朱诗艳. 浅谈舒克申笔下圣愚式的“怪人”形象. 俄罗斯文艺, 2003, (6):52-54. (*Чжу Шиянь*. Об образе юродивого «чудика» Шукшина // Русская литература и искусство. 2003. № 6. С. 52-54.) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2003.06.016>
21. 石国雄. 追踪心灵的大师——瓦·舒克申短篇小说. 俄罗斯文艺, 1994, (03):43-47. (*Ши Госюн*. О рассказах мастера души – В. Шукшина // Русская литература и искусство. 1994. № 03. С. 43-47.) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.1994.03.005>
22. 陈慧敏. 舒克申和他笔下的“农村人”. 沈阳教育学院学报, 1999, (04):35-37. (*Чэнь Хуйминь*. Шукшин и его «сельские люди» // Журнал Шэньянского института образования. 1999. № 04. С. 35-37.)
23. 杨玉波. 舒克申笔下的小人物形象与俄罗斯传统文化. 边疆经济与文化, 2020, (04):85-86. (*Ян Юйбо*. Маленькие люди в произведениях Шукшина и русская традиционная культура // Пограничная экономика и культура. 2020. № 04. С. 85-86.)
24. 邹立泉. 舒克申短篇小说的写作技巧及其语言风格. 外语学报, 1984, (03):63-67. (*Цзоу Лицюань*. Навыки письма и языковой стиль рассказов Шукшина // Журнал иностранных языков. 1984. № 03. С. 63-67.)
25. 白韵超. 舒克申短篇小说语言风格浅析. 外语研究, 1988, (03):52-57+11. (*Бай Юньчао*. Анализ языкового стиля рассказов Шукшина // Изучение иностранных языков. 1988. № 03. С. 52-57+11.)
26. 陈慧敏. 舒克申短篇小说创作中的艺术风格. 辽宁教育学院学报, 2004, (11):112-113. (*Чэнь Хуйминь*. Художественный стиль в создании рассказов Шукшина // Журнал Ляонинского института управления образованием. 2004. № 11. С. 112-113.) <http://doi.org/10.13972/j.cnki.cn21-1500/g4.2004.11.057>
27. 石洪生. 舒克申短篇小说《师傅》的叙事特征. 俄罗斯文艺, 2006, (4):8-12. (*Ши Хуншэн*. Особенности повествования рассказа Шукшина «Мастер» // Русская литература и искусство. 2006. № 4. С. 8-12.) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2006.04.002>
28. 李平, 金晓满. 瓦·舒克申短篇小说《出洋相》的语篇衔接. 今日中国论坛, 2013, (13):154+162. (*Ли Пин, Цзинь Сяомань*. Дискурсивная связность рассказа В. Шукшина «Срезал» // Форум «Китайский сегодня». 2013. № 13. С. 154+162.)
29. 乔双信. 舒克申短篇小说中的对白语. 解放军外语学院学报, 1991, (04):74-80. (*Цяо Шуансинь*. Диалоги персонажей в рассказах Шукшина // Журнал Университета иностранных языков НОАК. 1991. № 04. С. 74-80.)
30. 戴姗. 舒克申短篇小说中修辞资源的组合特点. 中国俄语教学, 1995, (02):37-40. (*Дай Шань*. Особенности сочетания стилистических приёмов рассказах Шукшина // Преподавание русского языка в Китае. 1995. № 02. С. 37-40.)
31. 赵世玲. 简论舒克申文学作品中成语的运用. 语文学刊, 2014, (17):84-85. (*Чжао Шилин*. Использование диалектов в произведениях В. Шукшина // Журнал языка и литературы. 2014. № 17. С. 84-85.)
32. 闫吉青. 平淡之中见真美——舒克申的《太阳·老人·少女》赏析. 俄罗斯文艺, 2002, (05):62-64. (*Янь Цзицин*. Видение красоты в быденном – «Солнце, старик и девушка» Шукшина // Русская литература и искусство. 2002. № 05. С. 62-64.) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2002.05.015>
33. 彭克巽. 陀思妥耶夫斯基与现代小说艺术流派. 国外文学, 1986, (Z1):6-24. (*Пэн Кэсюнь*. Достоевский и искусство современных романов // Иностранная литература. 1986. № Z1. С. 6-24.) <http://doi.org/10.16345/j.cnki.cn11-1562/i.1986.z1.001>
34. 李健. 揭开心灵深处的奥秘——舒克申和托尔斯泰短篇小说之比较. 张掖师专学报(综合版), 1989, (02):59-64. (*Ли Цзянь*. Как раскрыть тайны души – сравнительный анализ рассказов Шукшина и Толстого // Журнал Чжаньеского педагогического колледжа (полное издание). 1989. № 02. С. 59-64.)
35. 石洪生. 契诃夫与舒克申//中国俄语教学研究会,上海外语教育出版社, 厦门大学外文学院.中国首届“海峡两岸俄语教学与研究学术讨论会”论文摘要集.安徽大学外语学院俄语系; 2005:1. (*Ши Хуншэн*. А. Чехов и В. Шукшин // Первый симп. по преподаванию и изучению рус. яз. в Китае через пролив: тезисы докл. / Китайская ассоциация по преподаванию русского языка, Шанхайское изд-во по обучению иностр. яз., ин-т иностр. яз. Сямьньского ун-та, кафедра русского языка факультета иностр. яз. Аньхойского ун-та, 2005. № 1.)

36. 李羽涵. 探求“怪人”和“狂人”在世俗尘埃下的明亮心灵——解读舒克申 “怪人”和果戈里“狂人日记”. 俄语学习, 2016, (06):60-62. (Ли Юйхань. В поисках светлых сердец «чудиков» и «сумасшедших» под мирской пылью // Изучение русского языка. 2016. № 06. С. 60-62.)
37. 孙青青. 《出洋相》与《钦差大臣》互文性研究. 青年文学家, 2016, (08):92. (Сунь Цинцин. Исследование интертекстуальности в произведениях «Срезал» Шукшина и «Ревизора» Гоголя // Молодые писатели. 2016. № 08. С. 92.)
38. 张玉娥. 舒克申、拉斯普京和他们的创作. 绥化师专学报, 1995, (03):48-52. (Чжан Юйэ. Шукшин, Распутин и их творения // Журнал учителя Суйхуа. 1995. № 03. С. 48-52.)
39. 王月萍. 俄罗斯乡村散文派作品与中国京派乡土小说创作比较. 出版广角, 2018 (8). С. 81-83. (Ван Юепин. Сопоставление создания произведений русской деревенской прозы и китайской деревенской прозы пекинской школы // Издательство широкий угол. 2018. № 8. С. 81-83.) <http://doi.org/10.16491/j.cnki.cn45-1216/g2.2018.08.025>
40. 熊修雨. 论俄苏文学对汪曾祺创作的影响. 俄罗斯文艺, 2024, (02):109-122. (Сюн Сюйюй. О влиянии русской и советской литературы на творчество Ван Цзэнцзи // Русская литература и искусство. 2024. № 02. С. 109-122.) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2024.02.004>
41. 黎皓智. 当代苏联小说中的假定性艺术. 俄罗斯文艺, 1990, (3):53-60. (Ли Хаочжи. Гипотетическое искусство в современных советских рассказах // Русская литература и искусство. 1990. № 3. С. 53-60.) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.1990.03.009>

References

1. Belova L., Fulan. On the creation of M. Shukshin. *Film Art Translation Series*, 1980, no. 5, pp. 146-166. (In Chinese)
2. Freirich S., Zhang Kai. M. Shukshin's creative style. *World Cinema*, 1986, no. 6, pp. 69-87. (In Chinese)
3. Zhou Rongguang. M. Shukshin: writer, actor and director. *Cultural Translation Series*, 1987, no. 4, pp. 21-22. (In Chinese)
4. Sergei Izgarshev, Zhou Minquan. M. Shukshin – a man with clenched fists. *Russian Literature and Art*, 2004, no. 4, pp. 53-54. (In Chinese) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2004.04.014>
5. Lu Xingju. A brief discussion on Shukshin's short stories. *Journal of Jishou University (Social Sciences)*, 1985, no. 3, pp. 60-65. (In Chinese) <http://doi.org/10.13438/j.cnki.jdx.1985.03.011>
6. Qi Guangchun. On the artistic charm of Shukshin's works. *Journal of Qiqihar Normal University (Philosophy and Social Science)*, 1990, no. 3, pp. 57-61. (In Chinese) <http://doi.org/10.13971/j.cnki.cn23-1435/c.1990.03.014>
7. Wang Hongqi. He cultivates at the intersection of urban and rural areas: the aesthetic orientation of Shukshin's novels. *Journal of PLA Foreign Chinese University*, 1999, no. 1, pp. 120-123. (In Chinese)
8. He Yunbo. The Literature of the countryman and the Countryman: Gossip on Three Soviet Writers. *Journal of Changsha Railway Institute*, 1993, no. S1, pp. 66-73. (In Chinese) <http://doi.org/10.19713/j.cnki.43-1423/u.1993.s1.011>
9. Jin Tiefeng. A literary genius who came out of the black earth: an interpretation of the short stories of the contemporary Russian writer Shukshin. *Journal of Shenyang Normal University (Social Sciences)*, 2004, no. 1, pp. 20-23. (In Chinese) <http://doi.org/10.19496/j.cnki.sxxb.2004.01.004>
10. Zhang Kun, Luo Xihong. Leaving the land, don't lose your nature – M. Shukshin's thoughts on the fate of peasants. *Young Writers*, 2016, no. 30, pp. 102-103+105. (In Chinese)
11. Chen Xihan. Youth morality themes in Soviet literature in the 1970s. *Journal of Yangzhou Normal University (Social Sciences)*, 1988, no. 1, pp. 65-70. (In Chinese) <http://doi.org/10.19411/j.cnki.1007-7030.1988.01.012>
12. He Yunbo, Zhang Tiefu. Searching for roots. Return to man himself: Reflections on the “root-seeking fever” of contemporary Soviet literature. *Foreign Literature Research*, 1989, no. 3, pp. 51-57. (In Chinese) <http://doi.org/10.19915/j.cnki.flr.1989.03.010>
13. SunTing. The heterogeneous space of Siberia in Soviet rural fiction: a case study of Astafyev, Rasputin and Shukshin. *Russian Literature and Art*, 2019, no. 1, pp. 24-34. (In Chinese) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2019.01.005>
14. Bi Xinyu. The theme of the prodigal son's return to the back of M. Shukshin. *New Documentary*, 2022, no. 6, pp. 52-55. (In Chinese)

15. He Yunbo. Literature: People and land – a cultural investigation of local consciousness in the literature of the former Soviet Union. *Foreign Literature Review*, 1993, no. 1, pp. 86-93. (In Chinese)
16. Yang Shen, Zhao Shizhang. Contemporary Soviet writers: Shukshin's writers. *Foreign Issues*, 1982, no. 3, pp. 87-92. (In Chinese)
17. Shao Sijia, Yao Jing. M. Shukshin's "weirdo" image and its creative characteristics. *Masterpiece Appreciation*, 2018, no. 36, pp. 58-60. (In Chinese)
18. Zhang Jianhua. Talking about the "weirdos" and "outsiders" in Shukshin's works. *Soviet Literature*, 1983, no. 2, pp. 87-92. (In Chinese) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.1983.02.012>
19. Zhang Jianhua. The transmutation of tragic consciousness in contemporary Soviet novels. *Soviet Literature*, 1988, no. 2, pp. 87-94+84. (In Chinese) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.1988.02.013>
20. Zhu Shiyan. On Shukshin's image of the "weirdo" of the holy fool. *Russian Literature and Art*, 2003, no. 6, pp. 52-54. (In Chinese) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2003.06.016>
21. Shi Guoxiong. The master of tracing the mind: V.A. Shukshin's short story. *Russian Literature and Art*, 1994, no. 3, pp. 43-47. (In Chinese) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.1994.03.005>
22. Chen Huimin. Shukshin and the "rural people" he created. *Journal of Shenyang Institute of Education*, 1999, no. 4, pp. 35-37. (In Chinese)
23. Yang Yubo. Shukshin's image of small people and Russian traditional culture. *Frontier Economy and Culture*, 2020, no. 4, pp. 85-86. (In Chinese)
24. Zou Liquan. M. Shukshin's short story writing skills and language style. *Journal of Foreign Languages*, 1984, no. 3, pp. 63-67. (In Chinese)
25. Bai Yunchao. A brief analysis of the language style of M. Shukshin's short stories. *Foreign Language Studies*, 1988, no. 3, pp. 52-57+11. (In Chinese)
26. Chen Huimin. Artistic style in the creation of Shukshin's stories. *Journal of Liaoning Institute of Educational Administration*, 2004, no. 11, pp. 112-113. (In Chinese) <http://doi.org/10.13972/j.cnki.cn21-1500/g4.2004.11.057>
27. Shi Hongsheng. Narrative features of Shukshin's short story "The Master". *Russian Literature and Art*, 2006, no. 4, pp. 8-12. (In Chinese) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2006.04.002>
28. Li Ping, Jin Xiaoman. The discourse cohesion of W. Shukshin's short story "Out of the West". *China Today Forum*, 2013, no. 13, pp. 154+162. (In Chinese)
29. Qiao Shuangxin. Dialogues of characters in Shukshin's stories. *Journal of PLA University of Foreign Languages*, 1991, no. 4, pp. 74-80. (In Chinese)
30. Dai Shan. Characteristics of the combination of rhetorical resources in Shukshin's short stories. *Chinese Russian Language Teaching*, 1995, no. 2, pp. 37-40. (In Chinese)
31. Zhao Shiling. A brief discussion on the use of idioms in Shukshin's Literary Works. *Journal of Philology*, 2014, no. 17, pp. 84-85. (In Chinese)
32. Yan Jiqing. Seeing the true beauty in the plain – M. Shukshin's "Sun, Old Man, Girl" appreciation. *Russian Literature and Art*, 2002, no. 5, pp. 62-64. (In Chinese) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2002.05.015>
33. Peng Kexun. Fyodor Dostoevsky and the modern novel art school. *Foreign Literature*, 1986, no. Z1, pp. 6-24. (In Chinese) <http://doi.org/10.16345/j.cnki.cn11-1562/i.1986.z1.001>
34. Li Jian. Uncovering the mystery of the depths of the soul: a comparison of the short stories of Shukshin and Tolstoy. *Journal of Zhangye Teachers College (Comprehensive Edition)*, 1989, no. 2, pp. 59-64. (In Chinese)
35. Shi Hongsheng. *Chekhov and Shukshin*. Abstracts of the First Cross-Strait Symposium on Russian Language Teaching and Research in China. Chinese Association for Russian Language Teaching, Shanghai Foreign Language Education Press, School of Foreign Languages, Xiamen University, Department of Russian, School of Foreign Languages, Anhui University, 2005, no. 1. (In Chinese)
36. Li Yuhan. Exploring the bright minds of "weirdos" and "madmen" under the dust of the world: Interpreting Shukshin's "Weirdos" and Gogol's Diary of a Madman. *Russian Language Learning*, 2016, no. 6, pp. 60-62. (In Chinese)
37. Sun Qingqing. A study on the intertextuality between "The Foreign Minister" and "The Government Inspector". *Young Writers*, 2016, no. 8, pp. 92. (In Chinese)
38. Zhang Yue. Shukshin, Rasputin and their creations. *Journal of Suihua Teacher*, 1995, no. 3, pp. 48-52. (In Chinese)

39. Wang Yueping. A comparison of the works of the Russian rural prose school and the creation of vernacular novels of the Chinese Beijing school. *Wide Angle Publication*, 2018, no. 8, pp. 81-83. (In Chinese) <http://doi.org/10.16491/j.cnki.cn45-1216/g2.2018.08.025>
40. Xiong Xiuyu. On the influence of Russian and Soviet literature on Wang Zengqi's creation. *Russian Literature and Art*, 2024, no. 2, pp. 109-122. (In Chinese) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2024.02.004>
41. He Hongying. A moral quest beyond the times: M. Shukshin's filmmaking. *Journal of Beijing Film Academy*, 1997, no. 2, pp. 155-156. (In Chinese)

Информация об авторе

ШАО Сыцзя, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-4453-7355>, 1042205287@pfur.ru

Поступила в редакцию 26.11.2024

Поступила после рецензирования 28.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Sijia Shao, Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4453-7355>, 1042205287@pfur.ru

Received 26.11.2024

Revised 28.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 82-32

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-465-476>

Шифр научной специальности 5.9.1

Добро, Зло и человек: трансформация мистических мотивов в малой прозе Ю. Мамлеева

Валерия Александровна Чаурова

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 Chaurova_va@pfur.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Исследование посвящено творчеству писателя Юрия Мамлеева. Цель исследования – раскрыть роль системообразующей антиномии Добро-Зло в рассказах прозаика. Проанализировать функции мотивов Бездны, Абсолюта как центральных и категориально значимых в малой прозе автора. Рассмотрена позиция человека, находящегося между данными категориями и являющегося своеобразным «медиатором» в системе образов. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили рассказы Ю.В. Мамлеева. В работе, наряду с мотивным анализом, использованы герменевтический, структурно-семантический, компаративистский методы. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Воплощённая писателем схема художественного конфликта Добро-Человек-Зло является системообразующей и универсальной в художественном мире Ю. Мамлеева. В представленной образно-антиномической системе ключевое значение приобретает ситуация экзистенциального Выбора, где личность наделяется функцией одновременно и субъекта, и объекта. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Научная новизна работы заключается в рассмотрении нарративной стратегии Ю. Мамлеева с точки зрения антиномизма и художественного конфликта, что позволяет проникнуть вглубь текста, обнаружить в нём новые смысловые грани. Настоящее исследование обогащает базу знаний о русской литературе второй половины XX века, её андеграундной составляющей.

Ключевые слова: метафизический реализм, мистицизм, ирреальность, антиномия, конфликт, религиозно-мистические мотивы, литературный андеграунд

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: В.А. Чаурова – обоснование концепции и разработка методологии исследования, анализ и систематизация научной литературы, формулировка выводов и результатов исследования, написание черновика рукописи, оформление рукописи статьи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чаурова В.А. Добро, Зло и человек: трансформация мистических мотивов в малой прозе Ю. Мамлеева // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 465-476. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-465-476>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-465-476>

OECD 6.02; ASJC 1208

Good, Evil, and man: transformation of mystical motifs in Yu. Mamleev's prose

Valeria A. Chaurova

Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

 Chaurova_va@pfur.ru

Abstract

INTRODUCTION. The research is devoted to the art of a writer Yuri Mamleev. The purpose of the research is to reveal the role of system forming antinomy Good-Evil in the novelist's stories. To analyze Abyss and Absolute motifs functions as central and categorically significant in the author's short prose. The position of a person who is between those categories and is a peculiar "mediator" in the image system is considered. **MATERIALS AND METHODS.** In the study, along with motif analysis, the hermeneutic, structural-semantic, and comparative methods are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** The scheme of the artistic conflict Good-Man-Bad embodied by the writer is system-forming and universal in the artistic world of Y. Mamleev. In presented image and antinomy system the situation of existential Choice becomes crucial, where the person is endowed with the function of both subject and object at the same time. **CONCLUSION.** The novelty of the research is in consideration of a narrative strategy of Yu. Mamleev from the point of view of antinomianism and artistic conflict, which allows us to immerse in the depths of text, to discover new semantic facets to it.

Keywords: Metaphysical realism, mysticism, unreality, antinomy, conflict, religious and mystical motifs, literary underground

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: V.A. Chaurova – concept substantiation and development of research methodology, analysis and systematization of scientific literature, conclusions and research results formulation, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Chaurova, V.A. Good, Evil, and man: transformation of mystical motifs in Yu. Mamleev's prose. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):465-476. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-465-476>

ВВЕДЕНИЕ

Ю. Мамлеева в отечественном литературоведении называют «родоначальником жанра метафизического реализма», «основателем литературно-философской школы» [1, с. 156], продолжателем сюрреалистической литературной традиции. Его творчество рассматривалось многими учёными с различных точек зрения: культурологических, философских, литературоведческих [1–14].

А.В. Слобожанин в статье «Ранние рассказы Ю. Мамлеева: зарождение метафизического реализма» рассматривает творчество Ю. Мамлеева с точки зрения философии. Особое внимание автор статьи уделяет анализу экзистенциальных переживаний героев и авторского отношения к ним. Рассматриваются рассказы «Счастье», «Макромир», «Висельник», «Мистик», «Душевнобольные будущего», «Только бы выжить» и другие ранние работы Ю. Мамлеева. В ходе анализа

А.В. Слобожанин приходит к выводам, которые выражает словами М. Хайдеггера: «мотив смерти как радикальной метафизической метаморфозы человека, как качественно иного состояния жизни-смерти, послежизни» [2]. Также автор выделяет в мамлеевских героях тягу к трансцендентному при жизни, несмотря на постоянное присутствие смерти. Постановка героями самих себя в «пограничные ситуации» открывает перед читателями в ранних рассказах оппозицию подлинной и неподлинной экзистенции, которая достигается благодаря приёму гротеска.

Н.Ю. Евтушенко представляет творчество Ю. Мамлеева в философско-литературном дискурсе в статье «Метафизика и литература: художественная проза Ю. Мамлеева в контексте философского опыта писателя». В работе автор обращает большее внимание на философские произведения писателя, которые оставили свой след в рассказах и романах. Художественное воплощение «чистой метафизики» Евтушенко классифицирует в три мотивные группы, которые вращаются вокруг единого мотива, присутствующего в каждой из них: смерти. На материале рассказов подтверждается «глубокое взаимодействие философского и художественного дискурсов» [3].

В сюрреалистической литературной традиции рассматривают малую прозу Ю. Мамлеева О.Ю. Осьмухина, А.П. Трушкина, О.Д. Арестова в статье «Сюрреалистическая образность прозы Ю. Мамлеева (на материале рассказа «Валюта»)». Для определения границ такого явления как «сюрреализм» авторы обращаются к «Манифесту сюрреализма» А. Бретона, где выделяют «внутреннюю иррациональность окружающего мира» [4, с. 61], выраженную через обыденные объекты повседневной реальности. Анализируя рассказ «Валюта» (его сюжетные, композиционные, языковые особенности), исследователи доказывают, что Ю. Мамлеев обращается к принципам сюрреализма, создавая взаимопроникающие друг в друга миры: ирреальный и реальный. Реальный мир отражён сниженными бытовыми характеристиками, когда ирреальный подчёркнуто таинственный и мистический. Герои же, по мнению

автора, стоят на границе этих миров и стремятся к познанию тайны.

К аналогичным выводам в статье «Специфика авторской интерпретации традиционного «двоемирия» в позднем творчестве Ю. Мамлеева (на материале рассказов писателя)» приходит и С.С. Колмыкова [5]. Помимо выделения ирреального и реального миров, автор статьи выделяет и разновидности представления ирреального мира: телесная ирреальность (Колмыкова выделяет ведущую роль горла, живота, тела, которые, по её мнению, становятся проекцией внутреннего мира), ирреальность, возникающая во сне (сон интерпретируется здесь как проводник в ирреальный мир, мир небытия, мир мёртвых), ирреальность потусторонняя (данный тип ирреальности находится между жизнью и смертью, поэтому выражен он потусторонними образами: упыри, мертвецы, полутрупы); натуралистичные же подробности в произведениях призваны «убедить нас в реальности ирреального» [5, с. 267].

Е.А. Жиндеева и С.С. Четвергова в статье «Художественное воплощение хронотопа «двоемирие» в рассказах Ю.В. Мамлеева» анализируют особенности пространственно-временной организации рассказов Мамлеева и определяют особую временную позицию, через которую, так или иначе, проходят практически все главные мамлеевские герои – категорию «прорыва» [6]. «Прорыв» происходит, по мнению авторов, через преодоление трёх категорий: телесных, разумных и социальных (можно провести параллель с исследованием и трактовкой С.С. Колмыковой). Также авторы находят физиологические выражения «прорыва»: бег, трансформация тела, хохот, пение, танец, пляс, плач и прочее.

В контексте постмодернистского направления в литературе, к которому некоторые литературоведы относят творчество Ю. Мамлеева, рассматривает его рассказы и О.Е. Романовская в статье «Постмодернистская версия антигероя в рассказах Юрия Мамлеева». Поиск антигероя Романовская осуществляет в сравнении рассказов Мамлеева и повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья». Анализируя типизированного мамлеевского героя и героя «Записок», автор

отмечает не только сходства, но и их различия, заключающиеся в том, что в творчестве Мамлеева в структуру образа персонажа проникают «пародийно-иронические авторские интенции», с помощью чего автор и создаёт оригинальную постмодернистскую версию антигероя.

Целью работы является исследование трансформации образов и мотивов ирреальности в малой прозе Ю.В. Мамлеева, формирование представления об их устойчивости и системности. Задачами работы являются: анализ сюжетно-тематической специфики рассказов, выявление мистических образов и мотивов, рассмотрение данных мотивов на языковом уровне, выявление тенденции изменения ирреальных образов и мотивов от ранних рассказов до поздних, составление системы данных мотивов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования выступают рассказы Ю. Мамлеева пяти циклов: «Ранние рассказы», «Центральный цикл», «Американские рассказы», «Народно-мифологические рассказы», «Конец века».

Исследование продолжает изучение малой прозы Ю.В. Мамлеева, в ней рассматриваются ирреальные, мистические образы и мотивы в циклах рассказов. В исследовании предпринимается попытка типологии мистического начала, с чем и связано рассмотрение циклов рассказов не в традиционном порядке.

Для достижения цели исследования были задействованы структурно-семантический, герменевтический, компаративистский методы с опорой на мотивный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Малая проза Ю.В. Мамлеева традиционно делится (как исследователями-литературоведами, так и редакторами, издателями современных переизданий литературного наследия писателя) на 5 циклов: ранний, центральный, американский, народно-мифологический и цикл «конца века». Практически в каждом из рассказов присутствуют иррациональные детали и события. По мере развития

творчества, мотивы, заявленные в ранних рассказах, получают свою творческую реализацию и развитие уже в конкретных образах.

К мистическим образам и мотивам мы относим такие категории, как Бог, Божественное, Абсолют, Ничто, Пустота, Неизвестность, Бездна. Данные образы связаны с метафизической проблематикой, которая, при внимательном прочтении, присутствует практически в каждом из мамлеевских текстов. В совокупности образы делятся на две устойчивые группы: Божественное и Дьявольское. Божественное выражено силами, действующими «в интересах» людей, не допуская слишком глубокого проникновения в Бездну. Бездна же, в свою очередь, коррелирует с дьявольскими, небожественными проявлениями.

Для иллюстрации раннего цикла нами взяты рассказы «Счастье», «Улёт», «Исчезновение». Выбор произведений обусловлен тем, что, на наш взгляд, именно в этих рассказах намечающийся конфликт проявляет себя наиболее ярко.

Первый рассказ раннего цикла – «Счастье». Именно в нём впервые возникает образ духовной пустоты, который позднее трансформируется, насыщается дополнительными смысловыми коннотациями, переводит ощущение необъяснимой тревожности в образы, близкие к понятию Смерти. Главный герой рассказа, Гриша, задумывается о смысле жизни и приходит к выводу о том, что всё материальное «мелочное». А.В. Слобожанин обозначает вопрос героя так: «Особенно сильно состояние беспредметного ужаса нарастает у героя тогда, когда он думает о самом себе» [2, с. 42]. И это неспроста – Гриша, обладатель счастливой, сытой и спокойной жизни в идиллической деревне Блюднево, вдруг встречается в мыслях с Ничто. Эта встреча переворачивает его сознание, он начинает задавать вопросы, но не находит никаких удовлетворительных ответов. Тревогу Гриши выражают постоянные многоточия, односоставные и незаконченные предложения: «Руки... Сердце...», «Все ничего,

ничего, пусто, и вдруг – бац! – мысль¹. В финале Гриша решает идти в секту, где, вероятно, по его мнению, он сможет спрятаться от тревожного ощущения пустоты жизни. Секта – один из пока ещё слабых намёков на присутствие противоборствующей стороны – Божественного.

С похожим внутренним вопросом сталкивается и герой рассказа «Улёт»: «Существую я или не существую?!»² (с. 20), – спрашивает себя Анатолий Борисович. В его сознании произошёл «надлом», и самые обычные вещи (женитьба, возраст, место жительства, небо над головой) начинают казаться загадочными. Он мучится от того, что вся жизнь кажется ему фикцией, нереальной из-за осознания ирреального мира как Бездны.

По ходу повествования «ничто» выражается и в окружающей обстановке: «нелепая дыра, ведущая в серое» (с. 21), «уходящие в засознание линии домов», «все входили, уходили и были за чертой» (с. 22). На финал рассказа, полное растворение Анатолия Борисовича в небытии, намекают и следующие детали: «воздушность», которую замечает сам герой, жизнь кажется ему «еле видимой», разбивание лампочки и потеря единственного символа света в рассказе. Невозможность разгадать главный вопрос решает судьбу героя. Не найдя ответа, он «бесследно исчез».

В рассказе «Исчезновение» главная героиня Раиса Фёдоровна выходит за пределы своего разумного мира, где существуют бытовые явления. Красный цветок на ковре, который она видела каждый день, внезапно кажется ей загадочным, героиня приходит к мысли о том, как необъяснима жизнь, после чего её грудь наполняется «жутким, никуда не выходящим воздухом» (с. 24). Раиса Фёдоровна истошно кричит и умирает, встретившись с Ничто, которое «выдернуло» её из привычного существования. Другие же герои рассказа не в состоянии понять этого.

На примере трёх рассказов первого цикла можно сделать вывод, что в ранних произведениях лишь закладываются образы и мотивы ирреального. Потусторонность (как божественная, так и небожественная) выражена неявно, читатель лишь на уровне ощущений может почувствовать главный конфликт, находящийся на стадии зарождения – конфликт Добра и Зла. Но уже виден фокус конфликта – Человек. Именно Человеку дано выбирать, в какую сторону смотреть, и этот взгляд определяет его дальнейшую судьбу. Он ещё не способен «повернуть голову» в одну из сторон, стоит на распутье между двумя полюсами экзистенциальной антиномии, способен уловить лишь «отражения» или «тени» противоборствующих сторон (именно поэтому представленных неявными ощущениями и предчувствиями).

В центральном цикле намечены проявления большей конкретики, на месте предчувствий возникают образы, группирующиеся вокруг Божественного и Дьявольского как смысловых «фокусов». Последние выражены ярче, чем Божественные. «Божественное» – это преимущественно речевые действия в виде реплик: «Божий свет», «ей-богу», «о, Господи!» и др. Образы же, связанные со смертью, бездной и пустотой, более разнообразны и представлены множественными обликами.

Рассказ «Управдом перед смертью» является первым рассказом, открывающим центральный цикл и являющийся своеобразным «мостиком», связывающим рассказы с ранним периодом. В нём можно проследить эволюцию мистических мотивов, представленных в раннем цикле. Божественные мотивы продолжают появляться в речи героев и нарратора: тоска и предчувствие чего-либо у главного героя определяется его тёщей как «предчувствие от Господа» (с. 82). Бездна начинает проявляться в вещественных образах: ходячие трупы, вампиры, разная нечистая сила.

Дмитрий Иванович Мухеев, главный герой, встречается со смертью лицом к лицу, чувство пустоты уже выражено не тревогой, а паникой и страхом. Если ранее жизнь героя была наполнена бытовым «свет за светом, тьма за тьмой» (с. 82), то после того, как ге-

¹ Мамлеев Ю.В. Собрание сочинений. Русская виртуальная б-ка, 1999. URL: <https://rvb.ru/20vek/mamleev/contents.htm> (дата обращения: 25.09.2024).

² Мамлеев Ю.В. Голос из ничто: Рассказы. Москва: Моск. рабочий, 1991. С. 20. В дальнейшем цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

рой узнаёт о своём смертельном диагнозе, всё радикально изменяется. Изменяется сам герой. Он проходит стадии принятия «пустоты»: активная деятельность в надежде оставить на земле след и память, словно академик Марр, естественный порыв отодвинуть кончину, пусть и в собственных мыслях, «главное – не думать» (с. 85); ощущение спасительной любви к жене, которую он «энергично любил... энергично разлюбил» (с. 82); и, наконец, абсолютная ясность ума, которая заключена в «самом понимании смерти» (с. 92).

Данные стадии не характерны для рассказов раннего цикла. В них герои прячутся от тревоги во внешнем мире, умирают, не осознав «пустоты» или вовсе исчезают. Также автор для обозначения пустоты, которая окружала душу героя, вводит термин «ничто».

В рассказе «Изнанка Гогена» человек изображается «застывшим» между миром живых и миром мёртвых. Разум покидает главного героя, Матвея Николаевича. Он ведом инстинктами, но в нём сохраняется часть души, пусть и редуцированная: «огромное поле сознания вообще ушло от него, исчезли многие понятия, особенно такие, как Бог, мир, жизнь, другие он помнил, например, «люди», «родные», но отдалённо, их значение было стёрто и совсем не задевало души»³. Однако присутствие этой части души читатель может заметить не только в словах автора, но и в моменте, когда упырь пытается напиться крови собственной дочери, на что она восклицает: «Папочка, папочка, что ты делаешь?!» – и «на поверхности неживого сознания» у героя что-то ломается и заставляет его поступить, как живого человека – отступить и не убивать дочь.

Примечательно то, что Ю. Мамлеев на протяжении всего рассказа чередует слова «труп» (неодушевлённое существительное) и «мертвец» (одушевлённое существительное), таким образом показывая двоемирие Матвея Николаевича – он не жив, но и не мёртв. Однако в финале рассказа всё же используется

слово «труп» для ещё большего выражения упокоения бывшего мертвеца и вампира.

Данный рассказ выбран нами для исследования не только для того, чтобы продемонстрировать изменение мистических образов, но и для того, чтобы рассмотреть реализацию конфликта жизни и смерти даже на языковом уровне повествования, что в дальнейших рассказах также будет являться приёмом для выражения главного конфликта между Добром и Злом.

Таким образом, в ранних рассказах закладывается фундамент для данных мотивов, центральный же цикл их развивает из размытых очертаний и неявных намёков в устойчивые образы. Опыт сближения с трансцендентным неизбежно накладывает на героев рассказов свою печать.

Мистические мотивы продолжают трансформироваться и в последующих рассказах писателя, представленных в цикле «Конец века». Они обретают глубину и многозначность, что сыграет свою роль в фольклорно-мифологическом цикле.

Например, в «Валюте» «мистические, сакральные мотивы связаны у него с фольклорными представлениями» [4, с. 63], как утверждается в статье «Сюрреалистическая образность прозы Ю. Мамлеева (на примере рассказа «Валюта»)». Фольклор для человека – область соединения иррационального и рационального. Фольклорные черты выражаются в бытовом поведении героев: «Сучков подошёл к гробу и стал его обнюхивать и проверять. Даже выстукивать. Не стучи – чёрт придёт, – испугалась Соня»⁴. Примета о том, что стучать по крышке гроба значит призывать нового покойника в мире мамлеевского текста, оборачивается настоящим призывом покойника. Иррациональность в соединении с фольклором порождает яркий образ в финале рассказа: старичка, пришедшего за своим гробом и четой Сучковых. Его мистическое и зловещее выражение отсылает читателей к народным историям про мертвецов.

Помимо внесения фольклорных мотивов, яркое воплощение получают и выражения

³ Мамлеев Ю.В. Собрание сочинений. Русская виртуальная б-ка, 1999. URL: <https://rvb.ru/20vek/mamleev/contents.htm> (дата обращения: 25.09.2024).

⁴ Там же.

божественной категории. В рассказе «Дорога в бездну» главный герой, Сергей Еремеев, придерживается философского течения адвайте-веданте (где надмирный абсолют, «его многие называют Богом»⁵, заключён внутри человека). В течение всего рассказа Сергей ощущает Зов вечности, Зов «Первоисточника», пытается проникнуть в «Божественную Бездну внутри себя»⁶, которая качественно отличается от мистических проявлений дьявольского начала Бездны. Бездна небожественная в данном цикле (и в последующем фольклорно-мифологическом) имеет своей целью завладеть человеком и человеческой сущностью. Примером может стать пара Сучковых, которые «исчезли» при столкновении с ней и смертью в облике неожиданного гостя. Сергей же знает, что не потеряет себя, так как он увидел «что-то тайное, великое, непостижное и в то же время родное, вечно-русское, что составляло его сокровенную жизнь, но было скрытым»⁷. В связи с этим очень знаковым является и конец рассказа: Сергей, находясь в преддверии своего метафизического путешествия, уверенно сообщает, что «Я вернусь сюда... Эти миры не поглотят меня»⁸.

Но, несмотря на редкие исключения, в целом судьба мамлеевского человека остаётся predetermined: ему не дано постичь ирреального. Если же он предпринимает попытку «заглянуть» в эту область, его ожидает сумасшествие, смерть или исчезновение.

Народно-мифологический цикл рассказов выделяется по нескольким причинам: он самый немногочисленный (в него входят всего 4 рассказа), также в этом цикле на первый план наряду с мистичностью выходит фольклорно-сказочная составляющая (примечательно, что вторым названием цикла было «Русские сказки»). На наш взгляд, с точки зрения эволюции мистицизма, данный цикл является вершинным, он представляет собой конечную точку в развитии антиномии Ни-

что и Божественного. В нём больше внимания уделено божественным образам, нежели дьявольским.

Открывает цикл рассказ «Голубой», имеющий параллельное название – «Основные тайны». Он единственный в цикле без авторского жанрового уточнения. Рассказы «Ерёма-дурак», «Сон в лесу», «Блаженство и окаянство» определяются как сказка, легенда и поэма-легенда. Исследователь М.Г. Дещенко в статье «Соприкосновение земного бытия человека с потусторонним как жанровый маркер новеллы Юрия Мамлеева «Голубой» определяет жанр рассказа как новеллу, поскольку «фабула характеризуется коллизийностью и остротой, сюжет развивается динамично, а автор прибегает к позиции «сказителя», что полностью соответствует постмодернистской парадигме» [7, с. 63].

По сюжету рассказа Николай Рязанов, москвич, отправляется в деревню «Большие Хари» за разгадкой основной тайны. В последнюю ночь пребывания в деревне ему снится сон, через который он попадает в «некое потустороннее поле» (с. 122). После чего герою открывается мир тайн, до которых он отчаянно пытался дотянуться. Кульминацией рассказа является эпизод встречи Николая со старичком в белом одеянии, который предлагает главному герою приблизиться к настоящей истине, скрытой за дверью: «Иди медленно. Если до двери дойдёшь и заглянешь, тебя не будет. Нигде. Но не думай, что это твой конец... Ты будешь там, где тебя не будет. Но можно не заглядывать, на любом шаге от дверки можно свернуть, если будет знак» (с. 124). Николай следует к двери, но за десять шагов до неё что-то выбрасывает его из невидимого течения, тянущего к двери, и заменяет тень последней тайны голубым и воздушным «нечто». Оставшуюся жизнь Николай проживает в покое и не ищет никаких тайн. И лишь в миг перед смертью слышит голос: «Улизнул все-таки... щенок» (с. 125).

Жизнь героя после событий у двери автор именует покоем и «антитенью того страшного, но высшего покоя» (с. 124). Николай Рязанов оставшуюся жизнь провёл вдали от основной тайны бытия, и это спасло

⁵ Мамлеев Ю.В. Собрание сочинений. Русская виртуальная б-ка, 1999. URL: <https://rvb.ru/20vek/mamleev/contents.htm> (дата обращения: 25.09.2024)..

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

его душу от прикосновения мрачного и потустороннего начала.

Категория Бездны воплощена в рассказе благодаря образам колдуна, двух старушек-ведьм, старичка в белом и дверью, за которой спрятаны тайны. Наиболее интересен образ старца как проводника к границе мира, которая находилась «то ли в землянке, то ли в избушке, то ли в небе» (с. 124). Данные образы уходят своими корнями к фольклору, где существуют «проводники» в загробный мир, на которые указывает В.Я. Пропп в «Морфологии волшебной сказки» [8]. Для прохода в загробный мир требуется определённая зона, которой, как чаще всего в сказках, так и в исследуемом нами рассказе, оказывается лес. Именно там Николай и встречает «старичка в белом», который предлагает Николаю перейти границу своего мира и войти в иной, но переходу не суждено состояться, так как героя спасают божественные силы.

Божественные мотивы в «Голубом» выражены одной фразой, повторяющейся дважды (в самом начале и в кульминации): «Свет не без добрых леших». Видоизменяя русскую пословицу, Ю. Мамлеев намекает на то, что божественные силы в виде леших готовы вмешаться в отношения человека и Бездны и могут спасти заблудшую и увязшую в «основных тайнах» душу.

Символичен здесь и «голубой поток», заменивший в сознании героя мысли о секретах мироздания. В русской культуре голубой цвет чаще всего связывается с положительными коннотациями, «голубое небо, как лазурь в иконописи, представляется пространством горного мира, недостижимого земной жизнью» [9, с. 74]. Такое сравнение применимо и к данному рассказу. Автор называет этот воздушный, голубой поток «ложным, но милосердным подарком» (с. 124), ведь овладев основными тайнами бытия, человека «нигде не будет» и с этим знанием «нельзя жить».

Божественное спасает и главную героиню рассказа «Сон в лесу» – Настю. Девушка заблудилась в лесу (опять же читатель встречает фольклорный образ леса), но, выйдя из него, погрузилась в сон. По ходу рассказа Настя пропадает в «уровнях» сна, увязая в

ирреальной бездне всё глубже. Образ пустоты здесь представлен голосом «не из земного пространства». На мольбу героини о том, чтобы проснуться, приходит девушка в русских одеждах, «как вторая Настя» и приоткрывает Насте мир без сновидений: «Рухнул бы мир, как будто его и не было, со всем его умом, светом, бормотанием и откровением»⁹. После чего девушка помогает Насте вернуться в родную деревню, заверяя её, что в этот раз это не сон. Божественные силы, как и в рассказе «Голубой», вмешиваются в судьбу души, просящей о помощи, помогают ей избавиться от губительного влияния Бездны.

Образ потустороннего существа в белом, как в первом рассказе цикла, возникает и в рассказе «Блаженство и окаянство». Бывший разбойник Алексей в полусне видит белую светящуюся фигуру, идущую из леса, похожую на человека, от которой «ужасть от всего вида была большая»¹⁰. Впоследствии, когда блаженный Ивашко пришёл на помощь разбойникам, чтобы прогнать эту сущность, читатель получает определение данного существа: «этот не труп, а демон»¹¹.

Образ блаженного является олицетворением божественного начала. Тайна мироздания открылась, когда он находился в тюремной яме городка Тьма: «луч в ореоле тьмы – и сказано было: узришь то, что ни одному блаженному не зрелось»¹². С тех пор обрёл Ивашко Знание, стал ещё более «дурной», но истину, что открылась ему, рассказать никому не мог. В финале божественность достигает кульминации: Ивашко умирает своей смертью (в отличие от героев других циклов, которые исчезают или умирают по причине каких-либо обстоятельств), но не оставляет после себя ни следа: «Даже сено, на котором возлежал он, исчезло»¹³.

В сказке «Ерёма-дурак и смерть» вновь возникает мотив пустоты в виде потустороннего, белого, светящегося существа – чело-

⁹ Мамлеев Ю.В. Собрание сочинений. Русская виртуальная б-ка, 1999. URL: <https://rvb.ru/20vek/mamleev/contents.htm> (дата обращения: 25.09.2024).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

века по имени Ерёма. Дураком его прозвали жители деревни, так как не понимали его поведения. Даже сельская колдунья, трижды раскладывая карты на судьбу Ерёмы, видела лишь пустоту: «Судьбы нет, жизни нет, дома нет, жены нет, вообще ничего нет»¹⁴. В свою очередь и герой не может понять законы этого мира, так как он пришёл из совершенно другого: он ходит на охоту со свечкой, приносит корзину глаз, а не грибов, в городе у него не получается примкнуть ни к церкви, ни к сатанистам (от этого в городе решают, что он «пустышный»). Пустота, содержащаяся внутри героя, даже поглощает деревню, когда жители решают женить Ерёму на «сладкой девице».

С Ерёмой, как с воплощением пустоты, не может справиться даже Смерть. Но когда срок существования человеческого тела подходит к концу, «засветился он изнутри белым пламенем холодным и как бы несуществующим. Вид человеческий распался, да и облика другого не появилось»¹⁵. Ерёма вернулся в своё царство, которое постичь человеку не дано, и «ни на земле, ни на небе, нигде его не найти»¹⁶.

Язык народно-мифологического цикла подчёркнуто просторечный (особенно в рассказах «Ерёма-дурак и смерть» и «Блаженство и окаянство»). Нередко употребление устаревшей лексики позволяет создать впечатление древней легенды или сказания: «сурьёзные», «окайнные», «житие», «тая» (в значении «та»), «питие». Речь персонажей пестрит региональными, деревенскими диалектными словами: «онелепил», «токмо», «етога», «пианства», «отыдить», «ужести», «удавлюся». Встречается грубая, бранная и нецензурная лексика, что также может считаться маркером «народности» языка.

Итак, в рассказах данного цикла метафизические силы являются представителями Абсолюта. Автор находит ответ на вопросы, кто спасёт человека, обратившегося взором к Бездне, и в каком направлении нужно смот-

реть человеку, чтобы прожить свою жизнь и не потеряться в пустоте. Люди выступают лишь фигурами в руках Божественных или Дьявольских сил. Самостоятельно избрать путь и выбраться из пут Бездны представляется невозможным. Однако на помощь человеку приходит Божественное, оно в силах повернуть его сознание в «правильную» сторону, не допустить вторжения вечности, хаоса и бездны в человеческую душу.

Мотивы Ничто и Божественного обретают конечный вариант конфликта противостояния согласно следующей схеме: героем завладевает бездна – героя спасает появление того или иного божественного образа – герой открывает для себя истину (просыпается, прозревает) – божественные силы одерживают победу в схватке с Пустотой.

Герои рассказов различны, но схожи в одном: для постижения высшего Замысла, освобождения от Ничто, герой должен опуститься в глубины Бездны (для Николая это чаща леса, для Насти это четвёртый сон во сне, для блаженного Ивашко – это ночь в яме посёлка с символичным названием «Тьма»).

«Американский цикл» среди всего творчества Ю. Мамлеева наименее мистичен: в них преобладает критика общественного и политического строя Америки. Мистические образы здесь редуцируются и скорее выступают фоном, нежели чем несут в себе смысловое метафизическое ядро.

Помимо вышесказанного, ирреальные образы Мамлеева представляя grotesкной действительность позднего СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ранних рассказах Ю. Мамлеева конфликт между образами Божественного и Ничто только возникает. Человек лишь замечает присутствие двух полярных метафизических пластов в своей жизни. Конкретного воплощения мистические образы не получают. Они выражены в виде общего состояния тревоги, неясного чувства тяжести жизни.

В центральном цикле Ничто уже получает воплощение в виде смерти, болезней, здесь впервые появляется изображение оживших мертвецов и разнообразной нечис-

¹⁴ Мамлеев Ю.В. Собрание сочинений. Русская виртуальная 6-ка, 1999. URL: <https://rvb.ru/20vek/mamleev/contents.htm> (дата обращения: 25.09.2024)..

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

той силы. Для «Конца века» характерны ещё более яркие образы из ирреального мира: мертвецы, дьявольские сущности, вселяющиеся в людей, трупы. Они обретают более осязаемое физическое воплощение, врываются в мир людей, забирая их с собой на тот свет.

Народно-мифологические рассказы – вершина развития конфликта Абсолюта и Бездны. Автор здесь не даёт ответа на то, кто победит, но отвечает на вопрос «Что же делать человеку?». Человек в данной системе, так как находится в середине, между Божественным и Ничто, имеет соблазн повернуться в сторону одной из этих сил. Божественное не требует поворачиваться к себе, Ничто же постоянно манит персонажей Ю. Мамлеева. Однако спасение герои находят не смотря ни в одну из сторон. Что Николай Рязанов с голубым потоком в голове, что девушка Настя, застрявшая во сне, что блаженный Ивашко, знающий тайны бытия, но не раскрывающий это обычным людям.

Божественное спасает людей от Пустоты во всех рассказах народно-мифологического цикла, кроме рассказа «Ерёма-дурак и Смерть». Ерёма-дурак есть воплощение Ничто. Высшие силы могут лишь спасти тех людей, которые исчезли после столкновения с Ерёмой (это происходит с душой девушки, согласившейся выйти за Ерёму замуж).

Таким образом, система добро-человек-зло представляется нам в таком виде: мамлеевский человек, стоящий между двух противоборствующих сторон, склонен поворачиваться именно к Пустоте (небожественной, дьявольской силе). В большинстве случаев она поглощает человека, полностью овладевая им, растворяя его, однако, в вершине творчества автора – народно-мифологическом цикле – божественное вмешивается в судьбу человека, поворачивает его сознание и душу в другую сторону, благодаря чему жизнь человека, пусть и оторванная от великой истины Пустоты, проходит счастливее, после чего душа человека не растворяется в Ничто, а переходит в то измерение, где продолжает своё существование. Человек – центр данной системы экзистенциальной антиномии. Эпицентром творчества писателя является ситуация Выбора, где человек является и субъектом, и объектом. Рассказы Ю.В. Мамлеева о том, что происходит, когда человек делает свой Выбор. Побег в потустороннее не помогает ему найти путь в бытийное пространство, наоборот, отдаляет человека от того, что он ищет. Сложнее, но правильнее, по Ю. Мамлееву, для героя будет путь поиска божественного и вечного внутри себя.

Список источников

1. *Скрябина Т.Л.* Московский круг в романе «Другой»: символично-метафизический аспект поздней прозы Ю. Мамлеева // Вестник культурологии. 2023. № 2 (105). С. 156-170. <https://doi.org/10.31249/hoc/2023.02.09>, <https://elibrary.ru/vdzruz>
2. *Слобожанин А.В.* «Ранние рассказы» Ю.В. Мамлеева: зарождение «Метафизического реализма» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2014. № 2 (10). С. 41-49. <https://elibrary.ru/shnyon>
3. *Евтушенко Н.Ю.* Метафизика и литература: художественная проза Ю. Мамлеева в контексте философского опыта писателя // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 60 (1). С. 59-63. <https://elibrary.ru/kjvrhz>
4. *Осьмухина О.Ю., Трушкина А.П., Арестова О.Д.* Сюрреалистическая образность прозы Ю. Мамлеева (на материале рассказа «Валюта») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 9. С. 60-64. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.12>, <https://elibrary.ru/bsgyrh>
5. *Колмыкова С.С.* Специфика авторской интерпретации традиционного «двоемирия» в позднем творчестве Ю. Мамлеева (на материале рассказов писателя) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 8. С. 259-271. <https://elibrary.ru/pijllf>
6. *Жиндеева Е.А., Четвергова С.С.* Художественное воплощение хронотопа «Двоемирие» в рассказах Ю.В. Мамлеева // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 2-6. С. 1513-1517. <https://elibrary.ru/pxiaif>
7. *Деценко М.Г.* Соприкосновение земного бытия человека с потусторонним как жанровый маркер новеллы Юрия Мамлеева «Голубой» // Научные записки Харьковского национального педагогического

- университета им. Г.С. Сковороды. Серия литературоведение. № 4 (76). Ч. 1. 2013. С. 57-64. <https://oaji.net/articles/2014/796-1401687907.pdf>
8. Пропп В.Я. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. Санкт-Петербург: Питер, 2021. 256 с. <https://elibrary.ru/lrotgt>
9. Терешкина Д.Б. «А покупают голубец на москвѣ по дешевой ценѣ»: голубой цвет в русской словесной культуре // Ученые записки НовГУ. 2021. № 1 (34). С. 71-75. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).66-70](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).66-70), <https://elibrary.ru/wnyyeg>
10. Семькина Р.С.-И. Метафизическая космоантропология Ю. Мамлеева // Материалы 2 Междунар. симп. «Русская словесность в мировом культурном контексте». Москва: Фонд Достоевского, 2008. С. 579-580. <https://search.rsl.ru/ru/record/01004270044?ysclid=m35qm8h38f404822134>
11. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. Санкт-Петербург: Аксиома, 1996. 231 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01001754727?ysclid=m71rscb991634291908>
12. Богданова О.А. «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX–XXI вв.: случай Юрия Мамлеева // Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 2. С. 200-219. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219>, <https://elibrary.ru/eetzbn>
13. Коваленко А.Г. Очерки художественной конфликтологии: антиномизм и бинарный архетип в русской литературе 20 века. Москва: Изд-во РУДН, 2010. 491 с. <https://elibrary.ru/qvtfvt>
14. Хорева Л.Г. Малая проза Ю. Мамлеева: традиция или антитрадиция // Научный диалог. 2018. № 12. С. 246-256. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-12-246-256>, <https://elibrary.ru/ypjtel>

References

1. Skryabina T.L. The Moscow circle in the novel “The other”: the symbolic and metaphysical aspect of Y. Mamleev's late prose. *Vestnik kul'turologii = Herald of Culturology*, 2023, no. 2 (105), pp. 156-170. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/hoc/2023.02.09>, <https://elibrary.ru/vdzruez>
2. Slobozhanin A.V. Existential and metaphysical perspective in “early stories” Y.V. Mamleyev. *Gumanitarnye Vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 2014, no. 2 (10), pp. 41-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/shnyon>
3. Evtushenko N.Yu. Metaphysics and literature: Yuri Mamleyev's fiction in the context of the writer's philosophical experience. *Vestnik Stavropol'skogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2009, no. 60 (1), pp. 59-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kjvrhz>
4. Osmukhina O.Yu., Trushkina A.P., Arestova O.D. Surrealistic figurativeness of Yu. Mamleev's prose (by the material of the short story “currency”). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2019, vol. 12, no. 9., pp. 60-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.12>, <https://elibrary.ru/bsgyrh>
5. Kolmykova S.S. The specific character of traditional “biworld” interpretation in the late works by Yu. Mamleev (by the author's stories). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2012, no. 8, pp. 259-271. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pijllf>
6. Zhindeeva E.A., Chetvergova S.S. The artistic embodiment of chronotope “binary world” in the stories by Y.V. Mamleev. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN = Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2012, vol. 14, no. 2-6, pp. 1513-1517. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pxiaif>
7. Deshchenko M.G. The contact between the earthly existence of man and the otherworldly as a genre marker of the short story Yuri Mamleyev's “blue”. *Nauchnye Zapiski Khar'kovskogo natsional'nogo Pedagogicheskogo Universiteta im. G.S. Skovorody. Seriya Literaturovedenie*, no. 4 (76), pt 1, 2013, pp. 57-64. (In Russ.) <https://oaji.net/articles/2014/796-1401687907.pdf>
8. Propp V.Ya. Fairy tale morphology. *The Historical Roots of the Magic Tale*. St. Petersburg, Piter Publ., 2021, 256 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lrotgt>
9. Tereshkina D.B. “Azurite in Moscow is cheap”: a blue colour in Russian word culture. *Uchenye zapiski NovGU = Memoirs of Novsu*, 2021, no. 1 (34), pp. 71-75. (In Russ.) [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).66-70](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).66-70), <https://elibrary.ru/wnyyeg>
10. Semykina R.S.-I. Metaphysical cosmoanthropology by Y. Mamleyev. *Materialy 2 Mezhdunar. simp. «Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste» = Proceedings of the 2d International Symposium “Russia Literature in the World Cultural Context”*. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2008, pp. 579-580. (In Russ.) <https://search.rsl.ru/ru/record/01004270044?ysclid=m35qm8h38f404822134>

11. Zhirmunskii V.M. *German Romanticism and Modern Mysticism*. St. Petersburg, Aksioma Publ., 1996, 231 p. (In Russ.) <https://search.rsl.ru/ru/record/01001754727?ysclid=m71rscb991634291908>
12. Bogdanova O.A. The “dacha myth” in Russian literature of the turn of the 20th–21st centuries: the case of Yuri Mamleev. *Studia Litterarum*, 2023, vol. 8, no. 2, pp. 200-219. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219>, <https://elibrary.ru/eetzbn>
13. Kovalenko A.G. *Essays on Artistic Conflictology: Antinomism and Binary Archetype in 20th Century Russian Literature*. Moscow, RUDN University Publ., 2010, 491 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qvtftt>
14. Khoreva L.G. Small prose of Y. Mamleev: tradition or anti-tradition. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2018, no. 12, pp. 246-256. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-12-246-256>, <https://elibrary.ru/ytpjel>

Информация об авторе

ЧАУРОВА Валерия Александровна, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0003-5055-743X>, chaurova_va@pfur.ru

Поступила в редакцию 08.11.2024

Поступила после рецензирования 12.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Valeria A. Chaurova, Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0003-5055-743X>, chaurova_va@pfur.ru

Received 08.11.2024

Revised 12.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-477-491>

Шифр научной специальности 5.9.1

Интерпретация научно-фантастического романа В. Пелевина «Transhumanism Inc.» с точки зрения «природы-текста»

Итун Лю , Синь Ван

Нанкинский педагогический университет

210097, Китайская Народная Республика, г. Нанкин, ул. Нинхай-Роуд, 122

nnuwangxin@163.com

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Современный российский писатель Виктор Пелевин совмещает в себе качества автора бестселлеров и постмодернистских произведений научно-фантастического жанра. Его роман «Transhumanism Inc.» является одновременно примером серьёзной классической литературы и популярной книги, пользующейся большой любовью читателей. Цель исследования – выявить смысловую интерпретацию романа «Transhumanism Inc.» В. Пелевина с позиции сочетания в его литературном творчестве категорий «массовость» и «классичность» и феномена «умвельт», отражающих идиостиль автора. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужил роман В. Пелевина «Transhumanism Inc.». Используется метод интерпретации как определённый способ осмысления художественного текста, который требует привлечения внеязыковой информации. Для выявления глубинного смысла художественного текста применялся метод анализа «природы-текста», в основе которого лежит концепция «умвельт». Для осмысления идиостиля писателя применялся дескриптивный подход. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Интерпретацию художественного текста можно рассматривать как творческую сферу писателя и как творческую сферу читателя. Особенность идиостиля В. Пелевина заключается в освобождении от конструктивистского рационализма и возвращении «к естественности», в осуществлении эффекта освобождения текстового смысла романа для читательской интерпретации. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Определён новый взгляд на изучение творчества В. Пелевина, основанный на выявлении системы интерпретации знаний об этическом режиме чтения и погружения сознания читателя в экологическое состояние.

Ключевые слова: интерпретация, Transhumanism Inc., Виктор Пелевин, метод, природа-текст, умвельт, идиостиль

Финансирование: Работа выполнена в рамках ключевого финансируемого проекта национального фонда социальных наук Китая «Исследование истории эволюции жанров русской литературы в XIX веке» (21AWW004).

Вклад авторов: Итун Лю – общая концепция исследования, анализ художественного текста, написание черновика рукописи. Синь Ван – поиск и анализ научной литературы, обработка результатов исследования, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лю Итун, Ван Синь. Интерпретация научно-фантастического романа В. Пелевина «Transhumanism Inc.» с точки зрения «природы-текста» // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 477-491. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-477-491>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-477-491>

OECD 6.02; ASJC 1208

Interpretation of the science fiction novel by V. Pelevin «Transhumanism Inc.» in terms of «nature-text»

Yitong Liu , Xin Wang

Nanjing Normal University

210097, People's Republic of China, Nanjing, 122 Ninghai Road St

 nnuwangxin@163.com

Abstract

INTRODUCTION. Contemporary Russian writer Viktor Pelevin combines the qualities of an author of best-selling and postmodern works of the science fiction genre. His novel “Transhumanism Inc.” is both an example of serious classical literature and a popular book that is well loved by readers. The purpose of the study is to identify the semantic interpretation of the novel “Transhumanism Inc.” by V. Pelevin from the perspective of a combination in his literary work of the categories “mass character” and “classic” and the phenomenon “Umwelt”, reflecting the idiosyncrasy of the author. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is the novel “Transhumanism Inc.” by Pelevin. The method of interpretation is used as a more definite way of understanding a literary text, which requires the involvement of non-linguistic information. To identify the deep meaning of a literary text, a method of analysis “nature-text” is used, which is based on the concept “Umwelt”. A descriptive approach is used to comprehend the writer’s idiosyncrasy. **RESULTS AND DISCUSSION.** The interpretation of a literary text can be considered as the creative sphere of the writer and as the creative sphere of the reader. The peculiarity of V. Pelevin’s idiosyncrasy is liberation from constructivist rationalism and a return “to naturalness”, in the implementation of the effect of liberation of the textual meaning of the novel for reader interpretation. **CONCLUSION.** A new look at the study of Pelevin’s work has been identified, based on identifying a system for interpreting knowledge about the ethical regime of reading and immersing the reader’s consciousness in an ecological state.

Keywords: interpretation, Transhumanism Inc., Victor Pelevin, method, nature-text, Umwelt, idiosyncrasy

Funding. The research has been conducted within the framework of the key funded project of the National Social Science Foundation of China “Research on the History of the Evolution of Russian Literature Genres in the 19th Century” (21AWW004).

Authors’ Contribution: Yitong Liu – research concept, fiction text analysis, writing – original draft preparation. Xin Wang – scientific literature search and analysis, research results processing, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Liu Yitong, & Wang Xin. Interpretation of the science fiction novel by V. Pelevin “Transhumanism Inc.” in terms of “nature-text”. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):477-491. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-477-491>

ВВЕДЕНИЕ

Современный российский писатель Виктор Олегович Пелевин (1962) один из немногих современных авторов произведений, которого «не только очень интересует искусственный интеллект и его границы, но и волнует проблема полноценного существования человека» [1, с. 221]. Это писатель, который совмещает в себе качества автора бестселлеров и постмодернистского научно-фантастического жанра. Цель исследования – выявить смысловую интерпретацию романа «Transhumanism Inc.» В. Пелевина с позиции сочетания в его литературном творчестве таких категорий, как «массовость» и «классичность» и феномена умельца как «модели внутреннего мира организма», позволяющей «понять то, как устроен и насколько сложен субъективный мир» человека [2, с. 2].

По версии журнала "Time", В. Пелевин был назван «психоделическим Набоковым для кибервозраста»¹, а мировая литературная общественность считает его одним из самых талантливых и креативных писателей современности. Не случайно китайские учёные называют В. Пелевина «русским Ван Шо (王朔 Wang Shuo, современный китайский писатель)» и «русским Мо Янем (莫言 Mo Yan, первый китайский лауреат Нобелевской премии по литературе 2012 г.)» [3, с. 36], поскольку русский писатель-постмодернист уделял особое внимание восточной культуре [4; 5].

В августе 2021 г. В. Пелевин выпустил свой 18-й роман «Transhumanism Inc.»². Согласно данным, опубликованным издательством «Эксмо» в сентябре 2021 г., эта книга за одну неделю заняла первое место по продажам. Оргкомитет литературной премии «Новые горизонты» объявил список номинантов текущего года, и в этот список вошёл российский писатель В. Пелевин со своим романом «Transhumanism Inc.», в котором

отражена концепция трансгуманизма. Этот научно-фантастический роман сразу привлёк широкий интерес и стал горячей темой обсуждения в литературных кругах.

Каким образом В. Пелевин привлекает различные аудитории читателей? Как писатель балансирует между популярностью и литературной ценностью, достигая нужной степени остроты в литературе? Как ему удаётся совмещать роль автора бестселлера и автора постмодернистского научно-фантастического жанра, делая серьёзную литературу такой же востребованной у читателей, как и популярные произведения?

Очевидно, что любое литературное творчество представляет собой художественный текст, трансформированный из механизма работы мозга, а восприятие этого текста является сложной эстетической деятельностью. Серьёзная литература часто «отпугивает» обычных читателей своей глубокой мыслью. Если же литература продолжает опираться на философскую глубину, то может быть трудной для восприятия широкой аудиторией. Должно ли творчество писателя направлять читателя к рациональному размышлению или же, наоборот, позволять выйти за пределы этого размышления, освободившись от оков разума и вернувшись к естественности? Должно ли творчество писателя, предоставляя читателю максимальную свободу прочтения, служить развитию читательской интерпретации текста для выявления природных ценностей в познании жизни?

Восприятие окружающей действительности мира каждым человеком зависит от множества факторов, к числу которых относятся его генетический код, жизненный опыт, физические возможности, творческие способности, социальная среда. Эти факторы отражают субъективный мир человека, который взаимодействует с окружающей средой и воспринимает окружающую реальность в рамках экосистемы.

В академическом научном мире стали чаще использовать такие словосочетания, как семиотический подход, семиотическая деятельность, семиотические отношения в контексте отношения человека к природе. Учё-

¹ «Так может писать только русский» // Аргументы и факты. 22.11.2017. URL: https://aif.ru/culture/book/tak_mozhet_pisat_tolko_russkiy_inostrancy_o_knigah_pelevina (дата обращения: 24.12.2024).

² Пелевин В.О. Transhumanism Inc. Москва: Эксмо-Пресс, 2023. 608 с.

ные подчёркивают, что человек, обладая определённым уровнем абстракции мышления, оперирует символами [6; 7] и знаками-символами (по Ч. Пирсу).

Теория знаков, тесно связанная с концепцией Umwelt (слово в переводе с немецкого языка означает «окружающая среда»), восходит к идеям Якоба фон Иксюля. Работа учёного “Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen” («Прогулки по окружающим мирам животных и людей»), появившаяся в 1909 г., предвосхитила идеи обращения к таким понятиям, как «экологическое сознание», «кибернетика», «семиотика», подчёркивая важность знаков, символов и коммуникации в живых системах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужил роман «Transhumanism Inc.» В. Пелевина, описывающий далёкое будущее, в котором окружающая человека действительность стала сплошной нейросетью. Использован метод интерпретации как определённый способ осмысления художественного текста, позволяющий выявить нейросетевые кластеры (банкиры, правители и др.). Для выявления глубинного смысла художественного текста использована концепция «умвельт» как методологический взгляд на моделирование окружающей действительности, разработанная австрийским учёным балтийского происхождения Якобом фон Иксюлем. Основным методом исследования является метод анализа «природа-текст» в этическом литературоведении. В ходе исследования использовались методы текстуального анализа, сравнения и синтеза, а также дескриптивный подход, основной акцент в этом направлении был смещён к рассмотрению вопроса: что представляет собой идиостиль писателя. Применение метода анализа «природы-текста» (nature-text), в основе которого лежит понятие “Umwelt”, способствует «свободе самоинтерпретации», поскольку будь то читатель, писатель или критик каждый имеет собственные уникальные умвельты [8]. Этот метод является эффективным инструментом для понимания творчества Пелевина и его

художественных подходов. Нами предпринята попытка показать, как Пелевин выходит за пределы ограничений реальности и разума, создавая свой уникальный художественный стиль, который сочетает постмодернистский слог, ориентированный на возвращение и разоблачение реальности, с формой научной фантастики, тем самым достигая органического слияния массовизации и остранения в литературном творчестве.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной гуманитарной науке, ориентированной на антропоцентрическую парадигму, решение многих проблем сводится к вопросам: как «живые организмы работают с информацией, каким образом у них осуществляется процесс коммуникации и интерпретации объектов действительности» [2, с. 1].

Исчезновение тела: освобождение от оков конструктивистского разума. Роман описывает цифровое и интеллектуально развитое общество через 300 лет. В это время человечество, стремясь к бессмертию, смогло отделить мозг от тела. Этот технологический прогресс позволяет человеческому мозгу находиться в состоянии бессмертия, погружённым в специальные жидкости внутри резервуаров. Способности такого мозга значительно превосходят контроль над самим собой, что даёт возможность свободной интеграции с виртуальными телами биороботов. Мозг, снабжённый искусственными чипами и носимыми устройствами виртуальной реальности, получает все необходимые условия для нормального функционирования. В отличие от клеток тела, нейроны не подвержены старению, что позволяет человеку вечно существовать в таком состоянии. Люди, решившие пройти процедуру отделения мозга, взаимодействуют с реальностью косвенно, проводя большую часть времени в виртуальном мире. Познание окружающего мира осуществляется через электрические импульсы, аналогичные тем, которые передаются по нервным волокнам. Эти импульсы формируют восприятие запахов, цветов, вкусов, ощущений, мыслей, значений, а также

понятий красоты, уродства, любви и ненависти. Таким образом, так называемые «реальные» чувства в действительности являются результатом передачи и обработки электрических сигналов в мозге. В третьем поколении мозговых чипов были решены задачи подключения мозга к внешним сетям, моделирования тела и окружающего мира, что привело к созданию «Transhumanism Inc.».

Человеческий разум часто является источником научно-технического прогресса, двигателем развития человеческой цивилизации и ключом к познанию и истине. В своём научно-фантастическом романе «Transhumanism Inc.» Пелевин описывает изменения в социальной среде, вызванные развитием технологий, которые даже позволяют достичь бессмертия. Однако прогресс знаний и достижения науки и техники оказывают определённое влияние на природную экологическую среду. Истина и знание, способствуя развитию человеческой цивилизации, неизбежно порождают своего рода «затемнение» и могут даже оказывать негативное воздействие на поведение человека.

Научно-фантастическое творчество Пелевина можно рассматривать как попытку преодолеть реальность с помощью фантастической формы, стремление освободиться от влияния властного дискурса. Представленное описание способов существования человечества в будущем мире вызывает у читателей интерес к размышлению. В состоянии любопытства и поиска необычного читатель ясно ощущает грязь власти и денег, а также видит утрату человечности и разрыв с природной экологической средой, вызванные технологиями в условиях сделки между властью и капиталом.

Технологии, движимые рациональным мышлением, несомненно, являются важной силой в развитии человеческой цивилизации. Однако если технологии контролируются властью и деньгами, принося в жертву экологическую среду и природную гармонию, они неизбежно приведут к катастрофам для человеческого общества, а возможно, и к его уничтожению.

В. Пелевин мастерски объединяет внешне комичные, смешные элементы научной

фантастики, соответствующие вкусам массового читателя, с глубокими размышлениями о философии жизни и смерти. Это сочетание рождает текст, который одновременно легко читается и побуждает к размышлениям читателей о символической реальности человека, который создаёт свой "Umwelt" через символические системы, что отличает его от других живых существ.

Первое впечатление читателя от романа «Transhumanism Inc.» может сложиться как аллегория на современность, где будущее используется для описания жёсткой классовой иерархии реального общества. В мире, где технологии, управляемые человеческим разумом, достигли высочайшего уровня развития, власть и деньги остаются главными инструментами контроля над миром. Те, кто обладают властью и богатством, имеют абсолютное право голоса и являются хозяевами этого общества. В социально стратифицированном современном мире подчиненные не могут превзойти своих начальников. Поэтому обычные люди, не имея возможности противостоять этим структурам, оказываются полностью под контролем тех, кто обладает властью и деньгами как в мышлении, так и в действиях. Даже при попытке изменить это положение им крайне трудно преодолеть жестокую реальность.

Только олигархи и богатые люди могут позволить себе оплатить огромные расходы на хранение мозга в подземных банках. Более того, даже внутри таких банков услуги ранжируются по уровням власти и богатства, обеспечивая разные уровни привилегий. Обычные люди не имеют доступа к этим банкам, превращаясь в биологических людей, которых богачи могут использовать по своему усмотрению. Богатые арендуют их тела и через их мозг и глаза воспринимают окружающий мир. Слуги-биороботы (в романе названы «холопами») обслуживают человека, а человек становится слугой холопа (биоробота).

Мозг олицетворяет мышление, символизируя рациональность. Даже в пост-человеческую эпоху, когда мозг и тело разделены, разум продолжает контролировать тело (и, соответственно, поведение человека). Од-

нако смысл романа выходит далеко за рамки упомянутого. Автор не уделяет слишком много внимания созданию образа главного героя в условиях будущего общества. Вместо этого акцентируется внимание на окружающей среде, то есть на раскрытии структуры будущего общества, составленного из различных персонажей.

В. Пелевин посредством разделения человеческого мозга и тела стремится косвенно отразить взаимоотношения между рациональным мозгом и природным телом. Это побуждает читателей самостоятельно размышлять о плюсах и минусах технологического прогресса. Здесь одновременно присутствуют как достижения рациональной революции, так и самоуверенность разума, порождённая человеческим мозгом, как успехи науки и техники, так и воздействие богатства и власти. Читатели, воспринимая окружающую среду футуристического общества, сами делают выбор и выносят суждения.

Лауреат Нобелевской премии по экономике, экономист и политический философ Фридрих Август фон Хайек (Friedrich August von Hayek, 1899–1992) выделял два типа рационализма: эволюционный рационализм и конструктивистский рационализм. Эволюционный рационализм утверждает, что развитие общества и прогресс цивилизации – это спонтанный эволюционный процесс, а не результат субъективного проектирования человека. Сторонники эволюционного рационализма считают человеческий разум ограниченным и настаивают на том, что социальные реформы должны быть постепенными и экспериментальными. Конструктивистский рационализм, напротив, придерживается противоположной точки зрения [9, с. 4].

Фридрих Август фон Хайек одобряет первый подход, так как он признаёт ограниченность разума и подчёркивает разумное использование человеческого разума. В то же время он подвергает глубокому критическому анализу ограничения конструктивистского рационализма, выступая против чрезмерной самоуверенности разума. По его мнению, искусственные правила, порождённые этим подходом, не соответствуют естественной эволюции общества. Хайек утвер-

ждает, что правила не возникают из разума, но могут создавать разум. Иными словами, рациональность выводится из правил. Однако конструктивистский рационализм, оторванный от структуры и ограничений правил, неизбежно превращается в проявление самонадеянности [10, с. 18].

С точки зрения Хайека, конструктивистский рационализм отражает человеческое высокомерие и противоречит принципу постепенного естественного развития. Многие достижения человеческой цивилизации не являются продуктом рациональности, но, напротив, результатом «природных» процессов, то есть спонтанно возникшими феноменами.

В. Пелевин, будучи писателем, а не теоретиком, естественно, не стремится через своё творчество напрямую критиковать конструктивистский рационализм или поддерживать эволюционный. Однако социальная среда, отражённая в его романе «Transhumanism Inc.» (название гигантской корпорации), имеет определённые параллели с рассуждениями Хайека. Именно это позволяет научно-фантастическую книгу считать одновременно и серьёзным художественным произведением.

«Transhumanism Inc.» – единственная на планете организация, *«которой разрешено собирать AI когнитивностью выше трёх мегатюрингов. Соединить мозг со внешней церебральной сетью, имитирующей одновременно и тело, и мир...»*³. На этой планете *«обычные люди живут с очипованными мозгами»*, а финансовая и интеллектуальная элита (лучшие умы человечества) пребывают в банках в хранилище *«далеко за границей под землёй в Неваде»*. Банки – это специальные, хорошо защищённые капсулы, таинственные миры, которые формируют определённые нейросетевые кластеры: у *«банкиров была своя сеть»*, *«правители <...> давно переехали мозгами в банки»*. Люди в романе существуют ради того, чтобы *«поднять социальный*

³ Здесь и далее цитаты приводятся по электронному изданию: Пелевин В. Transhumanism Inc. Москва: Эксмо, 2021. URL: <https://www.litres.ru/book/viktor-pelevin/transhumanism-inc-transgumanizm-inc-65961689/chitat-onlayn/> (дата обращения: 24.12.2024).

индекс», «социальную мотивацию человека». «А наградой была личная банка».

Эти кластеры отделяют бедняков от сверхбогачей десятью уровнями виртуального существования. При наличии достаточного количества денег такое состояние (когда подземный мозг контролирует чужое тело или находится в симулированной реальности) может продолжаться бесконечно. Практически вся власть принадлежит компании «Transhumanism Inc.», которая обеспечивает население Земли мозговыми имплантами и кукухами (QQ коды) – аналоги будущих смартфонов. С помощью этих умных устройств корпорация оцифровывает нервную деятельность человека, транслирует рекламу прямо в мозг и жёстко контролирует человеческую речь. Строго наказываются те, кто пытается говорить о создателе и руководителе компании «Transhumanism Inc.» Атоне Гольденштерне. Кажется, что богатые и могущественные люди счастливы, поскольку они обрели бессмертие. Однако являются ли по-настоящему счастливыми те, чьи души находятся под контролем, а разум и тело разделены?

Учёный тартуской семиотической школы Тимо Маран в своей статье «К интегрированной методологии экосемиотики: концепция природы-текста» рассматривает метод анализа природы-текста как метод исследования связи между Umwelt и репрезентативным текстом. Он пишет: «Я называю единицу, которая формируется через смысловые отношения двух аналогов, природой-текстом (nature-text). По сравнению с письменным текстом, структура природной среды и её восприятие являются мультимодальными. Поэтому природная среда и письменный текст не соотносятся как два равноправных аналога, но отношение соответствует скорее отношению один ко многим» [11, p. 280].

Следовательно, текст классического писателя должен представлять собой связь «одного ко многим», что отражает связь литературного текста с природной средой. Несмотря на то, что «Transhumanism Inc.» – это научно-фантастический роман, В. Пелевин стремится избежать доминирования субъективности в творчестве, возвращая текст к

природе и предоставляя читателю высокий уровень свободы в интерпретации ответа на вопрос, с которого начинается роман: «С чего начинается человек?»

Научный прогресс человечества, несомненно, приносит пользу, однако он также ведёт к утрате естественности человека, а порой и самой человечности. С глубокой проницательностью В. Пелевин, словно хладнокровный анатом, точно исследует двустороннюю природу разума, раскрывая его положительные и отрицательные аспекты.

С одной стороны, он щедро демонстрирует изумляющие достижения научно-технического прогресса, позволяя читателю ощутить ослепительное сияние человеческого разума. С другой стороны, строки романа пронизаны ностальгией по утерянному естественному состоянию, горькими призывами к восстановлению человечности и горячей жаждой возвращения к природе, к поискам подлинной человеческой сущности.

Этот роман подобен острому хирургическому скальпелю, вскрывающему сложные взаимосвязи между наукой, технологиями, деньгами и властью. В. Пелевин обнажает эти связи перед читателем, не давая прямых ответов, но искусно направляя его к самостоятельным размышлениям над этой важной темой, которая определяет будущее человечества. Роман вдохновляет задуматься о том, как найти путь, который поможет сбалансировать технологии и человечность, власть и природу в бурном потоке научно-технической революции.

Первостепенность человека или природной среды определяет позицию и методы творческой деятельности писателя. В. Пелевин, изображая разделение разума и тела, а также критикуя вызванную этим рациональную самонадеянность, несомненно, подчёркивает стремление к возвращению к природе и освобождению от пут конструктивистского рационализма.

«Умвелът – это мир, к которому организм получает доступ и который он формирует посредством своих специфических сенсорных и двигательных устройств» [12, p. 650]. Природная среда является первостепенной и даже обладает субъектностью.

М.Ю. Лотман писал: «Концепция умвельт Иксклюя кажется странной и нереалистичной: для него органическая жизнь создаёт свою собственную среду обитания, что является наиболее важным; любой объект обладает своей средой обитания, исходя из своих стандартов» [13, р. 34].

Исходя из этого, следует, что умвельт отражает субъектность, а не простой объект, доступный человеческому познанию. В рамках анализа природы-текста когнитивная деятельность человека изначально возникает благодаря природе, без активного воздействия природы когнитивная активность невозможна. Подобно тому, как без ухудшения экологической обстановки человек вряд ли задумался бы о необходимости её охраны. Обратное познание, начинающееся с природы, несомненно, первично, а прямая когнитивная деятельность человека – вторична, тем более что сам человек является лишь частью природы.

Эффект отчуждения: преодоление барьера времени. Отчуждение – это метод художественного исполнения, предложенный немецким драматургом Бертольдом Брехтом. Эффект отчуждения заключается в создании пространственного расстояния, которое позволяет зрителю наблюдать за действием без сильного влияния сюжета, поддерживая дистанцию, чтобы думать более рационально. Брехт утверждал: «Со всеми естественными вещами люди отказываются от понимания»⁴.

Эстетическая ценность литературного произведения достигает большего совершенства благодаря эффекту отчуждения, который возникает между произведением и читателем. Этот метод художественного исполнения уникально применяется писателем В. Пелевиным в его научно-фантастическом романе «Transhumanism Inc.». Однако писатель использует временное отчуждение, позволяя сюжету переключаться между прошлым, настоящим и будущим, создавая психологическую дистанцию в восприятии читателя. Это слияние трёхмерного времени и пространства не только захватывает чита-

теля, но и стимулирует более глубокие размышления. Таким образом, автор прекрасно сочетает сюжет популярной литературы и интеллектуальную глубину серьёзной литературы.

Роман состоит из семи различных историй. В. Пелевин создал семь разных повествовательных временных и пространственных реальностей, которые постоянно взаимодействуют друг с другом, в конечном итоге все они разворачиваются вокруг «Transhumanism Inc.». Сюжет разворачивается вокруг разделения тела и вечной жизни, а высший руководитель трансгуманистической компании Атон Гольденштерн присутствует на протяжении всего романа. Персонажи перемещаются во времени и пространстве, например, бро кукуратор, который появляется в четвёртой главе и в последней главе снова становится главным героем. Ещё более удивительным является то, что один и тот же персонаж олицетворяет прошлое, настоящее и будущее. Например, на обложке книги изображён сидящий в огромной лампе человек будущего мужского пола с одним только телом, немного полноватый, голова которого заменена на нечто напоминающее световой луч. Такой абстрактный и труднопонимаемый образ отражает персонажей произведения и оказывает на читателя сильное визуальное воздействие, создавая эффект отчуждения, тем самым повышая художественную ценность произведения.

Мир иллюзий в романе на самом деле является отражением реального мира. В. Пелевин широко использует метафоры, чтобы изобразить зеркальное отражение действительности. Это, по сути, диалог между настоящим и будущим. В романе Россия названа «Добрый Государством», которое, находясь под защитой Сердобол-большевиков – социалистических евразийских революционных демократов, стало преимущественно экологически чистой цивилизацией с доминирующим матриархатом.

Роман выражает резкую критику существующего капиталистического порядка и его проявлений, таких как политика идентичности, размышляя о реальных источниках конспирологического мышления и выгодо-

⁴ Brecht B. Gesammelte Werke. Germany, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 1967. Vol. 15. 264 p.

получателях межпоколенческих, гендерных и расовых конфликтов. Это проявляется в цивилизации будущего, где наличие национальных государств уже не имеет значения, так как всем управляет высший лидер Атон Гольденштерн.

Роман затрагивает многие противоречивые вопросы реального мира: психические заболевания, садизм, убийства, шизофрения, безумие, изнасилования, ксенофобия, превосходство «белых» людей. Особое внимание уделяется упоминанию евреев и цыган.

В творчестве В. Пелевина отражается взаимодействие времён – настоящего и прошлого, что проявляется не только на уровне быта, но и в описании литературных образов. На его страницах можно встретить множество отсылок к Виктору Гюго, Шекспиру, Толстому, Бунину, Борхесу и другим великим авторам. Например, в начале первой главы мудрая тётя молодой героини говорит: *«– Вот те и фу. В восемнадцать любая девушка думает, что мир – это театр, а она в нём Джульетту играет, по себе помню. А мир вовсе не театр, милая. Мир – это тир. И люди в нём не актеры, а мишени...»*.

В последней главе генерал кукуратор, открыв дверь под яблоней в Эдеме, оказывается за кулисами рая, где он видит шокирующие тайны, связанные с «Гамлетом» Шекспира. Показан способ существования Гамлета в цивилизации постуглеродной эры: глаза Гамлета покрыты пылью, но в банке, которую он держит, заметны признаки жизни – пузырьки и светящееся зелёное вещество. Сам Гамлет сделан из пластика, его затылок разрезан, как долька арбуза. Под слоем анатомически точной ткани череп пуст, а ткани тела кажутся заменёнными пластиком с высочайшей точностью. Эта описанная технология погребения, кажется, действительно существовала в зелёной постуглеродной эпохе, где идеальной основой для консервированных тел служил каркас из досок. В романе появляется персонаж, немецкий писатель Шарабан Мухлюев, который является своеобразным альтер эго самого В. Пелевина. Это позволяет автору скрытно выражать собственные идеи.

В романе присутствуют и буддистские отсылки на идеи о преходящности материальных ценностей, отсылающие к критике потребительства и материализма в романе. Это побуждает читателей задуматься о ценности духовного развития и освобождения от привязанностей. Гольденштерн превращён в главный фетиш сансары. Он спрятал Истину, подсунув всем обман – баночный иллюзорный мир. В финале романа Гольденштерн читает древнюю мысль, которая служит своеобразной «успокоительной пилюлей» для любого живущего: *«Ты не виновен ни в своём появлении, ни в исчезновении. Ты просто электрическое мерцание в сложной биологической лампе – но, чтобы оно имело нужную интенсивность и спектр, лампа должна верить в его реальность всем своим воображаемым сердцем»*. Даже те, кто обладают привилегиями в футуристическом мире, включая самого Атона Гольденштерна, кажутся далёкими от истинного счастья.

Временное измерение является одной из ключевых составляющих классического литературного произведения. С диахронической точки зрения оно охватывает три исторических аспекта: традицию, современность и будущее, создавая их непрерывность. Классичность литературного произведения заключается в его способности быть прочитанным и оценённым в любой эпохе, благодаря чему его художественная жизнь продолжается в историческом потоке.

Научно-фантастическое произведение создаёт новый мир, абсолютно отличный от реального. Этот новый мир обладает уникальной формой времени и пространства. Однако научная фантастика ориентирована на будущее, что создаёт особое временное измерение, находящееся в специфической связи с настоящим. В романе есть отрывок, отражающий взгляд автора на историю: *«История, в конце концов – это просто назначенное людям прошлое. Оно бывает сегодняшнее, бывает вчерашнее, будет и завтрашнее. А жить, как учат нас сетевые гурру, следует исключительно в моменте, и рыпаться из него не надо, потому что он крайне узок, и места на всех может не хватить»*.

Во многих своих произведениях В. Пелевин переносит действие в отдалённое будущее или в эпохи древних цивилизаций, часто использует путешествия в качестве основного сюжета своих произведений, чтобы создать многовременное и многоперспективное повествование, а погоня и преследование главных героев романов не однолинейны. Герои действуют в параллельном пространстве-времени, тем самым становясь динамическими персонажами, развивающими сюжет [14, с. 158]. Научно-фантастический роман «Transhumanism Inc.» является самым ярким примером произведения, использующего многовременные перспективы.

Один из представителей тартуской семиотической школы, Калеви Кулль, подчёркивал, что цель исследований экосемиотики заключается в исследовании семиотических аспектов места и роли природы для человека, то есть отмечал значение природы для человека и степень общения человека с окружающей природой [15, р. 350].

В современном мире стремительного развития высоких технологий, особенно в эпоху восхождения искусственного интеллекта, одним из способов преодоления контроля технологий над человеком и минимизации негативных последствий рациональности становится отказ от конструктивистского рационализма. Концепция “Zero-shot learning” (инновационный подход, позволяющий распознавать и классифицировать объекты, с которыми, например, человек никогда не сталкивался, скажем, во время обучения), становится важнейшим направлением развития искусственного интеллекта. Эта обратная эволюция стремится разрушить существующие образцы и системы знаний, освобождая человека от их влияния и возвращая его к природе.

Если человеческий разум и рациональное мышление ограничены и не способны охватить бесконечность мира, то следует предоставить человеку возможность самому интерпретировать любой текст. Возможно, именно в этом заключается цель романа В. Пелевина «Transhumanism Inc.», в котором есть строки: *«Дважды войти в одну реку нельзя, а вот состариться и подохнуть на её*

берегу без особого труда удаётся любому – и не надо даже особо вникать, тот это берег или нет».

Как бы откликаясь на это утверждение, в финале романа В. Пелевин пишет: *«Великий Атон Гольденитерн развернулся в потоке причин и следствий и начал новое низвержение к узким и слепым человеческим смыслам – чтобы хоть на время забыть всё то, что понял минуту назад».* На протяжении всей жизни человек ищет истину, стремится постичь законы мира и мечтает о величии, о покорении природы и преобразовании вселенной. Но остановившись и оглянувшись назад, он осознаёт, что всё это было лишь иллюзией. По мнению В. Пелевина, человечество на протяжении всей своей истории, каким бы ни был его прогресс, не в силах преодолеть барьеры природы. Прошное, настоящее и будущее – всё подчиняется этому закону.

В романе «Transhumanism Inc.» В. Пелевин обращает взор в будущее, глубоко исследуя проблему вечного существования человека и предлагая гипотетическое видение того, как человечество может взаимодействовать с природой. По его мнению, рациональный мир людей представляет собой гигантскую тюрьму, созданную конструктивистским рационализмом, а каждый человек – это заключённый в этой тюрьме. Развитие человеческой цивилизации – это, в сущности, процесс бесконечного самопорабощения. Любые попытки освободиться от этой системы оказываются тщетными, остаётся лишь приспособиться к её законам.

Обращаясь к теме «трансгуманизм и технологии», В. Пелевин нацеливает взор в будущее, глубоко исследуя проблему вечного существования человека и предлагая гипотетическое видение того, как человечество может взаимодействовать с природой. По его мнению, рациональный мир людей представляет собой гигантскую тюрьму, созданную конструктивистским рационализмом, а каждый человек – это заключённый в этой тюрьме.

Развитие человеческой цивилизации – это, в сущности, процесс бесконечного самопорабощения. Любые попытки освободиться

от этой системы оказываются тщетными, остаётся лишь приспособиться к её законам.

Глубокое изучение произведений В. Пелевина позволяет выявить его уникальную мысль: на протяжении всей своей творческой жизни он писал одну большую Книгу, где центральной темой являются тюрьма и свет. Мир конструктивистского рационализма – это тюрьма, созданная нами самими или кем-то для нас, но мы не спешим выйти из неё, потому что забыли, что свет лампы – это и есть наш собственный свет. В. Пелевин подчёркивает, что только через внутренний свет человеческой души возможно освободиться от оков конструктивистского рационализма и обрести гармонию с природой. В этой книге он предлагает изящный ответ на вопрос о технологическом ограничении человечества и вечной проблеме человеческого существования.

Этическое самосознание в литературном творчестве: уважение к читательскому опыту. Литературное творчество традиционно рассматривается как отражение социальной жизни через текст, то есть процесс текстуализации быта. В.Б. Шкловский отмечал, что «Приём искусства заключается в остранении предмета, в усложнении формы и увеличении времени восприятия. Процесс ощущения становится самоцелью эстетики, он должен быть продлён. Искусство – это способ переживания художественной конструкции предмета, а не самого предмета» [16, р. 12].

Чем выше степень остранения текста, тем выше его художественность. Напротив, произведения, насыщенные элементами бытовой жизни, хотя и легко воспринимаются читателем, зачастую уступают в уровне художественной выразительности. На самом деле любое литературное творчество редко бывает непосредственным переживанием жизни самим автором. В большинстве случаев писатель опирается на письменные источники или устные тексты, преобразуя их из неэстетического языкового материала в образный, наполненный эстетическим смыслом художественный текст.

Очевидно, что литературное творчество формируется в сознании писателя, где первоначальной формой произведения является

своего рода «текст мозга». Как известно, мозг человека делится на два полушария: левое, отвечающее преимущественно за рациональное мышление, и правое, где зарождаются эмоции, интуиция и творческое вдохновение. Взаимодействие этих двух полушарий формирует «текст мозга». Классические писатели, приступая к литературному труду, сначала в левом полушарии формируют чёткое намерение и под влиянием рационального мышления входят в состояние творческого поиска. Однако, полностью погружаясь в процесс, они постепенно переходят в состояние крайнего эмоционального подъёма, связанного с активацией правого полушария. В этом состоянии писатель теряет контроль над собственным замыслом и вступает в сферу иррационального творчества. Подобное состояние может привести к созданию сюжетов и персонажей, не соответствующих изначальному замыслу автора. Так, например, Лев Толстой планировал изобразить Анну Каренину как женщину, утратившую нравственные устои, но вместо этого создал героиню, стремящуюся к новой жизни. Александр Пушкин, размышляя о Татьяне, героине своего романа в стихах «Евгений Онегин», говорил, что она его удивила: «Представь, какую штуку удрала со мной моя Татьяна! Она замуж вышла. Этого я никак не ожидал от неё»⁵.

Сам В. Пелевин в интервью также отмечал: «С книгами всё происходит, по-моему, примерно так же. Писать книгу без чётко продуманного плана гораздо интереснее... если сначала придумать весь роман как схему, а потом заполнять его текстом, это будет смертельно скучно... именно в этом для меня заключена прелесть этого занятия, это как прогулка в ночном лесу, когда не знаешь, что произойдёт через час»⁶.

Тимо Маран, говоря о методе анализа природы-текста, подчёркивает отношение

⁵ Эти слова записал со слов Л.Н. Толстого Н.Н. Гусев; см.: Гусев Н.Н. Л.Н. Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885. Москва, 1970. С. 200.

⁶ 46 интервью с Пелевиным // CoolLib: сайт. <https://coollib.in/b/652176-viktor-olegovich-pelevin-ras-skazy-i-povesti-romanyi/read> (дата обращения: 24.12.2024).

«одно ко многим» между письменным текстом и природной средой [11, с. 280]. Если творчество писателя отражает собственный умwelt, то создаётся художественное пространство, способное высвобождать собственные смыслы. Природная среда многомерна в восприятии, что порождает несоответствие между итогами творчества и первоначальной задумкой. В рамках метода анализа природы-текста творчество рассматривается как процесс постоянного возвращения к природе и умweltу. Этот процесс происходит также в сознании писателя, представляя собой постепенную миграцию от рационального мышления левого полушария к эмоциональному восприятию правого полушария.

Роман В. Пелевина «Transhumanism Inc.», являясь продуктом субъективного рационального мышления писателя, наделён субъективностью. Такая субъективная фантастика привлекает читателей в мир будущего. Однако возвращение к природе, к умweltу, в данном контексте относится не столько к объекту творчества, сколько к подходу и методу творчества, позволяющему читателю интерпретировать текст в естественном состоянии. В. Пелевин не стремится направлять читателя к однозначным отсылкам к реальности, напротив, он восстанавливает умwelt каждого читателя, даже если это умwelt будущего, предоставляя читателю свободу интерпретации.

Задача писателя – не контролировать читателя, а дать ему свободу выбирать любой угол зрения. Причём дело не только в банальной невозможности читателя понять, что же на самом деле думает трикстер (древний архетип персонажа, встречающийся в мифологии, фольклоре и литературе). Последняя глава романа содержит фразу: *«Запомните: возле слова «Elsinore» ещё можно повернуть. Но потом... Не все яблоки познания одинаково полезны...»*.

Описанная в книге практика разделения мозга и тела, где мозг погружён в специальную жидкость, вызывает сомнение в возможности переживания счастья. Это, скорее, подчёркивает искусственность и ограниченность такого существования. С точки зрения этических и эстетических функций литерату-

ры, предоставление читателю свободы интерпретации, «отпущение» его от жёстких авторских установок, а также возвращение к природному состоянию восприятия являются выражением этического подхода в литературном творчестве. Такая открытая форма искусства, которая избегает навязывания морали или взглядов, оставляет пространство для индивидуального восприятия и осмысления. Это делает её более этичной, чем произведения, прямо внушающие читателю определённые идеи.

Задача писателя – не закрепить значение «идеи» слова, а освободить его, предоставляя читателю максимально широкий простор для его интерпретации. Литературное творчество, согласно этому подходу, не должно направлять эмоциональный отклик читателя в заранее определённое русло, напротив, оно должно избегать навязывания конкретных эмоций. Чем меньше автор пытается управлять чувствами читателя, тем больше возможностей тексту высвободить богатство эмоциональных оттенков.

Трансгуманизм – это не пустая болтовня, оторванная от человека, наоборот, он акцентирует внимание на познании и существовании человека. Независимо от того, как будущие технологии изменят человечество, человек останется частью природы. Что касается творчества природы-текста, его миссия не заключается только в рисовании картины возвращения к природе или слияния с окружающей средой. Более важно, чтобы текст построил прочную защиту для духовного мира читателя, чтобы не допустить вторжения субъективных и односторонних идей, которые могут нарушить восприятие мира читателем.

Анализируя природу-текст, с одной стороны, необходимо глубоко изучить процесс, в котором созидание «мозгового текста» раскрывает естественный процесс, то есть переход от логически направленного мышления левого полушария к интуитивному и эмоциональному восприятию правого полушария. С другой стороны, важно заботиться о настрое чтения, чтобы читатели всегда находились в естественном, расслабленном со-

стоянии восприятия, не подвергаясь лишним внешним вмешательствам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже XX–XXI веков возвращение к природе стало одной из главных тем в академическом научном мире. Учёные московско-тартуской школы стали разрабатывать теорию экологической семиотики и метод анализа «природы-текста» (nature-text) с фокусом на возвращение к «окружающему миру» (Umwelt).

Роман «Transhumanism Inc.» В. Пелевина, написанный в форме фантастических рассказов, является инновационным в плане структуры и отражает характерный идиостиль писателя: освобождение от оков конструктивистского разума, эффект отчуждения, преодоление барьера времени, сочетание постмодернизма, буддистских мотивов и фантазмагии, что в целом способствует развитию идей защиты когнитивной «экологии».

Научно-технический прогресс, взаимодействие человека и природной среды способствуют тому, что В. Пелевин не случайно акцентирует внимание на поведенческом

пространстве человека в окружающем мире, экологическом сознании читателя. Чтобы объективно познавать природу и ощущать действительный мир как инструмент совершенствования, читателю необходимо задуматься о том, чтобы иметь свой собственный умwelt (единство организма и природной среды во взаимодействии), который репрезентирует свое восприятие окружающего мира и свою реакцию на это восприятие.

Взгляд писателя на моделирование окружающей действительности лежит в основе его умwelt, формирующего «природу-текста», заставляющего читателей задуматься о грядущих перспективах достижений технологий, о разоблачении техногенной реальности и приобщении сознания человека к экологическому состоянию.

Научно-фантастический роман «Transhumanism Inc.» получил признание среди широкой аудитории читателей и критиков по многим причинам, среди которых обращают на себя внимание, во-первых, сочетание элементов массового романа и серьёзной литературы, во-вторых, отражение широкого эмоционального спектра у читателя от удивления и раздражения до жалости и восхищения.

Список источников

1. Алтынбаева Г.М. Проблема взаимоотношений человека и искусственного интеллекта в романах Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.», «iPhuck 10», «Transhumanism Inc.» // Филология и человек. 2023. № 4. С. 215–225. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2023\)4-14](https://doi.org/10.14258/filichel(2023)4-14), <https://elibrary.ru/ceaxyc>
2. Зарубин Д.Д. Umwelt как моделирование мира // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 3 (51). Ст. 9. <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.51.1>, <https://elibrary.ru/jvcrpa>
3. 王树福. 佩列文：一个后苏联时期的文学标本 // 俄罗斯文 (Ван Ш. Виктор Пелевин: типичный образец постсоветской литературы // Русская литература и искусство). 2013. № 3. С. 36–43.
4. Ши Ф., Ли С. Восприятие В. Пелевина и изучение его творчества в Китае // Litera. 2023. № 10. С. 1–10. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.10.44199URL>, <https://elibrary.ru/yrjnym>
5. 郑晓婷. 维克多·佩列文与东方后现代主义 // 外国文学动态研究 (Чжэн С. Виктор Пелевин и восточный постмодернизм // Новые перспективы мировой литературы). 2022. № 1. С. 68–76.
6. Бушев С.А. Концепция Umwelt Якоба фон Икскулья и формирование биосемиотики // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2008. № 2. С. 82–87. <https://elibrary.ru/jvguif>
7. Князева Е.Н. Понятие «Umwelt» Якоба фон Икскулья и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 30–44. <https://elibrary.ru/ttcors>
8. Тинтин Яо, Линь Е. О методе анализа «природы-текста» в этической литературной критике // Неофилология. 2024. Т. 10. № 3. С. 625–633. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-3-635-633>, <https://elibrary.ru/bezwcm>
9. Лэй Янь, Ляо Инцонг. Смирение и хитрость разума – сравнение эволюционного рационализма Хайека и конструктивистского рационализма // Журнал Сычуаньского института профессиональных технологий. 2009. Т. 19. № 1. С. 4–6.

10. Ли Гунъюань. Критика «рационализма» от Хайека до Поппера и его плюсы и минусы // Журнал Хэнаньского технологического университета. 2010. Т. 6. № 3. С. 17-20.
11. Maran T. Towards an integrated methodology of ecosemiotics: the concept of nature-text // Sign Systems Studies. 2007. Vol. 35. № 1-2. P. 269-294. <https://doi.org/10.12697/SSS.2007.35.1-2.10>
12. Magnus R., Kull K. Roots of culture in the Umwelt // The Oxford Handbook of Culture and Psychology. New York: Oxford University Press, 2012. P. 649-661. <https://doi.org/10.1093/oxfordhdb/9780195396430.013.0030>
13. Lotman M. A few notes on the philosophical background of the Tartu school of semiotics // European Journal of Semiotic Studies. 2000. Vol. 12. № 1. P. 23-46. https://www.academia.edu/4120350/A_Few_Notes_on_the_Philosophical_Background
14. Чжэн С. Виктор Пелевин и восточный постмодернизм // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 154-161. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_2_857_154, <https://elibrary.ru/ubuogy>
15. Kalevi K. Semiotic ecology: Different natures in the semiosphere // Sign Systems Studies. 1998. Vol. 26. № 1. P. 344-371. <http://dx.doi.org/10.12697/SSS.1998.26.15>
16. Shklovsky V. Art as Technique // Russian Formalist Criticism. Four Essays. Lincoln: University of Nebraska Press, 1965. 143 p.

References

1. Altynbaeva G.M. The relationship between human and artificial intelligence in Victor Pelevin's novels "S.N.U.F.F.", "iPhuck 10", "Transhumanism Inc.". *Filologiya i chelovek = Philology & Human*, 2023, no. 4, pp. 215-225. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/filichel\(2023\)4-14](https://doi.org/10.14258/filichel(2023)4-14), <https://elibrary.ru/ceaxyc>
2. Zarubin D.D. Umwelt as a modelling of the world. *Rossiiskii lingvisticheskii byulleten' = Russian Linguistic Bulletin*, 2024, no. 3 (51), Art. 9. (In Russ.) <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.51.1>, <https://elibrary.ru/jvcrpa>
3. Van Sh. Viktor Pelevin: a typical example of post-Soviet literature. *Russkaya literatura i iskusstvo = Russian Literature and Art*, 2013, no. 3, pp. 36-43. (In Chinese)
4. Shi F., Li S. Perception of V. Pelevin and the study of his work in China. *Litera*, 2023, no. 10, pp. 1-10. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.10.44199URL>, <https://elibrary.ru/yrjnym>
5. Chzhehn S. Victor Pelevin and Eastern postmodernism. *Novye perspektivy mirovoi literatury = New Perspectives on World Literature*, 2022, no. 1, pp. 68-76. (In Chinese)
6. Bushev S.A. Umwelt conception of Jacob von Uexkull and forming of biosemiotics. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya = Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2008, no. 2, pp. 82-87. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jvguif>
7. Knyazeva E.N. J. von Uexkull's concept of Umwelt and its significance for the modern epistemology. *Voprosy filosofii = Matters of Philosophy*, 2015, no. 5, pp. 30-44. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ttcors>
8. Tintin Ya., Lin E. On the method of analyzing the "nature-text" in ethical literary criticism. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 625-633. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-3-635-633>, <https://elibrary.ru/bezwcm>
9. Lehi Ya., Lyao I. Humility and cunning of reason – a comparison of Hayek's evolutionary rationalism and constructivist rationalism. *Zhurnal Sychuan'skogo instituta professional'nykh tekhnologii = Journal of Sichuan Institute of Professional Technology*, 2009, vol. 19, no. 1, pp. 4-6. (In Russ.)
10. Li Gunyuan. Critique of "rationalism" from Hayek to Popper and its pros and cons. *Zhurnal Khehnan'skogo tekhnologicheskogo universiteta = Journal of Henan University of Technology*, 2010, vol. 6, no. 3, pp. 17-20. (In Russ.)
11. Maran T. Towards an integrated methodology of ecosemiotics: the concept of nature-text. *Sign Systems Studies*, 2007, vol. 35, no. 1-2, pp. 269-294. <https://doi.org/10.12697/SSS.2007.35.1-2.10>
12. Magnus R., Kull K. Roots of culture in the Umwelt. In: *The Oxford Handbook of Culture and Psychology*. New York, Oxford University Press, 2012. pp. 649-661. <https://doi.org/10.1093/oxfordhdb/9780195396430.013.0030>
13. Lotman M. A few notes on the philosophical background of the Tartu school of semiotics. *European Journal of Semiotic Studies*, 2000, vol. 12, no. 1, pp. 23-46. https://www.academia.edu/4120350/A_Few_Notes_on_the_Philosophical_Background

14. Chzhehn S. Victor Pelevin and Eastern postmodernism. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2022, no. 2, pp. 154-161. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_2_857_154, <https://elibrary.ru/ubuogy>
15. Kalevi K. Semiotic ecology: Different natures in the semiosphere. *Sign Systems Studies*, 1998, vol. 26, no. 1, pp. 344-371. <http://dx.doi.org/10.12697/SSS.1998.26.15>
16. Shklovsky V. Art as Technique. In: *Russian Formalist Criticism. Four Essays*. Lincoln, University of Nebraska Press, 1965, 143 p.

Информация об авторах

ЛЮ Итун, аспирант, кафедра русского языка и литературы, Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика, <https://orcid.org/0009-0008-3647-2292>, 18845796548@163.com

ВАН Синь, аспирант, кафедра русского языка и литературы, Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика, <https://orcid.org/0009-0008-3708-0530>, nnuwangxin@163.com

Для контактов:

Ван Синь

e-mail: nnuwangxin@163.com

Поступила в редакцию 19.01.2025

Поступила после рецензирования 01.03.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Yitong Liu, Post-Graduate Student, Russian Language and Literature Department, Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China, <https://orcid.org/0009-0008-3647-2292>, 18845796548@163.com

Xin Wang, Post-Graduate Student, Russian Language and Literature Department, Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China, <https://orcid.org/0009-0008-3708-0530>, nnuwangxin@163.com

Corresponding author:

Wang Xin

e-mail: nnuwangxin@163.com

Received 19.01.2025

Revised 01.03.2025

Accepted 06.03.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 070.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-492-502>

Шифр научной специальности 5.9.9

Теоретические особенности интеграции медиацентров в условиях развития современных школ

Полина Андреевна Ваккер

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр-кт Ленина, 61

 vpa@mc.asu.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Рассмотрены теоретические аспекты интеграции медиацентров в современные школы России и их роль в модернизации структуры медиапотребления. В условиях цифровизации и изменения образовательных подходов медиацентры становятся важным инструментом для формирования критического мышления и медиаграмотности у учащихся. Цель исследования – определить ключевые подходы к интеграции медиацентров в образовательную систему и оценить их влияние на учебный процесс. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Используются теоретический анализ, систематизация данных, сравнительный анализ существующих моделей интеграции медиацентров, а также анкетирование и интервьюирование педагогов и учащихся. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Анализ показал, что успешная интеграция медиацентров способствует повышению качества образования, развитию медиакультуры и формированию у учащихся навыков критического анализа информации. Выявлены основные факторы, влияющие на эффективность работы медиацентров, включая технологическую инфраструктуру и уровень подготовки педагогов. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Интеграция медиацентров в образовательную систему России требует комплексного подхода, включающего модернизацию инфраструктуры и обучение педагогов. Будущие исследования могут быть направлены на разработку методик эффективного использования медиацентров в образовательном процессе.

Ключевые слова: интеграция, медиацентр, развитие, модернизация, медиапотребление, теоретические особенности, образовательная система

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: П.А. Ваккер – постановка проблемы исследования, анализ научной литературы по проблематике, сбор эмпирических данных, обработка данных, написание черновика рукописи, оформление рукописи статьи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ваккер П.А. Теоретические особенности интеграции медиацентров в условия развития современных школ // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 492-502. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-492-502>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-492-502>

OECD 5.08; ASJC 3315

Theoretical features of integration of media centers in the context of modern schools development

Polina A. Vakker

Altai State University
61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation
 vpa@mc.asu.ru

Abstract

INTRODUCTION. The theoretical aspects of integrating media centers in modern Russian schools and their role in modernizing media consumption structures are explored. In the context of digitalization and evolution of educational approaches, media centers become crucial tools for fostering critical thinking and media literacy among students. The study aims to identify key approaches to integrating media centers into the educational system and assess their impact on the learning process. **MATERIALS AND METHODS.** Theoretical analysis, data systematization, comparative analysis of existing media center integration models, as well as surveys and interviews with teachers and students are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** The findings indicate that successful media center integration enhances education quality, promotes media culture, and develops students' critical information analysis skills. Key factors influencing media center effectiveness include technological infrastructure and teacher training level. **CONCLUSION.** Integrating media centers into the Russian education system requires a comprehensive approach, including infrastructure modernization and teacher training. Future research could focus on developing methodologies for effectively utilizing media centers in the educational process.

Keywords: integration, media center, development, modernization, media consumption, theoretical features, educational system

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: P.A. Vakker – research problem statement, analysis of scientific literature data on the problem, empirical data collection, data processing, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Vakker, P.A. Theoretical features of the integration of media centers in the conditions of modern schools development. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):492-502. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-492-502>

ВВЕДЕНИЕ

Медиакоммуникативное пространство представляет собой совокупность меньших коммуникативных сфер, которые формируют самовоспроизводящуюся систему, структурированную вокруг средств коммуникации и интересов участников этого процесса. Среди характерных особенностей медиакоммуникативного пространства можно выделить формирование трендов и перенимание ролевых моделей в онлайн-формате, быструю смену фокуса внимания, дискретное восприятие информации, замену текстовых сообщений визуальными образами, виртуализацию информационного пространства, а также сдвиг от индивидуального восприятия информации и формирования личного мнения к коллективному восприятию и реакции.

Медиакоммуникативное пространство вуза представляет собой обширную цифровую среду, в которой центральную роль играют «новые медиа». В контексте статьи М.В. Ягодкиной, медиакоммуникативное пространство образовательной организации может включать такие элементы, как использование личных страниц или официальных сайтов вуза в качестве медиа-платформ, появление рекомендательных сервисов, которые собирают информацию о предпочтениях пользователей и формируют их интересы, создание открытых интернет-сообществ, основанных на общих ценностях, целях и интересах [1]. Важно отметить, что в современном образовательном процессе студенты ощущают себя частью таких сообществ, что способствует укреплению их лояльности к вузу и повышению доверия к получаемой информации.

Современные университеты придают большое значение формированию позитивного имиджа среди различных групп аудитории, включая студентов, их родителей, социальных партнёров и потенциальных абитуриентов. В этих условиях медиаплатформы образовательных учреждений становятся все более значимыми. В наше время хорошо организованное медиапространство вуза играет ключевую роль, так как многие решения, особенно касающиеся выбора учебного заве-

дения, основаны не только на личном опыте, но и на информации, поступающей из внешних медиаплатформ.

Таким образом, одно из основных направлений повышения конкурентоспособности образовательных учреждений заключается в эффективном взаимодействии с целевыми аудиториями через онлайн-медиа, как с внутренними (студентами), так и с внешними (родителями, абитуриентами) социальными партнёрами. Студенческие медиацентры могут сыграть важную роль в решении задачи формирования положительного имиджа университета среди студентов, демонстрируя заботу учебного заведения о профессиональном развитии своих учеников. Через участие студентов в деятельности медиацентра возможно не только развитие их компетенций, но и активное участие в формировании и распространении имиджа учебного заведения.

Кроме того, не только весь университет в целом, но и его структурные подразделения, занимающиеся подготовкой специалистов в области социальных коммуникаций, такие как кафедры по направлениям «Реклама» и «Связи с общественностью», могут организовать независимые студенческие медиа, что также окажет содействие в решении вопросов формирования имиджа как вуза, так и отдельных его подразделений. Студенческие медиацентры, таким образом, играют важную роль в повышении конкурентоспособности образовательных учреждений, способствуя формированию положительного имиджа вуза и его структурных подразделений среди целевых аудиторий через онлайн-платформы.

Цель – исследовать теоретические особенности интеграции медиацентров в современных школах России, а также выделить ключевые подходы к формированию эффективной структуры медиапотребления в образовательных учреждениях.

Задачи исследования – оценить роль медиацентров в образовательном процессе, изучить влияние медиацентров на медиакультуру и медиапотребление учащихся, анализировать факторы, влияющие на успешную интеграцию медиацентров в школьную практику, разработать рекомендации по

улучшению структуры медиапотребления в школах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе исследования были применены различные методы, позволяющие всесторонне изучить процесс интеграции медиацентров в образовательную практику современных школ России. Основным методом являлся теоретический анализ, включающий изучение научной литературы, нормативно-правовых актов, стратегий цифровизации образования и существующих моделей медиапотребления в учебных заведениях. Анализ научных источников позволил выявить ключевые тенденции в развитии школьных медиацентров, определить их роль в образовательном процессе и систематизировать существующие подходы к их внедрению.

Важным этапом работы стала систематизация данных, полученных в результате анализа литературных и эмпирических источников. Данный метод позволил структурировать информацию, выделить основные факторы, влияющие на успешную интеграцию медиацентров, а также определить потенциальные барьеры, препятствующие их эффективному функционированию в школах.

Для более глубокого понимания практических аспектов интеграции медиацентров использовался сравнительный анализ существующих моделей, реализованных в различных образовательных учреждениях. Это позволило выявить сильные и слабые стороны различных подходов, а также разработать рекомендации по их совершенствованию.

Кроме того, был проведён эмпирический этап исследования, включавший анкетирование и интервьюирование педагогов и учащихся. Анкетирование позволило собрать количественные данные о восприятии школьниками и учителями роли медиацентров в образовательном процессе, их потребностях и ожиданиях в отношении использования медиаресурсов. Интервью с педагогами предоставили возможность глубже понять организационные аспекты работы медиацентров, а также выявить ключевые вызовы, с

которыми сталкиваются образовательные учреждения при их интеграции.

Генеральной совокупностью исследования выступали участники школьных медиацентров. Данный этап был осуществлён посредством метода отбора на основе принципа удобства, который заключается в формировании выборки самым удобным с позиций исследователя образом, в нашем случае это обусловлено проведением краевого форума «В ритме жизни», в рамках которого была собрана эмпирическая база исследования. Выборочную совокупность участников школьных медиацентров составили 242 человека. Анкетирование проводилось в очном формате при регистрации на медиафорум. Бланк анкеты состоял из приветственного слова, трёх смысловых блоков (особенности медиапотребления, медиаграмотность и опыт взаимодействия с медиацентрами) и паспортной, содержащей вопросы социально-демографического характера. Распределение смысловых блоков исследования обусловлено эмпирическими задачами данной работы. Глубинное интервью было проведено с десятью руководителями медиацентров, результаты которого представили качественную базу эмпирических данных исследования.

Таким образом, комплексное использование теоретических и эмпирических методов исследования обеспечило всесторонний анализ изучаемой проблемы, что позволило сформировать научно обоснованные выводы и разработать практические рекомендации по совершенствованию системы медиапотребления в школах России.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие «медиацентра» расширяется в контексте медиаобразования, и в научной литературе на данный момент отсутствует единое определение медиацентра в рамках медиаобразовательного процесса. В статье И.В. Романова и В.А. Матаниса приводится определение, согласно которому «медиацентры обычно рассматриваются как подразделения, занимающиеся электронным документооборотом, внутренней коммуникацией между подразделениями, управлением элек-

тронной образовательной средой, а также предоставлением мультимедийных средств для образовательных нужд» [2].

Студенческий медиацентр можно рассматривать как структуру, поддерживающую медиаобразовательную деятельность через реализацию различных проектов, способствующих распространению информации об учебном заведении в медиасреде. Примеры университетов с медиацентрами включают Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Тюменский индустриальный университет, Уральский федеральный университет и др. [3]. Медиацентры в этих учебных заведениях могут функционировать по-разному: от пресс-служб и студенческих редакций до журналистских кружков. Основной задачей таких медиацентров является создание и распространение качественного медиаконтента через различные каналы, доступные учебному заведению.

Медиацентр образовательной организации, по мнению Н.А. Кузьминой, рассматривается как среда для создания медиаконтента и формирования инфокультуры учащихся [4]. Главной целью медиацентра является развитие медиаконвергентных навыков и нового уровня медиавосприятия среди студентов с использованием современных медиаресурсов и создания качественного медийного контента.

Одним из актуальных научных трудов в этой области является диссертация А.А. Геворгян под названием «Молодёжные внутривузовские СМИ как типологический медиаобразовательный и медиакоммуникативный ресурс», в которой рассматривается значимость молодёжных внутривузовских СМИ для образовательного и коммуникационного процесса.

А.А. Геворгян в соавторстве с Н.А. Нариманян исследуют различные типы этих медиаресурсов, их влияние на студентов, а также их роль в формировании медиакомпетентности и развитии коммуникативных навыков у молодёжи. Исследователями проведён теоретический анализ понятий «молодёжные внутривузовские СМИ» и «медиаоб-

разование», опираясь на актуальные исследования в области медиакоммуникаций и образования [5]. Также составлена классификация типов молодёжных СМИ в вузах по различным критериям, включая форматы, направления деятельности и цели [5].

Студенческие медиацентры играют важную роль в университете, выполняя функции информационной поддержки, организации мероприятий, коммуникации, образования и социализации. Они помогают студентам развивать навыки работы с медиа, участвовать в научных исследованиях и культурных проектах, а также играют значимую роль в формировании сообщества и поддержке профессиональной ориентации студентов. В России из более чем 1000 вузов только около 100 имеют медиацентры, что подчёркивает значимость их дальнейшего развития [6]. Медиацентры могут стать важными площадками для обмена знаниями и опытом, проведения научных конференций и культурных мероприятий, играя важную роль в развитии университетской среды.

Современные средства массовой коммуникации, включая онлайн-платформы, социальные сети и аудиовизуальные источники информации, играют ключевую роль в обмене данными и взаимодействии в глобальном масштабе. Эти инструменты коммуникации становятся центром обмена информацией, охватывая все сферы социальной и профессиональной жизни. Согласно исследованиям, число пользователей Интернета в России продолжает увеличиваться. Например, данные фонда общественного мнения показывают, что доля интернет-пользователей составляет 64 % ежедневно, 70 % еженедельно и 74 % ежемесячно [7].

Опыт университетов и сузов в Благовещенске Амурской области показывает, что активными участниками таких медиаорганизаций чаще всего являются студенты в возрасте 18–20 лет [8]. Молодёжь благодаря своему возрасту лучше понимает текущие тренды и обладает высокой способностью к быстрому распространению информации в Интернете [9].

Медиацентры объединяют студентов, стремящихся к развитию и улучшению репу-

тации своего учебного заведения. Они также стремятся информировать студентов и преподавателей о событиях в студенческом сообществе, организации различных мероприятий. Участие в медиацентре помогает студентам развивать и совершенствовать профессиональные навыки, которые будут полезны в их будущей карьере. Кроме того, такие центры позволяют выявлять и поддерживать талантливых студентов через проведение различных конкурсов и мероприятий в области информационных технологий [10].

Продукция медиацентров ориентирована на представителей «цифрового поколения», учитывая их особенности восприятия и психологии. Для создания эффективной структуры медиацентра необходимо учитывать, какие функции и задачи должны быть поручены для раскрытия творческого потенциала студентов в сфере медиа. Например, в Чувашском государственном педагогическом университете им. И.Я. Яковлева медиацентр Studline сосредоточен на информационной деятельности для молодёжной аудитории, используя различные форматы в социальных сетях¹. При этом важным является соблюдение в университете законов о рекламе, СМИ и других правовых норм, что требует обязательного согласования материалов перед их публикацией.

Рассмотрим более детально взаимодействие студентов с медиацентром на примере Положения о студенческом медиацентре «СтудентЪ» гуманитарного института Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова в г. Северодвинск. Согласно этому положению, стать участником медиацентра может любой студент гуманитарного института, независимо от формы обучения. Медиацентр не ограничивается только взаимодействием со студенческими объединениями, но и активно сотрудничает с различными подразделениями университета, включая филиалы и институты. Также осуществляется сотрудничество с медиацентрами других вузов и местными

СМИ, в том числе молодёжными редакциями².

Современные тенденции показывают, что происходит переход от традиционной словесной модели коммуникации к культуре, ориентированной на визуальные образы. Этот процесс от устного общения к визуальному восприятию усиливает медийное влияние и делает визуальное восприятие доминирующим [11]. Студенты сегодняшнего дня представляют собой «цифровое поколение», чья жизнь проходит в цифровом пространстве, которое насыщено медиаресурсами, такими как социальные сети, блоги и различные интернет-платформы. Медиацентр университета становится важным центром активности, который способствует раскрытию творческого потенциала студентов и поддерживает их вовлечённость в академическую и культурную жизнь высшего учебного заведения.

Л. Манович, исследуя этот феномен, определяет «новые медиа» как отражение изменений в коммуникационных и социальных взаимодействиях, вызванных развитием информационных технологий³. В этой области выделяются такие формы, как «мультимедийная журналистика» и «конвергентная журналистика», которые требуют использования подкастов, фотографий, ведения блогов и активного взаимодействия через социальные сети и форумы для вовлечения аудитории в создание контента.

Конкуренция среди образовательных учреждений за привлечение студентов подчёркивает необходимость модернизации их веб-присутствия. Веб-сайт представляет собой набор страниц, содержащих текстовую, графическую и другую информацию, доступную для просмотра в Интернете [12]. Акценты на медийную и информационную грамотность молодёжи, а также на развитие эффективных навыков общения становятся приоритетными

¹ Студенческий медиацентр // Наука. Образование. Студенчество. URL: <https://studentsmi.ru/mmc/> (дата обращения: 20.11.2024).

² Положение медиацентра «СтудентЪ» гуманитарного института // САФУ: официальный сайт. URL: <https://narfu.ru/sf/sevgi/education/newspaper/polozh.php> (дата обращения: 20.11.2024).

³ Манович Л. Язык новых медиа. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.

задачами современного образования, ориентированного на цифровое поколение [13].

А.Р. Левинская выделяет несколько личностных компетенций, которые формируются у студентов в процессе внеучебной деятельности [14]. Среди них – фокус на результате и продуктивности, когда студенты стремятся улучшить свои результаты, превзойти других, достигать значительных успехов, решать сложные задачи, а также проявлять инициативу и генерировать новые идеи. Коммуникативная компетентность включает в себя способность понимать потребности других, воспринимать их мысли, давать и принимать обратную связь, а также выявлять скрытые мотивы в межличностных отношениях. Также важной является способность управлять отношениями и разрешать конфликты [15].

На этапе разработки контент-плана определяются основные темы, форматы контента и расписание публикаций. Важно учитывать специфику университетской среды и актуальность материалов для студентов, чтобы информация была не только полезной, но и интересной для аудитории [16].

Производство разнообразного и качественного контента является важной составляющей работы медиацентра. Это включает в себя подготовку текстов, фото, видео и графических материалов.⁴ В этом процессе участвуют редакторские группы, фотографы, видеографы и другие специалисты, которые совместно разрабатывают привлекательные и информативные материалы, отвечающие потребностям аудитории [17].

В Алтайском государственном университете есть медиакомьюнити. МедиаHub – это модель инновационной лаборатории, позволяющей реализовать любые идеи посредством взаимодействия подразделений: бизнес, медиа, информационные технологии, образование, творчество, менеджмент и прочие необходимые элементы системы, которые соответствуют стратегии реализации

конкретного комьюнити. МедиаHub позволяет применять технологии и совместное обучение, способствуя более глубокому пониманию молодёжью потребления, производства и критики медиа. Участники лаборатории создают и реализуют различные проекты медийной, образовательной и научной направленности.

Общий принцип работы медиакомьюнити состоит в реализации наставничества, где применима модель: школа–вуз–работодатель. Происходит передача опыта от профессионального состава преподавателей школьникам, студентам, вовлечение в медиапроизводство и соучастие в создании различных медиапродуктов. Такое взаимодействие позволяет объединить профессионализм и идеи начинающих специалистов, раскрыть в полной мере их потенциал.

Медиакомьюнити Алтайского государственного университета работает в нескольких направлениях. Интерактивная среда обучения позволяет организовать практикумы и семинары, на которых эксперты в области медиаисследований, журналистики и цифрового контента содействуют молодёжи в практической реализации их концепций контента – видео, блогов и подкастов.

Организован широкий доступ к ресурсам лаборатории: цифровая библиотека и современное оборудование, позволяющее создавать digital-продукты. Также медиакомьюнити поддерживает совместные проекты, в которых молодёжь может совместно работать над анализом источников медиа, разработкой оригинального медиаконтента и проведением исследований по воздействию медиа на общество.

Необходимо отметить и такую важную функцию МедиаHub, как обеспечение условий неформального общения обучающихся, студентов и их преподавателей: обратная связь позволяют студентам давать и получать конструктивную критику и отзывы, что ориентирует их в медиапространстве и делает экспертами в действующей области знания.

Более того, разнообразные медиапродукты, подготовленные участниками медиакомьюнити, создают имидж университету как современной образовательной площадке,

⁴ Образовательный и культурный проект «Организация студенческих медиа» // Бегемот. URL: <https://begemot.ai/projects/725516-organizaciia-studenceskix-media?ysclid=m9b2ejx9no801434960> (дата обращения: 08.11.2024).

использующей современные цифровые технологии. Участие студентов в разнообразных конкурсах, проектах, научных мероприятиях позволяет университету заявить о своих достижениях, сформировать положительный имидж во внешней среде.

Вовлечённость участников в деятельность по созданию проектов медиакомьюнити позволяет в должной мере сформировать у них компетенции, востребованные для будущей профессиональной деятельности, получить бесценный опыт работы в медиасфере. Медиакомьюнити в целом можно определить как комплексный центр, предоставляющий комплекс услуг и программ по продвижению медиаграмотности среди молодёжи как внутри организации, так и далеко за её пределами [18].

Творческо-производственная лаборатория МедиаHub Алтайского государственного университета с её техническим оснащением выступает площадкой для формирования профессиональных компетенций и создания благоприятного имиджа университета и региона в целом. Центр сотрудничает со школами Алтайского края, проводит творческие встречи со школьниками, организует мастер-классы, на которых учащиеся сами пробуют создать контент. Руководство школ и центра заинтересовано в сотрудничестве. Передача знаний и опыта от студентов направлений «Медиакоммуникации», «Реклама и связи с общественностью», «Журналистика» способствует укреплению связи между студенческим поколением и поколением школьников, повышает уровень медиаграмотности и вовлечённости в структуру медиасреды, что способствует дальнейшему развитию в ней их как медиаспециалистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интеграция медиацентров в структуру современных школ России является важным этапом в процессе модернизации образовательной системы и способствует не только улучшению качества образовательного процесса, но и формированию у школьников навыков критического восприятия информации. В условиях стремительного развития

информационных технологий и глобализации медиацентры становятся незаменимым инструментом для создания инновационной образовательной среды, которая способствует развитию медиаграмотности и способности анализировать различные информационные потоки.

Исследование впервые показало, что успешная интеграция медиацентров в школьную практику требует комплексного подхода, включающего развитие соответствующей инфраструктуры, подготовку педагогов и внедрение эффективных методов использования медиаресурсов в образовательном процессе. Важно, чтобы медиацентры выполняли не только функцию доступа к информации, но и стали центром формирования медиакультуры, стимулируя у учащихся развитие критического мышления и способности к самостоятельному анализу информации.

Рекомендации, выработанные в рамках исследования, направлены на совершенствование структуры медиапотребления в школах и создание условий для эффективного использования медийных технологий. Внедрение медиацентров в образовательную практику влечёт за собой значительные изменения, которые способствуют подготовке школьников к активному участию в информационном обществе, где способность грамотно работать с информацией является одной из ключевых компетенций.

Таким образом, работа студенческого медиацентра играет важную роль в формировании у студентов личностных и профессиональных компетенций. Эти компетенции включают в себя ориентацию на результат, развитие коммуникативных и управленческих навыков, а также когнитивных способностей, таких как аналитическое и критическое мышление, способность к решению комплексных задач и принятию обоснованных решений. Ключевыми аспектами деятельности медиацентра являются определение целей и стратегий, проведение анализа целевой аудитории, разработка контент-планов, создание и продвижение контента, регулярный анализ эффективности работы и сбор обратной связи. Студенческие медиа оказывают существенное влияние на образо-

вательный процесс, активизируя участие студентов в жизни университета и расширяя их возможности для самовыражения и взаимодействия с социумом.

Список источников

1. Ягодкина М.В. Коммуникативные аспекты современной медиасферы // Царскосельские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: Ленинград. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2017. С. 329-332. <https://elibrary.ru/yovgvdv>
2. Романов И.В., Матанис В.А. Медиацентр в современной образовательной организации: цели и задачи деятельности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-4. С. 36-39. <https://elibrary.ru/yjxgdx>
3. Зинченко В.С. Опыт создания и функционирования регионального молодёжного медиацентра // Журналистика в глобальном мире: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2022. С. 172-174. <https://elibrary.ru/jryhrm>
4. Кузьмина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп. 2011. № 1. Ст. 10. <https://elibrary.ru/ohkhhbz>
5. Геворгян А.А., Нариманян Н.А. Студенческие СМИ в эпоху цифровизации (из опыта создания студенческого англоязычного мультимедийного издания) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 2. С. 148-151. <https://elibrary.ru/ynxcbx>
6. Бучатский А.Н., Колесов А.К., Курбатов Д.А. и др. Особенности проблематики медиа в контексте современного образования // Научно-образовательная информационная среда XXI века: сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, Петрозавод. гос. ун-т, 2014. С. 20-25. <https://elibrary.ru/tcpsjv>
7. Викулова Л.Г. Печатный журнал как инструмент развития коммуникативной культуры подростка // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании: сб. науч. тр. Краснодар: КубГУ, 2018. С. 71-78. <https://elibrary.ru/xulrfj>
8. Иванова П.Г. Студенческий медиацентр как координатор медийной активности студенческого сообщества университета // Теория журналистики: от традиционного газетоведения до современного медиазнания: сб. материалов Студенческих науч. чтений. Екатеринбург: Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2023. С. 140-143. <https://elibrary.ru/gamvkt>
9. Вовк Е.В., Везетиу Е.В. Медиацентр как медиаобразовательная технология по формированию коммуникативных компетенций студента вуза // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98). С. 224-226. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-198-224-226>, <https://elibrary.ru/mcdwai>
10. Новикова Т.Е. Медиацентр как площадка для профессиональной подготовки будущих специалистов в области средств массовой коммуникации: опыт Института филологии и журналистики ННГУ // Региональная школа журналистики: векторы исследования: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Нижний Новгород: Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 80-84. <https://elibrary.ru/iygwzk>
11. Mitchell W.J.T. Showing seeing: a critique of visual culture // Journal of Visual Culture. 2002. Vol. 1. № 2. P. 165-181. <https://doi.org/10.1177/147041290200100202>
12. Мендельбаум Я. Факультетские издания как элемент системы СМИ вуза // Актуальные проблемы журналистики: сб. тр. молодых учёных. Томск: Изд-во НТЛ, 2013. 164 с.
13. Ташмухамедова Г.Х. Медиацентруниверситета как база для создания нового цифрового контента // Современное образование. 2021. № 2 (99). С. 24-28. <https://elibrary.ru/abgkln>
14. Левинская А.Р. Медиацентр как форма студенческого самоуправления // Формирование профессионализующей среды в условиях учебно-воспитательного процесса вуза: сб. материалов II открытой науч.-практ. конф. Пермь: Перм. гос. гум.-пед. ун-т, 2014. С. 36-37. <https://elibrary.ru/uvtwlv>
15. Речкина А.В. Медиацентр как часть ЦОС // Социально-гуманитарные знания. № 2. 2022. С. 344. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.2.51803>, <https://elibrary.ru/kiynoz>
16. Чалкина М.В. Медиацентр как структура, обеспечивающая продвижение образовательного учреждения в медиaprостранстве // Научный журнал. 2020. № 4 (49). С. 63-65. <https://elibrary.ru/frglyo>
17. Мамедова М.К., Васильева К.А., Белолипецкая А.И. Медиацентр как инструмент развития профессиональных компетенций студентов // Современные тенденции, проблемы и пути развития физической культуры, спорта, туризма и гостеприимства: сб. материалов XVII Междунар. науч.-практ. конф. Москва: ООО «НКЦОбразование», 2023. С. 438-442. <https://elibrary.ru/rtmada>

18. Ваккер П.А. Организация работы медиакомьюнити в высших учебных заведениях (на примере Алтайского края) // Журналистика будущего: Диалог в Метавселенной: сб. науч. ст. и материалов I Ме-
диафорума исследователей и практиков. Казань: Логос-Пресс, 2024. С. 24-30. <https://elibrary.ru/tlongj>

References

1. Yagodkina M.V. Communicative aspects of modern media sphere. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Tsarskosel'skie chteniya» = Proceedings of the International Scientific Conference "Tsarskoye Selo Readings"*. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2017, pp. 329-332. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yovgdv>
2. Romanov I.V., Matanis V.A. Media Center in a Modern Educational Organization: Goals and Objectives of Activity. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Current Problems of Humanities and Natural Sciences*, 2017, no. 4-4, pp. 36-39. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yjjxgx>
3. Zinchenko V.S. Experience of creating and functioning a regional youth media center. *Materialy 4 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Zhurnalistsika v global'nom mire» = Proceedings of the 4th International Scientific-Practical Conference "Journalism in a Modern World"*. Rostov-on-Don, AkadeMLit Publ., 2022, pp. 172-174. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jryhrm>
4. Kuzmina N.A. Intertextuality and precedent as a basic cognitive categories of media discourse. *Mediascope = Mediascope*, 2011, no. 1, Art. 10. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ohkhhbz>
5. Gevorgyan A.A., Narimanyan N.A. Student media in the era of digitalization (the experience of creating a student English-language multimedia edition). *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta = Pyatigorsk State University Bulletin*, 2020, no. 2, pp. 148-151. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ynxcbx>
6. Buchatskii A.N., Kolesov A.K., Kurbatov D.A. et al. Features of media issues in the context of modern education. *Sbornik materialov 8 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauchno-obrazovatel'naya informatsionnaya sreda XXI veka» = Collection of Materials of the 8th International Scientific-Practical Conference "Scientific and Educational Information Environment of the 21 Century"*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014, pp. 20-25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tcpsjv>
7. Vikulova L.G. Print magazine as a tool for developing adolescent communicative culture. *Sbornik nauchnykh trudov «Kognitivno-diskursivnoe prostranstvo v sovremennom gumanitarnom znanii» = Collection of Scientific Works "Cognitive and Discursive Space in Humanitarian Knowledge"*. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2018, pp. 71-78. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xulrfj>
8. Ivanova P.G. Student media center as a coordinator of media activity of the university student community. *Sbornik materialov Studencheskikh nauchnykh chtenii «Teoriya zhurnalistiki: ot traditsionnogo gazetovedeniya do sovremennogo mediaznaniya» = Collection of Materials of Student Scientific Readings "Journalism Theory: From Traditional Newspaper Studies to Modern Media Studies"*. Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin Publ., 2023, pp. 140-143. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gamvkt>
9. Vovk E.V., Vezetiu E.V. Media center as a media educational technology for the formation of communicative competencies of a university student. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2023, no. 1 (98), pp. 224-226. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-198-224-226>, <https://elibrary.ru/mcdwai>
10. Novikova T.E. Media center as a platform for professional training of future specialists in the field of mass communication: the experience of the institute of philology and journalism of UNN. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Regional'naya shkola zhurnalistiki: vektory issledovaniya» = Collection of Articles of the International Scientific-Practical Conference "Regional School of Journalism: Vectors of Research"*. Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod Publ., 2022, pp. 80-84. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iygwzk>
11. Mitchell W.J.T. Showing seeing: a critique of visual culture. *Journal of Visual Culture*, 2002, vol. 1, no. 2, pp. 165-181. <https://doi.org/10.1177/147041290200100202>
12. Mendelbaum YA. Faculty publications as an element of the university media system. *Sbornik trudov molodykh uchenykh «Aktual'nye problemy zhurnalistiki» = Collection of Works of Young Scientists "Relevant Problems of Journalism"*. Tomsk, NTL Publ., 2013, 164 p. (In Russ.)
13. Tashmukhamedova G.Kh. Media center of the university as a base for creating new digital content. *Sovremennoe obrazovanie = Modern Education*, 2021, no. 2 (99), pp. 24-28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/abgkln>

14. Levinskaya A.R. Media center as a form of student self-governance. *Sbornik materialov 2 otkrytoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Formirovanie professionaliziruyushchei sredy v usloviyakh uchebno-vospitatel'nogo protsessa vuza»* = *Collection of Materials of the 2d Open Scientific-Practical Conference "Development of Professionalizing Environment in the Conditions of Educational Process of Higher Education Institution"*. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 2014, pp. 36-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uvtwlv>
15. Rechkina A.V. Media center as part of DSP (digital educational environment). *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* = *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 2, 2022, pp. 344. (In Russ.) <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.2.51803>, <https://elibrary.ru/kiynoz>
16. Chalkina M.V. Media center as a structure for promoting an educational institution in the media space. *Nauchnyi zhurnal* = *Scientific Journal*, 2020, no. 4 (49), pp. 63-65. (In Russ.) <https://elibrary.ru/frglyo>
17. Mamedova M.K., Vasileva K.A., Belolipetskaya A.I. Media center as a tool for developing professional competencies of students. *Sbornik materialov 17 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennye tendentsii, problemy i puti razvitiya fizicheskoi kul'tury, sporta, turizma i gostepriimstva»* = *Collection of Materials of the 17th International Scientific-Practical Conference "Modern Tendencies, Problems and Ways of Development of Physical Culture, Sport, Tourism and Hospitality"*. Moscow, «NKTS Obrazovanie» LLC, 2023, pp. 438-442. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rtmada>
18. Vakker P.A. Organization of the media community in higher educational institutions (on the example of the Altai territory). *Sbornik nauchnykh statei i materialov I Mediaforuma issledovatelei i praktikov "Zhurnalistika budushchego: Dialog v Metavselenoi"* = *Collection of Scientific Articles and Materials of the 1st Media Forum of Researchers and Practitioners "Journalism of the Future: Dialogue in the Metauniverse"*. Kazan, Logos-Press Publ., 2024, pp. 24-30. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tlongj>

Информация об авторе

БАККЕР Полина Андреевна, аспирант, кафедра медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0004-3009-3022>, vpa@mc.asu.ru

Поступила в редакцию 23.12.2024

Поступила после доработки и рецензирования 02.05.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Polina A. Vakker, Post-Graduate Student, Media Communications, Advertising and Public Relations Technologies Department, Altai State University, Barnaul, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0004-3009-3022>, vpa@mc.asu.ru

Received 23.12.2024

Approved after reviewing and revision 02.05.2025

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 801.6

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-503-510>

Шифр научной специальности 5.9.1

**Рецензия на монографию:
Темиршина О.Р. Егор Летов: язык и мир. Опыт
психолингвистического подхода к поэзии. Санкт-Петербург:
Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2024. 608 с.**

Марина Анатольевна Дубова

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
140410, Российская Федерация, Московская обл., г. Коломна, ул. Зелёная, 30

 dubovama@rambler.ru

Аннотация

Дана рецензия на монографию О.Р. Темиршиной, посвящённую психолингвистическому анализу поэзии Егорова Летова, включённой в широкий культурный контекст. Исследователь предлагает в качестве «методологического» ключа к летовской поэтике анализ связи языка музыканта и его модели мира. В поле научного интереса автора рецензии включены такие особенности поэтической картины мира Е. Летова, как категория эмотивности, тяготение к безличности, установка на выражение внутреннего переживания, психолингвистические механизмы передачи эмоций, телесный код, пространственно-динамическая модель, звукообразы и мотивно-образные кластеры.

Ключевые слова: Егор Летов, психолингвистический анализ, модель мира, язык

Для цитирования: Дубова М.А. Рецензия на монографию: Темиршина О.Р. Егор Летов: язык и мир. Опыт психолингвистического подхода к поэзии. Санкт-Петербург: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2024. 608 с. // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 503-510. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-503-510>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-503-510>

OECD 6.02; ASJC 1208

**Monograph review: Temirshina O.R. Egor Letov: Language
and world. An experience of a psycholinguistic approach to poetry. St. Pe-
tersburg, Publishing and Trading House “Skifiya”, 2024, 608 p.**

Marina A. Dubova

State University of Humanities and Social Studies
30 Green St., Kolomna, Moscow Region, 140410, Russian Federation

 dubovama@rambler.ru

Abstract

The author reviews the monograph by O.R. Temirshina, devoted to the psycholinguistic analysis of poetry of Egorov Letov, which is included in a broad cultural context. As a “methodological” key to Letov’s poetics the researcher offers an analysis of the connection between the author’s language and his model of the world. The author’s field of scientific interest includes such features of the poetic picture of the world of E. Letov as the category of emotiveness, gravitation towards im-

personality, the focus on expressing internal experience, psycholinguistic mechanisms for transmitting emotions, body code, spatial-dynamic model, sound images and motivic-figurative clusters.

Keywords: Egor Letov, psycholinguistic analysis, world model, language

For citation: Dubova, M.A. Monograph review: Temirshina O.R. Egor Letov: Language and World. An Experience of a Psycholinguistic Approach to Poetry. St. Petersburg, Publishing and Trading House "Skifiya", 2024, 608 p. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):503-510. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-503-510>

Рецензируемая монография¹ посвящена «уникальной поэтической вселенной Егора Летова» (с. 4) – музыканта и поэта, художественное влияние которого «ощущается в самых различных сферах – от рока и рэпа до профессиональной «бумажной» поэзии» (с. 9). Героем своей книги О.Р. Темиршина делает весьма неоднозначную фигуру «консенсуса и конфликта» (с. 9).

Композиционно монография состоит из пяти частей, поделённых на главы, связанных друг с другом единством общего исследовательского сюжета, отражающего логику авторского постижения поэтического творчества Е. Летова, которое изучается с привлечением психолингвистического инструментария.

Авторское введение определяет основные векторы и узловые моменты в поэтической вселенной Е. Летова – культовой фигуры, влияние которой, по мнению О.Р. Темиршиной, далеко выходит за пределы своего времени. Во многом именно невозможность вписать Летова в разнообразные историко-культурные системы, которая объясняется противоречивостью его поэтики, с одной стороны, оперирующей сложными авангардистскими концептами, а с другой – характеризующейся мнимой простотой текстов, буквально «ушедших в народ», и делает фигуру музыканта столь привлекательной, равно как и сложной для постижения.

Именно этот факт определяет и главную цель книги – «выявить принципы создания суггестивных, «сложно-простых» текстов» (с. 16) Е. Летова. Её решение задаёт два

главных методологических ориентира исследования: лингвистику и психологию, позволяющих выявить закономерности когнитивно-психологического порядка. Без сомнения, основные теоретические построения отечественных психолингвистов, начиная с Л.С. Выготского, позволили определить ключевые функции поэтического текста, обуславливающие его структуру. Более того, ключевые установки монографии соотнесены с широким объектным полем когнитивной лингвистики, поскольку в центре внимания оказывается процесс исследования путей и способов претворения в художественном тексте авторской модели мира, содержащей глубинные личностные смыслы.

Материал монографии структурирован на основе принципа «от простого к сложному», в соответствии с которым первую часть книги можно читать и понимать и без специальной филологической подготовки, тогда как для постижения последующих частей без специальных знаний не обойтись.

Осевым понятием исследования является понятие модели мира, которое учёный трактует как «систему личностных смыслов, воплощаемую на разных уровнях поэтического текста и сопрягаемую с двумя фундаментальными сферами: субъект и образ пространства» (с. 18). Последовательное раскрытие этого понятия, углубление и приращение его семантики и определяет построение глав каждой части книги.

Основную исследовательскую концепцию, многократно акцентируемую в монографии автором, можно сформулировать следующим образом: «грамматические сдвиги и смысловые деформации отмечают самые важные, личностно значимые участки миромодели» (с. 19) Егора Летова. Отсюда вытекает важнейшая гипотеза исследования –

¹ Темиршина О.Р. Егор Летов: язык и мир. Опыт психолингвистического подхода к поэзии. Санкт-Петербург: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2024. 608 с. <https://elibrary.ru/nwsaod>. Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

«главным способом выражения глубинных личностных смыслов в лирике музыканта становится внутренняя речь» (с. 19).

Во введении трактуются основные научные понятия, которыми автор в дальнейшем будет оперировать, постепенно раскрывая и усложняя их структуру. К ним относятся модель мира, пространственно-динамическая модель, личностные смыслы, определяется методология исследования, основу которого составляет психолингвистический подход, выявляющий связь модели мира, задающей специфику индивидуальной прототипической ситуации и особенности художественной коммуникативной ситуации, и поэтического текста.

Первая часть исследования **«Онтология. Мир и человек в поэтическом универсуме Егора Летова»** посвящена описанию базовых пространственно-динамических моделей (ПДМ 1 и ПДМ 2) летовской поэзии, реализующихся прежде всего на нарративно-сюжетном уровне и соотнесённых с мотивно-образной парадигмой и тематическими комплексами. Она состоит из трёх глав. В первой из них – **«Инструкция по выживанию. Закрытое пространство (ПДМ 1)»** – анализируется первая пространственно-динамическая модель, включающая в себя «закрытое ограничивающее пространство, соотнесённое с агрессивными силами (тип пространства), пассивного субъекта (тип субъекта), который является неподвижным (способ передвижения)» (с. 38). В главе выделено два подтипа первой пространственно-динамической модели, выявлены и обоснованы причины их трансформации, охарактеризован субъект как многоуровневая конструкция и тип движения. Безусловной заслугой автора является подтверждение сформулированных выводов большим количеством стихотворных текстов, которые подвергаются детальному анализу в соответствии с поставленной задачей. Вторая глава – **«Семь шагов за горизонт. Открытое пространство (ПДМ 2)»** – рассматривает составляющие пространственно-динамической модели 2, в которой также выделяются два подтипа в зависимости от положения субъекта внутри/снаружи относительно пространства, ассоциированного с

ПДМ 2. Открытое пространство предстаёт в разных ракурсах: далёкое, иное, лишённое пределов и границ. Тип движения с центробежного и векторного меняется на ненаправленное и разнонаправленное, равно как претерпевает трансформации субъект, попадающий в это пространство. Третья глава – **«Я весь расстрелян. Тело как метафора аффекта»** – исследует способы воплощения личностных смыслов через парадигму телесных образов и мотивов. Здесь авторское внимание акцентируется на функции пространственно-динамических моделей в лирике Летова «выражать глубоко личностные смыслы, имеющие, по-видимому, эмоциональную природу» (с. 96), а также на самих смыслах, которые в лирических текстах репрезентирует «страдающее, разрываемое, взрывающееся тело, и почему эти образы настойчиво повторяются» (с. 97). Именно на эти вопросы и отвечает третья глава первой части монографии.

О.Р. Темиршина успешно решает задачи данной главы: «реконструировать «эмоциональную физиологию» переживания, развёртывающегося в лирике Летова, выявить ключевые телесные образы-метафоры и вычленировать личностные смыслы, стоящие за ними» (с. 99). Автор исследует содержание аффективного переживания, его реализацию на уровне сюжета и ПДМ, а также способы его языковой объективации на уровне метафор. В центре внимания оказывается узловая для творчества Е. Летова песня «Прыг-скок», концентрирующая «в себе весь магистральный сюжет» (с. 133) его лирики.

Вторая часть – **«Грамматика мира: пространство и субъект в семантико-синтаксической перспективе»** – выявляет «систему «поэтических сдвигов», которые мотивированы пространственно-динамическими моделями, и состоит из четырёх глав. В ней, как и в последующей, третьей части, автор отвечает на вопрос: «подвластно ли невыразимое выражению и какие художественно-лингвистические средства использует Егор Летов, чтобы воплотить свою уникальную модель мира» (с. 138). Особое внимание исследователя акцентируется на субъектно-объектно-предикатной ситуации и способах

её языковой объективации применительно к магистральным сюжетам и мотивно-образной парадигме лирики. Уделяется внимание поэтической грамматике, которая «обобщает» авторскую семантику, обнаруживая свою специфику в грамматических сдвигах, деформациях и аграмматизмах. Опираясь на инструментарий функционально-семантической грамматики, О.Р. Темиршина весьма успешно анализирует грамматический аспект репрезентации ПДМ. **Глава 4. «Поле субъектности и персональности в лирике Егора Летова»** посвящена исследованию грамматических средств, объективирующих «неактивность» летовского субъекта, являющегося игрушкой роковых, стихийных и неконтролируемых сил (п. 1. «Трамвай задавит нас наверняка...»). Субъектность: от распада к безличности), что находит выражение в системе разноуровневых языковых средств: в формах косвенных падежей имён существительных и местоимений (с. 166), в «неопределённо-личных, стихийных и безличных конструкциях» (с. 156). Образ децентрированного субъекта приводит к сдвигам в поле персональности (п. 2. «Их его за мной оно...»). Персональность и субъект-эксперимент), демонстрирующим тяготение Летова к безличности, которые объективируются преимущественно нарушением норм функционирования личных местоимений. Анализируя трансформации субъекта в лирике Летова, автор монографии приходит к образу субъекта-экспериментера, определяющими характеристиками которого являются инактивность и перцептивность, репрезентируемые тяготением к безличности, сломом грамматических структур, приводящим к появлению окказионализмов. **Глава 5. «Тип движения субъекта в зеркале грамматики».** ПДМ 2 акцентирует внимание на грамматическом кодировании и типе движения субъекта, смена которого вербализуется глагольной лексикой. В центре научного интереса О.Р. Темиршиной оказываются транслокальные и интралокальные глаголы, реализующие семантическую оппозицию «перемещение–местонахождение», важную для модели мира поэта (п. 1. «Широко шагает прочь безымянный...»). Транслокальный и

интралокальный типы движения), а также семантическая нагруженность приёма чередования в рамках одного текста родовидовых глагольных форм. Весьма интересным представляется вывод о том, что «структура «СВ–НСВ, НСВ, НСВ...» является нечленимым элементом художественного мышления автора, своеобразной «аспектуально-синтаксической» молекулой, которая задаёт как целостную композицию текстов Летова, так и конструкцию их частей» (с. 196) (п. 2. «Парит себе в небе...»). Глагольная композиция). Вполне закономерно поле субъектности контактирует со сферой пространственно-временного дейксиса, что обусловило появление **главы 6. «Пространство и время»**, где автор убедительно показывает, как деформация субъекта вызывает изменения в пространственно-временной организации поэтического текста. Деформации пространства в стихах Летова происходят на нескольких уровнях: морфологическом, семантико-синтагматическом и тематическом, что объективируется системой разноуровневых языковых средств (с. 208) и наиболее ярко представлено в такой модели сдвинутого пространства, как инсайдаут (п. 1. «Внутри!» Пространственный инсайдаут). Пространственные сдвиги влекут за собой деформации временного характера. В поле зрения исследователя попадают семантически значимые для лирики музыканта категории временного порядка и темпоральности, изменения которых и исследуются в данной главе (п. 2. «Вот вот уж прошёл...»). Деформация временного порядка и темпоральности). Логичным продолжением шестой главы и завершением второй части выглядит **глава 7. «Хронотоп и «процессуальный субъект»**. В ней «пространственно-временные «возмущения» изображаются вместе» (с. 223), а не как «независимые феномены» (с. 223) (гл. 6). Авторский интерес здесь связан с произведениями, в которых представлен «иномерный», «плывущий» хронотоп, соотнесённый с образом нестабильного субъекта. Летовский космос выступает производным от образа «внеаходимого» субъекта, пребывающего везде и нигде, внутри и снаружи, что передаётся средствами амбивалентного пространствен-

ного дейксиса, не позволяющего точно определить хронотопическую привязку субъекта (п. 1. «Ты знаешь, трудно держать время на ладонке...»). Пространственно-временные сдвиги). Разговор идёт о трансперсональности летовского героя, которая «инспирирует и комплекс безличности, и процессуальность, и семантику состояния, соотносённую с особым кругом переживаемых эмоций» (с. 232), и находит выражение в тропах и композиции текста (п. 2. Множественный субъект и обратная перспектива).

Если в первой и второй частях монографии субъект был рассмотрен как онтологическая единица, то в третьей части он исследуется как коммуникативная инстанция, то есть носитель определённой «речевой способности», субъект как феномен, выражающий коммуникативную стратегию автора.

Часть 3. «Коммуникативная организация лирики Егора Летова: грамматика, семантика, дейксис» в соответствии с логикой авторского исследования композиционно состоит из двух глав. В главе 8. «**Внутренняя речь как модель поэтического высказывания**» представлен глубокий и разноаспектный анализ такого явления, как внутренняя речь, рассматриваемого с точки зрения семантических границ этого понятия и выполняемых поэтических функций, а также с позиций коммуникативного, грамматического и образного аспектов изучения, что позволяет сделать выводы о самозамкнутости и эгоцентричности летовского субъекта речи. Замкнутый на себе субъект реализует концепцию «уединённого сознания» (В.И. Тютюпа), характерную для исторического авангарда. Тогда как уединённость речевого субъекта обуславливает обращение Летова к форме внутреннего монолога, генетически связанной с внутренней речью (п. 1. Внутренняя речь: границы понятия и поэтическая функция). Коммуникативно-прагматические особенности исследуемых О.Р. Темиршиной поэтических текстов Летова позволяют прийти к выводу о моделировании поэтом особой формы внутренней речи – внутреннего нарратива-монолога, структурно родственного естественному внутреннеречевому «поток». Исследователь обосновывает, что первичной

моделью рассмотренных текстов является внутреннеречевой монолог, специфические черты которого (выпадение тематических структур, подлежащего и смысловая агглютинация внутреннего слова) порождают ситуацию референтной неопределённости высказывания (п. 2. «Спрятаться-то спрятался...»). Коммуникативный аспект внутренней речи). Отдельно рассматриваются семантико-грамматические сбои в поэзии Летова, обусловленные конфликтом личностных смыслов и общеязыковых значений, что находит выражение, во-первых, в «дискоординации» именной и глагольной групп, а во-вторых, в неточном (с позиций узуса) подборе слов (парафразиях), то есть на уровне морфологических трансформаций (п. 3. «Бродячие леса...»). Грамматический аспект внутренней речи). Вполне логично в последнем параграфе главы исследуются изменения структурно-семантической природы внутреннего слова на уровне синтаксических трансформаций, реализующих установку на компрессию смысла, связанную с неправильным расщеплением синтаксического ступка (п. 4. «Кустистый поезд». Образный аспект внутренней речи). Глава 9. «**Дейктическая организация лирики Егора Летова**» раскрывает специфику коммуникативного (п. 1. «Как тот безымянный...»). Коммуникативный план дейксиса) и онтологического (п. 2. «Они наблюдают». Онтологический план дейксиса) планов дейксиса в поэтическом универсуме музыканта. Автор монографии рассматривает «коммуникативную рассогласованность, обуславливающую семантическую асимметрию позиций слушающего и субъекта в установлении референтных значений указательных местоимений и частиц» (с. 316), что, в свою очередь, программирует разворачивание поэтического произведения как «самоадресованного монолога» (с. 321). Произведённый учёным анализ дейксиса в поэзии Летова демонстрирует, что все анализируемые местоимения включают семантику неопределённости, увеличение степени которой напрямую коррелирует со степенью интериоризованности сил, ими обозначаемых, а «изменения дейксиса указывают не только на резко индивидуализи-

рованную картину мира, но и на трансформацию стандартной модели художественной коммуникации» (с. 357).

Часть 4. «Поэтическая эмоция: экспрессивность в лирике Егора Летова» исследует те лексико-семантические черты поэтических текстов, которые, «по-видимому, связаны с фактором эмоции, лежащим за пределами онтологии и художественной композиции» (с. 362). **Глава 10. «Коннотативная метафора и синтаксические монотоны»** посвящена изучению области эмоционального в летовских текстах, которая воплощается с помощью механизмов языковой экспрессивности, рассматриваемой О.Р. Темиршиной с позиций лексико-семантических особенностей (создание коннотативных метафор) (п. 1. «У вас мир как противогаз...»). Седьмой троп) и эмоционального синтаксиса. В поле зрения исследователя попадают повторяющиеся синтаксические конструкции, обладающие мощной индуцирующей силой, что приводит к появлению «интонационного монотона» (п. 2. «Ветер в поле закружил...»). Синтаксические монотоны). **Глава 11. «Телесное слово и механизмы поэтической проективности»** демонстрирует, что телесное может выражаться не только в мотивно-образном плане, но и выступать специфическим стилевым фактором. Исследуются психолингвистические основания регулярных механизмов нарушения семантической сочетаемости, приводящие «к редукции неконкретных сущностей к конкретным материальным признакам» (с. 402), и способы проявления эмотивности на семантико-стилевом уровне. Связь семиотического и телесного, обнаруживаемая в лирике Летова, в которой «модель слова повторяет модель тела, подвергаясь тем же трансформациям» (с. 405), рассматривается на фоне творчества других поэтов (А. Белый, К. Вагинов, В. Маяковский), для лирики которых также характерна близость образов тела и слова (п. 1. «Пернатые радости»). Редукция абстрактного к конкретному). Исследователь выявляет, что устойчивой характеристикой летовского стиля оказывается приписывание эмоционального признака неодушевлённому предмету, что демонстриру-

ет феномен лексической проективности. О.Р. Темиршина объясняет важность проективности для семантики Летова «установкой на экстремальную интроспекцию, исследование внутренней реальности, которая представляет собой опыт чистого эмоционального переживания» (с. 413). Обосновывается вывод о том, что «проективность маркирует феноменологическую работу с внутренним образом-переживанием» (с. 418), при этом «проективные конструкции оказываются семантически производными от модели мира» (с. 418) (п. 2. «Добрые муравейники тишины»). Проективность). В **главе 12 «Звуковая поэтика Егора Летова»** осуществляется переход от крупных единиц изучения – мотивов, образов, синтаксиса – к микроуровню, то есть к звуковой поэтике. Признавая, что звук в поэзии Летова – важнейшее организующее начало, в этой главе автор монографии отвечает на вопросы: каковы функции звуковых повторов в летовской лирике, почему они появляются в таком количестве и как встраиваются в общую модель поэтики Летова. В первом параграфе внимание акцентируется на звукоимовизме, наиболее ярко прослеживаемом в экспериментальных текстах музыканта, тяготеющих «к футуристической зауми кручёныховского толка» (с. 422). Заумь Летова всегда осмысленна, и её осмысленность связана со звукоимовическими элементами. Здесь с помощью артикуляционных средств моделируется либо внешний денотат, либо внутреннее телесно-эмоциональное состояние (п. 1. «Хричим жаром»). Звуковое моделирование внутреннего и внешнего мира). Во втором параграфе анализируется текстуальная функция звука и демонстрируется связь между звуковой поэтикой и опорными словами стихотворений, где звуковая диссоциация опорных элементов трактуется либо как анаграмма, либо как анафония. Формулируется вывод о важности анафонии как разновидности звукового повтора в лирике Летова, выделяются её типы, а также определяется её психолингвистический субстрат (п. 2. «Далекая Офелия»). Звуковое моделирование текста, феномен анафонии). Структурно-функциональный подход к работе Летова с поэтической звуковой

материей дополняется исследованием психологического субстрата звукового повтора, в связи с чем ставится вопрос о психологическом генезисе «поэтической» артикуляции и анафонии. Артикуляционный звуко-символизм и анафония в лирике Летова возводятся О.Р. Темиршиной к внутренней речи с её двойственной образно-словесной природой. Синестезия, проявляющаяся на уровне звуковой поэтики и в области метафоры, соотносящаяся с фактором эмоции, обуславливает перенос визуальных признаков объекта и интероцептивных ощущений на уровень артикуляции (п. 3. Внутренняя речь как психический субстрат «поэтической» артикуляции и анафонии). В последнем параграфе главы рассматривается звук в статусе текстуальной категории, обуславливающей появление звукосемантических комплексов ключевых слов, звуковой метафоры и интонационных монотонов, осложнённых звуковыми повторами (п. 4. Фоносемантические поля и звуковые метафоры).

Последняя, пятая, часть монографии – **«От Ивана Купалы до Маяковского. Лирика Егора Летова в контексте традиции»** – демонстрирует, как в поэзии Егора Летова преломляются традиции русского авангарда и народной культуры, потому что именно эти парадигмы, по мнению автора монографии, наиболее органично вписываются в авторскую модель мира, нацеленную на прагматику действия и акционизм. Этой целевой установкой определяется двухчастное композиционное деление **главы 13. «Поэзия Егора Летова в контексте русского авангарда рубежа XIX–XX веков»**, где выявлена «общая платформа» поэтики музыканта и поэтов-авангардистов рубежа XIX–XX веков, которой стала модель мира, фундирующая в своих основных параметрах (субъект–время–пространство) поэтику авангардистского типа. Исследователь приходит к обоснованному выводу о том, что «в лирике футуристов и обэриутов, как и в поэзии Летова, деформация субъекта приводит к релятивному хронологу и инспирирует комплекс сходных смыслов: аутсайдерство, сумасшествие, тяготение к дизъюнктивности, самоубийство и отчуждение» (с. 500) (п. 1. «Я совсем не по-

хож...»). Концепция субъекта в лирике Егора Летова в проекции на авангардистскую поэзию). Не менее пристальное внимание уделяется изучению релятивного пространства, наделённого у Летова, как и у авангардистов, чертами утопии и тяготеющего к смешению внешнего и внутреннего, а также релятивного времени, связанного с нарушениями временного порядка и трансформациями темпоральности (п. 2. «Поэзия создаёт новый мир». Авангардистский хронолог лирики Егора Летова и концепция искусства).

Последняя в этой части и в монографии в целом **глава 14. «Заговор как одна из формообразующих моделей лирики Егора Летова»** раскрывает связь творчества музыканта наряду с обращением к авангардистским практикам с народной традицией, с которой поэт сближает не только природа его стиха, но и использование в текстах семантических элементов наивной культуры: формул, сюжетных шаблонов, отдельных образов и жанров. Особое внимание исследователь акцентирует на жанре заговора, ставшего своеобразной текстовой моделью для целого ряда знаменитых песен Летова и представляющего в них явление не интертекстуальное, а жанрово-типологическое и ритуально-прагматическое. Таким образом, в творчестве Е. Летова выделяется подкорпус текстов, связанных в единую сверткостекстовую целостность через ритуально-мифологическую символику (п. 1. «Я заклинаю звук». Жанровый прототип заговора в лирике Егора Летова). О.Р. Темиршина выявляет, что заклинательное ядро и нарратив летовского «заговора на смерть» «обрамляются» отсылками к славянским ритуально-магическим практикам. В свою очередь, функция «установление контакта с иным миром» обуславливает интерес к купальской обрядности, задающей возможность магической коммуникации. В ряде случаев заговорная стратегия оказывается формообразующей для поэтики Летова в целом, а в художественной практике поэта органично сочетаются установка на заговорную ситуацию и современный акционизм (п. 2. «Славянские ритуально-магические практики и их отражение в текстах Летова»).

В заключении отмечается, что при поиске современными исследователями разных «методологических» ключей к летовской поэтике, О.Р. Темиршина сосредотачивается лишь на одном аспекте – связи языка автора и его модели мира. Здесь подводятся основные итоги работы, формулируются выводы относительно особенностей поэтической картины мира Е. Летова, к которым, по мнению автора монографии, относятся категория эмотивности, тяготение к безличности, установка на выражение внутреннего переживания, психолингвистические механизмы передачи эмоций, телесный код, пространственно-динамическая модель, звукообразы и мотивно-образные кластеры.

Рецензируемая монография формирует у читателя представление об оригинальности и «своеобычности» (с. 22) летовской поэзии, сложным образом включённой в культурный контекст. Нельзя не согласиться с О.Р. Темиршиной в том, что лирика музыканта органично вписывается в поэтическую традицию

XX века, «оживляя», в частности, темы и структуры русского авангарда 1910–1920-х гг., воплотив многие экспериментальные установки А. Кручёных, А. Введенского, В. Маяковского и др. Особо хочется отметить композиционную целостность и логичность исследовательского сюжета, с одной стороны, поступательно раскрывающего поэтическую вселенную Е. Летова, а с другой стороны, постоянно возвращающегося назад с целью обозначить связи уже исследованных аспектов поэтики с анализируемыми в последующих частях монографии. Без сомнения, предложенный в монографии научный подход может быть полезен и эффективен не только при анализе лирики Е. Летова, но и при исследовании и интерпретации других поэтических практик. Рецензируемая монография имеет важное теоретическое и практическое значение. Востребованность монографии О.Р. Темиршиной научным сообществом не вызывает сомнений.

Информация об авторе

ДУБОВА Марина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Московская область, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-6906-1002>, dubovama@rambler.ru

Поступила в редакцию 01.12.2024

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Marina A. Dubova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Russian Language and Literature Department, State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Moscow Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6906-1002>, dubovama@rambler.ru

Received 01.12.2024

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 655.552

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-511-515>

Шифр научной специальности 5.9.5

**Рецензия на учебник: Сулейменова Э., Алтынбекова О.,
Екшембеева Л., Сабитова З. Морфология современного
русского языка. Алматы: Қазақ университеті, 2024. 378 с.**

Атиркуль Егембердиевна Агманова

НАО «Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева»

Республика Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, 2

 agmanova@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-511-515>

OECD 6.02; ASJC 1203

**Review of the textbook: Suleimenova E., Altynbekova O.,
Ekshembeeva L., Sabitova Z. Morphology of the modern
Russian language. Almaty, Kazakh University, 2024, 378 p.**

Atirkul E. Agmanova

L.N. Gumilev Eurasian National University

2 Satpayev St., Astana, 010008, Republic of Kazakhstan

 agmanova@mail.ru

В 2024 г. вышел в свет новый учебник по морфологии современного русского языка, авторами которого являются известные казахстанские лингвисты доктора филологических наук, профессора Элеонора Дюсеновна Сулейменова, Ольга Баймухановна Алтынбекова, Людмила Владимировна Екшембеева, Зинаида Какбаевна Сабитова. Учебник «Морфология современного русского языка» предназначен для студентов бакалавриата филологических факультетов высших учебных заведений¹. Как отмечают авторы,

«учебный материал адаптирован к условиям казахстанской образовательной модели высшего профессионального лингвистического образования с учётом специфики языковой ситуации и практики преподавания курса морфологии на филологических факультетах высших учебных заведений Республики Казахстан»².

Рецензируемый учебник обладает рядом отличительных особенностей, касающихся как его структуры, так и содержания, определяющих новаторство и оригинальность издания. Авторы придерживаются традиционной последовательности описания морфологической структуры русского языка по

¹ Рекомендован к использованию в организациях высшего и послевузовского образования Республики Казахстан решением Учебно-методического объединения Республиканского учебно-методического совета на базе КазНУ имени аль-Фараби и заседания секции «Языки и литература». Протокол № 3 от 15 ноября 2022 года.

² Морфология современного русского языка: учебник / Э. Сулейменова, О. Алтынбекова, Л. Екшембеева, З. Сабитова. Алматы: Қазақ университеті, 2024. С. 2.

частям речи. Однако описание частей речи в традиционно принятом порядке (самостоятельные части речи, служебные части речи, междометие, звукоподражательное слово) предваряется параграфом § 1 «Типологическая характеристика морфологического строя русского языка», в котором рассматриваются основные типологические признаки русского языка как представителя флективного типа, а также отмечаются такие свойства политипологичности, как встречающиеся случаи агглютинативной аффиксации, использования аналитического способа и наличие морфологически неизменяемых слов. Кроме того, приводится ряд специфических особенностей, отличающих русский литературный язык на фоне типологических и генетически общих свойств славянских языков. Такая модель представления материала является несомненным достоинством учебника, поскольку в дальнейшем в ходе изучения конкретных грамматических форм способствует более глубокому и осознанному пониманию структурных особенностей современного русского языка.

В рецензируемом учебнике освещаются все основные вопросы морфологии современного русского языка. В разделе «Морфология как раздел грамматики» основные термины и понятия, определяющие метаязыковую базу описания морфологической системы русского языка, последовательно представлены в следующих параграфах: § 2. Морфология как наука о грамматическом строе языка; § 3. Морфология как учение о форме слова; § 4. Форма слова и лексема; § 5. Парадигма; § 6. Грамматическое значение; § 7. Грамматическая категория; § 8. Части речи как грамматические классы слов. В последующих разделах, с учетом трёх признаков (семантического, морфологического и синтаксического), даётся описание частей речи.

1. Самостоятельные части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, слова категории состояния, модальные слова.

2. Служебные части речи: предлог, союз, частица.

3. Междометия.

4. Звукоподражательные слова.

В конце учебника приводятся схемы морфологического разбора частей речи и литература.

Одним из основных требований к изданиям подобного рода является структурирование материала учебника в соответствии с объёмом учебной нагрузки, поэтому его распределение в рамках семестрового изучения данной дисциплины требует очень внимательного и строгого отбора. Учебный материал курса представлен в виде основного теоретического (лекционный курс), дополнительной теоретической информации – в качестве базы для организации самостоятельной работы студентов и сведений теоретического характера для выполнения тех или иных практических заданий. Каждый раздел чётко структурирован и включает в себя 2 части: теоретическую и практическую. Первая часть представляет собой краткий теоретический курс, содержащий базовые темы дисциплины. Теоретическая часть завершается контрольными вопросами, направленными на обобщение и проверку усвоения изученного материала. Вторая часть представлена в форме заданий и упражнений, которые могут быть использованы как для организации разных видов аудиторной, так и самостоятельной работы, предусмотренных кредитной системой обучения.

Таким образом, структура учебника логически последовательна, по уровню сложности соответствует дидактическим принципам преемственности, систематичности, последовательности, доступности обучения.

Содержание учебника соответствует целям и задачам изучения учебной дисциплины «Морфология современного русского языка», которая является обязательным компонентом в цикле профилирующих дисциплин для специальностей бакалавриата «Русский язык и литература», «Русский язык и литература в школах с казахским языком обучения» и «Русская филология».

Продуктивная организация деятельности обучающихся (как научной, так и учебно-методической) зависит от того, насколько удачно структурирован теоретический материал. В представленном учебнике прослеживается стройная, логичная структура, едино-

образии в композиции и содержательной наполненности частей и разделов.

Теоретическая часть, содержащая основные сведения о морфологической системе русского языка, отличается лаконичностью изложения и, в то же время, аналитической информативностью, обоснованностью, что подкрепляется в том числе фактами новейших современных исследовательских данных. В содержании учебника отражены наиболее актуальные концепции в области морфологии современного русского языка, соответствующие современным научным представлениям, рассмотрены различные подходы и точки зрения по спорным вопросам, не нашедшим однозначного решения в науке (выделение слов категории состояния, модальных слов, междометий, звукоподражательных слов в особые части речи; вопрос о местоимении и их классификация по соотношению с другими знаменательными частями речи; неопределённо-количественные слова; вопрос о включении в разряд прилагательных порядковых числительных, местоимений, причастий, неизменяемых слов; вопрос о количестве падежей и др.). Следуя существующей традиции описания грамматических классов современного русского языка, авторы особое внимание уделяют переходным явлениям внутри чётко выделяемых разрядов слов и их форм. Их описание и интерпретация базируются на известных в современной лингвистике концепциях. Примеры, иллюстрирующие те или иные грамматические явления русского языка, взяты из классической русской и казахской литературы, произведений современных авторов, публицистических источников, а также из Национального корпуса русского языка. Следует отметить оригинальность данной части учебника, представляющей собой новый фактический материал, интересный по содержанию и разнообразный по форме и источнику, ярко демонстрирующий специфику онтологической природы и функциональных особенностей рассматриваемого языкового материала. Среди примеров везде есть образцы, отражающие факты истории и культуры Казахстана, а также его современные реалии.

Эффективность усвоения, обобщение и систематизация пройденного материала обеспечиваются благодаря обобщающим таблицам, схемам и заданиям, предусматривающим их использование в процессе подготовки по соответствующим темам.

В структуре учебника привлекает внимание особая рубрика «Культура речи», материал которой непосредственно связан с нормами произношения, образования и употребления грамматических форм, рассматриваемых в соответствующих разделах (например, с. 47 «Род несклоняемых и сложносокращённых существительных», с. 136 «Ударение в полных и кратких прилагательных», с. 194 – случаи неверного произношения глаголов: тенденция переносить ударение с окончания на корень или приставку и др.). Несомненно, включение авторами наиболее актуального с точки зрения культуры речи материала в ткань теоретического изложения той или иной темы по морфологии – правильное решение, заслуживающее всяческого одобрения. Данная рубрика гармонично сочетается с содержанием как теоретической, так и практической частей книги, способствуя формированию важных профессиональных компетенций будущего педагога-русиста.

Одним из главных компонентов, несущих в себе развивающий потенциал, считаем вопросы для самоконтроля к темам, призванные закрепить теоретический материал. Эти вопросы и задания по каждой теме формируют умения самостоятельной работы с информацией, укрепляют навыки отбора и систематизации материала. Всё указанное выше напрямую влияет на развитие познавательных интересов обучающихся, помогает развивать логическое мышление, выявлять интеллектуальный потенциал и реализовывать свою научную активность.

Особо следует отметить практическую часть, представленную оригинальными упражнениями и заданиями, требующими не только глубокого осмысления пройденного теоретического материала, но и критического мышления, анализа и творческого подхода.

Содержащиеся в учебнике задания, связанные с подготовкой сообщений, рефератов

на определенные темы с использованием предложенных библиографических источников, изложением и анализом концепций в области морфологии современного русского языка, направлены на формирование у обучающихся навыков анализа, синтеза, аргументации собственной позиции по рассматриваемой проблеме. В этой связи особого внимания заслуживают задания, содержащие высказывания известных учёных по рассматриваемой проблеме, которые требуется прокомментировать и высказать своё аргументированное мнение (например, с. 90, задание 26: *Прокомментируйте высказывание Т. Радибиля: «Далеко не всегда в русском языке числовое противопоставление выражает реальную единичность/множественность предметов: снег/снега, бег/бега, шум/шумы». Какие значения выражаются в этих примерах?»; с. 313, задание 1: Прочитайте фрагмент работы В.В. Виноградова. Почему учёные соотносят модальные слова с наречиями? Какой комментарий дал В.В. Виноградов? Какой вывод можете сделать вы о языковой природе модальных слов? и др.). Подобные задания способствуют расширению кругозора студентов, более глубокому и критическому осмыслению проблемы, осознанному усвоению изучаемого материала.*

Овладение понятийно-терминологическим аппаратом морфологии – одна из важных задач курса, реализация которой базируется в учебнике на чётко структурированных определениях тех или иных понятий, систематизации значений терминов и их интерпретации в контексте разных подходов и научных школ, а также практических заданиях, предполагающих анализ содержания терминов (например, с. 83, задание 6: *Прочитайте термины, обозначающие лексико-грамматические разряды существительных. Прокомментируйте их внутреннюю форму. Как во внутренней форме терминов отражается их значение?»; с. 93, задание 31: Объясните внутреннюю форму терминов грамматическая, лексико-грамматическая, словоизменяющая, несловоизменяющая категория? Что они обозначают? Почему категории одушевлённости/неодушевлённости и рода существительного являются лексико-*

грамматическими категориями, а категории числа и падежа – грамматическими?).

В учебнике удачно реализованы научная и дидактическая функции. Рецензируемый труд обеспечивает проблемный характер обучения, его исследовательскую направленность, реализует индивидуальный подход к студенту в рамках коллективной формы учебного процесса. Разработанные авторами задания дают возможность преподавателю разнообразить методы диагностики, добиться более точной картины усвоения теоретических сведений.

Аппарат усвоения в учебнике эффективен, поскольку содержит разные формы организации учебной деятельности студентов: вопросы теоретического и практического характера, разные виды упражнений, стихотворные и прозаические тексты и задания к ним, памятки, логико-синтаксические схемы. Кроме того, студентам помимо анализа морфологических единиц и контекстов их употребления, тренировочных упражнений предлагаются такие виды заданий, как лингвистический эксперимент; задания, предполагающие применение полученных знаний в конкретных ситуациях общения, позволяющие рассматривать грамматические явления в их конкретной речевой реализации; задания, включающие в поисковую, исследовательскую деятельность.

Учебники нового поколения призваны дать целостную систему знаний, являющихся ориентиром для обучения студентов, и формировать у них умения и навыки самостоятельного нахождения, обработки информации, решения творческих задач. Следует отметить, что содержание данного учебника в полной мере отвечает целям и задачам изучения предмета «Морфология современного русского языка» в контексте модернизации содержания как школьного, так и вузовского образования в Казахстане. Учебник нацелен на эффективную организацию учебного процесса в условиях кредитной технологии обучения. Его оригинальность и методическая ценность определяются разнообразными формами и видами заданий, которые предлагают авторы для эффективного овладения теоретическим материалом и выработки на-

выков самостоятельного анализа языкового материала. Особенностью учебника является его практикоориентированность, направленность на формирование ключевых компетенций, выработку профессиональных навыков будущих учителей русского языка и литературы. Весь комплекс текстового материала и заданий к ним, а также отдельных видов упражнений ориентированы на создание условий для активизации речемыслительной деятельности студентов, вовлечение их в активный познавательный процесс. В учебнике большое количество творческих заданий, которые учат применять полученные знания в процессе решения конкретных учебных задач.

Задания составлены с учётом реализации принципов научности, функционально-коммуникативной направленности, индивидуализации обучения, поэтому учебник открывает возможности изменения форм организации занятий: от фронтальной до работы малыми группами (сосредоточив внимание на решении конкретной проблемы), а также использования смешанных форм. Таким образом, учебник открывает широкие возможности для использования традиционных, активных и интерактивных методов обучения, творческого подхода к использованию разных видов заданий в зависимости от конкретных целей и задач.

Реализация содержания в учебнике проводится с помощью различных видов текстового, иллюстративного и графического мате-

риала, в тексте учебника применяются шрифтовые выделения (курсив, жирный шрифт и разрядка).

Учебник был рекомендован Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан к использованию в высших учебных заведениях и педагогических колледжах студентами, обучающимися по специальностям «Русский язык и литература», «Русский язык и литература в школах с казахским языком обучения».

Выход в свет книги «Морфология современного русского языка», подготовленной авторитетным в научно-педагогическом сообществе авторским коллективом, известными казахстанскими учёными, педагогами высшей школы – профессорами Э. Сулейменовой, О. Алтынбековой, Л. Экшембеевой, З. Сабитовой, отвечает насущным задачам и потребностям современной системы высшего образования, учебник весьма востребован, его лингвометодическая ценность и практическая значимость очевидны.

Данный опыт создания учебника отражает авторскую модель описания морфологического строя русского языка, содержит не только ценный теоретический и фактический материал, демонстрирующий закономерности функционирования языковых единиц в динамике, с учётом особенностей современного казахстанского дискурсивного пространства, но и представляет интерес для педагогов-русистов с точки зрения реализованных в нём важных лингвометодических задач.

Информация об авторе

АГМАНОВА Атиркуль Егембердиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-9285-0824>, agmanova@mail.ru

Поступила в редакцию 28.04.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Information about the author

Atirkul E. Agmanova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department, L.N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-9285-0824>, agmanova@mail.ru

Received 28.04.2025

Accepted 29.05.2025

Print ISSN [2587-6953](#)
Online ISSN [2782-5868](#)
DOI: [10.20310/2587-6953](#)

Научно-теоретический журнал

Неофилология

2025. Т. 11. № 2

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Государственная регистрация: Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70137 от 16 июня 2017 г.

Редакция:

Главный редактор *А.С. Щербак*
Ответственный секретарь *И.В. Ильина*
Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*
Редактор английских текстов *Н.А. Михайлова*
Администраторы сайта: *М.И. Филатова, Н.А. Михайлова*

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции: 8(4752)72-34-34 доб. 0440
Электронная почта редакции: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru

Подписано в печать 06.06.2025. Дата выхода в свет 09.06.2025
Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman».
Печать на ризографе. Печ. л. 37,0. Усл. печ. л. 35,9.
Тираж 1000 экз. Заказ № 25110. Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов
Компьютерная вёрстка: *М.И. Филатова*

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 190г.
Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Информацию о журнале «Неофилология» см. на веб-сайте: <https://neophilology.elpub.ru>

